

Грязь на девятой могиле

ДАРИНДА ДЖОНС

Автор бестселлеров по версии "New York Times"

Даринда Джонс — Грязь на девятой могиле

Перевод — Eurhony

Редактирование — RuSa

В маленьком городишке в штате Нью-Йорк живет и работает в закусочной некто Джейн Доу — девушка, которая ничего о себе не помнит. Постепенно она начинает понимать, что видит мертвых людей, а такие новости кого угодно ошарашат. Однако самое странное — в ее жизни один за другим появляются люди, которые, похоже, что-то о ней знают, но ничего не рассказывают. Зато постоянно лгут и пичкают бедняжку полуправдами. А вскоре она ощущает нечто очень опасное — огромную силу, появление которой, разумеется, ничего хорошего ей не сулит.

Среди всех этих странностей есть и положительные моменты. Например, новая подруга, которой, как с самого начала чувствует Джейн, можно довериться, и повар — потрясающе красивый мужчина, от чьей улыбки захватывает дух, и чьи прикосновения обжигают, как самый настоящий огонь. А еще рядом с ним Джейн чувствует себя почти как за каменной стеной.

И все-таки от прошлого не убежать. Чем плотнее сплетается ложь, которой не стесняются даже новые верные друзья, тем сильнее запутывается Джейн. Пока наконец не оказывается лицом к лицу с человеком, утверждающим, что его прислали ее убить. И прислали самые темные во вселенной силы, которые ни перед чем не остановятся, пока она не умрет. Слава богу, у Джейн есть ротвейлер.

Но все это оказывается бесполезным в поисках собственной личности и того, что она когда-то утратила. Для этого потребуются вся храбрость и непонятная сила, которая током течет по венам. И теперь Джейн почти жаль дьявола в синих джинсах — того самого сногшибательного повара, который врет, как дышит. Потому что она решила во что бы то ни стало докопаться до истины, которую он скрывает. Даже если в конце концов кто-то из них погибнет.

Благодарности

Я очень благодарна людям, без которых эта книга была бы настоящим отстоем. Серьезно. Причем во всех мучительных смыслах.

Итак, «спасибы» отправляются:

Александре Макинист, чьи инициалы на самом деле расшифровываются как «А-балденная Магия»;

Дженнифер Эндерлин — за то, что она невероятный редактор и потрясающий черлидер;

Анне Боутман — за поддержку и энтузиазм, которые сложно переоценить;

Индии Купер — за удивительную работу с текстом;

мистеру Джонсу — единственной и неповторимой любви всей моей жизни, и двум прекрасным созданиям — Джердену и Кейси, то бишь могучим парням Джонсам;

всем моим родным, даже тем, кто меня не признает;

сказочным людям с сайта «Heroes and Heartbreakers»;

Саре Уэнделл — за шикарное название группы, и всем из «Smart Bitches, Trashy Books»;

Дане и народу из издательств, которые делают ради книг все, разве что сами их не пишут;

Квентину Линну, который ответил мне на 17 835 вопросов о том, как управлять рестораном;

Марджи Лоусон — за то, что в лучшем смысле беспардонно и вовремя ругала меня за страсть к слову «назад» и за еще большую страсть к слову «задница». А еще за Боберта. Тут моя благодарность не знает границ;

ребятам из «Six Chicks & a Pocket Rooster» — за лучшую неделю в моей жизни!

Марике Гейлман — переводчику от бога. Merci!

Терезе Роджерс за комментарии и за цитату из «Своей игры». За вовремя подставленное надежное плечо.

Кит — за невероятное понимание самой сути и за то, что всегда готова примчаться на помощь.

Джованне и Рианне — лучшим бетам на свете.

Робин Питерман и Донне Макдональд — за то, что вы обалденные и дали мне возможность писать вместе с вами.

Всем-всем из «LERA» и из «RWA».

Моим сестричкам из «Общества красных туфельек».

Гримлетам! За то, что вы — Гримлеты!

И, как всегда, огромное спасибо ТЕБЕ, мой дорогой, удивительный, замечательный читатель, за то, что так же сильно любишь Чарли и Рейеса, как я.

ХОХ

— Д~

Лорелее,

*в список титулов которой входит далеко не полный
представленный ниже перечень:*

Герцогиня Диалога

Императрица Интонации

Виртуоз Голоса

Сирена Устной Речи

Ниндзя Повествования

Суперженищина

Баронесса Бардов

Роковая женищина Художественной литературы

Волшебница Красноречия

Жаркие Губки (во всех смыслах)

Спасибо за то, что делишься своим невероятным талантом с этой серией!

Запомни: никогда не поздно попробовать ЛСД.

Надпись на футболке

Я стояла у столика, наливая кофе в бежевую чашку с надписью «Гриль-бар “У костра”», и думала, стоит ли говорить моему клиенту, мистеру Петтигрю, что рядом с ним сидит мертвая стиптизерша. Видите ли, не каждый день за моими постоянными клиентами увязываются мертвые стриптизерши, но сказать об этом мистеру Пи я все-таки не рискнула. Вдруг он отреагирует так же, как и я, когда месяц назад впервые увидела ходячий труп? Тогда я завизжала, как двенадцатилетняя девчонка, и заперлась в ванной.

На семь часов.

Между прочим, старого плута я обожаю. Мистер Петтигрю — увешанный орденами и медалями ветеран войны. А еще детектив полиции Нью-Йорка. Правда, уже на пенсии. Глаза его повидали немало. И среди прочего — тонны зверств, разврата и отчаяния. Короче говоря, мистер Пи крепкий орешек и настоящий супергерой. Представить не могу, в какой ситуации он стал бы визжать, как двенадцатилетняя девчонка, и запирается в ванной.

На семь часов.

В свою защиту скажу, что первый мертвец, которого я увидела, разбился на смерть на стройплощадке в Каламазу. Падение с тридцати метров и неудачно подвернувшаяся арматура — и в моей коллекции под названием «То, чего нельзя развидеть» на одну картинку больше. Во всем ведь надо находить светлые стороны.

Я положила на стол три упаковки сливок, которые достала из кармана в переднике. Выяснилось, что хранить сливки в кармане джинсов себе дороже.

— Спасибо, Джейни, — игриво подмигнул мне мистер Пи и сдобрил свой кофе.

Этот эликсир я научилась любить больше, чем воздух, картошку-фри и даже гигиену. Но только тогда, когда я поздно просыпаюсь и оказываюсь перед выбором: сделать себе чашечку живой воды или залезть в душ. Странно, наверное, но кофе побеждает. Каждый. Божий. Раз.

Мистер Пи — постоянный клиент, а завсегдатаев я люблю. Когда кто-нибудь из них заходит в кафе, я чувствую себя чуточку менее потерянной и сломленной, как будто в гости приехали родные. Хреново звучит, понимаю, но у меня никого больше нет.

Около месяца назад я, промокшая до нитки, очнулась в переулке. По лицу барабанил дико холодный дождь, а в голове не было ни единого воспоминания. Я не помнила, кто я, где и какой сейчас год. Все, что у меня было, — это одежда на мне, здоровенный бриллиант на безымянном пальце и неопикуемая головная боль. Впрочем, боль довольно быстро испарилась, а вот одежда и обручальное кольцо — нет. И слава богу. Но если я замужем, то где мой муж? Почему до сих пор за мной не приехал?

Этого я жду с самого первого дня, который так и назвала. День Номер Один. И жду уже четыре недели, три дня, семнадцать часов и двенадцать минут. Жду, когда муж меня найдет. Когда меня хоть кто-нибудь найдет.

Наверняка у меня есть родственники. У всех же есть, правда? Ну или на худой конец —

друзья. Однако складывалось впечатление, что нет у меня ни родных, ни друзей. Никто в Сонной Лощине, как и во всем штате Нью-Йорк, не знал, кто я такая.

Однако это не мешало мне всеми изгрызенными ногтями цепляться за мысль, что у каждого на этой планете хоть кто-нибудь, но обязательно есть. А значит, и мой кто-нибудь наверняка где-то там ищет меня и в своих поисках днем и ночью, вдоль и поперек прочесывает нашу галактику.

Всеми фибрами души я лелеяла эту надежду. Надежду на то, что меня найдут. Что я не одинока. Оболочка, которая не давала мне вконец расклеиться, уже была покрыта паутиной трещин, которые день за днем множились и кровоточили, угрожая окончательно разрушить хрупкую поверхность. Я не знала, сколько еще продержусь. Сколько еще пройдет времени, пока давление, нарастающее внутри меня, не выльется в разрушительный взрыв, разорвав мою душу на осколки и запустив их в космос. Пока меня не сотрет с лица земли.

По-моему, вполне возможный сценарий, если уж даже врачи сказали, что у меня амнезия. Представляете? Оказывается, эта фигня бывает на самом деле. Кто бы мог подумать!

Пока мистер Петтигрю изучал меню, которое знал наизусть, я смотрела через здоровенное витринное окно кафешки на два мира сразу. Очнувшись в переулке, я довольно быстро поняла, что вижу то, чего не видят другие. И ладно бы только мертвецов! Видела я еще и их мир. Или измерение. И это измерение вполне сгодилось бы в качестве иллюстрации к словосочетанию «дикость редкая».

Большинство людей видит только материальный, осязаемый мир. Тот, где ветер не проходит насквозь, а бьет по лицу, ногам и рукам. Тот, где слова «продрогнуть до мозга костей» имеют исключительно переносное значение, потому что физические тела живых людей не дадут холоду проникнуть так глубоко.

Но вокруг нас есть и другой мир. Неосязаемый. Тот, где порывы ветра не обволакивают, а просачиваются внутрь точно так же, как дым, видимый только на свету, становится частью воздуха.

Сегодня в осязаемом мире было облачно. Прогноз обещал восьмидесятипроцентную вероятность осадков. Зато в неосязаемом мире гневно клубились тяжелые тучи вкупе со стопроцентной вероятностью грозových штормов и гремучих торнадо в вечной пляске над землей.

А цвета... Изумительные, потрясающие цвета! Вокруг меня сияли такие оттенки оранжевого, красного и фиолетового, каких ни за что не найти в осязаемом мире. В ответ на малейшие реакции капризной погоды они вихрились, сталкивались, смешивались между собой, как будто боролись за первенство. Тени были не серыми, а цвета васильков и лаванды с вкраплениями меди и золота. Вода была не голубой, а всех оттенков орхидей и фиалок, изумрудов и бирюзы.

В паре кварталов от кафе тучи разошлись, и в землю ударил ослепительный луч света, с распростертыми объятиями приветствуя очередную везучую душу, у которой подошел к концу срок годности материального воплощения.

Даже в городишке размеров Сонной Лощины такое случалось довольно часто. Слава богу, гораздо реже случалось прямо противоположное — когда раскалывалась земля, и в разломе открывалась бездонная пропасть, чтобы забрать менее удачливую душу (иными словами, ту, что не заслужила другой участи) во тьму. Но не в какую-нибудь обыкновенную тьму, а в бесконечную непроглядную пустоту, в тысячу раз чернее и глубже самой темной

ночи.

А врачи божатся, что со мной все путем. Но они не видят и не чувствуют того, что вижу и чувствую я. Даже со своей полнейшей амнезией я знаю, что мир перед моими глазами нереальный. Неестественный. Неземной. А еще знаю, что должна держать язык за зубами. Инстинкт самосохранения мотивирует капитально.

Короче говоря, либо у меня какие-то экстрасенсорные способности, либо в юности я переборщила с ЛСД.

— И все-таки он красавчик, — сладострастно вздохнула стриптизерша, вырвав меня из свирепого неосязаемого мира, и прильнула роскошными изгибами к мистеру Петтигрю.

Я решила промолчать о том, что по возрасту он ей в отцы годится. Оставалось только надеяться, что он ей все-таки не отец.

— Его зовут Бернارد, — продолжала барышня и провела пальцем вниз по щеке мистера Пи. Тоненькая бретелька соскользнула с поцарапанного плеча.

Положа руку на сердце, я понятия не имела, чем эта женщина зарабатывала на жизнь. Исключительно судя по внешнему виду, либо стриптизом, либо проституцией. Синих теней у нее на глазах хватило бы покрасить весь Крайслер-билдинг, а пресловутое маленькое черное платье скрывало не больше, чем если бы на ней была пружинка-«радуга». К стриптизу я склонялась только потому, что перед ее платьем держался на липучках.

Люблю липучки, блин.

Само собой, поговорить с женщиной на глазах у мистера Пи я не могла. А жаль. Мне бы хотелось узнать, кто ее убил.

Как она умерла, я уже знала. Ее задушили. На шее виднелись черные и фиолетовые полосы, а в глазах лопнули капилляры, из-за чего белки стали ярко-красными. В общем, тот еще видок. Интересовали меня подробности самой ситуации. Как все произошло, видела ли женщина нападавшего, знала ли его. Что тут скажешь? У меня явно нездоровые наклонности, но где-то в глубине души настойчиво зудело желание помочь стриптизерше.

Впрочем, она ведь уже умерла. Как слабенькая батарейка в лютый мороз. Что я могла для нее сделать?

С самого Дня Номер Один я жила под девизом не совать нос в чужие дела. Потому что меня никоим образом не касается, как призраки умерли, кто их оплакивает, одиноко им или нет. По большей части мертвецы, как осы: я не трогаю их — они не трогают меня. И такое положение вещей меня полностью устраивает.

Но порой при виде мертвецов внутри что-то просыпается, как какой-то глубоко укоренившийся условный рефлекс. Мной завладевает отчаянное желание горы свернуть, лишь бы им помочь. И это так сильно раздражает, что я, как правило, наливаю себе кофе и притворяюсь, будто ничего не вижу.

— Бернارد, — повторила стриптизерша и с любопытством уставилась на меня. — Разве это не самое красивое имя на свете?

Я едва заметно кивнула, и в этот самый момент мистер Пи наконец-то сделал выбор:

— Принеси мне, наверное, как обычно, Джейни.

На завтрак он всегда заказывал одно и то же. Два яйца, бекон, картофельные оладьи и тост из цельнозернового хлеба.

— Будет сделано, красавчик.

Забрав у мистера Петтигрю меню, я вернулась к раздаточному окошку и приколола заказа мистера Пи к доске, хотя Суми, главный повар на нашей смене, стояла буквально в

полутора метрах от меня по другую сторону окошка и всем своим видом выражала недовольство от того, что я просто не озвучила заказ вслух. В конце концов, она же стояла в полутора метрах. Буквально по другую сторону окошка. С очень недовольным видом.

Но протокол есть протокол. Я обязана следовать строгому набору правил. Тем более что моя начальница, рыжая бестия по имени Дикси, на всяких правилах помешана чуточку меньше, чем армейский генерал.

Подсмотрев, что прочел в сотовом мистер Пи, стриптизерша захихикала, а я, разобравшись с заказом, принялась томиться. Не только ожиданием, но и мыслями. Об ЛСД пружинках-«радугах» и капиллярах. Почему я помню слова вроде «капилляры», «генерал» и даже, черт возьми, «томиться», но не помню собственного имени? Это же ерунда какая-то! Все это время я ломала голову над алфавитом, пытаюсь подобрать хоть что-нибудь подходящее, но буквы уже заканчивались. После «Ш» останется всего семь.

Я нашла свой кофе и начала там, где закончила.

Шейла? Нет.

Шелби? Тоже не то.

Шерри? Очень сомневаюсь.

Ни один из вариантов не подходил. А я была уверена, что если услышу свое настоящее имя, то сразу его узнаю и все воспоминания вернутся одной сверкающей лавиной. Пока что одна-единственная лавина проживала у меня в животе и каждый раз изображала акробатические трюки, когда в кафе появлялся один конкретный завсегдатай. Высокий, суровый, с черными как смоль волосами и аурой в тон.

В настоящее меня вернул голос сотрудницы:

— Опять задумалась, солнышко?

Подойдя ко мне, она легонько ткнула меня локтем. Похоже, этот приемчик ей нравился больше всех остальных.

Куки нанялась в кафешку через два дня после меня и сразу же попросилась со мной на утреннюю смену. Смена начиналась в 7:00, а в 7:02 мы уже были подругами. Оказалось, у нас много общего. В городке мы обе были новенькими. У обеих не было друзей. Обе ничего не понимали в ресторанном бизнесе и не привыкли к тому, что люди на нас орут из-за перегретой еды или остывшего кофе.

Ну, остывший кофе я еще могу понять.

Я осмотрела свой сектор, чтобы узнать, не бросила ли кого-нибудь из клиентов на произвол судьбы. Все два моих клиента (три, если считать и мертвых) казались абсолютно довольными. Особенно стриптизерша. В кафе наступило утреннее затишье после завтрака, но ненадолго. Очень скоро набегит обеденная толпа.

— Извини, — пробормотала я и, чтобы занять руки, стала протирать барную стойку.

— Что ты сказала? — в шутку рассердилась Куки, сунула бутылку кетчупа в карман передника и взяла две тарелки с раздаточного окошка. Густые черные волосы она начесала и уложила в колючий шедевр, который только на первый взгляд казался беспорядочной копной. А вот одежда на Куки — тот еще вопрос. Может быть, ей просто нравятся цвета, от которых слепнут клиенты. Ей-богу, не знаю. — Тебе не за что извиняться, — добавила она по-матерински строгим тоном. Что и понятно, раз уж Куки и есть мама. Правда, с ее дочерью я еще не знакома, потому что она живет с бывшим Куки, пока сама Куки и ее новый муж Роберт обживаются на новом месте. — Мы об этом уже говорили, помнишь? По поводу твоих извинений и все такое.

— И то правда. Из... — Я замолчала на полуслове, чтобы не вызвать на свою голову гнев подруги.

И все же ее наигранная серьезность стала наполовину настоящей. Еще одно «извини», и мне точно несдобровать.

Подтолкнув меня внушительным бедром, Куки понесла еду клиентам. Как и у меня, у нее было двое живых клиентов и один мертвый, поскольку технически мертвец сидел за угловым столиком в ее секторе. Хотя это он зря. Куки мертвых не видит. За последние недели я выяснила, что, кроме меня, мертвых не видит вообще никто. Как будто это моя личная суперсила — видеть призраков и странный мир, в котором они обитают. Правда, если на нас когда-нибудь нападет жаждущий мести психопат на псевдоэфедрина, который сносно обращается с огромным мечом под названием «Утренний Стояк Тора», то нам крышка. И никакие молитвы не помогут.

Я понесла заказ мистеру Пи, краем глаза наблюдая за Куки, которая наливала воду в стаканы своих клиентов. Видимо, парочка не была знакома с миром Куки Ковальски-Дэвидсон. Официантка из нее не самая ловкая, подтверждение чему появилось буквально через несколько секунд. Барышня протянула руку, чтобы взять кусочек картошки-фри с тарелки своего кавалера. Движение застало Куки врасплох, и на колени клиенту из кувшина пролился фонтан холодной воды.

Чувак вскочил на ноги и вылетел из-за стола, рывкнув:

— Вот дерьмо!

От ледяной воды, угрожавшей отморозить ему хозяйство, он едва дышал.

За перепуганное выражение лица Куки смело можно было отдать полцарства и коня в придачу.

— Извините, пожалуйста, простите... — затараторила она и попыталась исправить ситуацию, стерев мокрое пятно с ширинки клиента.

Продолжая бормотать извинения, Куки все силы вложила в попытки высушить чуваку штаны. Или так, или она решила оказать услуги, которых не было в меню.

Женщина за столом рассмеялась, застенчиво прикрыв салфеткой лицо, а потом от души расхохоталась, заметив написанный на лице бойфренда шок. Все еще наблюдая за Куки, которая вовсю обхаживала клиента, барышня схватилась за живот и сложилась пополам от смеха.

Ну да, никаких сомнений: парочка явно была здесь впервые. Многие наши гости быстренько выучили одно просто правило. Никаких резких движений рядом с Куки. Впрочем, мало кто рассмеялся бы, увидев, как официантка пыхтит над чужим кавалером. Так что барышня мне понравилась.

Несколько неловких, но очень забавных секунд спустя Куки прекратила промакивать штаны клиента и стала откровенно его тереть. И только потом до нее дошло, что она едва не полирует ширинку, а ее нос буквально в паре сантиметров от жизненно важных органов. Застыв, Куки медленно выпрямилась, еще раз извинилась и ушла за стойку. Причем ушла по-королевски, с ровной, словно кочергу проглотила, спиной и лицом цвета кетчупа «Хайнц».

Понадобились все силы, чтобы сдержать смех, угрожавший вырваться из груди, как детеныш какого-нибудь пришельца. Но внутри я валялась в позе зародыша, рыдала от смеха и тряслась от судорог. Когда Куки подошла ближе, пришлось взять себя в руки, откашляться и выразить все свои соболезнования:

— Если и дальше будешь покупать клиентам еду в качестве извинений, рано или поздно

за работу в кафе ты будешь платить, а не получать зарплату.

Куки изобразила улыбку из холодного металла:

— Спасибо, я и без тебя в курсе.

Чтобы настрадаться в одиночестве, она позвала Суми, сказала, что берет перерыв, и ушла в служебные помещения.

Клянусь, эту женщину я обожаю. Куки веселая, открытая и абсолютно искренняя. А еще по каким-то непостижимым причинам она за меня переживает. Очень переживает.

Среди целых двух моих клиентов была одна женщина — шикарная, хоть и стареющая блондинка с такой огромной сумкой, что в ней вполне можно было бы даже поспать. Расплатившись, она ушла, а через две минуты к кассе подошел мистер Пи с покрасневшимся лицом и влажными от смеха глазами. Да уж, Куки всех развеселила. Само собой, стриптизерша двинулась следом. Достав из кармана деньги, мистер Пи покачивал головой, все еще находясь под впечатлением от выходки Куки. А стриптизерша, видимо, решила, что сейчас самое подходящее время объясниться.

— Как-то он спас мне жизнь, — сказала она из-за спины мистера Петтигрю. Все это время барышня пыталась взять его под руку, но при каждом движении ее нематериальное тело проходило насквозь. Наконец ей опять удалось просунуть руку под локоть мистеру Пи. — Приблизительно год назад. У меня... в общем, нелегкая выдалась ночка.

Она коснулась пальцами правой щеки, и я поняла, что в ту «нелегкую ночку» ее били по лицу. Может быть, даже не раз.

Мое настроение резко изменилось. В груди все сжалось. Наружу полезло сочувствие, но я изо всех сил старалась подавить этот порыв и не обращать на него внимания.

— Мне тогда хорошенько досталось, — продолжала стриптизерша, не замечая моего липового безразличия. — А он приехал в больницу, чтобы взять у меня показания. Детектив, представляешь? Ко мне приехал детектив. Чтобы задать вопросы. Мне бы повезло, если бы явился хоть какой-нибудь патрульный... учитывая, как я жила.

— Держи, милая, — сказал мистер Пи, вручая мне двадцатку.

Остальные деньги он сложил пополам и засунул обратно в карман, а я нажала несколько кнопок на кассовом аппарате и начала отсчитывать сдачу.

— Ты бы слышала, как он со мной разговаривал! Словно я не полное ничтожество. Словно я что-то, да значу, понимаешь?

Я закрыла глаза и тяжело вздохнула. Еще как понимаю. С недавних пор мне стало хорошо известно, как действуют на человека различные нюансы в поведении других людей. В моем нынешнем мире даже крошечное проявление доброты было на вес золота. А что же делаю я сама? Изо всех сил игнорирую мертвую барышню.

— После этого я завязала. Нашла нормальную работу.

Может быть, она еще при жизни привыкла к тому, что ее везде игнорируют.

— Не такую нормальную, конечно, как у тебя, — тихо рассмеялась стриптизерша. — Я начала танцевать стриптиз. Местечко было дыра-дырой, зато я больше не торчала на улицах. Да и чаевые давали неплохие. Я наконец-то устроила сына в частную школу. Дешевую, но все-таки частную. А этот мужчина... — Замолчав, она уставилась на мистера Пи с тем же обожанием, с каким смотрела на него с тех самых пор, как появилась. — В общем, он просто отнесся ко мне по-человечески.

Дышать стало трудно. Пришлось снова сглотнуть. Когда я протянула мистеру Пи сдачу, он покачал головой:

— Оставь себе, золотце.

Я удивленно заморгала:

— Вы же выпили несчастную чашку кофе и съели всего пару кусочков!

— Зато какие то были кусочки! И кофе самый вкусный за все утро.

— Но вы мне двадцатку дали.

— Меньше нет, — соврал он не краснея.

Я укоризненно поджала губы:

— А я видела в этой вашей пачке и поменьше.

— Извини, но с мелочью расстаться никак не могу. Собираюсь сегодня на стриптиз полюбоваться.

Я рассмеялась, а мистер Пи подался ближе и заговорщицки подмигнул:

— Не хочешь составить мне компанию? Ты там фурор произведешь одним своим появлением.

— О да, милочка, он прав, — со всей серьезностью кивнула стиптизерша.

Я улыбнулась:

— Спасибо, но я, наверное, останусь в официантках.

— Как знаешь, — добродушно усмехнулся мистер Пи и двинулся к выходу, но барышня решила задержаться.

— Теперь понимаешь, о чем я?

Убедившись, что никто не обращает на меня внимания, я наконец ответила ей вслух. Точнее прошептала:

— Понимаю.

— Мой сын сейчас с бабушкой. И угадай, где он учится.

Тут она меня заинтриговала.

— Где?

— В частной школе! И все благодаря детективу Бернарду Петтигрю.

У меня отвисла челюсть. Совсем чуть-чуть.

— Он платит за учебу твоего сына?

Стиптизерша кивнула, и в ее глазах засияла благодарность.

— Никто не знает. Даже мама не в курсе. Но он действительно оплачивает обучение моего сына.

Сердце сжалось в три раза сильнее, чем раньше. Смешно пошевелив пальцами, барышня побежала за мистером Пи, но высокие каблуки на плиточном полу самым зловещим образом не издали ни звука.

Глядя, как она уходит, я еще раз посмотрела на мистера Пи, пока он не зашел за угол, и в тысячный раз задумалась, стоит ли ему сказать, что у него в груди клубком свернулся спящий демон.

Беру менее травмоопасный образ жизни за четыреста.

Участник телешоу «Своя игра»

Существо внутри мистера Пи было внушительным, блестящим и темным. С острыми зубами и когтями, которые за долю секунду способны разодрать человеку грудь. В затылке зудело ощущение чего-то знакомого. Словно я видела нечто подобное и раньше, но не знала, что это такое. Демоном я называла существо только потому, что другого объяснения не находилось. Кто еще мог завладеть человеческим телом и беззаботно там спать? Этот демон будто ждал, когда его разбудят. Ждал, когда его призовут на службу. Но что будет с мистером Пи, когда демон услышит этот призыв? Скорее всего такие мысли пришли ко мне потому, что я, видимо, когда-то видела в фильмах или читала в книгах, как демоны вселяются в людей.

Честно говоря, одержимым мистер Петтигрю не казался ни капельки. Впрочем, мне-то почем знать? Может быть, демонам хватает смекалки, чтобы сообразить, как вести себя в мире людей. Но тот, что сидел внутри мистера Пи, казался спящим. Он лежал, обернувшись вокруг сердца бывшего детектива. Позвоночник чудовища выпирал и едва заметно двигался, словно потихоньку растягивался. А я-то думала, что не бывает гадов страшнее солитеров.

Я подошла к клиентам Куки и максимально вежливо объяснила, что любой посетитель гриль-бара «У костра» независимо от обстоятельств получит свой заказ, как положено. Потом пошла узнать, как дела у самой Куки. Но для начала еще раз выглянула на улицу. В потустороннем мире (именно так я окрестила для себя второе измерение) клубились и вихрились тучи. Надвигалась гроза. Такая же, как в ту ночь, когда я очнулась в переулке. Суровая и неумолимая. Но высматривала я вовсе не погоду.

Как бы жалко это ни звучало, я ждала одного конкретного посетителя — высокого, опасного и стопроцентно смертоносного, который, как и потусторонняя гроза, воплощал в себе все суровое и неумолимое. Каждое утро он приходил на завтрак. Каждый день — на обед. А по вечерам, видимо, и на ужин. Когда вечером я заскакивала в кафе (благодаря полнейшему отсутствию личной жизни, разумеется), он всегда был там. Может быть, он из тех, кто любит есть три раза в день в одном и том же месте.

На самом деле добросовестных клиентов у нас было несколько, и среди них имелась группа таких красавцев, что смотреть больно. Но только одного из них я боялась и каждый раз при его появлении пускала слюни. Звали его Рейес Фэрроу. А знала я это лишь потому, что однажды он расплатился с Куки кредиткой, и я подсмотрела на ней имя. Некоторые источают агрессию, двуличие и неуверенность в себе. Из мистера Рейеса Фэрроу так и сочились уверенность, секс и сила. Хотя в основном, конечно, секс.

И все же, впервые его увидев, я испытала вовсе не восхищение. Едва он появился, я сразу поняла, что этот мужчина — нечто опасное и могущественное, и человеческого в нем не больше, чем в корзинке с фруктами. Пришлось изо всех сил бороться с желанием скрестить пальцы и сказать: «По-моему, приятель, ты ошибся адресом. Тебе на шоссе 666 и оттуда прямиком на Адскую улицу. А это чуточку южнее».

Слава богу, удалось сдержаться. Потому что, как только мой взгляд прошел путь от стройных бедер до широких плеч и остановился на лице, меня сразила наповал необычайная красота этого мужчины. В тот момент мой рот мог озвучить только одно: «По-моему, приятель, ты ошибся адресом. Тебе на Говард-стрит, дом 1707. В паре кварталов отсюда. Ключи под камнем. Наличие одежды необязательно».

Слава богу, тут я тоже сдержалась. Как правило, своим адресом налево и направо я не разбрасываюсь. Однако была в этом мужчине какая-то неотразимая мужественность, нечто совершенно дикое и непостижимое. Каждый раз, когда он находился поблизости, внутри меня все скручивалось в узел. Из-за всех сил я держалась на расстоянии. В основном потому, что он был окутан пламенем и клубящейся тьмой. Из-за них мне постоянно было не по себе. Из-за них я не подходила слишком близко, потому что боялась сгореть заживо.

Впрочем, держаться на расстоянии было не так уж трудно. Он никогда не садился за столик в моем секторе. Никогда. Наверное, оно и к лучшему, но у меня явно начинали развиваться комплексы.

Этим утром он почему-то не пришел, и я окончательно расстроилась. Значит, надо чуточку поиздеваться над Куки. Это всегда поднимает мне настроение.

Заметив через раздаточное окошко Кевина, одного из наших помощников, я спросила, не подменит ли он меня на пять минут. Пережевывая обалденный банановый блин Суми, Кевин махнул и снова уставился в экран телефона.

Подхватив по пути куртку, я нашла Куки в переулке за кафе, почти на том самом месте, где очнулась месяц назад. Гриль-бар «У костра» находился на углу Бикман-авеню в старом кирпичном здании с витиеватой темной отделкой, элементы которой на радость туристам складывались в потрясающие арки и узоры. И вообще от здания так и веяло чем-то викторианским.

По соседству расположился антикварный магазин, а сразу за ним — химчистка, где у входа стоял белый курьерский фургон. Куки рассеянно смотрела, как мужчины разгружают коробки.

— Ну, приветтики, — сказала я, подойдя ближе.

Куки улыбнулась, взяла меня под руку и прижала к себе. На холоде наше дыхание превращалось в белесый туман. Дрожа, мы обнялись, и я стала осматриваться по сторонам, выискивая источник беспокойства, которое ощутила, едва вышла на улицу. Воздух рябил от какого-то мощного эмоционального всплеска. И всплеск этот был вызван чьей-то болью.

Поначалу я решила, что боль исходит от Куки, но, слава богу, ошиблась. Ее клиенты однозначно не держали зла, а значит, и сам инцидент яйца выеденного не стоит. Зато теперь мне стало любопытно, где же находится источник этой непонятной боли.

— Что-то стряслось, солнышко? — спросила Куки.

Я повернулась к ней. Ближе Куки у меня никого нет.

— Вообще-то, я о тебе беспокоюсь.

— Если я больше ничего не выкину, — рассмеялась она, — день можно считать удачным.

— Согласна. Тем более есть во всем этом и кое-что положительное. Учитывая, как ты обслужила своего клиента, по-моему, тебя ждет многообещающая карьера на углу. У тебя настоящий талант, барышня. А всем нам приходится жить с тем, чем наградил нас Господь.

Напрочь проигнорировав мои слова, Куки смирила меня взглядом ярко-синих глаз:

— Ну и?

Как будто неуместные шуточки ниже пояса для нее в порядке вещей. Странно, блин. Я поддела носком ботинка камешек. Между прочим, ботинки стали моим первым приобретением на первую же зарплату, в связи с чем я познала очередную истину о себе несчастной: к ботинкам у меня слабость.

— Все путем, — уклончиво ответила я и пожала плечами. Куки подозрительно сощурилась, и пришлось добавить: — Честное слово! Жизнь прекрасна. И все-таки тебе стоит рассмотреть вариант продавать себя за деньги. Я могла бы стать твоим сутенером. Блин! Да я была бы обалденной сутенершей!

Куки мне не поверила. Про «жизнь прекрасна», не про сутенершу. Но все же развивать тему не стала. Ну или притворилась, что не хочет ее развивать. От подруги так и несло беспокойством и переживаниями. Уж я-то знаю! Точнее чувствую. Куки искренне переживала за меня и всеми фибрами души желала мне благополучия и счастья. И я ей за это благодарна. По-настоящему. Но временами я чувствую и кое-что еще — обман. Она меня обманывала, и эта ложь змеей проскальзывала в наши разговоры. Словно чего-то опасаясь, Куки в мгновение ока меняла тему, но все равно я ощущала, что ей на самом деле на меня не наплевать.

Хотя сочувствовали мне многие. С того самого дня, как я очнулась в переулке, жители Сонной Лощины объединились, чтобы мне помочь. Мне — совершенно чужой незнакомке! Одни собирали для меня одежду, пока я торчала в больнице. Другие дарили подарочные сертификаты из разных магазинов. Через пару недель поток доброжелательности иссяк, чему я, между прочим, тоже благодарна, но люди до сих пор заглядывают в кафе узнать, как у меня дела и есть ли новости. Нашли ли копы какие-то зацепки? Вспомнила ли я что-нибудь? Не заявил ли кто-то о моей пропаже?

Нет, нет и нет.

Так же, как и от Куки, я чувствовала исходящее от людей беспокойство, однако к нему примешивалось то, чего я не ощущала ни от нее, ни от нескольких постоянных гостей нашей кафешки. Противное, почти болезненное любопытство. Жгучее желание узнать, кто же я такая. Действительно ли потеряла память, или просто притворяюсь.

Ничего страшного врачи у меня не обнаружили. По их словам, я здорова как бык и абсолютно нормальна. Правда, что ли? А что бы они сказали, узнав о моей способности заглядывать в сверхъестественное измерение? Разве это значит, что я здорова и абсолютно нормальна?

Хотя, быть может, они правы. Мои отклонения могут касаться исключительно психологии. Я ведь не помню ничего из того, что было до пробуждения в переулке. Так неужели все дело во мне? Неужели я сама блокирую собственные воспоминания? А если так, то что, черт возьми, такого ужасного произошло? Что заставило меня захотеть забыть прошлое и даже собственное имя? И хочу ли я на самом деле это знать?

Впрочем, наверное, хочу. Не зря ведь внутри меня постоянно идет мучительная борьба между желанием все узнать и счастьем неведения. И первое всегда оказывается сильнее второго.

А тем временем рядом есть люди вроде Куки, которые не дают мне окончательно спятить.

Встречаются, само собой, и скептики. Далеко не все верят, что у меня самая настоящая ретроградная амнезия, и мне хорошо это известно. Я чувствую, как из некоторых клиентов кафе сочатся сомнения, а от случайных прохожих ко мне тянется недоверие вперемешку с

презрением.

Но чаще всего люди испытывают всего лишь крошечную долю подозрений. Им любопытно не только, притворяюсь ли я, но и зачем. И они правы. Зачем? Зачем мне подделывать нечто настолько ужасное и мучительное, как амнезия? Ради внимания? Ради денег? Существуют и более простые способы привлечь внимание. А деньги — тот еще отстой. Сейчас благодаря больницам, врачам и бесконечным анализам я по уши в долгах.

Так что да, мои пятнадцать минут славы дорого мне обошлись. Никогда в жизни я не смогу оплатить все накопленные счета, если, конечно, мне не отвалит целое состояние, ради которого я якобы все и подстроила. Видите ли, некоторые особенно агрессивные скептики утверждают, что я спланировала свою амнезию, чтобы в конечном счете получить огромный куш. Жаль, конечно, но это не правда. Поэтому сомнения и уверенность людей, что я всего-навсего притворяюсь, порой задевают за живое. Насколько мне известно, никакую потерю памяти я не выдумывала.

И это приводит меня ко второй моей суперсиле. Я чувствую то, чего не чувствуют другие. А это круто.

Нет, это круче, чем просто круто!

Если когда-нибудь на меня нападет больной на голову серийный убийца, который душит брюнеток колготками, я смогу почувствовать, как сильно он хочет моей смерти.

На самом деле, все не так плохо. Есть и свои бонусы. Например, я знаю, когда мне врут. Причем знаю с такой точностью, что могла бы поставить на это собственную жизнь. И не важно, насколько хорош в своем деле лжец и к каким прибегает трюкам, чтобы завуалировать обман. Я знаю, что он лжет, и все тут.

Однако в комплекте с бонусами имеются и недостатки. Временами эти мои чувства странные, как будто не от мира сего. Иногда возникает ощущение, будто за мной наблюдают. Следят. Я чувствую холодный взгляд невидимого преследователя. Горячее дыхание хищника, дышащего мне в затылок. Обжигающие прикосновения чьих-то губ к моим. Правда, такое со мной происходит только по утрам после седьмой чашки кофе. Поэтому, как только клиенты превращаются в размытые пятна, я перехожу на смесь нормального кофе с кофейком без кофеина.

— Не замерзла? — спросила я у Куки в тот самый момент, когда в двери показалась голова Дикси.

Дикси — владелица кафе и моя спасительница. Не в религиозном смысле. Волосы у нее почти такие же, как у Куки, только ярко-рыжие, почти неоновые. Собственными глазами я пока не видела, но уверена, что они светятся в темноте. Благодаря волосам кожа Дикси сияет и выглядит очень молодо, хотя самой Дикси хорошо под пятьдесят.

Глядя на нас, она приподняла брови:

— Вы сегодня работать собираетесь, или как?

Готовясь к представлению, Куки глубоко вздохнула. Скорее всего представление будет с музыкой. С диско, например. Потому что диско к обстоятельствам подходило больше, чем любой другой жанр. Ну, разве что еще трэш-метал...

Пока мы не вернулись к работе, я решила попрактиковаться в новом призвании и прошипела себе под нос:

— Где мои бабки, сучка?

— Не собираюсь я становиться проституткой! — пробурчала Куки.

Я распахнула глаза и невинно заморгала:

— Да я всего лишь тренируюсь. На случай, если ты передумаешь.

— Не передумаю.

— Вот гадство, — поникла я.

Только что все мои надежды и мечты стать сутенершей разбились вдребезги о скалы реальности. И нежелание кое-кого становиться шлюшкой.

Внезапно опять волной накатила боль. Ее источник находился совсем рядом, но я никак не могла определить, где именно. Даже покрутилась вокруг собственной оси, но никого не увидела.

— Что случилось, солнце? — спросила Куки, снова взяв меня под руку.

И опять в ней вспыхнуло беспокойство. Честное слово, не могу ее понять. Почему она испытывает ко мне такие сильные чувства? Почему вообще за меня переживает?

— Ты всегда ко мне очень добра, — отозвалась я. Вслух. И пришла от этого в легкий шок.

Куки сжала мою ладонь.

— Мы же лучшие подруги, помнишь? Ясное дело, я к тебе добра, иначе была бы самой никчемной лучшей подругой в мире.

Для проформы я тихонько хихикнула, но знала: говоря о том, что мы лучшие подруги, она была абсолютно серьезна. До мельчайшей клеточки. И зудящие подозрения во мне окрепли, как никогда. Мы знакомы всего какой-то месяц, черт возьми. Видимо, Куки из тех помешанных барышень, которые тайком готовят обеды своим бывшим.

Ну и ладно. Буду наслаждаться ее дружбой, пока есть возможность. Но холодильник забивать продуктами точно не стану.

Вернувшись в кафе, мы заметили, что гостей прибавилось. Нас же не было секунд тридцать, елки-палки! Когда они успели набежать?

Едва я повесила куртку, меня позвала Дикси:

— У нас пара доставок. Надо только дождаться, когда дожарят картошку.

Причем улыбалась она от одного многократно пропирсингованного уха до второго такого же.

— Похоже, настроение у тебя отличное.

— Продуктивное выдалось утро. — На лице начальницы появился румянец, а внутри, пока она упаковывала один из заказов, поднялось волнение.

— Оно и видно. А я все думала, куда ты запропастилась.

Ее не было все утро, и теперь мне ужасно хотелось знать почему.

— Я наняла нового повара, — сказала Дикси, глядя на меня мерцающими глазами. — Выходит завтра. В первую смену.

— Чего?! — В идеальном обрамлении раздаточного окошка появилась маленькая головка Суми, вот только ростом Суми не удалась, поэтому нижнюю половину ее лица мы не видели. — Я же повар на утренней смене! Ты не можешь со мной так поступить. — Она погрозила лопаточкой. — Я подам на тебя в суд!

Аккуратные брови сурово сошлись над миндалевидными глазами. Только слепой бы не заметил, что Суми в бешенстве.

Рядом с этой крошечной женщиной я всегда начеку. И не имеет значения, что ростом она не вышла. Суми легко надерет мне зад — глазом моргнуть не успею. Характер у нее тот еще. А еще она быстрая, ловкая и до ужаса мастерски обращается с ножами.

— Да тише ты! — отмахнулась Дикси. Способности Суми явно не приводили ее в такой

же восторг, как меня. — Он будет... как бы это сказать... — Дикси завернула верх бумажного пакета и степлером приколотла к нему чек. — В общем, по особым блюдам.

— Класс, — рассеянно брякнула я, потому что в данный момент меня больше волновали наши клиенты.

А все потому, что точно по расписанию явился один из трех наших добросовестных завсегдатаев. Вот только было уже одиннадцать часов, и на дневную смену, в помощь нам с Куки, вышли еще две официантки. А значит, мой сектор теперь официально поделится пополам.

Фрэнси и Эрин уже принимали заказы.

В моем секторе сидел один-единственный посетитель, и я решила поглазеть на него исподтишка. Он был одним из них. Одним из трех, которые приходили каждый день как по часам. Утром, в обед и вечером. За неимением лучшего термина, мы с Куки прозвали их «три мушкетера». Правда, это подразумевает, что все трое дружат, а я ни разу не видела, чтобы они вообще друг с другом разговаривали.

Первый — привлекательной наружности тип, похожий на бывшего военного благодаря потрясным бицепсам. Он всегда садился в моем секторе. По возможности — за один и тот же столик, но всегда именно в моем секторе. Носил он куртку цвета хаки, которая выгодно подчеркивала темную кожу и короткие черные волосы. Глаза у него серебристо-серые. Пронзительные, способные на удивительные вещи.

Гаррет сидел за любимым столиком. Секунду спустя он взглянул на меня, едва заметно улыбнулся, открыл последнюю книгу Стива Берри и принялся читать.

— Похоже, ты наконец проснулась, солнышко.

Я прижалась к Куки, и мы обе улучили пару секунд поллюбоваться зрелищем.

— По-моему, у него классный пресс, — задумчиво протянула я. — Он же выглядит так, словно у него классный пресс, правда?

Куки медленно выдохнула сквозь зубы, и мы продолжили пялиться ради удовольствия именно попялиться. Так смотрят на рассвет. Ну или на первую чашку кофе с утра.

— Это точно, — наконец выдавила подруга.

Прихватив кофейник, я двинулась к Гаррету.

Как по команде, в кафе нарисовался мушкетер номер два. Нахал по имени Ош. Молоденький, лет девятнадцать-двадцать, с черными как смоль волосами до плеч. Правда, волосы он всегда прикрывал цилиндром, очаровательно сдвинутым слегка набекрень. Коснувшись его в знак приветствия в мой адрес, Ош снял цилиндр и поискал, куда присесть. Дважды на одном и том же месте он не сидел никогда и сегодня решил усесться за стойкой, чтобы пофлиртовать с Фрэнси.

Понять его можно. Фрэнси — рыжая красотка, обожающая красить ногти и делать селфи. Я бы тоже делала селфи, если бы было кому их отсылать. Раньше я отправляла их Куки, но она попросила меня прекратить, когда фотки стали слишком раскованными на ее вкус и цвет. Наверное, оно и к лучшему.

Ош выдал Фрэнси головокружительную улыбку, от которой та чуть не выронила тарелки, только что взятые с раздаточного окошка. Вот же мелкий гад!

В свой первый визит он заказал газировку темного цвета. Когда Куки спросила, какую именно, и перечислила весь наш ассортимент, он ответил «Сойдет любая». С того момента мы делали ему смеси из разных напитков, причем редко одни и те же за раз. Но, похоже, эта игра Оша забавляла, хотя и не так сильно, как очаровывать других официанток.

Рассмеявшись, Фрэнси промчалась мимо него со своим заказом. Что ж, она хотя бы иногда относилась ко мне по-человечески. А вот Эрин люто меня ненавидела. Поговаривали, что она просила дополнительные смены, но внезапно появилась ваша покорная слуга. Продрогшая и совершенно бездомная. Великодушный поступок Дикси по отношению ко мне обернулся трудными временами для Эрин и ее мужа. Я практически отняла у нее всякую надежду получить дополнительные смены, а вместе с этим сама лишилась всякой надежды на дружбу.

Пока я шла к Гаррету, его сияющие глаза меня буквально загипнотизировали. На поверхности серых глубин поблескивали серебристые искры. Взгляд был теплым, открытым и... дружелюбным. Страхнув ступор, я изобразила свою лучшую улыбку за доллар девяносто девять.

— Принести чего-нибудь к кофе, милый? — поинтересовалась я, наполняя чашку без спроса.

Кофе Гаррет хотел всегда. Причем горячий и без сахара. Есть что-то заманчивое в мужчинах, которые пьют кофейный кипяток без сахара.

Гаррет подвинул чашку ближе к себе.

— Только воды. Как сегодня поживаешь, Джейни?

— Как всегда, лучше всех. А у тебя как дела?

— Не жалуюсь.

Незнакомый мужчина за соседним столиком вытянул шею, чтобы привлечь мое внимание.

— Эй, дорогуша! — рявкнул он, сгорая от нетерпения. — Может, и нам своего варева принесешь? Или я многого прошу?

В моем клиенте мигом вспыхнула ярость, но внешне Гаррет оставался совершенно безучастным. Ни единый мускул на его лице не дрогнул.

Ну точно военный. Может быть, даже из спецназа.

— Само собой, — отозвалась я и натянуто улыбнулась и придурку, и его дружку. Пока я наполняла им чашки, оба украдкой изучали каждый мой чертов изгиб. — Принесу вам меню.

Технически сидели они в секторе Куки, но мне не хотелось бросать ее волкам на съедение. Ей сегодня и так досталось. Когда она уже собралась подойти к злополучному столику, я покачала головой и кивнула на пару клиентов в ее секторе, которые, казалось, уже были готовы сделать заказ.

— Мне чизбургер и картошку-фри, сладенькая, — без меню заказал первый придурок. — Ему то же самое.

Видимо, второй только и мог, что молча пялиться.

— С кровью, — добавил первый, — и никакой заячьей жратвы.

— Будет сделано, — сказала я.

— И даже не запишешь?

— Смею надеяться, что запомню. Память у меня отменная.

Смешно, наверное, но так и есть. По крайней мере там, где дело касается заказов.

— Принесешь не то — Хершел сильно расстроится.

Видимо, друга звали Хершел. Или первый придурок говорил о себе в третьем лице. А если так, то он еще больший кретин. Однако на заляпанной чем-то жирным рубахе было вышито «Марк».

На рубашке второго имелся такой же логотип и вышивка «Хершел». Значит, они

работали в одной и той же транспортной компании. Дальнобойщики в основном народ очень даже приятный, но в каждом ящике попадаются гнилые яблоки. Судя по темным маслянистым пятнам на обоих и тяжелому запаху дизеля, эти двое скорее всего были механиками.

Я вернулась к Гаррету:

— Что тебе принести, дорогой?

Под внешностью модели с глянца он буквально кипел от злости, но все-таки сумел улыбнуться:

— Фирменное блюдо.

— Хороший выбор.

Забрав с его стола меню, я изо всех сил старалась делать вид, будто меня совершенно не задело поведение водителей за соседним столиком. А все потому, что давно заметила нож, неизменно прикрепленный к ремню Гаррета. Понятия не имею, чем он зарабатывает на жизнь, но знаю, что это как-то связано с законом. То есть он точно не служит в полиции, но занимается чем-то похожим.

Меньше всего на свете мне хотелось проблем. Никто не должен ради меня рисковать собой. Никто не обязан защищать мою честь. Тем более я не уверена, что она у меня вообще есть. Не просто же так я забыла всю свою жизнь. А вдруг причиной тому стало что-то очень плохое? Что-то невыносимое? Мерзкое? Злое?

Вдруг накатил волна тошноты. Я бросилась к окошку и приколола к доске заказы, но все нутро уже перевернулось от знакомого ощущения, которое я могла описать только как паническую атаку. Такие приступы периодически накатывали с самого Дня Номер Один. Это было чувство утраты. Абсолютной и разрушительной, от которой сдавливало грудь и до слепоты жгло глаза.

Дрожа с головы до ног, я вцепилась ногтями в стойку, чтобы не упасть, и изо всех сил стала продираться сквозь черную завесу, за которой скрывалось мое прошлое. Там, за этой непроглядной пеленой, что-то было. Что-то очень особенное.

Лесным пожаром во мне разгоралась острая необходимость докопаться до истины, получить нечто важное. Я что-то забыла. Оставила позади. Что-то самое ценное в моей жизни, только никак не могла вспомнить, что именно.

Крепко сжав зубы и зажмурившись, я старалась разорвать завесу. Решимость и отчаяние толкали меня вперед, вынуждали вспомнить.

Комната завертелась. Я слышала, как громко бьется о ребра сердце, как бушует в венах кровь, пока тьма не заслонила границы сознания, угрожая поглотить меня целиком.

— Ты как, солнце?

От неожиданности я распахнула глаза и увидела Куки. Мои брови так сдвинулись, что заболел лоб. Дыхание стало быстрым и неровным. От приступа кожа стала влажной, и вспотевшие ладони соскользнули со стойки.

— Чарли!

Пять.

— Пойдем, — выпалила Куки и потащила меня на склад в задней части здания.

Разумеется, от меня не ускользнуло, что она назвала меня Чарли. Так она называла меня и раньше. Если быть точной, четыре раза. Либо это какой-то термин, либо расхожее ласковое обращение в тех местах, откуда приехала Куки, либо она случайно называла меня именем того, кого когда-то знала. И скорее всего это была собака.

На складе Куки усадила меня на раскладушку, на которой я спала больше недели, пока не смогла снять себе жилье. Это был мой дом вдали от дома, который вдали от настоящего дома. Где бы этот третий дом ни находился.

Влажным полотенцем Куки осторожно протерла мне лоб и щеки, потом промокнула губы и шею.

— Все будет хорошо, — тихо сказала она успокаивающим тоном. Почему-то ее голос казался до боли знакомым.

Круговерть замедлилась, сердце притормозило и стало стучать в нормальном ритме.

— С тобой все будет хорошо. — Снова смочив полотенце, Куки прижала прохладную ткань к моему затылку. — Давненько с тобой такого не случилось.

Я кивнула.

— Можешь сказать, что спровоцировало сегодняшний приступ?

— Не знаю, — хрипло ответила я, а потом заглянула в лицо подруги. Мне хотелось, чтобы она поняла, чтобы полностью осознала, во что себя втягивает. — Мне кажется, я не очень хороший человек, Кук.

Она присела передо мной.

— Ты очень хороший человек. Почему ты так говоришь?

— Похоже, меня наказывают.

— Наказывают? — потрясенно переспросила Куки. — За что?

— Я что-то забыла.

Она ласково коснулась моего плеча.

— В смысле, что-то кроме всей своей жизни до того, как очнулась месяц назад?

— Да. То есть нет. Нет. Это что-то... намного значительнее, важнее. У меня такое чувство, будто я долго была в пути, а потом потеряла нечто самое ценное в жизни. Даже не потеряла, а бросила. — Глаза запекло, и с ресниц на щеку скатилась слезинка.

— Ох, солнышко... — Куки крепко меня обняла, и тепло ее тела стало долгожданной передышкой посреди существования в холодном мире из наждачной бумаги. — У тебя амнезия. Никакой твой поступок не мог ее вызвать. — Она отстранилась, но все еще держала меня за плечи. — Ты ведь помнишь, что сказали врачи?

— Нет. У меня же амнезия.

Наградив меня укоризненным выражением лица и строго поджатыми губами (впредь мне наука!), Куки сказала:

— А по-моему, ты прекрасно помнишь, что они сказали. У потери памяти причины могут быть какие угодно. Просто дай себе время, не торопись. Все это произошло не потому, что ты что-то натворила.

Наверное, Куки и не могла понять, как сильно ошибается, но она не виновата. Ответственность за мои поступки целиком и полностью лежит на мне. Рано или поздно я выясню, что натворила, и все исправлю. Потому что иначе нельзя.

Нельзя заставить человека полюбить.

Можно лишь преследовать его и надеяться на лучшее.

Мем

Дверь на склад распахнулась, и на пороге показалась Эрин, аура которой пылала темно-красными оттенками. Впрочем, мне не нужно было видеть ауру, чтобы понять, что Эрин в бешенстве. Гнев врзался в меня горяченной волной.

— Вообще-то, у вас обеих посетители.

— Да-да, извини, — тут же сказала я и поднялась на дрожащих ногах, но Эрин испарилась раньше, чем я договорила.

Я же помогла подняться Куки, подошла к умывальнику, плеснула водой в лицо и взглянула на часы.

— Он придет с минуты на минуту, — сказала Куки, разглаживая на себе одежду.

Я оглянулась:

— Кто? — Но подруга только сочувственно улыбнулась, поэтому пришлось добавить: — Глупости это все. Он никогда не садится в моем секторе. Всегда или у тебя, или у Фрэнси.

С большим трудом удалось сглотнуть подступившую ревность. Ревновать у меня нет ни малейшего права. Тем более что мистер Рейес Фэрроу ни разу со мной не заговорил, не посмотрел нормально в мою сторону и даже, черт его дери, ни разу не дал понять, что вообще замечает мое присутствие.

— А может, он просто-напросто застенчивый, — предположила Кук. — Может, ты так сильно ему нравишься, что он боится сделать первый шаг.

Категорически отвергая такой вариант, я громко фыркнула. Уж каким-каким, но застенчивым этот тип не казался ни капельки.

— А откуда, кстати, тебе знать, кого я жду?

— Милая моя! Каждая женщина в этой кафешке ждет именно его.

Я прямо-таки почувствовала, как покраснели щеки. Фрэнси, например, буквально сохла по Рейесу. Стоило ему появиться, как ее адреналин подскакивал сразу на сотню пунктов, а аура тоже начинала светиться красным. С розоватым оттенком. И вовсе не из-за гнева.

— Есть такое дело. Но ведь он постоянно злой как черт.

— Злой? — Куки поправила каштановые локоны, выбившиеся из-под моей заколки. — С чего ты взяла?

— Он меня практически испепеляет взглядом.

— Он так на всех смотрит.

Тоже верно, и почему-то от этого я стала чуточку счастливее.

— Между прочим, его второе имя Александр, — многозначительно заявила Куки, как будто это был какой-то тест. Как будто она хотела, чтобы я как-нибудь отреагировала.

Что ж, блин, она своего добилась. Я бы не смогла побороть удивление, даже если бы держала в руках пулемет. Ну или ракетную установку.

Рейес Александр Фэрроу. Классно звучит.

— И как ты узнала его второе имя?

— Видела водительское удостоверение.

Ответ подруги застал меня врасплох, и я невольно вздрогнула. Не потому, что ей удалось увидеть удостоверение Рейеса Фэрроу, хотя я слегка этому завидовала. А потому, что она мне солгала. Зачем врать на тему чего-то настолько обыденного? Что такого в том, как именно Куки узнала второе имя Рейеса?

— Тебе не кажется странным, что сюда ходит столько шикарных на вид парней? — сменила тему Куки, как всегда, когда не была со мной честна на все сто. Словно знала, что я чую обман, и верила, будто смена темы как-то поможет избежать разоблачения.

Или так, или дает о себе знать моя нечистая совесть. Шпионить за людьми некрасиво, а чтение эмоций — все равно что шпионаж. Но ведь чужие эмоции постоянно рядом, практически сами лезут мне в лицо. Просто-напросто невозможно их не читать.

— Говоришь, странно? Может быть, шла бы речь о шикарных парнях, которые заходят сюда изредка. Но чтобы столько и постоянно? Странно — это еще слабо сказано!

Подтолкнув меня к выходу, Куки рассмеялась:

— Ты абсолютно права.

Не успела я сделать и двух шагов по залу, как меня позвала Дикси:

— Можешь этим заняться, Джейни? — и сунула мне в руки пакет с доставкой на имя Ванденберга. — Эрин уже доставляет заказ миссис Юдески.

— Ла-а-адненько. — Понятия не имею, кто такая миссис Юдески.

— Я тебя прикрою.

С этими словами Дикси толкнула меня к выходу и засмотрелась на Гаррета. Секунду спустя она все-таки не сумела сдержаться и широко ему улыбнулась.

— Чтоб ты знала, — на всякий случай предупредила я, — преследование людей карается законом.

Дикси уставилась на меня с отвисшей челюстью:

— Я его не преследую, а обслуживаю в качестве официантки. Ну а если наша беседа свернет на романтическую тропинку, кто я такая, чтобы возражать? — В сторону Гаррета отправился еще один похотливый взгляд. — Будь у меня возможность, я бы такого натворила с этим красавчиком...

Рассмеявшись, я пошла к главному выходу, но меня окликнули.

— Привет, сладкая, — сказал сидевший за стойкой Ош и игриво мне улыбнулся.

Ровно постриженные волосы густой блестящей массой спускались до плеч и были такими черными, что казались почти синими на фоне бледной кожи без единого изъяна. Я никак не могла понять, кто он такой. В основном потому, что у него нет души. Окружает Оша нечто сродни ауре (хотя без души никакой ауры быть не может) чуть более мутного оттенка, чем его бронзовые глаза.

Все это кажется мне завораживающим. Как и он сам. Поэтому я притормозила и уставилась на него на несколько неловких секунд. То есть неловкими они были только для меня. Судя по игривой ухмылке, Ош давно привык к таким неприкрытым проявлениям внимания. И ключевое слово тут — «неприкрытым».

— И тебе привет, — отозвалась я.

Выражение его лица опасно близилось к вульгарному, но это впечатление смягчала искренняя симпатия в его глазах. Каким бы смазливym ни был этот парнишка, он только притворялся высокомерным. На самом деле он совсем не такой. Больше скажу: ни капли

высокомерия в нем нет.

Довольно быстро я поняла, что в этом мире есть два типа существ: те, кто этому миру принадлежит, и те, кто нет. Гаррет, например, из первых, потому что целиком и полностью человек. Мистер Пи тоже, и это опять поднимает вопрос, почему в нем поселился демон. А вот Ош — совсем другая история.

Есть в нем какая-то свирепость вкупе с бесшабашностью, которые никак не вяжутся с юной внешностью. И человек он лишь отчасти. Все остальное — нечто звериное. Обе составляющие сплавлены какой-то потусторонней энергией, которой и объясняется цвет вокруг Оша. Цвет этот порожден не душой, как у людей, а силой, словно источник его жизни лежит где-то за пределами того, что известно человечеству.

— Помощь не нужна? — поинтересовался Ош с хищной улыбкой.

Я подалась ближе:

— Вообще-то, по возрасту я тебе в... очень-очень старшие сестры гожусь.

Честно говоря, понятия не имею, сколько мне лет. Врачи дают от двадцати пяти до двадцати девяти. И пока этот интервал меня устраивает. В больнице хотели сделать больше анализов и, кроме моего многострадального мозга, задействовать больше частей тела, но я отказалась. Хотя бы потому, что каждый анализ высасывает больше денег, чем я заработаю за год. Врачи подозревали, что я пережила какое-то нападение. А я заверяла, что ничего подобного со мной произойти не могло. В конце концов, на мне не было ни синяков, ни царапин, за исключением тех, которыми я обзавелась, очнувшись в переулке.

Ош провел пальцами по волосам, открыв взгляду почти невозможно правильные черты лица, опустил руку, отчего блестящая масса вернулась на место, и тоже подался ко мне:

— Люблю женщин постарше.

Имелось у меня подозрение, что Ош знает больше, чем должен для своего возраста. И что он дразнится, как и я. Ну, это можно проверить. Посмотреть, как далеко рискнет зайти мелкий поганец. Вот только клиентов прибавлялось, а мне еще нужно было доставить по адресу сэндвич. Точнее даже несколько.

Момент очарования Ош разбил вдребезги, покачав головой и тихо рассмеявшись. Потом выпрямился и скорбно вздохнул:

— И почему все хорошее обязательно заканчивается?

Однако уточнить, что он имел в виду, я не успела. Открылась дверь, звуки в кафе стихли, и стало ясно, кто пришел на обед. С идеальной выправкой немецкого солдата — всегда в полной боевой готовности и всегда третий из трех — в зал вошел Рейес Фэрроу, укомплектовав набор из трех мушкетеров. И мир вокруг меня рассыпался на осколки.

Как и всякий здравый смысл за компанию с логикой.

Рейес Фэрроу — самая таинственная на свете загадка. Энергия и ее источник в одном лице. Он окутан бесконечной тьмой, принявшей крещение в огне. Пламя льнет к его коже, а он сам излучает жар обжигающими волнами.

Еще не понимая, что жар исходит от него, я было подумала, что ко мне раньше срока нагрелся климакс. Приливы ни с того ни с сего, и все такое. А потом впервые по-настоящему увидела Рейеса Фэрроу и пламя, которое окутывает его и мчится по коже яркими желто-оранжевыми сполохами, создающими струящийся дым. И дым этот он носит как плащ, который льется с широких плеч по сильным рукам и спине и собирается непроглядным омутом под ногами.

Но, несмотря на окутывающую Рейеса тьму, на то, как неудобно мне при одном его

появлении, я радуюсь его визитам. Жажду его присутствия, как наркоман — очередной дозы героина. Частенько даже прихожу в кафешку ужинать, только чтобы застать его. В конце концов, девушкам же тоже нужно кушать. Я вечно себе твержу, что возвращаюсь в кафе только потому, что это единственное хорошо знакомое мне место. Почти как дом. Но положив руку на сердце (а желание быть абсолютно честной с самой собой в моем нынешнем мире возникает у меня крайне редко), все из-за Рейеса Фэрроу. Как и Ош, он лишь отчасти человек. Все остальное я не могу ни понять, ни объяснить. Какая-то тайна за семью печатями. Ничего подобного я в жизни не встречала. По крайней мере среди народа в Сонной Лощине. От одного присутствия Рейеса воздух трещит, как от тока. Скорее всего потому, что, как только он входит в кафе, у всех, у кого это возможно, мигом наступает внезапная овуляция.

Я была в шаге от превращения в мумию, однако все-таки сумела выйти из ступора и набрала темп, чтобы пройти мимо Рейеса к выходу. Но, чем ближе подходила, тем больше видела и в физическом, и в потустороннем смысле. Молекулы его тела казались плотнее, спираль ДНК — туже. От него исходило редкое ощущение силы, словно он может повелевать океанами и звездами. Словно одной только силой воли он может прогнуть под себя вселенную.

Сквозь огненные сполохи я рассмотрела стройные бедра и широкие плечи. Сильные мускулистые руки с узором вен. Гладкие бицепсы. На сухожилиях и впадинах между мышцами от каждого движения танцевали тени.

Мой взгляд поднялся до сильного подбородка, затененного, как всегда, однодневной щетиной. Однодневной, не больше. А губы... Пожалуй, губы Рейеса Фэрроу были одним из главных его достоинств. Их словно слегка коснулись чувственной страстью, отчего складывалось впечатление, будто он только что занимался любовью. Будто только что удовлетворил все самые сокровенные желания какой-то незнакомки. Мой взгляд продолжил путешествие по идеально прямому носу, не узкому и не широкому, с намеком на курносинку на самом кончике.

Но самое поразительное во всем этом феномене — глаза. Зачастую Рейес носил темные очки, которые скрывали самую удивительную черту его внешности. А когда очков на нем не было, от увиденного захватывало дух. В бездонных карих омуты под невозможно длинными ресницами поблескивали золотые искорки. Добавьте к этому идеально вылепленные губы и говорящие о силе характера скулы — и получите совершенство.

Впрочем, я вовсе не одержима его внешностью, ей-богу.

Оказаться так близко к Рейесу Фэрроу было все равно, что зайти в клетку к ягуару. Волнующе и страшно до одурения. Понятия не имею, кто он такой на самом деле, но одно могу сказать точно: для свиданий — стопроцентно не вариант. И плевать на то, какие плотные у него молекулы.

К счастью, смотрел он в мою сторону редко, а когда все же снисходил до косых взглядов, то они в основном излучали ярость и непонятную острую обиду. Мне еще только предстоит разобраться, что к чему. Тем более, несмотря на угрюмые мины, Рейес Фэрроу определенно испытывал ко мне интерес, который я ощущала всякий раз, когда мы встречались взглядами. Вот как сейчас.

Событие это, надо признать, довольно редкое, поэтому застало меня врасплох. Наши взгляды встретились на кратчайший миг. От близости Рейеса сдавило в груди. По спине побежали мурашки. Кожу обдало диким жаром, а интерес этого мужчины проник в самые-

пресамые девичьи мои части.

Рукава наших футболок соприкоснулись, и я прибавила шагу, чтобы поскорее выйти на улицу, попутно стараясь не замечать того, что Рейес опять уселся в секторе Фрэнси. Дело в том, что я никогда не ощущала от него того же интереса, когда он смотрел на нее. Или на других женщин. Или, слава богу, на мужчин.

Но почему он так враждебен? Чем я заслужила все эти косые взгляды и горячую ярость? Что такого я ему сделала? Явно ведь не то, что уже почти месяц сидело у меня в голове.

И все же мне не давало покоя, почему мистер Бешеный испытывает ко мне интерес. Пулей вылетев за дверь, я пошла к магазину мистера Ванденберга, борясь с желанием обернуться и еще разок взглянуть на Рейеса сквозь стекло.

Вокруг меня закружился холодный воздух, приятно освежая после того, как я чуть не сгорела живьем. Оказывается, в спешке я забыла куртку, но оно того стоило. Мы с Рейесом едва не соприкоснулись плечами. И только сейчас до меня дошло, что он тоже был без куртки.

На этот раз разозлилась я. О чем он вообще думает? На дворе минусовая температура! Ну или около того. Короче говоря, дико холодно. А он является в кафе в футболке цвета ржавчины, которая туго обтягивает широкую грудь и сужается к плоскому животу, и джинсах, свободно сидящих на стройных бедрах, но достаточно узких, чтобы все, блин, заметили обалденный зад.

И это был очередной факт обо мне, который я выяснила довольно быстро: у меня слабость к задницам.

Короче говоря, Рейес Фэрроу явно гонялся за собственной смертью. Особенно если учесть, что волосы у него были влажные. Значит, он практически прямиком из душа. Что подтверждал и его запах — чистый и земной, как разряд молнии в суровую грозу.

Чтобы поостыть, пришлось помахать в лицо холодным воздухом. Потом я махнула владельцу одного из магазинов на другой стороне улицы и чуть не споткнулась, подойдя к двери в антикварный магазин мистера Ванденберга. Схватившись за ручку, я стала ждать, когда пройдет накатившая боль. Та самая, которую я ощутила раньше, когда вышла на улицу за Куки. Признаюсь, ощущения были не из приятных. В животе все скрутилось, голова закружилась, колени ослабели. И источник этой боли находился внутри магазина.

Прикрывшись рукой от света, я заглянула в окно узнать, все ли в порядке. На первый взгляд ничего необычного не было. У кассового аппарата стоял мистер Ви с напряженными плечами и рассеянным взглядом, словно владелец глаз на самом деле находился за тысячи километров отсюда. Рядом с ним с журналом в руках сидел какой-то незнакомый мужчина, взгромоздив обутые ноги на прилавок. Для меня это стало знаком номер один, что что-то не так.

Этому прилавку больше ста лет, и мистер Ви всегда относился к нему, как к члену семьи. Более того, мистер Ванденберг всегда внимательно следил за едой, которая появлялась у него в магазине, но боже упаси, чтобы хоть что-нибудь съедобное коснулось прилавка. А тут, видите ли, появляется какой гад и складывает на прилавок грязные ботинки!

Крепко сжав дверную ручку, я стала бороться с отчаянным желанием броситься наутек. Все это меня не касается. Не моего ума дела, что там происходит у мистера Ви. Нельзя вмешиваться в чужие проблемы только потому, что я их чувствую. Точнее чувствую их последствия. А даже если я и вмешаюсь, то что смогу сделать? Я же не помню собственного

имени. Как можно помогать другим, если не можешь помочь самой себе?

Никак. Значит, не стоит и помышлять о каком бы то ни было вмешательстве. Доставлю сэндвичи и до свидания.

Подняв вокруг сердца щиты, я открыла дверь, изобразила беззаботный вид и вошла в магазин. Вот только стоило мистеру Ванденбергу поднять голову, как в меня кирпичной стеной врезался весь груз его мучительной эмоциональной боли. Внутри словно что-то взорвалось, и я чуть не согнулась пополам, но, стиснув зубы, чудом продолжала переставлять ноги.

— Здрасьте, мистер Ви, — осипшим голосом выдавила я.

— Привет, Джейни. Сколько я тебе должен?

Не знаю, откуда взялась решимость, но я просто обязана была его проверить. Поэтому, быстренько смерив взглядом сидевшее за мистером Ви наглое хамло, поставила пакет прямо на прилавок.

Мистер Ви ни слова не сказал. И ничего не сделал, только открыл кассовый аппарат. Нормальной его реакцией было бы сразу же схватить пакет, чтобы на прилавке не осталось жирных пятен. Но ничего такого не произошло. Зато хам встал, открыл пакет и принялся копать внутри. Потом достал себе сэндвич, закрыл пакет, а меня так ни разу и не удостоил взглядом.

— Так что там с оплатой, Джейни? — напомнил о себе мистер Ви.

— Простите. Ровно двадцать семь.

Он кивнул и полез дрожащими пальцами в кассу.

Откуда-то из задних комнат вышел еще один мужчина, заметил меня и уже развернулся уходить, но хам успел рявкнуть:

— Что я тебе говорил?!

На фарси. Густой ближневосточный акцент я узнала сразу.

Итого, семь. Вместе с английским, фарси — седьмой язык, который я знаю. В наше кафе постоянно навещают туристы со всего мира. Я прислушиваюсь к ним и всегда понимаю, о чем они говорят. Иными словами, я еще ни разу не слышала языка, который был бы мне непонятен, но при этом не помню ничегошеньки из своего прошлого. Как такое вообще возможно?

На втором мужике был рабочий комбинезон с грязными локтями и коленями, словно мужик что-то копал. В руках он держал топор и смотрел на меня из-под насупленных густых бровей. В приглушенном свете острые черты худощавого лица казались еще резче.

— Мы прошли, — сказал мужчина в комбинезоне. Тоже на фарси, но его акцент выдавал северо-иракское происхождение. — Вечером понадобится плазморез.

«Плазморез» он сказал на английском, и хам тут же уставился на меня узнать, прислушиваюсь ли я к разговору. Однако я уже воспользовалась шансом вспылать горячим интересом к антикварному ожерелью в витрине возле кассового аппарата. Даже тоскливо вздохнула.

Успокоившись, хам бросил пакет напарнику и дернул головой, молчаливо приказывая тому уйти. А сам (между прочим, он оказался вовсе не высоким, а скорее мясистым) занялся собственным сэндвичем.

Изо всех сил стараясь контролировать руки, мистер Ванденберг вручил мне две двадчатки. Он из тех парней средних лет, которые выглядят гораздо старше благодаря худобе и слегка седеющим волосам. Усугублялось впечатление допотопными очками в проволочной

оправе и галстуком-бабочкой. Что тут скажешь? Мистер Ви жил ради вещей, чье призвание — вызывать ностальгию.

— Сдачу оставь себе, — сказал он, и в его взгляде внезапно отразилась мольба.

Он хотел, чтобы я убралась отсюда, и поскорее.

Из задних комнат раздались еще чьи-то голоса. Звучали они приглушенно, поэтому мне не удалось сходу разобрать, о чем говорили. Расслышать удалось лишь что-то об опорной балке, которую нужно было... усилить? Нет, укрепить. Нужно было укрепить опорную балку. Второй голос сказал что-то о металлической трубе. Похоже, кто бы там ни был, что-то преграждало им путь.

Хам заметил, что я неоправданно задержалась. Значит, оставался только один вариант — уйти. Я уже было повернулась к выходу, как в магазин вошла женщина. Как-то я обслуживала ее в кафе. Она была назойливой до ужаса парикмахершей, у которой настырности больше, чем здравого смысла.

Уровень адреналина мистера Ви взлетел выше крыши.

— Очаровательная вещица, — опять вздохнула я и сквозь стекло указала на ожерелье, чтобы поторчать тут еще немножко.

— Здравствуйте, Уильям.

— Добрый день, Эллен. Я уже упаковал вашу лампу. Можно забирать.

Бросив взгляд на хама, словно прося разрешения, мистер Ви отошел к полкам, чтобы взять коробку.

— Жду не дождусь! — отозвалась Эллен, ничего не подозревая. А может, я поспешила с выводами. — У меня в гостиной она будет смотреться великолепно! Кстати, Натали сегодня не пришла на укладку. Надеюсь, все в порядке.

Она явно выуживала информацию. Может быть, закончились скандальные темы.

— Ах да, примите наши извинения. — С коробкой в руках мистер Ви вернулся к прилавку. — Возникли кое-какие семейные неурядицы, и Натали с детьми пришлось срочно уехать на несколько дней к моей матери.

Ложь.

Едва мелодия свежих сплетен коснулась ушей Эллен, она сделала пару шагов вперед.

— Боже правый! Надеюсь, все обойдется.

Еще одна ложь.

— Разумеется. — Мистер Ванденберг сдвинул очки с заметной горбинки на переносицу. — Мать упала и ушибла бедро, поэтому Натали отправилась за ней присматривать.

Взяв коробку, Эллен смерила его пристальным взглядом. Неужто поняла, что он врет? Секунду спустя ее губы изобразили фальшивую широкую улыбку.

— Что ж, когда будете с ней говорить, передавайте от меня большой привет. А маме пожелайте скорейшего выздоровления. С нетерпением жду возможности снова отведать сказочной запеканки из цукини.

С трудом, но мистер Ви все-таки сумел рассмеяться, а я чувствовала лишь то, как от него исходит страх. Неподдельный, жуткий ужас, от которого в комнате не осталось воздуха.

Так и не получив стоящей информации для приличной сплетни, парикмахерша наглово помахала на прощание и ушла со своей лампой. Мистер Ви откашлялся и только теперь заметил, что я все еще здесь. Полез в карман, уронил на пол пару монет, но не обратил на них внимания и стал просматривать банкноты, которые достал из кармана.

— Извини, Джейни. Так сколько я должен?

Только через секунду до меня дошло: он настолько не в себе, что пытается опять заплатить мне за заказ.

— Двадцать семь долларов. — Я подождала, пока он не отсчитал нужную сумму с очередными клевыми чаевыми, а потом добавила: — Но вы уже заплатили.

Голубые глаза посмотрели на меня поверх золотой оправы, и щеки мистера Ви вспыхнули.

— И то правда, заплатил.

Я сочувственно кивнула.

— Извини, пожалуйста. — Он засунул деньги обратно в карман. — Ты хотела на что-то посмотреть?

Вряд ли было бы хорошей идеей ответить «Ага, на задние комнаты». В данный момент меня интересовал один вопрос (кроме очевидного со словами «Какого, блин, черта?»): хорошо ли хам знает английский. Поговорить напрямую с мистером Ви я не рискнула. Вдруг хамло так же бегло говорит на моем родном языке, как я — на его? Плюс я не знала, что на самом деле происходит, поэтому вариант обменяться с владельцем магазина понятными знаками тоже отпадал.

— Все равно не смогу себе позволить, — усмехнулась я. — Хорошего дня, мистер Ванденберг.

Он снял очки и стал их протирать.

— Да, конечно. Тебе тоже.

Хам уже съел добрую половину сэндвича и опять уставился в журнал, но я всерьез сомневалась, будто его интересует, что печатают в издании «Антиквариат и изобразительное искусство».

Заходя в магазин, я была полна решимости не вмешиваться. Выходя, точно знала, что ни за какие коврижки так не поступлю. Мистер Ви был в таком состоянии, что само по себе удивительно, как он вообще разговаривал. Но сколько еще он так продержится? Как по мне, сил у него оставалось все меньше и меньше. Что бы ни задумали его новые друзья, их было как минимум четверо. Я принесла четыре сэндвича, ни один из которых мистер Ви не смог бы съесть. У него аллергия на яйца, а все четыре он заказал с майонезом.

Открыв дверь, я прислушалась к веселому побрякиванию звонка, и этот радостный перезвон составлял ощутимый контраст с атмосферой в магазине. На этот раз у холода была только одна задача — напомнить, что одета я не по погоде. Однако буквально перед выходом мой взгляд зацепился за фотографию на полке, вставленную в антикварную рамку на продажу. Рядом стояла табличка с детским почерком: «ПРОДАЮТСЯ: рамка — 50 долларов, родители — 49,95 долларов за штуку».

Дверь за мной закрылась, и пришлось приложить все усилия, чтобы не затрястись от холода.

Чтобы подчеркнуть все достоинства рамки, мистер Ви вставил в нее фото своей семьи. И эту семью я знаю. Не знала только, что они — его семья. Пару раз в неделю они приходят в кафе. Натали, жена мистера Ви, настоящая красавица. Похожа на островитянку — с экзотической смуглой кожей и густыми черными волосами. Дети — смесь голубоглазого блондина мистера Ви и богатых темных оттенков его жены.

Зовут их Джозеф и Джасмин. Джозефу около десяти. Джасмин помладше, лет, может быть, шести-семи. Я запомнила их с самой первой встречи. Отчасти потому, что оба были

темноволосыми с кристально ясными голубыми глазами.

— Вы очень яркая, — заявила Джасмин, пока я принимала их заказ.

— Ну, спасибо.

— Вы ангел?

Так и не оторвавшись от экрана телефона, Джозеф ткнул ее локтем в бок.

Я тихо рассмеялась:

— Не всегда.

— Извините, — вмешалась Натали, — Джасмин считает, что видит ауры.

— Ничего себе! — Я повернулась к девочке. — Классная способность!

— У вас нет ауры, — восхищенно пролепетала Джасмин. — Вы и есть аура.

— Ой, это так мило! — Подмигнув ей, я спросила у Джозефа, что он будет пить.

— Кофе. Черный.

Прекрасно понимая, что ему вряд ли больше десяти, я покосилась на Натали.

Та пожала плечами и объяснила:

— Это его единственный порок.

Учитывая возраст Джозефа, я понадеялась, что так оно и есть. Но, когда налила ему чашку, он достал из кармана куртки шоколадку и бросил квадратик в кофе.

— Единственный, говорите? — спросила я у Натали.

— Предлагаете считать за два сразу? — ухмыльнулась она в ответ.

С тех самых пор я взяла за правило сходу наливать Джозефу кофе с наставлением «Пей с умом». Он посмеивался из-за чашки или показывал мне большой палец, а Джасмин тем временем изучала меня, наклоняя головку так и эдак, чтобы рассмотреть мои крылья. Проще говоря, в это семейство я по уши влюбилась.

Отойдя на несколько шагов, я прислонилась к кирпичной стене. Какая роль в происходящем отведена семье мистера Ви? Грозит ли им опасность? Как только стало слишком холодно (то есть секунд через девять), я отлепилась от здания и пошла обратно в наше кафе, выдумывая сотни сценариев, которые могли бы объяснить странности в антикварном магазине. Рядом — только химчистка. Зачем, бога ради, жителям Ближнего Востока делать подкоп в химчистку?

Я оглянулась. На вид все было, как всегда. В смысле химчистка выглядела... ну, как химчистка. Что такого может там быть, чтобы заставить группу, казалось бы, абсолютно вменяемых людей копать туннель? Я посмотрела чуть дальше. Здание за химчисткой давно пустует, а сразу за ним находится очень популярный винный магазин. Туристы любят вино.

Хотя кого я обманываю? Я тоже люблю вино. А кто не любит?

Судя по тому, что мужики копали посреди белого дня, когда их могли заметить или услышать, в здании химчистки определенно имелось нечто особенное. Короче говоря, в голове толпились тысячи вопросов.

Зачем копать днем? Почему бы не дождаться ночи? Может быть, из-за шума и света? Непривычная активность могла бы привлечь нежелательное внимание быстрее, чем если бы мистер Ви затеял грандиозный ремонт со сносом стен. Но тогда почему бы не начать копать из свободного здания, вместо того чтобы практически брать человека в заложники? Может быть, то, за чем охотились восточные ребята, находилось ближе к магазину мистера Ви? Тоже бред. Оказавшись внутри химчистки, они могут перемещаться куда угодно. Опять же, почему именно туннель? Не проще ли устроить обычный взлом?

Все мои идеи так или иначе заходили в тупик. Впрочем, это не имеет значения. Главное

— вернуть мистера Ви семье в целостности и сохранности. Если его держат в заложниках...

У входа в кафе я резко остановилась и подумала о том, насколько сильным был страх мистера Ванденберга. Одно дело — бояться за собственную шкуру, и совсем другое... А вдруг его жену и детей тоже взяли в заложники?

По-хорошему, надо было сразу рассказать о своих подозрениях полиции, но я опасалась, что какой-нибудь коп начнет слишком активно рыскать по округе и поставит под удар жизнь мистера Ви или, что еще хуже, всей его семьи. Ситуация однозначно требовала деликатности. А вооруженная кавалерия с мигалками — явно не вариант. Жаль только, я вообще плохо себе представляла, какие тут могут быть варианты.

Порыв холодного воздуха заставил меня войти в приглушенный теплый гул забитого под завязку кафе, и мой взгляд тут же метнулся к Рейесу. Он сидел спиной ко мне, и слава богу, потому что я не в состоянии думать, когда смотрю на его лицо. Как, собственно, и на широкие плечи. И на густые непослушные волосы.

Я подошла к кассовому, держа в руках деньги, которые дал мне мистер Ванденберг. Что же я могу сделать ради него и его родных? К кому обратиться? Мне позарез нужен кто-то, кто занимает достаточно высокое положение в правоохранительной пищевой цепочке. Например, детектив. Или даже начальник участка. Вообще-то, я знакома с парой-тройкой копов, но перчатки в сложившейся ситуации нужны шелковые, а не боксерские. Да и знакомые мне копы не вызывают такой степени доверия.

И тут всплывает проблема номер два: что я скажу человеку, к которому все-таки решусь пойти? Что я видела арабов, и у меня возникло дурное предчувствие? Не слишком ли парасистски это звучит?

Проходя мимо Гаррета, я подумала, можно ли поговорить с ним. Он же что-то вроде копа, правда, я не знаю, где конкретно он работает. Еще есть мистер Петтигрю, а он-то точно бывший детектив. Может быть, с ним и посоветуюсь. Но опять же, что мне сказать? И могу ли я на него положиться, учитывая дрыхнувшего в нем демона?

В этот самый момент я заметила, что ко мне с улыбкой идет Куки. Улыбка была просто широченная и прямо-таки сочилась нежностью. Куки распахнула объятия, и я уже приготовилась к тому, что подруга вот-вот вlepит мне далеко не детский поцелуй. Однако поцелуя удостоился ее муж, что, конечно же, можно было понять. И муж этот, как выяснилось, шел напрямик за мной.

— Привет, Джейни, — поздоровался он, как только Куки освободила ему рот.

Разве нет законов, запрещающих публичные выражения чувств?

Роберт (он же Боберт, как мне нравится его называть, но только по вине Куки) может похвастать теплыми глазами и очаровательной усатой улыбкой. Похоже, ко мне он испытывает почти такие же чувства, как и его жена. Они всегда приглашают меня то на ужин, то в кино. Поначалу такой энтузиазм слегка пугал, но, едва я узнала их получше (и поняла, что они не свингеры), начала испытывать только глубокую благодарность. Эти двое стали моей силой притяжения в жизни без намека на гравитацию. Канатом, связывающим меня с землей.

— Привет, Боберт. Как твое ничего?

— Не зудит. А твое как?

Он сгреб меня в медвежьи объятия, и это было чудесно, несмотря на то, что наш разговор подспудно касался здоровья интимных частей тела. Кому-то это могло бы показаться странным. Я же странности обожаю в любом виде.

— Та же фигня, — ответила я, как только он меня отпустил. — Сегодня твоя жена пыталась обслужить клиента по по-о-олной программе.

Боберт сочувственно глянул на Куки, чьи щеки мигом вспыхнули. Женаты они всего пару месяцев. Клянусь, молодоженов милее нет на всей планете. А уж Боберт!.. Где это видано, чтобы в таком преклонном, древнем, даже дряхлом возрасте, практически стоя одной ногой в могиле, все-таки встретить свою истинную любовь! И не где-нибудь, а на рейве в Мохаве! По крайней мере такую историю рассказала мне Куки. И соврала. А раз соврала о том, что познакомилась с будущим мужем на рейве, значит, считает, что правда прозвучала бы хуже. Наверное, правда там совсем ни в какие ворота. Может быть, они познакомились в стриптиз-клубе. Или на человеческом жертвоприношении. А может, и вовсе на битве тракторов.

Боберт выбрал столик неподалеку от полки с напитками, а мы с Куки решили заняться тем, за что нам платят. Даже странно, но именно этого от нас и ждут.

Проводя по кассе заказ мистера Ви, я поняла, что по поводу его ситуации чувствую некоторое облегчение. Стоило спрятаться от холода в кафе, как решение пришло само по себе. В лице Боберта. Можно же у него и спросить, что делать. Куки говорила, что в Нью-Мексико он был чем-то вроде детектива. Понятия не имею, как называют детективов в странах Латинской Америки, но на английском он говорит очень даже сносно. Наверняка сумеет подсказать, к кому я могу обратиться. Точнее — к кому нужно обратиться.

Плюс никаких связей здесь у Боберта нет, а значит, он не пошлет целый отряд рисковать жизнью мистера Ванденберга. Иными словами, я могу спросить у Боберта, кто в местном участке хотя бы гипотетически отнесется серьезно к моим словам и заодно согласится вести расследование без лишней огласки.

Как правило, Боберт остается в кафе где-то на час и ждет, когда у Куки выгорит перерывчик, чтобы они могли вместе поесть. Ну разве не мило? Оставалось только надеяться, что толпа к тому времени хоть немного поредеет, и нам с ним удастся поговорить при минимуме свидетелей.

Я никак не могла решить, посвящать ли в детали Куки. Ее муж вполне мог оказаться из тех офицеров, которые не смешивают работу и личную жизнь. Хотя бы ради того, чтобы не втягивать Куки в неприятности. Надо будет пообщаться с ним раньше, чем у нее появится свободная минутка.

Я покосилась на Рейеса. Он сидел за столиком, ел сэндвич и читал что-то в телефоне. Через пять секунд ничего не изменилось. Еще через пять секунд он откусил кусок и продолжил читать. Еще приблизительно пять секунд спустя...

К Рейесу пританцевала Фрэнси с подносом десертов, который мы используем, чтобы соблазнить гостей заказать чуточку больше, чем влезет им в желудки, и спросила, не положил ли он на что-нибудь глаз. Причем к десертам вопрос никакого отношения не имел.

Фрэнси расстегнула две верхние пуговицы на блузке и наклонилась, чтобы Рейесу было лучше видно.

А ведь я так тоже могу. Грудь у меня что надо.

Однако сегодня Фрэнси буквально пошла вразнос, потому что уже докатилась до отчаяния. Даже со стороны все это выглядело печально.

И стало еще печальнее, когда Рейес все-таки обратил внимание на ее усилия, из-за чего я чуть не вывалила спагетти на колени клиенту.

Спустя несколько долгих и мучительных секунд, в течение которых ни я, ни Фрэнси не

дышали, Рейес ответил:

— Спасибо, может быть, позже.

Фрэнси захлебнулась разочарованием. Я от восторга взлетела в небеса. Причем восторг смешался со сладкой эйфорией. При мне Рейес говорил очень редко, и слышать его голос было все равно, что искупаться в теплой карамели. Честно говоря, моя реакция пугает даже меня.

— И что ты о нем думаешь? — спросила у меня Дикси, кивком указав на того, приближаться к кому мне точно скоро запретят в судебном порядке.

— О ком? — превратившись в самую невинность, переспросила я. — О Рейесе?

— Угу, — прогудела Дикси, подливая чая со льдом моему клиенту.

— Ну... ничего так.

Ее губы сложились в порочную, как мои самые темные фантазии, ухмылочку.

— Согласна.

Вот же распутная нахалка! Время от времени Дикси обходила зал, все больше зависая то возле Гаррета, то возле Рейеса. Честно говоря, только из-за них она вообще и ходила по залу, потому что крайне редко брала на себя обязанности официантки.

Я пошла по своему сектору принимать заказы и начала со столика, где сидели гости в возрасте от тридцати и выше. Все поголовно — женщины. Разряжены в пух и прах. В заказах — сплошь вода с лимоном и салатики. Бедняжки! Я приняла заказы еще с двух столиков и двух кабинок. Все посетители — женщины. Разряжены в пух и прах. Слава богу, не все заказали воду с лимоном и салатики.

Вернувшись за стойку, чтобы вбить заказы в базу, я наткнулась на свою самую давнюю и самую лучшую подругу. Куки заливала свои заказы, клацая ногтями по экрану. По сравнению с предыдущими днями сегодняшней обеденный наплыв поставил рекорд. Хотя, если подумать, с каждым днем толпа в часы пик только нарастала. А я-то думала, что декабрь для туристов не сезон. Видимо, ошибалась.

— Только мне кажется, что женщин тут завались? — спросила Куки, закрывая свои заказы.

Осмотрев зал, я пришла к выводу, что она права. Вообще клиентов была уйма, и всех, похоже, интересовал один и тот же человек. Тоже клиент. Именно на нем были сосредоточены столы, за которыми сидели только женщины, а это почти все столы в зале. Пара столов с посетителями мужчинами разделяла интерес первых. Не отставал и бизнесмен, обедавший в одиночестве и притворявшийся, будто его совершенно не интересует некто высокий, опасный и восхитительный. Ей-богу, я их понимаю, но конкуренция, блин, растет!

Не то чтобы я на самом деле участвовала в этом соревновании. Рейес — воплощенное зло, которое меня в прямом смысле слова терпеть не может. И мне вовсе не улыбаются мысли о том, чтобы провести с ним время. О том, как он идет за мной на склад, прижимает к стене, задирает юбку и стаскивает по моим ногам трусы, чтобы оказаться внутри меня...

Не-а. Такие мысли скорее предостерегают, напоминают о том, чего бы мне однозначно не хотелось испытать в реальности. Он как пантера на лоне дикой природы. Зрелище прекрасное, но приближаться страшно.

Куки сорвалась с места и отправилась одному богу известно куда. Я один за другим вводила на экране заказы. Мимо туда-сюда сновали Эрин, которую бесило, что мне хватает наглости расходовать кислород, и Фрэнси, которая делала вид, будто ее не бесит, что мне

хватает наглости расходовать кислород, хотя лично я подозреваю, что в этом вопросе она с Эрин заодно. Иными словами, дневная смена работала как единый хорошо смазанный механизм. Точнее как единый хорошо смазанный механизм с хреново прикрученным винтиком по имени Куки. Если не считать случайных осечек, то при всех наших различиях мы бы сумели дать фору любой команде механиков во время Пятисот миль Индианаполиса.

В какой-то момент примчалась Куки забрать тарелки с раздаточного окошка.

— Ты это видишь? — спросила я, кивнув в сторону Рейеса.

Его кожу лизал бархатистый огонь, чьи волнообразные колебания по-настоящему завораживали. Тут ничего нового не было. А вот язычки пламени, которые Рейес оставлял на столе, — это что-то новенькое. В одной руке он держал телефон, а другая лежала возле тарелки. Пальцы лениво что-то рисовали на гладкой поверхности, оставляя за собой огненные следы, словно Рейес в буквальном смысле прожигал дерево.

Кажется, никто, кроме меня, ничего не замечал, но я должна была убедиться, что всем нам не грозит сгореть заживо. А вдруг он пироман? Так сказать, сверхъестественный поджигатель?

К тому моменту, как Куки, загруженная тарелками, повернулась посмотреть, Рейес сменил позу и опустил руку. А стол все еще горел.

— Еще как вижу, — довольным тоном отозвалась подруга.

— Правда? — удивилась я.

Тем временем язычки пламени потухли, оставив на память о себе струящийся в небо дым.

Куки ухмыльнулась:

— Солнышко, я женщина замужняя, а не мертвая. Кто из нас такое не заметит?

Я засыпала кофе в кофеварку, вспомнила, что нужен фильтр, высыпала гранулы обратно и начала сначала.

— Есть такое дело. Но... ты не видишь ничего необычного? Чего-нибудь... ну не знаю... горячего?

— Милая, то, что я вижу, — это определение горячего.

— Да нет же! То есть да, но ты точно не видишь ничего странного?

— Ты о том, как он сидит? — уточнила Куки чуть-чуть охрипшим голосом. — Его ноги всегда слегка расставлены, а рука лежит на бедре. И как, бога ради, какая-то обычная сидячая поза в чьем-то исполнении может превратиться в целое, черт возьми, эротическое шоу?

То есть огня она явно не видела.

Перед тем как опять смыться, Куки поинтересовалась:

— А это очень плохо, что каждый раз, когда он появляется, мне охота влезть ему на колени?

— Только если ты поддашься своим желаниям. На глазах у собственного мужа.

Куки рассмеялась, чуть не столкнулась лбами с Эрин и понесла заказ своим клиентам.

Честно говоря, она права. Даже очень. Чувака вполне можно было сфоткать в качестве определения к словосочетанию «ходячий секс». А мне давно пора с этим, черт меня дери, смириться. Встречаться с таким типом — все равно что играть в бутылочку внутри ядерного реактора. Да и вообще, на него надо повесить значок биологической опасности, потому что я уж точно на него не поведусь. И близко не подойду. На все сто процентов — опасная зона. Короче говоря, ни за какие коврижки.

Я взяла графин с водой на случай, если стакан у Рейеса опустел. И дело тут не в том, что я собиралась нарушить только что в сотый раз данный зарок, а в том, что мне нужно было выполнять свою работу. К тому же я постоянно живу в сплошном отрицании.

Вообще-то, причин все-таки приблизиться у меня было аж три. Во-первых, мне хотелось посмотреть на стол. Действительно ли Рейес его прожег? Во-вторых, я таки набралась храбрости проверить одну давнишнюю теорию. Каждый раз, когда он приходил, в кафе как будто становилось теплее. Учитывая, что он из огня и все такое, оно и понятно, но все же: был ли именно он виноват в том, что мне ни с того ни с сего становилось жарко? Для климакса я еще слишком молода, так что тут на всякий случай стоит мысленно скрестить пальцы. Ну а в-третьих, насколько близко я смогу подойти? Если он и правда такой горячий, как мне кажется, и если он ко мне прикоснется, загорюсь ли я, как и стол? Сожжет ли Рейес меня живьем в буквальном смысле? Окажется ли его прикосновение таким же обжигающим, как и одно только присутствие?

Шагала я к Рейесу решительно и целеустремленно, но, чем ближе подходила, тем медленнее шла. Куки бросила все свои дела и уставилась на меня, не скрывая удивления. У Фрэнси была похожая реакция, когда она заметила, что я иду напрямик к ее клиенту. В принципе, это у нас не невидаль. Мы все друг друга прикрываем и следим за всеми клиентами в зале на случай, если кому-нибудь из них что-то понадобится. А конкретно этому клиенту точно было что-то нужно. Бога ради! Чувак в прямом смысле слова горел! Если кому и нужна вода, то...

Пять метров. Оставалось пройти всего пять метров, и это расстояние быстро сокращалось. Ну, для меня — быстро. Жар, который я ощущала всякий раз, когда Рейес входил в зал, с каждым моим шагом становился все сильнее, пока не стал почти невыносимым, когда я наконец подошла к столику. Стоять так близко было сродни тому, чтобы стоять рядом с растопленной на всю катушку печью. Жар исходил от Рейеса раскаленными добела волнами.

— Вам подлить? — спросила я, и голос лишь слегка меня подвел.

Вот только Рейес и не думал на меня смотреть, но, кажется, почувствовал мое приближение. Пока я шла к нему, его взгляд был прикован к моим ногам. Но сам Рейес даже не шелохнулся ни тогда, ни сейчас. Зато пламя, живущее в нем, будто заново ожило. Вспыхнуло еще ярче и разрослось, пока не поглотило его целиком. Мышцы Рейеса в ответ сократились. Углы челюстей стали резче. На предплечьях вздулись вены, будто он боролся с чем-то внутри себя. Будто старался взять себя в руки.

Я сделала маленький шаг назад, и беснующееся пламя утихло до уже привычного мне ежедневного жара.

Понадобилось еще несколько секунд, которые растянулись почти на целую вечность, прежде чем до меня наконец дошло: Рейес меня по-настоящему ненавидит. Его эмоции оказались настолько мощными, настолько плотно сплетенными, что было трудно отделить одну от другой, но я была уверена: в сердцевине этого клубка кроется жгучая ненависть.

Я так смутилась, что молилась только о том, чтобы сию же секунду провалиться сквозь землю. Впрочем, есть во всем этом и кое-что хорошее. Никто не знает, кто я такая. Даже я не знаю. А значит, в любую секунду можно дать деру из города и обо всем забыть.

Придется сменить имя. Джейни Доэрт (Джейн Доу^[1] показалось мне дико поношенным) станет воспоминанием. Воспоминаний у меня не так уж много, так что парочка лишних точно не помешает.

Смирившись с судьбой, я начала отступать назад, как вдруг ресницы Рейеса медленно и размеренно стали подниматься. Взгляд прошел по мне снизу вверх, оставляя за собой горячие следы, пока не встретился с моим. И эффект оказался мощнее и больнее, чем если бы в меня на полном ходу врезался товарняк.

Едва заметно Рейес кивнул, и я забыла, о чем спрашивала. Напомнил графин с холодной водой в руке. Я тяжело сглотнула, с трудом отвела глаза и наклонилась наполнить стакан.

Рейес следил за каждым моим движением. Изучал меня так пристально, как изучает свою жертву голодный ягуар, и внезапно я почувствовала себя добычей. Как будто поддалась на старую как мир уловку и попала в ловушку самого смертоносного на свете хищника.

Рука начала трястись. Опять смутившись, я выпрямилась, стараясь не замечать, как горят щеки, и поняла, что весь зал притих. Мы почему-то привлекли всеобщее внимание. Стало жутко не по себе, и я выронила графин. Вот только он не упал — Рейес успел его подхватить. Причем так быстро, что я даже не увидела.

Протянув мне графин, Рейес держал его, пока не убедился, что я крепко вцепилась в ручку, а потом встал. Я шагнула назад, но все равно пришлось задрать голову. Он навис надо мной, и это было чарующе и страшно одновременно.

А потом он заговорил, и это были его первые слова, сказанные лично мне. От звучания глубокого богатого голоса мои кости выпали из суставов. Я чуть было не ответила «Ну конечно, я займусь с тобой сексом перед тем, как ты принесешь меня в жертву своим богам», как вдруг до меня дошло, что он спросил, где у нас уборная.

Откашлявшись, я ткнула пальцем в нужную сторону:

— По коридору направо.

Что там я говорила о смущении?

Еще одну долгую секунду Рейес пожирал меня взглядом. Я не могла понять, что отразилось в его лице. Печаль? Или разочарование? Но уловить эмоцию не успела. Он прошел мимо и направился в сторону коридора.

А я наконец вдохнула полной грудью, и воздух в легких показался холодным. Только сейчас я поняла, что присутствие Рейеса обжигает и снаружи, и внутри. Кстати, о ночных кошмарах во всех смыслах: зрители резко потеряли ко мне интерес. Все головы в зале повернулись туда, куда уходил Рейес.

— Ты как, солнце? — спросила непонятно откуда появившаяся Куки.

Я же краем глаза заметила что-то на столе. На деревянной поверхности было выжжено слово на древнем кельтском языке, которым давным-давно никто в мире не пользуется. И слово это обозначало людей из Нидерландов и язык, на котором они говорят [\[2\]](#). В общем, в буквальном переводе на современный язык Рейес выжиг на столе слово «Датч».

Стать взрослым — значит, избавиться от необходимости демонстрировать кому бы то ни было, как туго тебе даются задачки по математике.

Надпись на футболке

Куки переводила взгляд со стола на меня и обратно.

— Что случилось, солнышко?

Она явно ничего не видела. Значит, Рейес все-таки прожег дерево, но не в материальном мире. Что это вообще за фигня? И тут меня осенило. Я знаю кельтский, то бишь мертвый язык, а такому может быть только одно объяснение.

Ошарашенно распахнув глаза, я уставилась на Куки:

— Кажется, я знаю, кто я такая.

— Правда?

— Кук, я гений!

— Серьезно? — усмехнулась подруга.

— Серьезнее некуда! — Я пошла обратно за стойку, и Куки двинулась следом. — Я умная. Но не по-обычному умная. — Перед тем как объяснить, я отпила своего кофе. — В общем, я типа умная дура. Наверное, у меня какой-то особый дар.

— Думаешь? — в третий раз спросила Куки, убирая со стойки тарелку Оша.

— Какой такой дар? — подключился тот.

Я все еще была в шоке от того, какие передо мной открываются возможности. И от того, что Рейес со мной заговорил.

— Понятия не имею, но я страшно умная! Знаю столько, что аж жуть.

— И имя свое знаешь? — поддразнил Ош.

Я изобразила невозмутимую мину.

— Фиг с тобой, имени своего я не знаю, зато знаю кучу другого дерьма.

— Ну конечно, знаешь, — проворковала Куки, словно разговаривала с ребенком. Ей-богу, не протирай она сейчас стойку, точно погладила бы меня по голове.

— Да я серьезно! Наверное, я какой-нибудь суперпуперученый. Астроном, например. Ну или математик. А может, я тот самый чувак, который соцсеть придумал!

Куки подсунула мне тарелку с заказом, а сама стала приспосабливать себе на левую руку сразу три. Что тут скажешь? Набирается опыта барышня.

— Уверена на все сто, что ты не тот чувак, который придумал соцсеть.

— Тебе-то откуда знать?

— У него короткие и кудрявые рыжие волосы.

— А еще, — добавил Ош, когда мы с ней обходили стойку, — у него есть член.

— Ош! — прошипела я, оглядываясь в поисках слоняющихся поблизости детей. Слава богу, единственный ребенок в зале сидел далеко и не мог нас слышать.

— Но ты не переживай, — улыбнулся Ош от уха до уха, — можешь взять мой, если надо. Я закатила глаза. Вот гаденыш!

Мы с Куки отнесли заказы ее клиентам, а когда вернулись, еще один наш помощник, Льюис, просунул голову в раздаточное окошко и позвал меня пресловутым «Пс-с-с!». Очень-очень громким пресловутым «Пс-с-с!». Уж не знаю, кого он норовил обдурить.

Обеденная толпа потихоньку рассасывалась. Я оглянулась узнать, не ушел ли Боберт. Мне же нужно успеть его подловить. И все-таки какой же он по уши влюбленный! Каждый раз ежеминутно поглядывает на Куки. Всегда ждет, когда активность в кафе поутихнет, чтобы покушать вместе с женой. А чтобы ей не пришлось идти пешком, всегда забирает ее с работы. То есть либо он на самом деле втюрился по самое не хочу, либо он помешанный на контроле ублюдок. Учитывая наше недолгое знакомство, сказать трудно.

Льюис всю дергал головой, подзывая меня подойти. Он из тех, кому в магазинах для высоких здоровяков делают скидки как постоянным клиентам. Ему хорошо за двадцать. Кожа смуглая, каштановые волосы всегда аккуратно пострижены, а глаза — удивительного оттенка влажного мха. И все это вместе дает потрясающий результат. Вот только большинство девушек, включая и ту, по которой сохнет Льюис, за размером его талии ничего другого не видят. А между прочим, он играет на бас-гитаре в метал-группе «Чумовой отрыв». Представить не могу, чтобы у него были какие-то проблемы с противоположным полом. И все же сердце Льюиса тянулось к той, что даже не подозревала о его существовании. К Фрэнси.

— На завтра все готово? — спросила я, чувствуя сомнения Льюиса так же отчетливо, как и холодный воздух из открытой задней двери.

Видимо, Лайонелу, помощнику шефа по заготовкам, опять стало жарко. Клянусь, еще чуть-чуть, и Суми всадит нож ему в глаз.

— Ну да... Только я... то есть ты точно уверена, что это необходимо?

— На все сто. Фрэнси так и будет ходить мимо, пока не увидит тебя в новом свете.

Льюиса продолжали терзать сомнения, а ведь задумка-то его! Ну ладно, моя, зато он активный соучастник.

— Послушай, чувак. Все просто: твой кузен заявляется завтра во время послеобеденного затишья, прикидывается, будто хочет меня ограбить, тут подскакиваешь ты, даешь ему по зубам, он сбегает, и никто ничего не узнает. Что здесь может пойти не так?

Льюис лишь неуверенно пожал плечами.

— Я не обещаю, что барышня мигом прыгнет в твои объятия, Льюис, но пока ты как-нибудь не привлечешь ее внимание, так и останешься невидимкой.

Лично я бы предпочла, чтобы он нашел себе ту, которая оценит его по достоинству, но бедняга втрескался по уши. Фрэнси, конечно, на самом деле красотка с рыжими волосами до плеч и милейшим курносым носиком, да только гонору в ней под стать внешности. Наверняка когда-нибудь она повзрослеет, но прямо сейчас видит только габариты Льюиса, а не то, насколько он чудесный, талантливый и удивительно привлекательный.

Опять же, кто я такая, чтобы лезть со своими ржавыми пятью копейками? Сама же сохну по воплощению зла. Наше либидо далеко не всегда выбирает безопасные тропинки. Ну а если снова удариться в редкую честность с самой собой, мне хотелось как-нибудь отвести Фрэнси от Рейеса. Вряд ли, конечно, отсутствие интереса с ее стороны даст мне хотя бы крошечный шанс, но мои травмированные мозги (те самые, которые каждый раз, когда появлялся Рейес, кричали мне бежать куда глаза глядят) лелеяли надежду, что без постоянных обхаживаний Фрэнси мои шансы на то, что Рейес меня заметит, хоть немножко подрастут. Что тут скажешь? Сердце и логика редко ходят рука об руку. Зато тоска и

одиночество...

В общем, во всей этой задумке Льюис не знал одного. Помогая ему завоевать Фрэнси, я, тем не менее, постоянно подкидывала ему поводы для размышлений. Вроде как в рекламных объявлениях, которые составлены так, чтобы воздействовать прямо на подсознание и заставлять людей покупать то, что им даже не нужно. Правда, до такой тонкости мне далеко.

— Кстати, слышала, на выходных Шайла ходила на твой концерт.

— Правда? — рассеянно отозвался Льюис. — Я ее не видел.

Шайла — официантка на третьей смене. Это крошечное, похожее на эльфа создание, которому на вид не дашь больше четырнадцати, на самом деле вот-вот отпразднует двадцать первый день рождения. И создание это сохнет по Льюису не меньше, чем он — по Фрэнси. То есть даже больше. Шайла влюблена, а Льюис всего-навсего увлечен. Любовь Шайлы самая что ни на есть чистая. Ей искренне хотелось, чтобы Льюис был счастлив и получил то, чего хочет. То есть Фрэнси. Шайла знала, что он помешан на рыжей красоте, поэтому даже не пыталась ни флиртовать, ни пригласить его на свидание. Просто отошла в сторонку, чтобы дать Фрэнси все возможные шансы в конце концов разглядеть в Льюисе прекрасного человека.

Это и есть настоящая любовь. Мои чувства к Рейесу, например, ничего общего с такой любовью не имеют. Скорее у меня что-то вроде бредовой одержимости. И, как бы странно это ни звучало, меня такое положение вещей вполне устраивает.

Мимо промчалась Эрин с подносом, заставленным напитками. Видимо, пора мне было снова приниматься за работу. Или нет. В моем секторе все спокойно кушали, а кто я такая, чтобы мешать людям?

В общем, «План» (а именно так мы и называли нашу затею) мы стали разрабатывать по одной простой причине. Некая рыжеволосая барышня отчаянно пыталась привлечь внимание некого черноволосого сверхъестественного гостя. И от пока тщетных потуг Фрэнси Льюис места себе не находил.

— Да кого я обманываю, Джейни?! — как-то сказал он мне, доверив самую сокровенную тайну.

Так уж распорядилась судьба, что благодаря укусу паука и фотке с концерта «Chevelle», которая облетела весь интернет, и на которой был изображен парень без головы со спущенными штанами, я знала самый страшный секрет Льюиса. И к Фрэнси этот секрет никакого отношения не имел. Человека с фотографии народ стал называть Анакондой, а я точно знала, что на снимке был Льюис. Опять же, благодаря укусу паука и страху Льюиса. По дурости он сделал татуировку на внутренней стороне бедра и боялся, что ему ампутировать ногу. Так что я видела упомянутую татушку, и да, она действительно похожа на анаконду. А еще на татуировке имеются черепа с надписью под ними «Цвет — это ложь».

Большинству парней дико бы понравилось, если бы их хозяйство стало известным на весь мир, но Льюис в этот список явно не входит. Есть у меня подозрение, что подобная слава ему ни к чему. Льюис глубоко уважает свою маму. Короче говоря, он хороший парень. Который почему-то снял штаны на концерте «Chevelle». Ох уж эти детки!

— Она никогда не пойдет со мной на свидание, — сказал он мне тогда, утопая в печали и попутно топя глазированный пончик в кофе. А потом кивнул в сторону Рейеса: — Точно не пойдет, пока по земле ходят такие, как он.

— Ты прав, — отозвалась я, а когда Льюис уставился на меня с отвисшей челюстью, поспешно добавила: — Слушай, я на твоей стороне. Просто... ну... чувак и правда

обладенный. — Мы оба взглянули на Рейеса, и я отвела взгляд гораздо позже Льюиса. — Она должна тебя заметить. По-настоящему тебя увидеть.

Мысли понеслись вскачь. Я нервно пожевывала нижнюю губу, как вдруг меня осенило. Планом. Тем самым «Планом». Будто молнией поразило, а я играла роль металлического прута на верхушке высокой конструкции, соединенного с проводом для безопасного заземления разряда молнии.

Разволновавшись, я повернулась к Льюису, но, видимо, выражение моего лица сбilo его с толку.

— Что ты надумала? — подозрительно сощурился он.

— Ты должен ее спасти.

— В смысле? Этот парень мне в два счета зад надерет.

— Да не от Рейеса! А вообще, ты только представь эту картину! — рассмеялась я и случайно хрюкнула. Ну правда, смешно же даже подумать о таком!

Впрочем, судя по взгляду мшисто-зеленых глаз, Льюис моего веселья не разделял ни капельки.

— Ну извини, — наконец успокоилась я. — Ты мог бы спасти Фрэнси от какого-нибудь грабителя, например.

В нем мигом вспыхнули сомнения.

— Опасно как-то звучит. И где мы найдем грабителя?

— Я же не говорю о настоящем бандите. Есть у тебя друг, который может прикинуться грабителем? Ах да! Еще нам понадобится пистолет.

— Пистолет?! Знаешь, Джейни, я, конечно, благодарен тебе за сочувствие...

— Нет-нет, ты прав, — поникла я. — Когда-нибудь она обязательно поймет, какой ты потрясный парень. Лет через двадцать, да? Все же девушки любят хороших парней. Особенно после того, как хорошенькокупаются в глубоком конце бассейна. Всего-то и надо — подождать пару-тройку десятилетий.

В глубине души я понимала, что неблагоприятная характеристика, которую я только что дала женщинам, напрямую относится в основном ко мне, но ради Льюиса готова была схитрить. Он заслуживает счастья.

— Ну ладно, — смирившись, вздохнул он. — Давай попробуем.

Так и родился «План». Льюис подговорит кузена прикинуться грабителем, который хочет ограбить кафе, а точнее — вашу покорную слугу. Фрэнси будет в ужасе наблюдать за происходящим. Появится Льюис, который всех нас спасет и вышвырнет «бандита» на улицу (тут им, наверное, придется порепетировать), а кузен быстренько сделает ноги, пока не нарисуются копы.

К сожалению, никто из нас не сможет опознать грабителя. Все случится очень быстро. Фрэнси не успеет насмерть перепугаться, зато увидит Льюиса, так сказать, в действии, поймет, какой он замечательный и мигом в него влюбится. Ну или заметит, что он существует.

— Твой кузен в курсе, что надо делать? — спросила я.

В ответ Льюис молча кивнул.

— Значит, завтра все и устроим. Хреново получится, если Фрэнси скажется больной.

Он в ужасе уставился на меня, поэтому я беззаботно махнула рукой:

— Да не переживай ты! Эта барышня здорова как бык.

К тому же ни за что не упустит возможности увидеть Рейеса.

Кстати о нем. Прошло уже несколько минут с тех пор, как он вышел в уборную, но так и не вернулся. Показав Льюису большие пальцы, я притворилась, будто мне тоже надо сбегать по маленькому, и, едва войдя в коридор, услышала голоса из мужского туалета.

Уходя, я заметила, что Гаррета за столиком нет. Может быть, с ним и разговаривал Рейес. Голоса звучали приглушенно, но из-за двери сочились мощные, как приливная волна, эмоции.

Прикусив губу, я подкралась поближе.

— Джемма сказала не давить на нее, — послышался мужской голос.

От громкого удара затряслась стена, и я подпрыгнула от неожиданности, но сбегать с удобного места не собиралась. Наоборот, придвинулась еще ближе к двери.

— Ты единственный, на кого я здесь давяю.

Это был Рейес. Богатый и сочный, как бурбон, голос я бы узнала где угодно. Второй явно принадлежал Гаррету. Понятия не имела, что они знакомы. При мне они ни разу друг с другом не разговаривали. Ни разу не поздоровались. Ни разу не подкололи друг друга, как это принято у мужчин.

Гаррет сказал что-то еще, но голос прозвучал сдавленно, поэтому разобрать не удалось.

— И что тут у нас? — раздался еще один мужской голос из-за моей спины. Точнее прямо вплотную к моей спине.

Я резко развернулась и подскочила, позорно пискнув. А потом гневно уставилась на Оша. Надо признать, этот мой гневный взгляд хорош. По-настоящему хорош. Я даже подумывала дать ему имя, но это, наверное, было бы слишком странно.

— Ош! Какого черта?

Появилась хорошо знакомая улыбочка чеширского кота. Ош глянул на дверь.

— Чем занимаешься?

С большим трудом мне удалось не оглянуться.

— Ничем.

— Подслушиваешь? — спросил гаденыш так, словно повторил то, что я только что сказала.

А потом шагнул вперед и оказался так близко, что у меня не осталось выбора, кроме как отойти на шаг назад. Я пятилась, пока не уперлась спиной в дверь, но дальше отступить точно не планировала. Дерзко вскинула голову и одним только взглядом стала подначивать его зайти дальше. Пусть попробует, засранец. С места не сдвинусь. По крайней мере до тех пор, пока кто-то не откроет дверь изнутри.

— Услышала что-нибудь интересное? — лукаво спросил Ош.

Я же все-таки не вчера родилась. Он явно не хотел, чтобы я узнала, о чем говорят в уборной, и во мне тут же вспыхнуло любопытство. С чего вдруг он так волнуется?

— Здесь поинтереснее будет, — нагло ответила я.

— Неужели?

Ош выгнул бровь, а секунду спустя поднял руку и хлопнул ладонью по двери за моей спиной. Само собой, дверь распахнулась, и я упала (да-да!) прямо на Рейеса.

Лицо загорелось от унижения. Я вырвалась из обжигающих сильных рук и промчалась мимо Оша обратно за стойку. В голове билась одна-единственная мысль: откуда они друг друга знают, и о чем спорили в уборной?

Ладно, это не одна, а две мысли. Может быть, я все-таки не математик.

*Сомневаюсь, что сумею стать чьей-нибудь родственной душой.
Вот доводить кого-нибудь до белого каления — это мне по плечу.*

Мем

Мужчины появились в зале через пару минут после меня. Гаррет расплатился и ушел, кипя от такого горячего гнева, что я едва отдышалась. А Рейес и Ош остались. Ош сел за столик Гаррета, Рейес вернулся за свой. Они не обменялись ни словом, ни взглядом, но у меня внезапно возникло ощущение, что оба просто-напросто разыгрывают спектакль.

Вопрос: зачем? И какая мне разница, знают они друг друга или нет? Разве что...

Я сощурилась и уставилась на обоих сквозь угрожающие щелочки между веками. А вдруг я дочь какого-нибудь миллиардера, а они хотят меня похитить ради выкупа? Двое из трех даже не целиком люди. Вряд ли их моральные и этические принципы можно поставить кому-нибудь в пример.

— Он живет в мотеле «Уютный уголок».

Я оглянулась на Фрэнси, схватила влажное полотенце и пошла протирать подоконник раздаточного окошка. Хитро поджав губы и практически сияя от удовольствия, Фрэнси двинулась за мной с телефоном в руках и стала пролистывать какие-то фотографии.

— В смысле Рейес там живет. Ты же знаешь этот мотель? Он как раз на Говард-стрит, в паре кварталов отсюда.

Само собой, я знаю, потому что хожу мимо этого мотеля как минимум дважды в день на работу и домой. Местечко, конечно, далеко не «Уолдорф», но мне-то что? Рейес здоровый молодой мужчина с самым мрачным на свете взглядом. Уж кто-кто, а он выживет и в таких условиях.

Я понимала, что лучше не задавать вопросов, потому что именно этого и добивалась Фрэнси, но любопытство взяло верх.

— Откуда ты знаешь, где он живет?

Она усмехнулась и подалась ближе, словно мы с ней лучшие подружки с младших классов:

— А ты угадай.

Что она имела в виду, было ясно как божий день. Вот только я не очень ей поверила. Слишком уж отчаянно Фрэнси хотелось спровоцировать меня на определенную реакцию, а когда никакой реакции не последовало, она добавила:

— У него в номере темно-синий ковер, а покрывало на кровати синее с золотом. Очень мужественное сочетание.

На этот раз я вздрогнула, что, к сожалению, заметила Фрэнси. Подошла Эрин, чьи длинные светлые волосы были собраны в растрепанный пучок. Ей явно не хотелось оказаться так близко ко мне, но, видимо, именно ее телефон держала в руках Фрэнси, которая продолжала листать фотографии:

— Она просто красавица, Эрин! Ну разве не прелесть?

С этими словами, к вящему недовольству Эрин, Фрэнси протянула мне сотовый. Я знала, что не так давно Эрин стала мамой, но ее ребенка никогда не видела.

Стоило взглянуть на экран, как меня в тот же миг прошибло диким шоком. Не успев сдержаться, я ахнула и прикрыла ладонью рот. Стало ясно: меня разыграли, а я попалась на удочку, как распоследняя тупица.

Вот только никто не смеялся. Более того, Эрин готова была выцарапать мне глаза. Даже у Фрэнси был такой вид, будто я натворила что-то ужасное. Забрав телефон, Эрин ушла, а Фрэнси, испепеляя меня взглядом, еле слышно процедила:

— Ну ты и мразь.

Ничего не понимая, я моргнула. Сердце все еще несло вскачь. На экране телефона никакой фотографии ребенка не было, зато было фото разлагающейся пожилой женщины с открытым беззубым ртом, словно она что-то кричала в камеру, и белыми, почти светящимися глазами.

Какого, на хрен, черта?!

Однако стало еще хуже, когда я поняла: мой драматический спектакль привлек внимание мистера Рейеса Фэрроу. Он смотрел на меня из-под длинных ресниц, тревожно сдвинув брови.

— Эй, — выглянул в раздаточное окошко Льюис, — что стряслось?

Смутившись в тысячный раз за день, я взяла кофейник, пробормотала «Понятия не имею» и тоже вышла из-за стойки. А что? Сейчас это, видимо, в моде.

Подлив кофе нескольким посетителям, я двинулась к мужу Куки, но по пути, к сожалению, пришлось иметь дело с Марком и Хершелом, которые все еще сидели за своим столом.

— Принести вам что-нибудь еще? — спросила я.

— Я бы не отказался от кусочка этой задницы, — ответил Марк.

— Серьезно? Неужели в мире и правда есть такие люди, как ты?

— Ох, детка, я серьезен, как никогда.

Я уперлась кулаком в бок.

— Ушам своим не верю! До меня, конечно, всякие слухи доходили, но я думала, что такие вот парни — всего лишь персонажи городских легенд. Ну, знаете, вроде той парочки, которая обжигается в посадке, а потом оба слышат какой-то звук, и парень идет проверить, что там и как. Девочка остается совсем одна, потом слышит, как что-то капает, поднимает голову, а там висит труп парня, и оказывается, что это капает его кровь. Девочка кричит, прыгает в машину, мчится домой, а там копы находят окровавленный крюк в дверной ручке.

Как, черт возьми, можно помнить такой бред и не помнить собственного имени? Это же по всем статьям неправильно!

Как бы то ни было, мой красочный монолог придурка ни капельки не впечатлил.

— Про легенду — это ты дело говоришь.

И это все, что он запомнил?

— А можно я тебя сфоткаю? Повешу снимок на одном из тех сайтов, где постят фотки НЛО и снежного человека. А то мне никто не поверит.

— Закончила умничать? — процедил Марк.

Что ж, вопрос по существу.

Я задумалась и покачала головой:

— Наверное, нет. Ну так как? Кофе подлить?

В ответ придунок проворчал что-то нечленораздельное.

Я наполнила обе чашки, делая вид, будто не замечаю запаха алкоголя. Видимо, эти двое принесли что-то с собой. В гриль-баре «У костра» алкоголь не подают.

Судя по всему, Марк считал своим гражданским долгом испоганить мне весь день. Вряд ли даже самая терпеливая девушка в состоянии долго терпеть постоянные нападки с сексуальным подтекстом. Но Дикси не обрадуется, если на кафе подадут в суд за то, что официантка вылила горячий кофе на голову клиенту. Или двум сразу.

Пожелав обоим хорошего дня, я направилась к мужу Куки. На самом деле Боберта зовут Роберт. Когда он впервые пришел в кафе, Куки почему-то ужасно нервничала.

— Его зовут Боб... ерт, — сказала она, указав на него и отвернувшись от меня.

— Твоего мужа зовут Боберт?

Подруга снова повернулась ко мне и рассмеялась. Тихо. И нервно.

— Я хотела сказать Роберт. Просто большинство коллег называют его Боб. А я нет. До сих пор называю Робертом. Разве что дома изредка зову его Боб. Так что да. То есть нет. В общем, его зовут Роберт.

Как-то слишком много объяснений. И все-таки я испытала страшное разочарование от того, что у меня так и не будет знакомого по имени Боберт.

— А можно мне звать его Боберт?

Куки снова нервно рассмеялась:

— Тебе можно звать его как угодно. Есть у меня подозрение, что он глазом моргнуть не успеет, как ты начнешь вить из него веревки.

С чего она взяла? Я решила спросить напрямую:

— С чего ты взяла?

— С того, что ты, Джейни Доэрт, очаровашка.

У меня сами по себе расправились плечи. Очаровашка, значит? Что ж, мне нравится.

— Можешь звать его хоть Пеньком, и он будет счастлив. Зуб даю, он тебя полюбит всеми фибрами души.

Я горделиво задрала нос:

— Правда? Думаешь, он меня полюбит? — Кивнув в сторону Боберта, который как раз сел за столик, я добавила: — Я к тому, что он очень даже ничего.

Добродушное выражение лица подруги в ту же секунду скопเปอร์фильдилось в никуда.

— Я, вообще-то, совсем не то имела в виду.

— А-а, ну да. Вы же женаты и все такое.

— Вот именно.

Женатики такие собственники, просто жуть!

Все это произошло почти месяц назад. И Куки была права. Мы с Бобертом подружились буквально с первой же секунды.

— Можно с тобой минутку поговорить? — спросила я у него.

Как всегда, короткие каштановые волосы были аккуратно причесаны, а густые усы — не менее аккуратно пострижены. Я все не могла решить, завис ли Боберт в моде восьмидесятых, или он просто-напросто чуточку тормоз.

Как и предсказывала Куки, ее муж отнесся ко мне так же хорошо, как и она. Хотя мне казалось, он всего лишь жалеет страдающих амнезией, как некоторые жалеют тех, кто страдает тягой ко всевозможным ярмаркам. Как бы то ни было, Боберту, я похоже, по-настоящему нравлюсь. А у меня в последнее время с этим дефицит.

— Конечно. — Он сложил газету, которую читал, и жестом предложил мне присесть.

— Спасибо.

Поставив кофейник на соседний столик, я уселась напротив Боберта.

— Что стряслось, милая?

Я чуть не рассмеялась от удовольствия. Было очень приятно услышать ласковое обращение после очередной стычки с друзьями-дальнобойщиками.

— У меня вроде как появилась проблемка, а я не знаю, к кому с этим обратиться. В общем, надеюсь, ты скажешь мне, куда бежать.

— Понятно. — Боберт расправил плечи. — О какой проблеме речь? С тобой все в порядке? Что-то случилось?

— Нет-нет, со мной все путем. — От такой искренней заботы все внутри меня потеплело и превратилось в плюш. — Тут дело скорее в рамках закона, плюс я не знаю, хочешь ли ты, чтобы я посвящала во все Куки, поэтому...

— В рамках закона, значит? А конкретнее?

Я не знала, что можно говорить, а что нет. Не хотелось подвергать опасности ни мистера Ванденберга, ни его родных. С другой стороны, они уже в опасности. И, насколько я могу судить, в опасности весьма серьезной.

— Ну ладно. Допустим, гипотетически, я узнала, что одного человека держат в заложниках против его воли. Как и всю его семью.

Пульс Боберта подскочил, но самую малость. Наверное, он все это сто раз видел. В смысле, всяких особ с амнезией, которые то и дело катают нелепые заявления на основании дурацких предчувствий.

— И ты знаешь, кто этот человек? — спросил он слегка окаменевшим тоном.

— Чего? Пф-ф! Нет. Может быть. Вряд ли. Нет. Совершенно точно нет. — Я глубоко вздохнула. — Может быть.

— Тогда нужно обо всем рассказать полиции.

— Да знаю я, знаю! Тут такое дело... В общем, я боюсь, что мой друг может пострадать, если туда явится целый отряд с сиренами и мигалками. Или даже если диспетчер пошлет одного-единственного патрульного проверить, что да как. Похитители могут испугаться и убить моего друга. А заодно и всю его семью.

Начиная понимать, к чему я веду, Боберт кивнул. Я облегченно выдохнула, а он достал блокнот и ручку. Детектив всегда остается детективом.

К сожалению, подошла Куки:

— И о чем это вы тут болтаете?

Быстренько чмокнув мужа в щеку, она уселась рядом с ним.

Не зная, что сказать, я молча съежилась, но Боберт быстро понял, что со мной не так.

— Все в порядке, милая. Куки постоянно помогает нам с делами.

— Нам?

— С делами? — удивилась Куки. — У нас новое дело?

Боберт легонько сжал ее плечо, и они обменялись многозначительными взглядами. Чересчур многозначительными.

Пару секунд спустя Куки кивнула и откашлялась:

— Ну да, конечно. Иногда я помогаю с делами. Это что-то вроде хобби.

Боберт тоже кивнул и поддакнул:

— Да-да, хобби. Оно самое.

Я все ждала, когда мне расскажут больше, но оба просто смотрели на меня с натянутыми улыбками. Уже не в первый раз.

— Так кому это «нам»?

Куки уставилась на мужа с приподнятыми бровями.

— Ну... в общем...

— Управлению полиции Альбукерке, — пришел на помощь Боберт и с облегчением вздохнул.

Как для детектива, он не самый лучший в мире лжец.

— То есть Куки помогает полиции Альбукерке раскрывать дела?

Боберт и ухом не повел:

— Да. Помогает.

— Да. Помогаю, — кивнула Куки. Похлопала Боберта по руке. Поглазела в окно. — Помогаю. Точно.

Странно, но они не ввали. Просто чего-то недоговаривали. Было у меня ощущение, что эта парочка приберегает все самое интересное на когда-нибудь потом. Что такого может сделать Куки? Какой от нее толк полиции?

И тут меня осенило. Я увидела подругу в совершенно ином свете.

Куки — ясновидящая!

Это единственное объяснение. Ну, может быть, и не единственное, зато предельно логичное. Да и выглядит она, как ясновидящая. То есть именно так, как я себе представляю всяких экстрасенсов. Торчащие черные волосы и поразительно яркие синие глаза. Струющаяся одежда таких цветов, которые вообще друг с другом не сочетаются. И поведение, для которого слова «экстравагантное» и «шальное» просто-напросто слишком слабые.

Ну точно! Как пить дать, она ясновидящая. А это обалдеть как круто!

— Как скажете, — сказала наконец я, притворяясь, будто не знаю правды.

Впрочем, Куки же ясновидящая. Может быть, она уже знает, что я в курсе. Я рассказала Куки и Боберту о гипотетическом человеке и его гипотетических родственниках, а она и не думала мне верить. Черт бы побрал ее экстрасенсорные способности! Теперь придется следить за тем, что я при ней говорю.

Нет! Теперь придется следить за тем, что я при ней думаю. Вот блин! Несладко будет.

— С чего ты взяла, что этого человека держат в заложниках? — спросил Боберт.

Сколько можно ему рассказать? Он ведь все-таки коп. А вдруг он рванет прямиком в участок? Короче говоря, рисковать нельзя, пока не узнаю больше.

— Да, в общем-то, ни с чего. Это всего лишь догадка. — Мне было жутко стыдно, что я не могу ничего уточнить. Но ни капельки не хотелось загромоздить в комнату с мягкими стенками после заявления, что я почувствовала боль и страх мистера Ви. — Ничего конкретного у меня нет. Пока нет.

— Ты знаешь, где держат родственников?

А вот это вопрос на миллион. И следующий пункт в моем списке дел на сегодня. Мы с Куки заканчиваем в три. После работы я планировала выяснить, где живет мистер Ви, и проверить его дом. Инкогнито, само собой. Если семью действительно держат там, я могла бы пойти к тому, к кому меня пошлет Боберт, и все рассказать. Тогда бы я точно знала, идет ли речь о ситуации с заложниками.

— Не знаю, — ответила я. — Ты можешь выяснить, к кому я могу обратиться? Кто отнесется к моим словам со всей серьезностью?

Глубоко вздохнув, Боберт откинулся на спинку стула.

— Нелегко будет заявиться к местным властям без вменяемого объяснения, откуда у тебя подобная информация. Поверь мне на слово. Я по этой дорожке ходил уйму раз.

Еще бы! Как вообще можно объяснить, что у твоей жены видения? Наверняка Боберту приходилось что-то выдумывать. Например, что он получил анонимную наводку или что-нибудь еще такое же неубедительное.

Может быть, именно так они и познакомились. Куки пришла к нему в кабинет со слезами на глазах и попросила о помощи. Боберт над ней посмеялся. Обозвал чокнутой дамочкой. Велел убираться восвояси и больше не попадаться ему на глаза. А сам так и не смог выбросить ее из головы. Купился на пижаму в котиках и все такое. А спустя сутки и три бутылки чего-нибудь горячего уже обдирал костяшки, стуча в каждую дверь в поисках той воровки, что украла его сердце, и клялся пристегнуть себя к красотке наручниками, даже если это последнее, что он сделает в жизни.

А что? Такое вполне могло произойти.

— Я думала сделать анонимный звонок в полицию, но...

— Но они сразу же послали бы туда патрульного, — закончил за меня Боберт.

Меня переполнял восторг от того, что он все правильно понял. Да куда там! Меня переполнял восторг от того, что он вообще меня слушает.

— Что ж, — сказал он, — дай мне немного времени. У меня здесь есть несколько знакомых, только не прямо в этом городе.

Я кивнула и встала:

— Огромное спасибо. Даже не знаю, как тебя отблагодарить.

Однако сразу уйти не удалось — Боберт пригвоздил меня к месту тяжелым взглядом. Точнее намеком на тяжелый взгляд.

— Только не натвори глупостей, пока я все не разузнаю.

— Каких еще глупостей? — невинно заморгала я.

— Тех самых, которые сейчас бродят у тебя в голове.

Бли-и-ин! Чуднее просто некуда. Он меня будто сто лет знает.

— Да я бы ни за что!..

Схватив кофейник, я быстренько посеменила к полке с напитками. Куки чмокнула Боберта на прощание и двинула следом за мной.

— По-моему, гостю за тринадцатым столиком надо подлить, — подмигнула она.

Я покосилась туда же. Всеми фибрами впитала сногшибательный вид Рейеса Фэрроу. Притворилась, будто не продала бы парочку не самых важных органов за шанс провести с ним ночь.

— Поговори с ним, — сказала Куки и подтолкнула меня вперед.

Я взяла с пустого стола тарелку и миску, но Куки все отобрала, лишив меня повода вернуться за стойку, собрала со стола все оставшееся и опять подтолкнула меня напрямик к сгустку ослепительного огня.

— Не могу! — прошипела я.

— Еще как можешь.

Разве могла я рассказать Куки о том, что видели мои глаза? О непроглядной тьме, окутывающей Рейеса? О вечном огне, пылающем вокруг него?

— Просто спроси, как у него дела.

— Лучше не стоит, — буркнула я и встряхнулась. — К тому же я собираюсь выйти

замуж за Дензела Вашингтона. Как раз вчера киношку с ним посмотрела. Никакими словами не описать!

— Неожиданно. А Дензелу ты уже говорила?

— Нет.

Куки выпрямилась, стараясь не уронить все, что насобираала со стола.

— А его жене?

— Нет. Но я назвала в честь него матрас.

— Вот оно что! Ну, тогда ты, считай, помолвлена.

— Неужто ты нас динамишь, детка?

Марк схватил меня за локоть, впившись пальцами сильнее, чем было необходимо, чтобы привлечь мое внимание. Я попыталась освободиться, но вместо этого расплескала кофе. На пол и на собственные ботинки. На новые замшевые ботинки с «молнией».

Сзади меня приложило стеной жара, но поначалу я просто-напросто застыла от шока, что кто-то посмел меня схватить. Что кто-то решил, будто имеет на это право. Не обращая внимания на пляшущий вокруг меня огонь, я посмотрела на огромную лапищу, все еще крепко сжимающую мой локоть, а потом и на кретина, к которому эта лапища присоединена. Дальнобойщик смеялся надо мной. Из-за того, что я пролила кофе. То есть они оба смеялись. И внутри вспыхнула искра ярости.

Как бы странно ни звучало, именно в этот момент природа решила украсить происходящее землетрясением. Я землетрясения никогда не видела. По крайней мере, не помню. Новизна ощущений, по идее, должна была вывести меня из ступора, но ничего подобного не случилось.

Даже когда трясти стало сильнее, гнев продолжал накапливаться, как электрический заряд. Несколько посетителей закричали. Краем глаза я увидела, как кто-то схватился за стол. Другие попадали на пол. Тарелки гремели. Стаканы разлетелись и разбились. Какая-то женщина позвала на помощь. А моя ярость продолжала нарастать.

Глаза Марка превратились в блюдца. Он отпустил меня и тоже схватился за край стола. Хершел последовал примеру друга. А мне внезапно очень захотелось свернуть обоим шею.

Я почувствовала легкое прикосновение. Откуда-то издалека послышался мягкий голос:

— Чарли...

Шесть.

— Солнышко, что с тобой?

Я не обратила на вопрос внимания. Это была Куки. Ее рука лежала у меня на плече, но все без толку. Мне так хотелось свернуть шею двум дальнобойщикам, что я практически слышала и ощущала хруст ломающихся позвонков.

Головы обоих придурков одновременно повернулись, а прямо передо мной ударила молния. Не понимая, из какого мира она взялась, я ошеломленно уставилась в окно. Вот только трепет внушительных крыльев явно этому миру не принадлежал.

То есть крылья были не просто внушительные, а по-настоящему огромные. Как минимум по два метра каждое. Полностью серые, но поразительно белые по краям. И принадлежали они вовсе не птице. Крылья расправились еще шире, и ко мне повернулась яркая фигура, которую было трудно рассмотреть в ревуших потусторонних ветрах. Существо бросилось вперед, словно хотело сбить меня с ног. Я резко втянула носом воздух, и все вокруг почернело.

А потом снова раздался голос Куки. Я поморгала, стараясь сосредоточиться.

— Джейни, что с тобой? — повторила подруга, сжав мое плечо.

Я глянула под ноги. Оказывается, кофейник упал, но не разбился. Вокруг слышались нервные смешки и облегченные вздохи.

— Все закончилось, — сказала какая-то женщина. — Господи...

Осмотревшись по сторонам, я убедилась, что землетрясение действительно закончилось. Еще один взгляд за окно ясно дал понять, что существо с крыльями исчезло.

— Никогда не видел настоящего землетрясения.

Этот голос я знала. Льюис.

— Я тоже. — Эрин. — Надо позвонить домой.

Все вокруг источали облегчение, но из Эрин сочился страх. Она боялась за ребенка.

— Ты как? — спросил у меня Льюис.

— П-порядок. Кажется.

Я обернулась как раз вовремя, чтобы увидеть, как Фрэнси поправляет прическу, и только сейчас заметила возле себя тьму. Рядом со мной стоял Рейес, который успел жестоко заломить Марку руку. Придурок заорал и тут же вписался лицом, превратившимся в маску боли, в стол.

Хершел вскочил на ноги. Видимо, собирался наброситься на Рейеса. Однако хватило одного взгляда сверхъестественного существа, в глазах которого в прямом смысле слова горела дикая ярость, чтобы второй придурок поник и потрусил к выходу не оглядываясь.

Рейес выволок Марка из-за стола и только потом отпустил. Тот тоже бросился наутек с поджатым хвостом, а я только и смогла выдавить:

— Он ведь еще не заплатил.

— Все живы? — взволнованно спросила Дикси.

И сотрудники, и посетители дружно закивали. На всех лицах был явно написан шок. Видимо, гостей из Калифорнии сегодня в зале не было.

— Все в порядке, — проговорила Эрин, наконец поддавшись всеобщему облегчению. Она все еще держала возле уха сотовый, свободную руку прижимала к груди и широко улыбалась. — С Ханной все в порядке. Дома ничего даже не почувствовали.

До меня вдруг дошло, что Куки уронила всю собранную посуду, но волновало ее вовсе не это. Она беспокоилась обо мне. Ее рука все еще лежала у меня на плече, словно подруга боялась меня отпустить.

Дикси обняла Эрин и весомо заявила:

— Не помешало бы прибраться.

Откуда-то с улицы послышались сирены. Люди повыскакивали из магазинов и в панике оглядывались. Задавали друг другу вопросы. Обнимались.

Боберт бросился к Куки, крепко обнял жену, а потом взглянул на меня, но все мое внимание поглотил мужчина, стоявший так поразительно и опасно близко.

Рейес застыл. И опять его эмоции показались мне тугим комком. Понять, о чем он думает, было невозможно, но за тяжелым взглядом, направленным на меня, я разглядела беспокойство. А потом этот взгляд сместился туда, где стояло потустороннее крылатое существо, и я замерла.

Неужели Рейес тоже его видел?

Извечное пламя разрослось. Жар стал обжигающим. Он стелился по моей коже и вызывал вполне очевидные, как мне казалось, ощущения. Все мысли о крылатом существе испарились, как только в животе начала закручиваться спираль желания.

Со все таким же нечитаемым выражением лица Рейес опять повернулся ко мне. Внутри все перегрелось. Тяжелый взгляд мерцающих глаз остановился на моих губах, и Рейес едва заметно шагнул чуточку ближе. Не вмешайся вовремя Боберт, клянусь, я бы отдалась Рейесу не отходя от кассы.

Что тут скажешь? Мистеру Рейесу Фэрроу опасно находиться рядом со мной.

— Ты как, милая?

С превеликим трудом оторвав взгляд от объекта самых грязных своих фантазий, я растворилась в объятиях Боберта. Куки не упустила шанса поучаствовать в тройничке. Круто!

— Дичь какая-то, — проямлила я, только-только осознав, что мы выжили в землетрясении.

— И не говори.

Я отстранилась.

— А вы когда-нибудь видели землетрясение?

Парочка обменялась взглядами, оба помолчали, а потом Боберт все-таки ответил:

— Можно и так сказать.

— Ага, — кивнула Куки. — Пару раз. То тут, то там. Но они были скромненькие, так что ничего особенного.

— Ну, а мне и одного раза с головой хватило. — Я подняла с пола кофейник и пошла заварить свежего кофе. — Для записи: ни за какие коврижки не стану жить в Калифорнии.

Куки с Эрин принялись собирать осколки. Некоторые посетители вышли на улицу узнать масштабы ущерба. Подъехали пожарные машины, но дыма нигде не было. Фрэнси рассчитала нескольких клиентов и ушла помогать Дикси с папками, которые вывалились с полок в кабинете.

Я наконец нашла в себе силы выйти из теплого кокона, который создавало присутствие Рейеса, и направилась в кухню узнать, могу ли чем-нибудь помочь, как вдруг на моем пути появилась мертвая женщина. Ее макушка едва доставала мне до подбородка. Одета она была в голубое платье и серый свитер. Седые волосы почти полностью скрывал цветастый платок. Вокруг теплых карих глаз виднелись глубокие морщины. Я оглянулась узнать, видит ли ее Рейес, но если он и видел, то никак это не показал. Пристальный взгляд по-прежнему был прикован ко мне. А значит, поговорить с женщиной прямо сейчас было невозможно.

— Ты — свет, — сказала она.

На португальском! Значит, я знаю еще один язык. Ну как такое может быть?

Я кивнула в сторону коридора, надеясь, что женщина пойдет за мной в уборную, но вместо этого она шагнула вперед, словно собиралась пройти сквозь меня. Однако времени сказать ей, что ничего не выйдет, не было. Призраки для меня такие же материальные, как и я для них. Ну или были такими до сих пор. Потому что вместо того, чтобы наткнуться на меня, женщина прошла прямо насквозь. А это что-то новенькое.

Ожидалось, что ощущения будут сродни тем, какие бывают у других людей, когда сквозь них проходят призраки. То есть, по идее, женщина должна была пройти сквозь меня, словно меня и нет. Но ничего такого не произошло. Когда она сделала еще один шаг, случилось нечто волшебное. Перед тем как она исчезла, я увидела обступивший ее свет. А потом... и все остальное.

Ее детство. Ее смерть. Я увидела и почувствовала все сразу. Все эмоции, радости и печали, взлеты и падения. Меня словно укрыло одной мощной волной.

Воздух исчез. Мир распался на части. А перед моими глазами проходила вся жизнь Аны.

Она была родом из Барранкуша, небольшого поселка на границе между Португалией и Испанией, жители которого говорят на собственном языке — барранкенью. Вообще-то, Ана знала целых пять языков, хотя ее детство прошло в бедности.

Ее мама была белошвейкой, и Ана пошла по ее стопам. Так и познакомилась с мужем, знаменитым cavaleiro — тореодором на коне — Бенито Матиасом. Однажды ночью он ввязался в потасовку в баре и получил удар ножом. Больница была закрыта, поэтому друзья притащили его к Ане и умоляли заштопать друга, чтобы его отец ни о чем не узнал.

Она выполнила просьбу. И именно в этом ее воспоминании я, словно опьянев, утонула с головой. Ничего красивее Ана в жизни не видела. И, судя по взгляду Бенито, он полностью разделял ее чувства. Они полюбили друг друга, и внезапно Ана оказалась по самую макушку в истории Золушки.

Он забрал ее в семейный особняк, где она стала шить одежду для свекрови и других членов семьи и постепенно обрела собственную славу. У них было три сына и дочь. А потом меня чуть не вывернуло наизнанку от дикой боли. Из легких вышел весь воздух. Эта счастливая пара потеряла младшего сына. Он заболел скарлатиной. Боль утраты взрезала меня изнутри. Рана казалась такой свежей, словно время ничего не значило. Мы парили где-то между сном и реальностью, между чувствами и воспоминаниями. Горькая тоска сжала мне горло, вцепилась когтями в сердце, но мы упорно продирались сквозь боль к более радостным временам.

Трое оставшихся детей выросли здоровыми и счастливыми. Случались и трудные периоды, разумеется, но ничто не могло сломить любовь Аны к Бенито. Именно поэтому она не перешла сразу после смерти от рака груди три года назад. Ана ждала любовь всей своей жизни. Своего Бенито. Он умер за несколько секунд до того, как она помчалась на мои поиски.

Теперь я все поняла. Я что-то вроде портала, и Ана знала это наверняка. Она в буквальном смысле прошла через меня туда, где ее ждали Бенито и остальные родственники. Неужели такое вообще бывает?!

Когда окружающий мир вернулся, он почему-то раскачивался во все стороны. Пол накренился, потянулся ко мне, и я потеряла равновесие. Или у нас тут очередное землетрясение, или я вот-вот шмякнусь лицом в пол.

За долю секунды до того, как мои ноздри завели близкое знакомство с квадратиком потрескавшегося линолеума, меня за талию обхватили чьи-то невероятно сильные руки и выдернули из теряющего гравитацию воздуха. С ног до головы меня обдало огнем и ослепительным жаром. Мир продолжал вертеться с бешеной скоростью, но бороться с круговертью не было сил. Голова упала на широкое плечо. Со всех сторон подступала тьма, и откуда-то издали я слышала, как мой спаситель глубоким бархатистым голосом произнес одно-единственное слово:

— Датч...

*Я всякое видела.
Порой даже ужасные вещи.
Вроде пустой чашки кофе.*

Надпись на футболке

Голоса. Очень-очень сердитые голоса. Это первое, что я услышала, подобравшись к блестящему краю сознания. Один из голосов принадлежал высокому, умопомрачительному и смертоносному. Гладкий тембр я узнала бы где угодно, что само по себе странно, поскольку слышала я его несчастных пару раз. Другие голоса распознать было трудно, но звучали они знакомо.

— Она могла расхреначить весь квартал, — сказал мужчина, которого я не узнала.

— Она могла расхреначить всю планету, — резким тоном возразил Рейес.

— Но ведь ничего такого не сделала. — Кажется, это был Ош. — Так что все остается в силе. Придерживаемся плана.

Потом заговорил кто-то еще. Голос тоже был мужским, но моложе. И явно принадлежал латиноамериканцу.

— Аye, dios mío^[3]!

Ну точно, Ангел. Он был первым мертвецом, с которым я заговорила, начиная со Дня Номер Один. И заговорила только потому, что он отказывался оставить меня в покое, пока я не открою рот. В то время меня всю несло по течению прекрасного отрицания, и притворяться, будто Ангела не существует, в некоторой степени помогало смириться с обстоятельствами. Но он все талдычил и талдычил о том, что может подарить мне самую незабываемую в жизни ночь, и божился, что секс становится шикарным только после смерти.

Ну не нахал? Ему всего тринадцать. Сам сказал. Я ответила, что у меня мощный рвотный рефлекс. Ангел прикинулся обиженным, но обхаживать меня не прекратил. Я уже начинала задумываться о том, берут ли экзорцисты плату по часам. Может, если накопить немного чаевых...

— Вы как две черлидерши, — добавил Ангел, — которые сцепились из-за квотербека.

Повисла тишина, которую, видимо, переполняли гневные взгляды, но потом Ангел продолжил:

— Mira^[4], я все понимаю. Ты боишься, что она вознесется, придет в себя и бросит твою жалкую задницу.

Послышалась возня, после чего Рейес процедил:

— К чему ты ведешь?

Когда Ангел ответил, его голос прозвучал чуточку выше, чем раньше:

— К тому, что до тебя никак не дойдет, *pendejo*^[5]. Может, она просто хочет хоть немного побыть нормальной.

Возникла очередная пауза. Ангел закашлялся, а Рейес спросил:

— В смысле?

— Ну, не знаю... Может быть, ей нужна передышка от этого дерьма. Оно же определяло всю ее жизнь с самого рождения.

— Мелкий прав, — вставил Ош. Кажется. Точно сказать трудно, говорил он или мне просто показалось.

— Ясен пень, я прав. Охренительно прав, sabrón^[6].

Короче говоря, сон мне снился крайне необычный. Большинство моих снов наполнены всякой бессмыслицей и дурацкими вопросами, вроде какого цвета коса подойдет к тому или иному свитеру. Даже не спрашивайте. Но в этом сне картинок не было. Лишь тьма и голоса. И чья-то рука на моем плече. Только когда меня кто-то лизнул в лицо, я вспомнила, что случилось.

Я потеряла сознание! Глаза распахнулись, а щеки запылали от стыда. Ну что за невезуха! Я не просто упала в обморок, а угодила прямо в руки Рейесу Фэрроу. Застонав, я прижала ладонь к лицу. И что он теперь обо мне подумает?

Артемида, мертвая ротвейлерша, которую я встретила, едва очнувшись в переулке, заскулила и придвинулась ближе, чуть не спихнув меня с раскладушки. Я быстренько ее обняла и вернула ладонь на место.

— Привет, милая, — произнес мужской голос, вот только совсем не тот, который мне бы хотелось сейчас услышать.

Артемида зарычала. Кличку я знаю только потому, что к ошейнику ротвейлерши пристегнут медальон с надписью, а сама Артемида постоянно находится рядом. Имеются у нее два пристрастия. К душе, правда, только когда под водой стою я, и к готовке — тоже когда я издеваюсь над кухней. Причем появиться Артемида может где угодно. Даже на стойке, где я испытываю свое кулинарное мастерство. Однако все не так страшно, как может показаться. В конце концов, Артемида — призрак, так что вряд ли от нее много грязи и бактерий.

Открыв по очереди глаза, я присмотрелась к окружению прямо сквозь растопыренные пальцы. На раскладушке рядом со мной сидел офицер Йен Джеффрис в полицейской форме. Светлые волосы, как всегда, были по-военному коротко пострижены, лицо — гладко выбрито.

Именно он приехал на вызов в тот день, когда я без единого воспоминания очнулась в переулке и набралась храбрости зайти в кафе. С тех пор он взял на себя обязанность почти каждый день лично узнавать, как у меня дела. А иногда и по несколько раз в день.

По большей части ведет себя офицер очень даже дружелюбно, да и выглядит весьма неплохо, но временами я ощущаю от него странные флюиды, похожие на чувство собственности. Словно он считает, что, оказав мне помощь в тот первый день, теперь имеет на меня какие-то права. Он отвез меня в больницу и не уходил, даже когда меня опрашивал детектив. А когда появилась Дикси и предложила мне ночлег и работу, пока мои свернутые мозги не свернут на место (так и сказала), настоял на том, чтобы отвезти меня обратно в кафе, ставшее моим домом на следующие две недели.

Я осмотрелась по сторонам. На этом складе я и жила, пока не нашла себе другое жилье. К счастью, у Дикси есть связи. Ей удалось убедить моего нынешнего арендодателя, что я славный малый (опять же, ее слова), и мне все-таки сдали квартиру, несмотря на отсутствие у меня кредитной истории и истории вообще.

Честно говоря, я надеялась увидеть Рейеса и того, с кем он спорил, а вместо этого меня поджидал Йен. Я старалась не мучиться из-за его почти фамильярного приветствия. Никакая

я ему не «милая». Просто мучения мне не идут.

— Слышал, ты тут всех переполошила.

Он рисовал пальцем у меня на руке маленькие круги. Крошечные собственнические кружочки, от которых по спине полз озноб. Не хотелось, конечно, показаться неблагодарной после всего, что он для меня сделал, но ведь он коп, елки-палки. Коп, который ответил на вызов. Разве не в этом заключается его работа?

Я убрала с лица руку и скрипуче прокаркала:

— Едва помню, что случилось.

Голос звучал ужасно, и мысль о том, что Рейес этого не слышит, внезапно показалась приятной.

А еще я солгала, потому что помнила все в мельчайших подробностях. Помнила Ану и всю ее жизнь. Вот только сейчас это плохо укладывалось в голове. Слишком много невозможных, невероятных открытий.

— Рад, что с тобой все в порядке. Отвезу тебя домой, когда будешь готова ехать.

Чтобы избавиться от назойливой руки Йена, я приподнялась на локтях. Артемида приняла это за приглашение пообниматься и набросилась на меня со всем энтузиазмом. Из легких вышибло весь воздух, и я задохнулась, когда Артемида воспользовалась моим животом как трамплином в приключения поинтереснее.

— Не стоит, — еле выдавила я, борясь с болью в покалеченных внутренностях. — У меня еще дел по горло.

— А по-моему, — усмехнулся Йен, — Дикси тебя сейчас с радостью отпустит.

Не хотелось рассказывать ему о том, что сегодня у меня есть и такие дела, которые ни с Дикси, ни с кафе никак не связаны. Слава богу, появилась Куки с бутылкой воды и полотенцем в руках.

— Ты очнулась! — с облегчением выдохнула она, как будто все это время задерживала дыхание.

— На все сто.

Наградив Йена сердитым взглядом, подруга стала его выпроваживать:

— Ей надо отдохнуть.

Спорить с ней не было ни малейшего желания.

Кук махнула полотенцем, недвусмысленно указывая Йену на выход, и в тот самый миг в нем вспыхнула ярость. Во мне чисто рефлекторно тоже.

— Со мной все в порядке, Йен.

— Я тебя подожду.

— Ей уже есть, с кем ехать домой, — процедила Куки.

Этот парень ей явно не нравился, и в который раз я едва-едва сдержалась, чтобы не рассмеяться по этому поводу.

Однако со второй вспышкой гнева я чуть не слетела с катушек и бросила на Йена полный ярости взгляд. Он собирался возразить, но вдруг получил вызов по рации на плече, коротко кивнул мне и ушел.

— Бесит он меня, — буркнула Куки, подтащила поближе какой-то ящик и села рядом, а потом пристроила влажное полотенце у меня на голове.

Ощущения были божественными. Подруга всучила мне бутылку воды и, постукивая ногой по полу, стала ждать, пока я не выпью хотя бы половину.

— У тебя обезвоживание, — сказала она и была права.

Ей-богу, надо сократить дневную дозу кофе до десяти чашек.

— Который час? — спросила я.

— Почти половина пятого.

Я резко выпрямилась:

— То есть я провалялась в отключке несколько часов?!

Похлопав по плечу, Куки взяла меня за руку.

— Мы собирались вызвать скорую...

— Нет! — рывкнула я агрессивнее, чем хотелось бы, глотнула еще воды и заставила себя успокоиться. — Не надо. Все в порядке. Спасибо, конечно, но счетов мне до конца жизни хватит.

— На твоём месте я бы об этом не беспокоилась, солнце.

Она-то не видела бумажную гору у меня дома, которая только и делает, что растёт.

— Расскажешь, что случилось?

Удивительно, наверное, но мне и правда хотелось ей все рассказать. Хотелось довериться ей, но я боялась, что она все-таки попытается сдать меня в дурдом. Да и как бы я объяснила все, что увидела? Все, через что сегодня прошла? Однако правда в том, что, даже зная Куки всего месяц, я её люблю. Сильно. Очень-очень сильно. И меньше всего на свете хочу, чтобы её отношение ко мне изменилось. Было страшно, что она станет смотреть на меня как-то иначе, а не с симпатией или недоумением. Ну, тут все зависит от обстоятельств.

— Да ничего особенно. Просто голова закружилась.

— Вот и славненько. Но с тобой точно все путем? Точно-точно? Тебя ничего не беспокоит? Мы ведь уже давненько не говорили о твоей... ситуации. Может быть, ну, знаешь, стресс и все такое?..

Так вот в чем дело! Куки хотела знать, не надоело ли мне быть местной достопримечательностью с амнезией.

— Думаю, все хорошо. То есть я все ещё высматриваю в клиентах кафе хоть что-то знакомое, но справляюсь. Честно.

Куки кивнула с искренним сочувствием.

— А ты не думала к психологу походить?

— Ещё как думала! Как только продам почку, которую кинула на «еБэй», так сразу и помчусь.

— Есть ведь всякие программы...

— И не говори! Классные, кстати, штуки. Вчера как раз смотрела программу про зомби. Сегодня собираюсь посмотреть ту, что про блондиночку, которая рулит драконами. А ещё там маленький сексапильный мужичок, который вечно под мухой.

— Я, вообще-то, не об этих программах говорю. — Куки смирила меня скептическим взглядом. И ведь почти сработало, блин! — Есть специальные клиники.

Я отодвинулась и прислонилась спиной к стене. Пусть я многого не знаю, но точно знаю одно: как только расскажу психологине про свои беседы по душам с мертвыми людьми, она запрет меня в ближайшую палату и выбросит бумажечку с кодом доступа. Не готова я к жизни в мягких стенах с пудингом три раза в день.

— Сомневаюсь, что терапия как-то поможет.

— Согласна. — Куки взволнованно поерзала. — Тебе нужен гипноз!

Я моргнула. Сощурилась. Свела брови.

— Только подумай! Ты могла бы узнать не только о своей нынешней жизни, но и о

прошлых.

— Ну конечно.

— Я вот уверена, что в прошлой жизни была Клеопатрой.

Подруга говорила вполне серьезно. Я чуть не рассмеялась.

— Ну или продавцом пылесосов, если не сильно планку задирать.

Я даже спрашивать не рискнула.

— Не уверена, что готова жить в клетушке с мягкими стеночками. — Вот пудинг, если подумать, вовсе не такая уж плохая перспективка.

— Да ладно тебе! Что такого ты можешь сказать, чтобы терапевт захотел упечь тебя в психушку?

Эх, знала бы она!..

— Ну серьезно, — продолжала Куки, — мне ты можешь рассказать что угодно. Ты ведь это знаешь, да?

Она помогла мне подняться на ноги. Убедившись, что физиономии не грозят подростковые ласки с линолеумом, я покосилась на подругу:

— Можно кое о чем тебя спросить?

— Конечно! — ответила она, выходя со мной за дверь.

По сравнению со складом зал кафе казался ужасно светлым. Рейес ушел, большинство гостей — тоже. На ужин народ не начнет собираться еще как минимум час. Слава богу, Йен тоже испарился. Одной головной болью меньше.

Я позвала Фрейзера, одного из поваров на третьей смене, и заказала с собой два сэндвича. Куки привыкла к моим заказам и вопросов задавать не стала. В пасмурном небе проглядывало солнце, готовившееся к неизбежному закату, и воздух на улице казался совсем замерзшим. Да уж. Пеший путь домой приятным не будет точно.

Я повернулась к Куки. Сейчас такое же подходящее время, как и любое другое, чтобы спросить о том, что меня периодически беспокоит. Однако надо было застать подругу врасплох, чтобы получить первую, ничем не прикрытую реакцию.

Взяв пакет для еды на вынос, я открыла его и как ни в чем не бывало поинтересовалась:

— Кто такой Чарли?

С минуту Кук смотрела на меня с отвисшей челюстью, а я считывала каждый оттенок ее реакции. Подруга все молчала, поэтому я решила объяснить:

— Ты меня уже раз шесть назвала Чарли.

Поначалу я даже решила, что Куки меня знает, вот только Чарли лепилось ко мне не лучше, чем любое из тех имен, что я пробовала примерить. Не говоря уже о том, что на Чарли я вообще ни капельки не похожа.

— Я... п-прости, — наконец подала голос Кук. — Оно само проскакивает иногда. Я так Роберта дома называю, вот и привыкла.

Она врила мне в лицо, отчего вся эта таинственность стала еще заманчивее.

— Ты зовешь мужа Чарли?

— Ага, — для пущей убедительности кивнула подруга. — Понимаешь, это его полное имя. Чарльз Роберт Дэвидсон. — Отбросив в сторону полотенце, она сняла передник. — Все наши знакомые называют его Чарли, вот и я до сих пор не отвыкла.

— Ты вроде говорила, что раньше его все называли Бобом.

Куки моргнула и изо всех сил постаралась взять себя в руки.

— Так и есть. Его звали Чарли... Боб.

Чтобы не расхохотаться, пришлось покашлять.

— Чарли Боб?

— Чарли Боб.

Как только она замолчала, в зал вошел Боберт, словно только этого момента и ждал. Куки захлестнула паника, но она мигом пришла в себя и с чересчур заметным энтузиазмом помахала мужу:

— Привет, Чарли Боб!

Тот притормозил и пошел к нам медленнее, слегка сдвинув брови.

— Привет, Куки Баобаб.

Рассмеявшись, Куки махнула рукой:

— Не любит он, когда его так называют. Но временами приходится его поддразнивать, чтобы напоминать о прошлом.

Боберт быстренько обнял жену и взглянул на меня:

— Ты как, милая?

Частенько мне задают этот вопрос.

— Порядок.

Он обнял и меня, и я вдохнула аромат одеколona с намеком на запах дешевых сигар. Короче говоря, пах он замечательно.

Странно, наверное, но, когда Куки и Боберт называют меня милой и солнышком, сразу хочется утонуть в их объятиях, а когда то же самое делает Йен, хочется из кожи вон выпрыгнуть. Значит, кожа явно хочет мне что-то сказать. Или так, или в прошлом я торговала метом и отрастила естественное отвращение к копам. Впрочем, по поводу метамфетамина я все-таки сомневаюсь. Зубы у меня потрясные.

Куки снова хихикнула. Без всякой на то причины.

— Я как раз рассказывала Джейни, что все наши знакомые называли тебя Чарли Бобом, и что я тоже до сих пор тебя так называю. Дома. Когда мы одни.

Боберт отодвинулся от меня, но продолжал держать за плечи.

— Ясненько.

— Значит, мне можно звать тебя Чарли Боб? — по уши в надеждах спросила я.

— Нет.

Он сел за столик прямо возле стойки. Куки примостилась рядом с ним, а я уселась напротив. Без приглашения. Такая у меня фишка.

— В общем, буду предельно откровенной. Есть у меня одна особенность... — Не зная, сколько им можно рассказать, я решила пропустить все «как» и перейти сразу к делу. — Короче говоря, я знаю, когда кто-то не совсем честен. И я знаю, что тебя не зовут Чарли Боб. И слава богу, между прочим.

Совершенно ошарашенная, Куки взяла Боберта под руку и тяжело вздохнула:

— Извини, солнце. Я просто не хотела поднимать эту тему. Об этом больно говорить.

И на этот раз она не лгала.

— Понимаешь, совсем недавно я потеряла подругу, которую звали Чарли, вот и оговариваюсь постоянно и называю тебя ее именем. А это неправильно. Я... в общем, прошу прощения.

Боберт понимающе сжал ее ладонь.

Я вся съежилась и стала молиться о том, чтобы налетел какой-нибудь ураган, разбил окно и меня разрезало на кусочки.

— Куки... Мне очень-очень жаль.

— Все в порядке, — поспешила заверить меня подруга.

— Ничего подобного. Почему ты мне ничего не рассказала? Что произошло?

Бросив взгляд на мужа, она ответила:

— Мы и сами не знаем, что именно случилось. Это было несколько недель назад.

— Она умерла?

— Нет. Просто... исчезла. Но мы очень надеемся, что она к нам вернется.

Каждое слово было правдой, и я почувствовала себя собачьей какашкой, в которую наступил бегун. Ну что я за гадина такая?

Прозвенел звонок. Фрейзер закончил с моими сэндвичами, а значит, меня ждали кое-какие дела.

— Кук, я даже не знаю, что сказать.

— Не смей ни о чем жалеть, Джейни, — проговорила она, взяв меня за руку. — Надо было сразу все тебе рассказать.

— Нет. Это не моего ума дело. Не стоило мне выдавливать все это из тебя.

— Мы отвезем тебя домой, милая, — предложил Боберт.

Они оба приуныли, и аналогия с собачьей какашкой показалась слишком слабенькой.

— Не стоит. Мне еще надо кое-что сделать.

В Боберте мигом вспыхнуло любопытство.

— Ты ведь не собираешься делать то, чего обещала не делать?

— Ни за какие коврижки. Кстати об этом. Ты что-нибудь выяснил?

— Сегодня у меня встреча с одним парнем. Он из местного отделения ФБР.

ФБР? Ничего себе!

— А до тех пор ты сидишь смирно и не вляпываешься в неприятности, carissime^[7]?

— Усекла. Если я и могу чем-то помочь, то именно не вляпываться в неприятности.

Быстренько забрав сэндвичи, я расплатилась за них чаевыми и побежала к выходу навстречу упомянутым неприятностям.

Дверь в магазин мистера Ванденберга была заперта. Табличку перевернули на «ЗАКРЫТО» на несколько минут раньше, чем мистер Ви обычно заканчивал рабочий день. Прикрыв глаза свободной рукой, я присмотрелась сквозь стекло в двери. В магазине никого не было, свет выключили. Накатили тревога и тошнотворный страх. Вдруг все уже кончено? Вдруг мистер Ви и его родные больше не нужны бандитам? Неужели их и правда убьют?

Выбора не было. Придется подключить Йена и рассказать ему, что происходит. Даже если он не поверит мне на слово, все равно будет вынужден доложить обо всем начальству. А мне придется смириться с тем фактом, что копы не смогут ворваться в магазин, не зная, где именно держат мистера Ви и его семью. Если их действительно взяли в заложники, и бандиты узнают о полиции...

От одной только мысли меня затрясло, а взгляд так и приклеился к химчистке. Я и раньше ничего не понимала, но теперь совершенно запуталась в предположениях. Если мужики копали туннель из магазина мистера Ви, то, может быть, химчистка вовсе и не

являлась целью. Может быть, под магазином мистера Ванденберга спрятано какое-то сокровище. В конце концов, магазин-то антикварный. Вдруг под ним тайный схрон? Ну серьезно. Зачем, бога ради, кому-то делать подкоп в химчистку? Чем там можно разжиться? Смокингом? Платьем на выпускной? Гардинами?

Я решила проверить все лично. Прикинусь клиентом и загляну, так сказать, на огонек. Заодно прочувствую, что и как.

Пройдя каких-то пять метров до входа в химчистку, я уже дрожала с ног до головы. Единственная в моем гардеробе куртка, которая и была сейчас на мне, на самом деле армейская. В большинстве случаев очень даже неплохо греет, но сегодняшний день в список упомянутого большинства не входил. Ветер проникал сквозь поры ткани, впивался, словно лезвиями, в кожу и хлестал по костям. Влажный воздух сгустился, и угроза превратиться в ледышку стала вполне реальной.

Мне нужно было спешить, раз уж я планировала добраться до дома раньше, чем замерзну до смерти. Однако была и еще одна причина. Я должна была успеть одолжить машину у Мэйбл. Мэйбл — моя соседка, водительского удостоверения у которой нет уже лет десять. И все же она сохранила машину мужа, чтобы дважды в неделю ездить в церковь. К сожалению, спать она ложится рано, а уж если заснет, ее и из пушки не разбудишь.

Проверив часы работы химчистки, я толкнула дверь. Никакого колокольчика не было, поэтому мой визит никакими звуками не огласился. Пока был шанс, я решила хорошенько осмотреться. На первый взгляд, химчистка выглядела вполне себе легальной. Но так же выглядела и сумка от «Луи Виттон», которую я купила на парковке «Уолмарта» у чувака по имени Скутер. Не говоря уже о «ролексах».

На автоматической вешалке за столом висела одежда в чехлах. Не очень много, но достаточно, чтобы все выглядело правдоподобно. На самом столе стоял кассовый аппарат, рядом с которым лежала стопка квитанций. Компанию им составляла чашка с пишущими ручками. На стене справа от меня висела лицензия в рамке, а слева на мягком красном стуле сидел огромных размеров здоровяк.

Заметив его, я от неожиданности подскочила. Как можно было не увидеть его сразу? Бога ради! У него же каждый бицепс с мою талию в обхвате!

Сложив газету, которую он только что читал, здоровяк встал на ноги. Мышцы у него были такими большими, что руки просто-напросто не опускались по бокам. Интересно, как он справляется с туалетной бумагой? Знаю-знаю, нездоровое любопытство, но все-таки...

Мужик обошел стол и уставился на меня холодными серыми глазами. В такой неловкой тишине мы и простояли целую вечность. Короткие темные волосы завершали грозный вид. А вид был таким потому, что мужик практически испепелял меня взглядом.

Едва я открыла рот, чтобы что-то сказать, здоровяк спросил с капитальный русским акцентом:

— Чего пр-р-ришла?

А вдруг я потенциальный клиент? Не странновато ли приветствие? Клянусь, не поумерит пыл — оставлю негативный отзыв на «Йелпе».

— Я... Мне нужно кое-что постирать.

К столу подошла женщина, старше здоровяка и намного ниже, но такая же крепкая.

— Чего пр-р-ришла? — спросила она с тем же акцентом.

Какого черта? Я осмотрелась по сторонам. Неужели адресом ошиблась? Но нет же.

Вывеска и все остальное ясно говорили о том, что здесь находится химчистка.

Я снова повернулась к женщине:

— Мне нужно кое-что постирать.

— Што? — уточнила она и стала отодвигать здоровяка в сторону.

Вот только так далеко я не заглядывала, а значит, нужно было срочно придумать, что именно мне нужно сдать в химчистку. Однако единственным, что я могла с себя снять и не убедить Шварценеггера в тоске по мужикам, была моя куртка. Чудесная, теплая, мягкая куртка, которую подарила мне одна бездомная леди за маленький стриптиз.

На самом деле, все не так плохо, как кажется. Видите ли, я искала подработку, и мне нужно было мнение со стороны.

Спину обдало порывом холодного ветра — в химчистку вошли еще двое мужчин, остановились позади меня и стали тихонько переговариваться. Я рискнула оглянуться. На обоих были дорожные темно-серые костюмы. В руках один из них держал кожаный портфель и огрызок квитанции. Он кивнул своему товарищу и резким, хамоватым тоном обратился к женщине, а я едва-едва уговорила глаза не вылезать из орбит.

Он говорил на русском. На русском, блин! И я поняла каждое сказанное слово. А именно:

— Что она здесь делает?

Я ошеломленно застыла. Восемь. Я знаю восемь языков. Да я долбаный гений! Поскорее бы все рассказать Куки! Ну правда, кто говорит на восьми языках? А вдруг я знаю какие-нибудь еще? Вдруг говорю на исландском, арабском или суахили?

Повернувшись к мужчине, я поинтересовалась:

— Вы, случайно, не говорите на суахили?

Он смерил меня мрачным взглядом. Я приняла это за отрицательный ответ и снова повернулась к женщине.

— Давайте, — буркнула та и щелкнула пальцами.

С тяжелым вздохом я сняла куртку и отдала женщине, которая осмотрела мою телогреечку и спросила:

— Починить надо?

Меня бы не помешало, а вот куртка в починке вряд ли нуждалась.

Мужчины сзади придвинулись ближе, явно намекая на нетерпение и пытаясь меня запугать. К сожалению, прикладывать особые усилия им не пришлось. Я готова была броситься наутек в любую секунду. Но вместо этого подошла к столу, намекая, что в мое личное пространство только что нагло вторглись.

Ближе подходить мужчины не стали, и я сказала:

— Чинить не нужно. Только постирать и хорошенько почистить.

— Пятна есть? — Женщина все еще рассматривала куртку, но я уже начинала всерьез думать, что говорит она не об одежде, а обо мне. Ну или о моей репутации.

— Нет.

По крайней мере заметных действительно не было.

— Сегодня, — все так же коротко проворчала женщина, оторвала квитанцию и сунула ее прямо мне в руку.

— Сегодня? — обалдела я. Уже ведь конец рабочей смены.

— Всего два дня, — громче и медленнее произнесла она и показала два пальца.

— А-а! Ясненько. Ну, спасибо. — Я развернулась, чтобы уйти, но путь заблокировали

парни с Уолл-стрит. — Прошу прощения.

Один сдвинулся совсем чуть-чуть в сторону, чтобы мне пришлось в буквальном смысле протискиваться к выходу, и опять заговорил с другом по-русски. Я еле сдержалась, чтобы не рассказать ему, какими на самом деле нахальными могут быть «эти амер-р-рикашки». Хам, блин!

Как же все-таки холодно было на улице!

В лицо ударил и захлестал по голой коже порыв холодного ветра. То есть не просто холодного и даже не морозного. Это был дико холоднющий ветер, как в минус тридцать, да еще и перед дождем со снегом. Дома у меня есть теплый свитер, который поможет продержаться, пока мне не вернут куртку. Если, конечно, доживу.

Засунув пакет с сэндвичами под мышку, я сложила на груди руки и засеменила по тротуару. Живу я всего в двух кварталах отсюда, но в такую погоду два квартала покажутся марафоном. И все, елки-палки, впустую. Теперь у меня ни ответов, ни куртки. В тысячный раз я задалась вопросом, зачем кому-то делать подкоп в химчистку.

Зайдя за угол, чтобы направиться на север к дому, я заметила, как все те же два русских мужика садятся в машину — блестящую и черную, которая наверняка стоит больше, чем все мои больничные счета, вместе взятые.

Но не это привлекло мое внимание, а то, что мужчины вышли на улицу без постиранной или почищенной одежды. В химчистку они зашли с квитанцией, а вышли с пустыми руками. Но самое интересное — портфеля при них тоже не было.

Может быть, химчистка все-таки менее законный бизнес, чем все предпринимательские авантюры Скутера.

*Денег мне хватит до конца жизни.
Если я умру в следующий четверг.*

Надпись на футболке

Пока я шла домой, солнце окончательно село, бросив меня одну-одинешеньку точно так же, как и все, кого я, видимо, когда-то знала. Словно этого мало для полного счастья, через полквартала разверзлись небеса и обрушились на землю и на мою голову ледяным ливнем. Ей-богу, все было именно так. А когда лить на долю секунды перестало, вниз, словно наплевав на все на свете, полетели снежинки, которые почти сразу же сменились все таким же проливным дождем.

На Говард-стрит я вышла, уже капитально посинев и напрочь перестав чувствовать собственные конечности. А голос почему-то совсем отбился от рук. Каждый раз, когда меня снова и снова начинало трясти, из горла вырывались странные нечленораздельные звуки, похожие на мат, только без самого мата.

Мокрые волосы липли к лицу и плечам. Некоторые пряди покрылись льдом. Внезапно до меня дошло, что футболка теперь демонстрирует больше, чем скрывает, а наш райончик не самый благополучный, чтобы хвастаться тем, чем природа наградила.

На чистой силе воли передвигая ноги, я увидела свой дом. Точнее его уголок. Ветер по-прежнему издевался и смеялся надо мной, и я вдруг поняла, как чувствует себя лосось, который плывет против течения.

Прямо сейчас я проходила мимо мотеля «Уютный уголок». Того самого, где живет Рейес Фэрроу. Осмелившись приподнять голову, я увидела ряды выдавших виды синих дверей и грязно-белые стены. Прошло столько времени, а я понятия не имела, на чем ездит Рейес, так что припаркованные перед мотелем машины и близко не подсказали, где его номер. Вот и славненько. Знай я, в каком номере он обитает, точно не удержалась бы от соблазна заскочить и попросить подвезти до дома. А очень сомнительно, что его привлекают мокрые крысы.

Однако «везение» на этом, похоже, заканчиваться не собиралось. Одна из дверей справа открылась, и на тротуар под моими ногами пролился свет. Я покосилась в сторону и увидела, как на пороге номера появился Рейес Фэрроу. Наверное, обогреватель у него в комнате работал на всю катушку, потому что меня тут же укрыло теплом. Дверь находилась метрах в шести, так что или дело в отоплении, или жар Рейеса с легкостью побеждал кошмарную погоду. Хотя прямо сейчас мне было наплевать, откуда исходит тепло.

Свет освещал Рейеса сзади, поэтому рассмотреть лицо не получилось. Да и не было необходимости. Его голос говорил больше, чем любое выражение лица:

— Ты что творишь?

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Я притормозила, но не остановилась. В этом вопросе не было беспокойства. Только чистейшая уверенность, что я не в состоянии сама о себе позаботиться. Да чем, елки-палки, я так насолила этому парню?

— Иду домой, — ответила я, всеми фибрами души борясь с желанием обнять себя руками.

Мокрая одежда липла к коже, не оставляя воображению никаких шансов. Мало того, наверняка тоненькая ткань уже заledenела. Именно поэтому из-за тепла, которое я ощущала каждой молекулой, хотелось зареветь. Душу бы продала, лишь бы еще хоть немного погреться.

Льющийся из номера мягкий свет высвечивал холмы и долины сильных рук Рейеса. Впрочем, в отличие от русского парня, он стройный, жилистый и как будто гладкий и текучий. С каждым движением на нем играли тени, словно передо мной ожил написанный кем-то шедевр. С плеч Рейеса, как всегда, плащом струилась неземная тьма и клубилась под его ногами, а лижущий кожу огонь сиял мягким янтарным свечением. Бог знает в какой раз я задалась вопросом, кто же он такой. Одно знаю точно: человек он лишь отчасти. Интересно, сам-то он в курсе?

Рейес глотнул виски из стакана, но так и не отвел от меня пристальных глаз. Только глаза и получилось рассмотреть. Из-под густых ресниц они словно отражали свет, пока сам Рейес оглядывал меня взглядом, полным, как мне показалось, насмешки и презрения.

Опустив стакан, в котором звякнул лед (ключевое слово — «лед»!), Рейес засунул большой палец в карман джинсов.

— Где твоя куртка?

На нем была белая рубашка с закатанными руками. Не застегнутая белая рубашка. Похоже, холод ни капельки его не беспокоил. И почему-то этот факт бесил.

— А твоя где? — в тон спросила я.

Однако Рейес будто и не слышал вопроса, а продолжал сверлить свою цель взглядом пронзительных глаз. Весь его вид был настолько ошеломляющим, что я невольно остановилась. Словно Рейес приказал мне остановиться. Одной только силой мысли.

Раздраженно вздохнув, я пережила очередной порыв ледяного ветра и выдавила:

— В химчистке.

Потом вся напряглась, сжала руки в кулаки и стала молиться о том, чтобы Рейес не заметил, как мне холодно. Или какого я сейчас расчудесного синего цвета.

— Зачем?

Я нахмурилась:

— Что — зачем?

— Зачем ты отдала куртку в химчистку?

— Даже не знаю.

— Зайди, — сказал он и, наконец ослабив невидимую цепь, отвернулся и пошел в номер.

Я застыла. Точнее попыталась. Кажется, к тому моменту трясло меня уже очень даже заметно. И лишь отчасти из-за холода.

Чувак понятия не имел, о чем попросил. Если бы он не питал ко мне жгучей ненависти, а сам бы не был злым сверхъестественным существом, я набросилась бы на него быстрее, чем пригорают тосты Куки. Ну не умеет эта женщина делать тосты, и все тут.

Пришлось завязывать с размышлениями, потому что Рейес вдруг оглянулся через широченное плечо, приподнял идеальную бровь, опять направил на меня свой прожекторный взгляд и как будто потянул. Сами по себе ноги пошли вперед. Проклятье! Он точно пришелец! Надо было сразу догадаться. Причем пришелец злой и из оперы «впечатай

меня в стену сейчас же и оттрахай как следует». Короче говоря, худший из всех возможных пришельцев.

Я вошла в убогий номер и чуть не рухнула на пол. Там оказалось так тепло, что было больно. Но такую боль ощущать приятно. Кожа не знала, что и думать. Как реагировать. В какой окраситься цвет. Ее покалывало, словно меня с ног до головы кололи мелкими иголочками. Ну или делали мне татуировку на все тело. Какие от этого возникают ощущения, я просто не могла не знать хотя бы потому, что у меня есть одна татуировочка на левой лопатке. Маленькая девочка в балахоне с косой. Правда, я в упор не помню, как и когда успела ею обзавестись. Может быть, она и была причиной моих снов про косу.

Рейес вышел из ванной, вручил мне полотенце, а потом закрыл дверь у меня за спиной, лишив единственного выхода. Мигом захотелось испугаться. Очень захотелось, но не вышло, потому что тепло было слишком приятным и заманчивым.

В крошечной кухоньке Рейес налил мне чашку кофе и чем-то его сдобрил без спросу. Ну и ладно. Все равно я бы ответила что-то вроде «Буду какой угодно».

На аромат, на звук звянувшей в керамической чашке ложки и на пар тут же отреагировал условный рефлекс. Пришлось изо всех сил давить в зародыше энтузиазм. Положив на расхлябанный с виду стол сэндвичи, я стала тереть волосы полотенцем. Именно в этот момент Рейес вручил мне чашку и жестом предложил присесть. Сам сел с другой стороны, вытянул длинные ноги и скрестил их в щиколотках. Байкерские ботинки, как им и положено, звякнули.

Все происходящее казалось таким обыденным и домашним, что по какой-то причине успокаивало. Уж не знаю, чего я ждала, но обыденность и домашность в список точно не входили. К сожалению, в упомянутом списке точно были подпольные оргии и человеческие жертвоприношения.

— Спасибо, — сказала я и сделала маленький глоток.

Честное слово, я очень старалась не застонать, но не знаю, справилась ли с задачей, потому что с головой утонула в восхитительном моменте.

Рейес взял свой стакан, секунду поизучал его, а потом снова уставился на меня.

С трудом откашлявшись, я поинтересовалась:

— Давно живешь в мотеле?

— Несколько недель.

Я кивнула. Отпила еще кофе.

— Нравится?

— Здесь есть кровать.

Я снова кивнула и решила осмотреться, но только для того, чтобы не пялиться на широкую грудь. На третьем стуле в углу висела одежда, в которой я часто видела Рейеса. Простая, но элегантная. В ванной горел свет, поэтому я разглядела несколько мужских туалетных принадлежностей, но ничего особенно экстравагантного. Заправленная кровать выглядела так, словно на ней кто-то лежал. Словно на ней лежал Рейес.

— Надолго планируешь остаться?

— На столько, на сколько потребуется.

— Потребуется для чего?

Может быть, он наемный временный работник? Строитель, например, или киллер?

— Для моих дел.

— Ясненько. — Рейес явно не имел желания что-либо уточнять. — А как тебе город?

Нравится?

На этот раз он обдумал ответ тщательнее, а когда заговорил, сказанное прозвучало как-то чересчур многозначительно:

— Мне нравятся здесь некоторые люди.

— Мне тоже! — просияла я. — Обожаю Куки. Это женщина, с которой я работаю. И ее мужа Боберта тоже обожаю. — Рейес лишь приподнял бровь, и я решила объяснить: — Вообще-то, его зовут Роберт, но я называю его Бобертом. А еще мне нравится Дикси, моя начальница. Она суперская.

— А коп?

Вопрос застал меня врасплох.

— Какой коп?

Рейес посмотрел на стакан.

— Твой бойфренд.

— Йен? — ошарашенно переспросила я. — Никакой он мне не бойфренд.

— Ты всегда с ним.

Глаза сами по себе закатились.

— Ничего подобного. Он всегда со мной. А это разные вещи.

— Тогда пошли его к черту.

Да кто он такой, чтобы указывать мне, что делать? Я раздраженно вскочила на ноги.

— Пошлю, когда захочу. А вообще... тебе-то что? Тебе в ноги женщины штабелями падают. Сам кого-нибудь из них послал?

— Штабелями? — переспросил Рейес, глядя на то, как я беру пакет с сэндвичами и иду к двери.

— И зачем ты меня пригласил, если состоишь в отношениях?

— Я состою в отношениях?

А то он сам не знает! Я повернулась.

— Ты встречаешься с Фрэнси.

— Я ни с кем не встречаюсь. И кто, черт возьми, такая Фрэнси?

— Официантка из кафе. Рыжая красотка с ногами от ушей. — Рейес все еще недоуменно хмурился, поэтому я добавила: — Ты всегда сидишь в ее секторе. Она тебе кофе литрами носит и хихикает каждый раз, когда ты на нее смотришь.

Рейес покачал головой:

— Представления не имею, о ком речь.

Наверняка он врал, но от ответа я все равно стала чуточку счастливее, чем стоило бы. А потом я вспомнила!

— Минуточку! Она сама мне сказала, где ты живешь. Причем явно намекала, что была у тебя в гостях. И не раз. Даже ковер описала.

— Значит, она сюда вломилась. — Рейес отпил еще виски. — А если бы она действительно заходила в гости, тебя бы это беспокоило?

— Ни капельки! — фыркнула я.

Клянусь, я собиралась пулей вылететь за дверь, но любопытство победило благие намерения. Я подошла к прикроватной тумбочке и погладила пальцами «ролексы». Наверное, Рейес тоже познакомился со Скутером, хотя его часы выглядели куда подлиннее, чем мои.

— Так почему ты живешь в мотеле?

Я почувствовала, как Рейес внутренне ошестинился. Совсем чуть-чуть.

— Я... кое с кем встречался.

С моих губ сорвался вздох. Уж не знаю, почему я так удивилась.

— Встречался? В прошедшем времени?

— Она меня бросила. Ни «до свиданья», ни записки. Ничего. Просто испарилась. Мне больше некуда было идти.

Я села на краешек кровати.

— Мне очень жаль, Рейес. Когда это произошло?

— Недавно. Но я переживу. Все равно выбора нет. Она обо мне напрочь забыла.

— Очень сомневаюсь.

Ни одна женщина в здравом уме не забудет такого, как Рейес Фэрроу. В этом я была уверена на все сто.

Я покосилась на термостат. Цифры показывали пятнадцать градусов, но в номере наверняка было не меньше двадцати трех. Мои косточки начали постепенно оттаивать.

— Кажется, у тебя сломался термостат.

Рейес не ответил и даже не взглянул на прибор. Ей-богу, его безраздельное внимание радовало, но у меня еще оставались дела. Лишь бы все получилось!

— Что ж, спасибо, что разрешил мне отогреться. — Я встала и протянула ему полотенце. Рейес тоже встал, но и не подумал его брать. Пришлось повесить полотенце на спинку стула, на котором я сидела за столом. — Мне пора домой.

— Я тебя отвезу.

— Да тут всего-то один квартал.

— На улице минусовая температура.

— Переживу.

— Ты замерзнешь.

Не могла я позволить себе такую роскошь и дать Рейесу отвезти меня домой. Я же на него сразу наброшусь! И знала я это так же точно, как и то, что с рассветом встанет солнце. Рядом с ним и так опасно находиться. Но засуньте меня в теплую машину с приятной музыкой и мягкой подсветкой на приборной панели, и мне конец. Мигом превращусь в преступницу, как только Рейес напишет заявление о нападении.

Ну все, пора сваливать. Я взялась за дверную ручку и повернулась попрощаться. Оказалось, что Рейес стоит прямо у меня за спиной.

Описать не могу, какой он теплый! Никогда в жизни я ничего подобного не ощущала. Жар словно тянулся ко мне, просачивался сквозь влажную одежду и проникал в каждую пору.

Я начала открывать дверь, но Рейес захлопнул ее прямо у меня над головой. Потом отобрал пакет с бутерами и набросил мне на плечи кожаную куртку. Я в ней буквально утонула, оказавшись в коконе тепла и запаха Рейеса.

— Я не могу взять твою куртку.

— У меня есть еще одна.

Рейес развернул меня лицом к себе, чтобы застегнуть «молнию», а я продела руки в рукава и заворуженно смотрела, как длинные пальцы застегивают замок. На предплечьях от каждого движения двигались мускулы. То же самое происходило с мышцами на широкой груди и плоском животе. Понадобилась вся сила воли, чтобы сдержаться и не прикоснуться к коже хотя бы кончиками пальцев. Тем временем Рейес застегнул еще одну «молнию»

сбоку, и до меня дошло, что размер куртки можно было менять.

К сожалению, это не особенно помогло. Ни плеч, ни ладоней у меня по-прежнему не было. Но ничего. Зато пальцы не превратятся в мороженое со вкусом мяса. Рейес закатал рукава, но только на один раз, так что пальцев все равно не было видно.

Мгновение спустя до меня дошло, что он остановился и молча смотрит на меня. Я заглянула в глубокие мерцающие карие глаза. Между бровей Рейеса пролегла едва заметная складочка. В тысячный раз я поняла, что не могу так же легко и свободно «читать» его, как всех остальных. Я чувствовала, что в нем бурлят какие-то эмоции, но они казались хаотичным сгустком с примесью желания, беспокойства и сожалений.

Взгляд Рейеса остановился на моих губах, и я задумалась, сколько он сегодня выпил. А потом решила прямо спросить:

— Сколько ты сегодня выпил?

— Недостаточно, — ответил он глубоким, как океан, голосом.

— Недостаточно, чтобы забыть ее?

Чтобы забыть женщину, которая все еще преследует его мысли?

Вспыхнула ревность, отчего моя самооценка скатилась еще ниже.

— На всей планете не хватит алкоголя, чтобы я ее забыл.

От его слов меня пронзило острой болью. Он явно все еще помешан на своей бывшей, а я тут стою, видите ли, как глупая школьница в надеждах, что ее пригласят на выпускной.

От унижения загорелись щеки.

— Прощу прощения, — буркнула я, схватила свой пакет и распахнула дверь.

А мгновение спустя снова оказалась в диком холоде. Куртка согревала, но это было не важно. То и дело поскальзываясь на льду, я бежала со всех ног. Меня гнали вперед смущение и опустошающее чувство утраты.

Заперев за собой дверь в квартиру, я привалилась к ней спиной и, тяжело дыша, стала соскребать со щек замерзшие слезы. Какая же я дура! Сердце ужасно болело и с каждым ударом разносило боль по всему телу. Или меня сейчас инфаркт стукнет, или, что вероятнее, мое сердце только что разбилось.

Как бы то ни было, я осознала свою ошибку: моему вниманию не рады. И, едва эта мысль оформилась, какой-то мужчина схватил меня за руку.

*Многие живы только потому,
что у меня слишком сильно сыплются волосы,
чтобы не оставлять следов на месте преступления.*

Мем

Сердце ушло в пятки, но каким-то чудом я все-таки собралась и попыталась применить все свои навыки в области карате. К сожалению, никаких навыков у меня на самом деле нет, а вломившийся преступник оказался мастером по уклонению от ударов. Без особых усилий он блокировал первый и пригнулся, чтобы не получить второй.

— Это я, — сказал он, снова пытаюсь схватить меня за руку, но я успела извернуться.

— Йен? Какого черта?!

— Где ты была?

У меня отвисла челюсть. Он практически влез в мою квартиру, а теперь устраивает мне допрос?

— Как ты сюда попал?

Йен помахал ключом у меня под носом. Я заметила, что водянистые голубые глаза стали как будто еще водянистее. Значит, он пил.

— Я о тебе беспокоился.

И как это, блин, объясняет наличие у него ключа?

— Откуда у тебя ключ от моей квартиры? — спросила я и пошла в кухню размером с коробку для крекеров.

Положив пакет на стойку, я почувствовала, как сама себя бешу, потому что совершенно забыла отнести сэндвич Джеймсу. Пусть даже остывший и помятый.

Джеймс — бездомный парень, который живет в заброшенном и почти обвалившемся сарае через дорогу от моего дома. Честно говоря, я его никогда не видела. Зато слышала. Когда я возвращалась домой с работы, Джеймс пел, и вот однажды я все-таки остановилась, чтобы с ним поговорить. Выйти из гнездышка коробок и одеял он не захотел, но сказал, что его зовут Джеймс, и что он прилетел с планеты Фундук. До того дня я понятия не имела, что где-то есть планета с таким названием, но точно бы не отказалась туда переселиться. Фундук в кофе — обалденно вкусно. К тому же я обожаю научную фантастику.

— Сделал запасной на всякий случай, — ответил Йен.

Я яростно вытерла лицо. Это уже ни в какие ворота! Пора положить всему этому конец. Сразу после того, как Йен подбросит меня обратно в кафе. Я собиралась обратиться за помощью к Мэйбл, но машины у дома не было. Видимо, взял покататься внучатый племянник соседки. Да уж, порой этот пацан рушит все планы.

— Я о тебе беспокоился, — повторил Йен. — Ты же, черт возьми, упала в обморок! А вдруг у тебя сотрясение?

— Нет у меня никакого сотрясения. Меня успели подхватить до того, как я грохнулась на пол.

Внутри Йена что-то вспыхнуло.

— Кто?

— Один парень. Ты его не знаешь. Секундочку! Так как ты все-таки сюда попал?

Он опять помахал ключом, и на этот раз я его отобрала.

— Какого черта? — рявкнул Йен и попытался вернуть ключ, но я зажала его в кулаке, а руку спрятала за спиной.

Хочет ключ — пусть поборется. С меня станется и проглотить железку. Правда, с брелком могут быть проблемы. А еще мне совершенно не улыбалась мысль опять попасть в отделение неотложки. Объясняться придется до посинения.

— Нельзя просто так делать копии с ключей других людей, Йен. Уверена, что это незаконно.

— Еще как законно, если люди встречаются.

Я смирила его сердитым взглядом, сняла куртку Рейеса и пошла в ванную. Хотелось обжигающе горячего Рейеса, но и обжигающе горячий душ тоже сойдет. Вот только, пока тут торчит Йен, мне даже душ не светит.

— Йен, мы не встречаемся. И мы об этом уже говорили.

— И как ты тогда все это назовешь?

Он пошел за мной. В ванную. Невероятно!

— Мы ходим поест, — продолжал спорить он. — Ходим в кино. Вместе смотрим телевизор.

Глянув в зеркало, я чуть не крикнула от ужаса. Кожа и правда посинела. Губы были фиолетовыми, как какой-нибудь свитер или напиток для спортсменов, а волосы смахивали на парик, который тушили при пожаре.

Я провела руками по прядям и поежилась. В таком виде меня видел Рейес! Будь у меня чешуя и раздвоенный язык, и то была бы посимпатичнее.

— Как это, по-твоему, называется? — не унимался Йен.

— Приятное времяпрепровождение, — сказала я, вытаскивая из шкафчика маленький дорожный фен, который прикупила в местной коммисионке, и который стоил каждого цента из тех несчастных двух баксов, что за него просили. Высушить волосы целиком не хватило бы и вечности, поэтому я сосредоточилась только на корнях и крикнула Йену, стараясь перекрыть шум работающего фена: — Этим и занимаются друзья, Йен. Приятно проводят время.

Правда, нам с ним это уже не грозит. Потому что ситуация становится все жутче и жутче.

В этот самый момент я передумала рассказывать Йену о мистере Ванденберге. Чувак определенно не очень дружит с головой. Может быть, у Боберта все получится, и завтра мне удастся поговорить с кем-то из ФБР. А до тех пор мистер Ви и его семья будут в смертельной опасности. Вот почему надо вернуться в кафе. Я должна узнать, остался ли мистер Ви в магазине и стерегут ли его до сих пор бандиты. Может быть, они уже получили, что хотели, и отправились восвояси. Хотя вряд ли. Все это время я пыталась придумать хоть какой-нибудь план. Вот бы удалось как-то передать мистеру Ви записку... Надо хорошенько обо всем поразмыслить.

- Мы ужинать идем, или как? — громко спросил Йен, словно уже и забыл, о чем мы только что говорили.

— Если ты не против поест в кафе, то да.

Он тут же сник:

— Я хотел пригласить тебя в какое-нибудь приятное местечко.

— Для приятного местечка у меня наряда нет. Да и выгляжу я, как сосулька с волосами.

Йен улыбнулся. Явно хотел исправить ситуацию.

— Люблю сосульки.

Ничего у него не вышло. К сожалению, скажи то же самое Рейес, я бы растеклась на полу синеватой лужицей. На Йена же мои девичьи части тела реагировали совсем иначе.

— Вон, — скомандовала я, когда корни просохли, стянула волосы в хвост и ткнула пальцем в дверь, выгоняя из ванной нежеланного гостя.

Чтобы выйти на улицу, надо было переодеться. А меньше всего на свете хотелось переодеваться перед Йеном и давать ему повод думать, что между нами существует что-то больше обычных приятельских отношений. Ни к чему подбрасывать дрова в огонь.

С заметной неохотой Йен попятился. Что он себе надумал? Что я сбегу через окно? Я покосилась на крошечное окошко. Мне в него в жизни не пролезть.

— Пойду, прогрею машину.

Я показала ему большие пальцы, потом захлопнула дверь и привалилась к ней спиной. «Эффект Рейеса» все еще действовал на всю катушку, плясал по нервам и разжигал аппетит. Но все это бессмысленно. Придется держать гормоны в ежовых рукавицах. Рейес любит другую, и я ничего с этим поделать не могу. Абсолютно ни-че-го.

Переодевшись, я закуталась в куртку Рейеса и вдохнула его запах полной грудью. Но, перед тем как уйти, задержалась, чтобы попрощаться с Ирмой:

— Держи оборону, Ирма!

Понятия не имею, как ее зовут на самом деле. Когда я въехала в эту квартиру, она уже была здесь. Висела в углу в нескольких сантиметрах от пола, носом к стене. За все время ни разу не пошевелилась и ни слова не сказала. Сама она крошечная и очень преклонного возраста, но на ней огромное цветастое платье, а на шее — бусы братской любви. Мало того, волосы у нее голубые, так что я могу только предположить, что ей как минимум под семьдесят.

Впервые увидев Ирму, я чуть не отказалась от квартиры. Но мне позарез нужно было выбраться наконец со склада, а это единственное жилье, которое я могла себе позволить. А потом привыкла и теперь вообще не представляю квартиру без своей молчаливой соседки.

Как всегда, ответа от нее я не дождалась, поэтому собрала волю в кулак и опять вышла в лютый холод. Йен сидел за рулем. Двигатель машины работал вхолостую. Хорошо хоть дождь прекратился. Я подняла указательный палец, давая Йену знать, что мне нужна еще минутка, и, подбежав к соседней квартире, тихонько постучала в окно Мэйбл. Не хотелось ее будить на случай, если она уже спит. Однако из квартиры послышался ее крик — Мэйбл позвала меня зайти.

— Привет, солнце, — сказала я, вытаскивая из пакета холодный промокший сэндвич.

На Мэйбл уже были пижама и халат. Соседка явно готовилась к отдыху.

— Ты не видела мою расческу? — спросила она. — Такую, коричневую?

— За последние дни — ни разу, — рассмеялась я. — Я купила твой любимый, но он слегка помялся. И остыл.

— Ой, солнышко, помятое и остывшее — мои вторые имена.

Вчера ее вторым именем было «суппозиторий». Долго рассказывать.

С явно написанным на лице восторгом Мэйбл поспешила ко мне. Может, догадается поджарить бутер, чтобы подсушить и сделать хрустящую корочку.

— Можно одолжить твою машину, когда Стэн ее вернет?

— Можешь одолжить ее хоть сейчас. Машина не у него. Этот маленький засранец на днях попал в аварию.

— С ним все в порядке? — встревожилась я.

— Жить будет. Отделался малой кровью. То есть одной царапиной. Даже губернатору о таком не напишешь.

Мэйбл у нас любительница писать письма губернатору.

— Вот и хорошо. Значит, машина не на СТО?

— Нет. У меня на заднем дворе. И Стэн ее не получит, пока не раскошелится на ремонт.

— Храни тебя бог, Мэйбл. С нынешними детками беды не оберешься.

Я решила не упоминать, что мы со Стэном практически ровесники.

— А вот ты, моя хорошая, можешь брать машину, когда захочешь.

— Спасибо, — сказала я и зашла за стойку, чтобы обнять соседку.

Сперва Мэйбл погрозила кухонной лопаткой, но потом смягчилась и быстро обняла меня в ответ.

— Ключ на крючке.

Я взяла ключ от «фиесты», жалея, что не знала с самого начала о ситуации с машиной. А ведь могла бы избежать очередного вечера с копом, которого почти наверняка скоро отправят в вынужденный отпуск дожидаться решения медкомиссии по поводу его психического здоровья. Вот был бы подарок судьбы! И лучше раньше, чем позже, ей-богу. Домой к мистеру Ви придется заскочить уже ночью, когда все улягутся спать.

Выбежав на улицу, я опять показала уже сильно раздраженному Йену палец и помчалась через дорогу, всего один раз чуть не шмякнувшись задом на лед. В сарае горел мягкий свет. Видимо, Джеймс таки раздобыл масло для лампы.

Стараясь не оступиться на кучах мусора и обломков, я осторожно пробралась к сараю.

— Джеймс?

Ему не нравилось, когда я подходила слишком близко, поэтому пакет я положила рядом с тем, что когда-то было входом.

— Я тебе сэндвич принесла. Извини за то, в каком он состоянии.

Секунду спустя я услышала ворчание, а потом гудок.

Гудок!

Йен додумался мне сигналить! Я резко развернулась и сердито уставилась на него, хотя он вряд ли меня видел. Я ему не кто-то там, кому можно запросто сигналить в спину! Ну все. Это была последняя капля. Сегодня же положу конец этому абсурду.

Конечно, я могла бы покончить с нашей дружбой сию же минуту и взять машину Мэйбл, но хотелось нормально объяснить Йену, почему нам нельзя больше видеться. И желательно в людном месте. Почему-то я ему не доверяю. А если подумать, не доверяла никогда, даже в тот злополучный День Номер Один.

До кафе мы ехали целых две минуты в абсолютной тишине. Йен понял, что фигня с сигналом мне, мягко говоря, не понравилась, поэтому мудро держал язык за зубами. Однако за каменным выражением лица бурлили такие эмоции, что никаких слов не нужно. Йен кипел от злости. На меня. Из-за того, что я злилась на него. По крайней мере так мне казалось. Причем его злость была приправлена горькой желчью. Внезапно я поняла, что дожидаться не могу, когда нашим «отношениям» придет конец.

Однако выяснилось, что я ошиблась. Подъехав к кафе, Йен выключил двигатель и

повернулся ко мне:

— Чья на тебе куртка?

Неужто только что заметил? А еще коп называется.

— Одного друга.

— Какого друга? У тебя нет друзей.

— Что ж, большое тебе отвали к чертям собачьим.

Я развернулась, чтобы выйти, но Йен опять схватил меня за руку. Второй раз за вечер. Я вырвалась. Второй раз за вечер.

— Послушай, Йен, вся эта наша с тобой так называемая дружба меня не устраивает.

— Серьезно?

— Серьезнее некуда. Я бы с радостью с тобой дружила, но ты переходишь всякие границы. Я не вижу другого выхода, кроме как положить такой дружбе конец.

Спокойствие, которое вдруг снизошло на Йена, должно было стать для меня первым звоночком. Дать понять, на что он на самом деле способен. Я почувствовала, как в нем вспыхнул горячий гнев, но внешне Йен казался олицетворением неиссякаемого терпения. Наверное, именно так бы выглядела монашка на пивной вечеринке.

— Ну, извини меня, — сказал он так, будто разговаривал с ребенком. — Давай просто поужинаем, идет? А потом уже все обсудим.

— Нечего здесь обсуждать.

Йен опустил голову, и я заметила, как у него на ресницах блеснули слезы. Вот только в его эмоциях не было ни намека на раскаяние.

— Я знаю, что облажался, Джейни. И мне очень-очень жаль. Я не хочу терять в тебе друга.

Ну слава тебе, господи! Наконец-то мы вернулись к тому, что дружим и ничего больше. С этим жить я могу. Наверное.

— Значит, остаемся друзьями?

Он посмотрел на меня полными надежд глазами:

— Да.

— И больше ничего?

— И больше ничего. Просто... Понимаешь, ты для меня особенный человек. Я очень за тебя переживаю.

Стоит признать, актер он отличный. Вот только изнутри от него так и веяло холодом. Йен все еще держался за ключи в замке зажигания, словно ждал моего ответа. Что ж, выбора у меня не было. Пришлось тоже поупражняться в актерских навыках.

Я улыбнулась и, будто стараясь произвести на режиссера впечатление, решила слегка переиграть — обняла Йена одной рукой за шею. Злость тут же испарилась, правда, не до конца, и он обнял меня в ответ.

— Ну так как? Идем есть? — спросила я и отстранилась.

На долю секунды его глаза подозрительно сощурились. Чтобы не давать ему возможности поразмышлять над молниеносными сменами моего настроения, я выскочила из машины и игриво добавила:

— Умираю с голоду.

Йен шел за мной не торопясь, поэтому я взяла его под руку, посылая одновременно тысячи сигналов попеременно. Однако не о его спокойствии я волновалась. Просто мне хотелось поскорее добраться до людей. До людей, которые при необходимости смогут

вызвать полицию.

Ну все, мне позарез нужен сотовый!

Выбрав столик, откуда мне будет виден переулок, я уселась. Йен хотел примоститься рядом, но я наградила его многозначительным взглядом на тему, что можно, а чего нельзя в дружбе, поэтому он в конце концов сел напротив.

Меню нам принесла крошечная и похожая на эльфа Шайла, которую легко можно сфоткать в словарь для определения слова «прелестный».

— Уже соскучилась? — подмигнула она мне.

— Да просто обслуживание тут суперское.

Рассмеявшись, она приняла у нас заказ и направилась к очередному столику.

Я почти надеялась увидеть здесь Рейеса. Пусть отношения нам не светят, но я бы с удовольствием периодически созерцала его, когда он выходит в народ и позволяет себя созерцать. И это вовсе не преследование, а скорее восхищение. Так смотрят на произведения искусства. Ну или пялятся в порнушку.

Едва мы устроились, к магазину мистера Ви подъехал грузовичок. Я тут же вспомнила про курьерский фургон, который мы с Куки видели утром возле химчистки. Только гораздо позже меня осенило, что сотрудники службы доставки не выносят коробки из магазинов, а, наоборот, заносят. В этом ведь и заключается их работа, правильно? Так зачем же утром коробки выносили?

Я ломала голову, вспоминая, из какой компании был тот фургон, но все без толку.

«Товары для клининга»!

Я удивленно моргнула. Название всплыло сразу же, как только я перестала его вспоминать. В мыслях появились зеленые буквы на белом фургоне, причем так же ясно, как солнечный свет, которым в последнее время погода нас не балует.

Выскочив из-за стола, я метнулась к стойке, взяла ручку и записала название. Чуть позже покопаю, что это за компания, и насколько она легальна. А пока я сосредоточилась на красном четырехдверном «шевроле», который казался совершенно незнакомым. Двое мужчин вышли из машины и опустили заднюю дверь. Внутри оказалось какое-то оборудование. Я подалась ближе к стеклу, но было слишком темно. Плюс у меня под носом защелкали чьи-то пальцы.

Мигом вспыхнула горячая ярость. Я гневно уставилась на Йена, который мрачно смотрел на меня в ответ. Ей-богу, с каждой секундой его нахальство растет. Еще чуть-чуть, и достигнет новых высот глупости. Какого рожна я вообще его терплю? А-а, ну да. Все потому, что в первый день я была совсем одна, а он вел себя вежливо и дружелюбно.

— Где витают твои мысли? — спросил Йен.

Я прикусила язык. Мы среди кучи людей. Я могу хоть сейчас положить конец нашей дурацкой дружбе, но сначала надо выяснить, что в красном фургоне, пока груз не начали выносить. И все-таки волноваться о чувствах Йена я прекратила раз и навсегда.

— Закажи мне кесадилью.

— А ты куда?

— Айл би бэк^[8], - сказала я, подражая Арнольду, и опять поразилась тому, что фразу из фильма помню, а собственное имя нет.

Метнувшись к выходу, я выскользнула на улицу, стараясь держаться в тени и в сотый раз радуясь куртке Рейеса. К счастью, два соединенных здания не были одинаковыми. Магазин мистера Ванденберга на метр длиннее, что давало мне замечательную возможность

наблюдать за происходящим из укрытия.

Мужчины разгружали фургон. Появились черные сумки и несколько простых, но очень тяжелых на вид коробок. Поставив все на землю, мужчины пошли в здание. Мистера Ви с ними не было, и я не знала, хорошо это или плохо.

Откуда-то сзади послышался мужской голос:

— Чем занимаешься?

Вопрос задали достаточно громко, чтобы привлечь внимание одного из мужчин. Он остановился и осмотрелся по сторонам, а я развернулась и прижала палец к губам Гаррета Своупса. Губы оказались теплыми, а колючая щетина — чуточку сексуальнее, чем хотелось бы.

Прижав все тот же палец к собственному рту, я выглянула из-за угла узнать, заметили ли нас грузчики. Но те были заняты — выносили из магазина коробки.

— Что это такое? — шепотом спросила я у Гаррета.

Он подался к стене над моей головой, глянул за угол и шепнул в ответ:

— Плазморез.

— Зачем кому-то резать плазму? — нахмурилась я.

Глядя на меня сверху вниз, Гаррет ухмыльнулся:

— Может, расскажешь, что ты тут забыла?

— Нет.

— Это как-то связано с тем, что владельца магазина держат в заложниках?

Я тут же выпрямилась.

— Так ты знаешь? — удивленно уточнила я, в то же время испытывая облегчение, что рядом есть кто-то еще.

Гаррет шагнул назад.

— Проходил сегодня мимо магазина и видел там подозрительных мужиков. Плюс владелец явно чувствовал себя не в своей тарелке...

— Ага, я их тоже видела, — наполовину соврала я.

— И что, по-твоему, мы должны с этим делать?

— Ну-у... — На самом деле я понятия не имела, что тут можно сделать. А вдруг из-за каких-то моих действий или даже слов с мистером Ванденбергом случится что-то ужасное? Утром он был напуган до смерти. И очень хотел, чтобы я побыстрее убралась из магазина. Я опустила голову. — Ничего.

А потом направилась обратно к задней двери кафе.

— Ничего? — переспросил Гаррет, прислонился спиной к стене и повертел в руках поднятый с земли камень. На холоде его дыхание превращалось в пар. — Уверена?

— Уверена. А что?

— Даже не знаю. Просто, по-моему, не совсем в твоём духе ничего не делать. Сидеть на попе ровно и не пытаться помочь людям, попавшим в беду.

От его слов я вздрогнула. Но мистера Ви здесь не было. Я бы его почувствовала. И что могут сделать бандиты, если я их как-то спугну?

— А вдруг, если я вмешаюсь, кто-то пострадает? Вдруг для мистера Ви все станет только хуже, если я пойду в полицию со своими подозрениями? Мне кажется, его родных тоже взяли в заложники.

— Ты права. Причины веские. Но если все так, то почему ты тут торчишь?

Я поддела носком ботинка кусочек льда.

— Не знаю. Наверное, из любопытства. Может быть, удастся что-то узнать, а потом рассказать властям. Если я выясню, где держат мистера Ви и его семью, копы, наверное, смогут их спасти до того, как бандиты поймут, что к чему. — Гаррет только кивнул, поэтому я спросила: — У тебя, случайно, нет идей получше? Таких, чтобы в итоге не убили ни мистера Ви, ни кого-нибудь из его родных? Видишь ли, я обожаю его детей.

Несколько долгих секунд Гаррет пялился на меня, а потом заявил:

— Кажется, твой бойфренд начинает волноваться, — и кивнул в сторону двери, где в тусклом свете маячил силуэт Йена.

— Что вы здесь делаете?

Губы Гаррета растянулись в ухмылке.

— Я отлить вышел.

— А я ему говорю, что в кафе есть уборная, — подыграла я.

Офонаревший Йен приблизился к нам.

— То есть ты вышла к мужику, который мочится под стенку, чтобы предложить ему сходить в туалет в кафе?

— Ну, все не совсем так...

— Мочеиспускание в общественных местах запрещено законом.

Черт. Йен же коп! Вечно забываю об этом крошечном нюансе.

Он тяжело уставился на Гаррета, который с каждой минутой казался мне все интереснее, и шагнул ближе, явно ожидая ответа.

— Ну, я как бы уже домой собрался, а тут вдруг приспичило.

Да уж, обстановочка накалялась. Тем более что Гаррет решил скопировать Йена и тоже шагнул вперед. Вызов был очевиден. В воздухе заискрило от напряжения.

— Он даже не начал, — сказала я, опять испытав прилив раздражения, и положила руку на плечо Йену, чтобы сгладить ситуацию. — Вернусь через минуту.

Однако мой жест не успокоил его, а, наоборот, разозлил.

— Не смей указывать мне, что делать, — процедил Йен сквозь зубы и повернулся ко мне.

От его гнева весь пушок у меня на лице встал дыбом.

Как бы между прочим, Гаррет отошел обратно к стене и, слава богу, стал оттуда изучать происходящее. Я не очень хорошо знала, на что именно способен Йен, но легко могла представить, что будет с Гарретом, если он нападет на копа.

Выбора не было. Придется принять Йена в наш маленький кружок.

— Послушай, Йен... У наших соседей, похоже, происходит что-то нехорошее.

Чтобы создать иллюзию тет-а-тета, пришлось отвести его в сторонку от Гаррета.

— Откуда ты его знаешь? — спросил Йен, словно и не слышал меня вовсе.

— Чего? Йен, я тут пытаюсь сообщить о преступлении.

— Со стороны кажется, что вы с ним прекрасно знакомы.

— Ты меня вообще слушаешь? Мне кажется, — заговорила я тише, — в магазине мистера Ванденберга что-то происходит.

— Что? — раздраженно спросил наконец Йен.

— Там странные люди. С плазморедами.

Он в шутку округлил глаза:

— Какой кошмар!

— Плюс мистер Ванденберг выглядел очень расстроенным. Как будто что-то случилось.

— Ясное дело, что-то случилось. Жена помахала ему ручкой и забрала детей. Об этом весь город гудит.

Дерьмо на палочке! Парикмахерша просто мастер сплетен. Но спорить я не собиралась. Йен уже все для себя решил, и волновал его только мой разговор с Гарретом.

— Откуда ты его знаешь? По работе?

Во мне затеплилась надежда.

— Да! Временами я ношу ему обед. А сегодня он и правда...

— Я не о Ванденберге спрашиваю, — перебил Йен резким, как разделочный нож повара, тоном, — а об этом парне. Своупсе.

От ярости в его голосе я застыла, не пропустив того факта, что Йен назвал Гаррета по фамилии. То есть так, как я не называла никогда. Неужели уже проверял его подноготную? Зачем? Как бы то ни было, мое терпение приказало долго жить.

— Знаешь что? Я помогу закрыть кафе. А ты езжай домой.

Он попытался схватить меня за руку, но я вовремя отшатнулась и сердито прошипела:

— С меня хватит, Йен.

— Ты просто расстроена, — отозвался он.

Видимо, пришла его очередь попытаться сгладить конфликт.

— Я? Расстроена? Потому что ты влез в мою квартиру? Потому что раздаешь мне приказы направо и налево? Потому что не принимаешь всерьез мое желание остаться друзьями? Да быть того не может! — выдала я пропитанным сарказмом тоном.

— То есть ты серьезно заявляешь, что между нами все кончено?

— Между нами никогда ничего и не начиналось, Йен.

— Я дам тебе время хорошенько обо всем подумать.

Я чуть не потрясла кулаками от возмущения.

— Мне не нужно время. Мне нужно, чтобы ты ушел.

— Ты понятия не имеешь, что тебе нужно.

На этот раз гнев разгорелся внутри меня бушующим пожаром, а Йен продолжал:

— Я был рядом, когда ты была совсем одна.

— И я тебе за это благодарна, Йен. Но ты коп. Это твоя работа. И я не обязана тебе жизнью за то, что ты для меня сделал.

Ярость Йена стала ослепительной.

— Неужели?

— И что, черт возьми, это значит?

Молча отойдя от меня на пару шагов, он бросил мрачный взгляд на Гаррета и пошел в кафе, громко захлопнув за собой дверь.

— Что ж, — начал Гаррет, — у вас двоих, похоже, все путем. Вид у тебя крайне счастливый.

— Спасибо, что не стал за меня заступаться. — И заодно не организовал себе арест не отходя от кассы.

— Сомневаюсь, что тебе нужна была помощь.

Ой, как мило!

— Бешеные барышни, как правило, легко справляются сами.

Или я все-таки поспешила с выводами.

— И что ты собираешься с ним делать?

— С Йеном? В смысле?

— Ты же не думаешь, что все действительно закончилось?

— Думаю, конечно. Я же только что ему об этом сказала.

— Ну да, психопаты же с первого раза все понимают.

Он прав. Тревожные флюиды шли от Йена с самого первого дня. Он типичный лжец, который не справляется с собственным гневом и несколько дней подряд носит одну и ту же рубашку. У него определенно проблемы с головой. Да и сама-то я не лучше. Стою тут, понимаешь, в темном переулке с чуваком, которого едва знаю. Сердито отвернувшись, я заметила в конце переуллка какого-то парня и спросила у Гаррета:

— Это, случайно, не Ош?

Парень стоял, засунув руки в карманы. Дыхание завесой тумана скрывало его лицо, но много ли на свете подростков, которые носят цилиндры? Оглянувшись на нас, он так же быстро отвернулся.

— Похоже на то, — ответил Гаррет.

Подъехала машина. Ош наклонился поговорить с водителем, и машина уехала.

— Он что, наркотиками торгует? — встревожилась я.

— Не-а. По-моему, он проститут.

Офонарев, я прижала ладонь к груди. Он же такой юный! К тому же потрясающе красивый. У него вся жизнь впереди. Зачем он в это вляпался?!

— Все в порядке, — сказал Гаррет. — Он уже давно шлюхой подрабатывает.

У меня заныло сердце. Пока я не поняла, что Гаррет тихонько посмеивается. Я смерила его сердитым взглядом:

— Шутишь, да?

— Ни капельки. Он проститут. Сама его спроси.

Я сложила на груди руки.

— Он ведь совсем еще ребенок.

— Ага, как же!

— Ты хорошо его знаешь?

— Сегодня познакомился.

— Фиг с тобой, сдаюсь. Я в кафе, поем наконец. Есть хочешь?

Прежде чем ответить, Гаррет покосился на Оша, и я краем глаза заметила, как тот приподнял шляпу, словно был истинным джентльменом, и куда-то пошел.

— Наверное, нет, — сказал наконец Гаррет. — У меня еще дела.

— Не знаешь, что теряешь, — поддразнила я, но он смерил меня абсолютно серьезным взглядом.

— Это точно.

*Без кофе я всего лишь
двухлетний ребенок-переросток.*

Надпись на футболке

Когда я вернулась в теплое-претеплое кафе, Шайла как раз расставляла тарелки на нашем столике. Точнее на моем, раз уж Йену недвусмысленно предложили уйти.

Шайла нервно покосилась на меня:

— Эм-м, твой кавалер...

— Свалил, — закончила я за нее. — По моей просьбе.

— А-а, ну тогда все отлично.

Только теперь до меня дошло, почему в зале было так тепло. В нескольких шагах за столом сидел Рейес и изучал меню. Я притормозила, внезапно испереживавшись за прическу. Повезет, если губы опять не посинели.

Шайла принесла мне дополнительную порцию сальсы (как хорошо она меня знает!), а я уселась за стол и заметила, как в свете флуоресцентных ламп поблескивает ее тревожный медицинский браслет.

— Бли-и-ин! — выдохнула я, восхищенно глядя на красоту. — Ты украсила браслет стразами! Круто получилось.

Шайла рассмеялась и покрутила рукой, чтобы в фальшивых бриллиантиках заиграл свет.

— Это все папа.

— Похоже, он у тебя замечательный.

— Так и есть, — отозвалась она и ушла по делам.

Разделяваясь с едой, я постоянно поглядывала на Рейеса, получить которого никогда не смогу, но хочу так сильно, что сама пугаюсь. На нем была все та же рубашка, но уже застегнутая. А вот куртки не было. Я забеспокоилась. Вдруг он мне соврал, когда сказал, что у него есть еще одна? Ни за какие коврижки не стану отбирать у него единственную куртку.

Вытерев салфеткой руки, я направилась к столику Рейеса. Из мотеля я сбежала второпях, и теперь казалось, что надо извиниться. По крайней мере именно так я в мыслях оправдывала свой порыв взять и нагло испортить Рейесу вечер.

Чем ближе я подходила, тем отчетливее ощущала легкий аромат какого-то дорогущего одеколona. Даже без куртки Рейес ни капельки не выглядел замерзшим. Мало того, он закатал рукава. Я начинала понимать, что он сам себе обогреватель, потому что сам вырабатывает тепло.

А еще Рейес на меня смотрел. С той секунды, как я встала из-за стола. Под тенью густых ресниц мерцали удивительные глаза.

Когда я остановилась рядом, он поднял голову и поздоровался:

— Мисс Дозерр.

В его устах имя прозвучало, как изысканный коктейль.

— Мистер Фэрроу, — в тон отозвалась я. — Я хотела извиниться за...

— Нет, не хотела, — перебил он, и уголок рта приподнялся от намека на улыбку.

— Ну и ладно. — Я подвинула стул и села напротив Рейеса. — Это твоя единственная куртка?

— Нет.

Он не соврал, но это не значило, что другую куртку он взял с собой. Может, она до сих пор у его бывшей.

— То есть ты просто решил сегодня прогуляться налегке? Когда на улице дикий холод? — Он не ответил, поэтому я продолжила: — Давай я верну тебе куртку, — и начала ее снимать, но Рейес поднял руку.

— Оставь себе. Тебе она идет больше.

Ясненько. Он явно никогда в жизни не смотрел в зеркало. Ни-ког-да.

— Да она же меня просто проглотила!

— Я бы тоже тебя проглотил, если бы мог.

Внутри меня вспыхнула смесь восторга и шока, и я смущенно опустила голову.

— Обещаешь дать мне знать, если она тебе понадобится? Мою вернут через пару дней. — Рейес опять промолчал, и я повторила: — Обещаешь?

Я и не заметила, как положила ладонь на стол. Секунду спустя Рейес протянул руку и легонько коснулся кончиков моих пальцев. От соприкосновения словно заискрился ток, и мое сердце запнулось.

— Клянусь.

Ничего не понимая, я убрала руку. Он же явно сохнет по бывшей. Сам признался. Однако казалось, что ко мне он испытывает искренний интерес. Только я понятия не имела, что с этим делать. Может, стоит подождать, пока он придет в себя после расставания? Меньше всего на свете хочется быть девушкой на замену. Такие отношения долго не живут. К тому же, перед тем как уйти, я вспомнила, что могу уже быть замужем. Что тогда подумает обо мне Рейес?

— Принести тебе чего-нибудь еще? — спросила у меня Шайла.

В кафе все прибывали и прибывали женщины. Странно, наверное, но так происходило каждый раз, когда в зале появлялся Рейес. Шайла казалась единственной, кого не трогают его чары, и я точно знала почему. Две другие официантки вполне справлялись с работой, поэтому я попросила ее немножко посидеть со мной.

Завтра предстоит важный день. Мне хотелось дать Шайле не меньше шансов, чем Льюису, нашему помощнику. Если все пойдет по плану, его кузен как будто придет нас грабить. Льюис его вышвырнет, а Фрэнси влюбится. Однако имелось у меня ощущение, что Шайла заслуживает любви Льюиса гораздо больше, чем Фрэнси. В отличие от последней Шайла по-настоящему видит его таким, какой он есть. И я чувствовала это каждый раз, когда она на него смотрела.

— Если недолго, то могу посидеть, — сказала она, садясь за стол напротив меня.

— В общем, как тебе Льюис?

Я застала Шайлу врасплох. Она пожевала нготь и ответила, так и не опустив руку:

— По-моему, он замечательный.

— Я тоже так думаю.

При мысли о человеке, в которого она влюблена уже довольно долго, губы Шайлы сложились в улыбку.

— В школе он всегда относился ко мне по-доброму.

— Вы вместе учились?

Шайла кивнула с заразительным энтузиазмом:

— Ага. Видела бы ты, каким он был умным! Ну, знаешь, заучка, но не законченный ботаник.

— Понимаю. Достаточно взглянуть на его футболку с логотипом «Звездного пути».

— Точно! И она красная. Понимаешь, к чему я веду? — Я только нахмурилась, поэтому она объяснила: — Он как будто испытывает судьбу. Как будто говорит: «Я буду ходить в красной футболке. Твой черед показать мне, на что ты способна, вселенная».

— И все это ясно по красной футболке? Впечатляюще.

Шайла снова кивнула, и у нее на щеке появилась маленькая ямочка.

— Люди зачастую его не понимают, но в школе он был умником, который относился ко всем без намека на заносчивость. Со всеми вел себя по-человечески.

Это я легко могла себе представить. Чего я не понимала, так это почему Шайла ни разу даже не попыталась позаигрывать с Льюисом.

— Почему бы тебе не рассказать ему о своих чувствах?

Ее глаза превратились в блюдца.

— Ты что! Я так не могу. В смысле он же... он...

— А как тебе такой план? — перебила я, пока Шайлу удар не хватил. — Ты подойдешь к нему и поздороваться. А потом заведешь разговор о его группе.

При упоминании о «Чумовом отрыве» Шайла чуточку растаяла.

— Парни любят говорить о себе. Вот увидишь, все получится.

Все это я затеяла по одной простой причине. Было у меня подозрение, что даже героический трюк со спасением жизни Фрэнси не оторвет ее от Рейеса. А если и оторвет, то ненадолго. Тогда Шайла окажется рядом и сумеет исцелить разбитое сердце Льюиса.

— Обещай хотя бы подумать об этом.

Шайла еще раз кивнула, а я закончила с кесадильей и решила, что прошло уже достаточно времени. Я должна выяснить, где держат семью мистера Ванденберга, и придумать, как им помочь.

Домой я шла быстро, но это не помешало какой-то шикарной черной машине сесть мне на хвост. Я притворилась, будто ничего не замечаю, и продолжала шагать. В конце концов машина остановилась, а остаток пути я практически бежала.

Поскольку у меня были ключи от «форда-фиесты» Мэйбл девяностого года выпуска, я побежала сразу на ее задний двор и врубила двигатель. Машина, прямо скажем, страшненькая, зато способна доставить меня из пункта А в пункт Б, да и обогревается отлично.

Найдя адрес мистера Ви в интернете, я поехала напрямик к Филипс-Мэнор. Оказалось, что мистер Ванденберг живет в более роскошной части города, чем та, где живу я. Хотя любая другая часть города тут роскошнее, чем моя, но та, где живет мистер Ви, просто суперпуперроскошная. У него явно куча денег. Так почему бандиты не забрали эту кучу и не ушли? Впрочем, может быть, все не так просто. Может быть, все доходы мистера Ви сразу идут в хеджевые фонды, фонды малого бизнеса, фонды двухлетней капусты и в другие фонды, о которых никто никогда не слышал.

Да уж, консультант по инвестициям из меня никакой.

Проехав мимо дома мистера Ви, я припарковалась примерно в полутора километрах от особняка, вышла из машины, начала свой путь к дому, потом залезла обратно за руль, подъехала ближе, пока не оказалась где-то в полукилометре, и опять вышла на улицу. По

лицу колотил ледяной дождь, явно пытаясь пробраться во все доступные места. Ну и где сверхъестественный камин, когда он мне так нужен?

Рискнув жизнью, я перелезла через железный забор с острыми пиками наверху и потрусила к темному дому. Занавески на всех окнах были задвинуты, но складывалось впечатление, что свет в доме нигде не горит. Я закрыла глаза и сосредоточилась. Потянулась ощущениями наружу, но не уловила ни намека на эмоции. Пульс подскочил. Если не здесь, то бандиты могут держать Ванденбергов где угодно.

— Как жизнь, чикита^[9]?

Услышав голос Ангела за спиной, я подскочила и всерьез подумала прикинуться экзорцистом. Но сначала хотелось расспросить его о разговоре, который я сегодня подслушала.

— Этот чувак тебя донимает? — спросил он у меня.

— Какой чувак?

Я повернулась туда, куда кивнул Ангел. В паре шагов от меня стоял пожилой мертвый дядечка и пытался ткнуть в меня палкой. Призрачной, не настоящей. Неужели умер вместе с ней? В общем, руки у дядечки тряслись, так что он постоянно промазывал. Вот и ладненько.

— Я тут вроде как кое-что расследую. Можешь смотаться в дом и посмотреть, есть там кто-нибудь или нет?

— Для тебя, *мі атог*^[10], что угодно. А потом можем пообжиматься.

— Серьезно? Чувак, ты ведешь себя так, будто тебе двенадцать лет.

Ангел расправил плечи и выпрямился в полный рост. То бишь во все свои метр шестьдесят.

— Во-первых, я умер, когда мне было тринадцать. А во-вторых, это было давным-давно. Да я практически старик! Мне где-то около сорока или типа того.

— И все равно я — пас.

Он покачал головой и испарился, бросив напоследок:

— Ты понятия не имеешь, от чего отказываешься.

Меня передернуло. Плевать, сколько лет он уже мертв. Пацану тринадцать, и точка.

В этот момент я почувствовала, как меня в ребра ткнули, и отмахнулась от палки. А тридцать секунд спустя вернулся Ангел.

— Теплых тел в поле зрения нет. А что вообще происходит?

Я уже собиралась ответить, но решила на всякий случай уточнить:

— Говоря о теплых телах, ты, случайно, не имеешь в виду, что по дому разбросаны холодные?

— В смысле жмурики?

Я тяжело сглотнула и кивнула.

— Не-а. Жмуров тоже нету. Зато есть офигенно психованная кошка.

— Ну хватит уже! — рявкнула я, опять отмахнулась от палки и сердито уставилась на нападавшего.

Тот лишь поднял палку снова и попытался попасть мне в глаз. Какого, блин, черта?

Чудом увернувшись и отойдя на пару шагов от сильно престарелой версии Чарльза Дарвина, который явно пытался обнаружить новые виды, я спросила у Ангела:

— Как думаешь, она голодная?

— Мне-то почем знать? — усмехнулся он. — Хочешь, чтобы я пошел и спросил?

Я восхищенно распахнула глаза:

— Ты умеешь говорить с кошками?

— Ясен пень, не умею. Что за бред у тебя в башке?

Брови под банданой сдвинулись. Ангел только притворялся оскорбленным, если учесть, как весело сияли его глаза. И такое выражение лица делало его еще симпатичнее и даже еще моложе.

Однако он меня недооценил. Ни за что не прогнусь под наглым пацаном без костной системы.

— Слышь, ты, недомерок, — начала я, схватившись замерзшими пальцами за грязную футболку, и потянула Ангела к себе, пока мы не оказались нос к носу, — не знаю, как работает все это дерьмо, поэтому говорю один раз. Прекращай бычиться, шуруй обратно в дом и узнай, как мне пробраться внутрь, чтобы спасти кошку.

Для проформы я его толкнула. Правда, не очень сильно.

Красивое лицо озарилось улыбкой чеширского кота.

— Блин, подружка, да у тебя яйца размером с «кадиллак»! А я-то думал, ты вся такая милая, робкая и беспомощная.

Я стиснула зубы и уже подалась вперед, чтобы опять схватить его за футболку, но Ангел успел поднять руки:

— Иду я, иду.

А потом исчез, когда мои пальцы были уже в считанных сантиметрах от цели. Что ж, ему повезло. На этот раз.

Пока Ангел искал вход изнутри, я осматривала дом снаружи. В такой темноте идея, конечно, сама по себе дурацкая. Сквозь потусторонний мир я едва видела на пару шагов вперед и точно бы не сумела отыскать вход в запертый особняк. Особенно с Дарвином под боком, который тыкал в меня палкой каждые пять секунд.

— Серьезно, чувак, завязывай.

— Нашел!

Подскочив, я обернулась и увидела Ангела.

— Тут есть собачья дверца. Большая. Ты сможешь в нее протиснуться. — Он явно прятал ухмылку. Подозрительно.

— В чем подвох?

— Нет никакого подвоха. Просто мне кажется, в одежде ты не пролезешь. Придется, наверное, раздеться. — Я молчала с каменным выражением лица, поэтому Ангел добавил: — Не хочешь же ты испачкаться?

— И не мечтай.

Мы обошли дом сзади, где Ангел показал мне упомянутую дверцу. К счастью, он был прав. Дверцу явно делали для собаки крупной породы. Если хорошенько поизвиваться, я точно пролезу. Заодно и Ангела порадую.

Сняв куртку Рейеса, я тут же об этом пожалела. Словно ледяной океан, меня обступил морозный воздух. Я вдохнула чистый холод, но не помогло. А потом, смирившись, встала на четвереньки и толкнула внутрь пластиковую дверцу.

— Фонарик бы сейчас...

— Вот еще! Ты сама, блин, как солнце.

Однако я не ответила — была слишком занята, протискивая плечи в узкую дыру. Края впились сначала в плечи, потом в ребра, а потом и в задницу. Что-то почувствовав в упомянутой области, я проворчала:

— Ну, Ангел, надеюсь, мою попу испытывает на прочность призрак-Дарвин, а не ты.

— Так и есть, — давась от смеха, отозвался Ангел. — Клянусь.

Я закатила глаза и стала извиваться, чтобы протолкнуть задницу через отверстие в двери, которое внезапно стало просто крошечным. Было больно. Косяки собачьей дверцы поцарапали мне ноги. Без синяков не обойтись.

— Итак, — выдохнула я, лежа на спине и пытаюсь отдышаться, — где кот?

Однако ответа ждать не пришлось. Кошка выглянула из-за угла и, глазом не моргнув, вцепилась мне в волосы.

— Привет, котенок, — успела сказать я за секунду до того, как кошка махнула лапой.

Острые когти содрали мне пол-лица. Я заорала и схватилась руками за ошметки, а кошка явно решила, что сейчас самое время поурчать и потереться об меня головой.

— Издеваешься, что ли? — процедила я сквозь крепко стиснутые зубы.

Периодически мяукая и нарезая вокруг меня круги, кошка заурчала громче. Сама она была пушистой, серой и определенно смертельно опасной.

Я глянула на ладонь. Она вся была покрыта кровью. То есть крошечное пятнышко крови было только на одном пальце, но лицо болело нечеловечески.

Я мрачно уставилась на кота:

— Чтоб ты знал, все коты — чистое зло.

— Так и будешь всю ночь с кошкой играть или все-таки pomoжешь мне корм найти?

— Уже помогаю.

Поднявшись на ноги, я отряхнулась и стала проверять шкафчики.

Мы были в кухне. Поскольку открывать дверцы Ангел не умел, он просто шел сквозь шкафы и рассматривал содержимое. Мы решили разделиться. Ему — верхний этаж, мне — нижний.

- Надо бы поискать намеки, где могут находиться Ванденберги, — крикнула я. — Может быть, их держат в каком-нибудь мотеле, а адрес бандиты искали в телефонной книге. Ты там открытого справочника не видишь?

— Сомневаюсь, что все люди ищут информацию так же, как ты. Плохие парни точно не стали бы искать мотель в телефонной книге.

Я прекратила поиски.

— Почему?

— У них плазморез, значит, все это явно тщательно спланировано. Не станут они искать мотель в последнюю минуту. Тем более в номер в любой момент может заявиться горничная, ну или Ванденберги могут догадаться отбивать по стене сигнал SOS.

— Ты прав. Слишком рискованно. Что-нибудь нашел?

— Или они вообще никогда не кормили свою кошку, или весь корм кончился.

— Класс. Теперь придется покупать.

— А знаешь, что мне интересно? — неожиданно спросил Ангел.

— Почему ты не можешь пригласить девушку на свидание?

Он фыркнул:

— Ну, это, конечно, тоже, но разве тебе не интересно, куда подевалась собака?

Я поднялась на цыпочки, чтобы узнать, чем можно разжиться в верхних шкафах в прачечной.

— Какая собака?

— Для которой сделали дверцу.

Я застыла. Ну почему я никогда не думаю заранее о таких вещах? Какие-то однобокие у меня мозги, ей-богу. Думают только о том, что происходит здесь и сейчас.

— Ты уже видел собаку? — спросила я, боязливо озираясь по сторонам.

— Нет. А это еще что?

В небольшом чулане Ангел нашел дверь. Я притопала к нему.

— Странное место для двери.

— Там, наверное, подвал.

— Круто.

— Подожди! — крикнул он, но я уже открыла дверь.

В тот же миг острый запах чуть не сбил меня с ног. Я закрыла ладонью рот и отшатнулась, внезапно осознав, чем пахнет. Смертью. В носу пекло. С большим трудом удалось подавить рвотный рефлекс. А потом меня с головой накрыло отупляющим страхом.

— Нет, — прошептала я и поняла, что перед глазами плывет. — Пожалуйста... пожалуйста... Нет...

— Джейни, подожди! — снова крикнул Ангел, но я уже сбежала вниз по деревянной лестнице.

Видимо, свет здесь включался от датчиков движения, потому что лампы сразу загорелись, и я увидела на полу массу красивой черной и рыжеватой шерсти. У Ванденбергов была немецкая овчарка, и бандиты ее убили. Пес лежал на бетоне. На боку виднелось немного крови.

Я прижала обе руки ко рту. Он был прекрасен. Великолепный непоколебимый защитник, который заплатил самую высокую цену. Очень осторожно я его погладила, но он лежал слишком неподвижно. Слишком тихо.

Я опустилась на колени и провела пальцами по густой шерсти. Потерлась носом о его уши. Склонилась над псом и прошептала:

— Я знаю, красавец, ты старался. Обещаю, я их найду.

— Джейни, — позвал Ангел, обнял меня за плечи и потихоньку потянул вверх, — пора уходить.

Кивнув, я в последний раз погладила великолепного пса и поднялась на ноги. Теперь стало абсолютно ясно: похитители Ванденбергов не в игры играют, а семье грозит серьезная опасность. Выбора не оставалось. Я должна рассказать полиции все, что мне известно. Вот только, если меня арестуют за незаконное проникновение, выяснять, где держат Ванденбергов, может быть уже поздно.

— Ладно, — сказала я, вытирая слезы, — я позвоню в 911, возьму кота и дам деру. Когда копы приедут, они найдут собаку и поймут, что что-то не так.

— План супер, но, наверное, начать лучше с кота.

Тоже верно. Я опять нашла кошку, взяла ее на руки, получила еще пару царапин и спросила у Ангела, не видел ли он телефон.

— Не-а, — ответил он, осматриваясь по сторонам.

— Класс. — Мы опять обыскали дом, но телефона так и не нашли. — Наверное, стационарного тут нет. Я-то думала, во всех особняках есть домашние телефоны.

Кошка опять вцепилась в меня когтями, а Ангел сказал:

— Придется найти телефон-автомат и позвонить анонимно.

— Дельная мысль. Только у меня одна проблема.

— Всего одна? — поддразнил Ангел и коснулся пальцем носа кошки.

Та сразу же стукнула его лапой, чем немало меня удивила. Значит, кошка тоже видела Ангела. Может быть, я все-таки не сумасшедшая.

— Как мне выбраться через собачью дверцу вместе с кошкой?

Ангел повернулся к дверце и задумался.

— Придется просунуть сначала кота.

— А если он сбежит?

— Чувиха, это ж кот! Уж как-нибудь сумеет поохотиться на еду.

— Толку от тебя никакого. Минуточку! — Я вытащила печенье из банки на стойке в кухне. — Это его отвлечет.

Покрутив печенюшку под носом у кошки, я бросила лакомство через дверцу, а потом просунула туда же кошку, пережив несколько смертельных атак острыми когтями. Вот ведь зараза! Но, похоже, все получилось. Кошка стояла на месте, а я стала пролезать сквозь дверцу.

— А знаешь, — вдруг выдал Ангел, стоя надо мной, — можно же просто дверь открыть.

— Твою дивизию!

Я стала сдавать назад, вылезла из дыры, открыла дверь и бросилась куда глаза глядят. Точнее к машине Мэйбл. Кошке явно не нравилось в процессе сидеть на руках, но тут я ничем не могла помочь. Разве что мастерски уворачиваться от смертоносных когтей. Надо было спешить. Хотя бы потому, что, как только открылась дверь, завопила сигнализация.

Мы промчались мимо Дарвина, и мне стало не по себе. Как будто я его бросаю. Поэтому я схватила его за руку и попыталась отвести к машине. Однако он с места не сдвинулся. Я еще раз его дернула.

— Джейни, серьезно, пора валить отсюда.

— Чарльз! — крикнула я в лицо призраку и наконец добилась внимания. Дичь, конечно, если его на самом деле зовут Чарльз. Или если это и правда Чарльз Дарвин. Я ткнула пальцем в сторону машины. — Шевелись!

И он поскакал за нами. Пока Ангел помогал ему забраться в машину, я пыталась засунуть в салон комок шерсти с лезвиями на лапах, а когда наконец-то получилось, посадила его на заднее сиденье. Кот зашипел. По-настоящему.

Как только Ангел пропихнул Чарльза в машину, я завела двигатель, проехала два квартала, развернулась и стала ждать копов. Слава богу, мы успели уехать раньше, чем они появились.

Ангел постучал меня пальцем по плечу и многозначительно округлил глаза.

— Вот гадство. — Мы уехали без Чарльза. Видимо, он не знал, как все это работает. — Можешь его привести?

— А если копы явятся?

— Ты же невидимый.

— Точно.

Ангел исчез, а потом появился вместе с Чарльзом, причем явно тащил его всю дорогу до машины. Опять с трудом засунув Дарвина внутрь, Ангел поинтересовался:

— И что конкретно ты собираешься с ним делать?

— С кем? С котом?

— Нет, с дедулей.

— Сама не знаю. Просто чувствую, что должна что-то сделать.

— Любопытненько, — протянул Ангел, пялясь в лобовое стекло.

Чарльз, который сидел сейчас на заднем сиденье прямо за мной, ткнул меня палкой в затылок.

— Что любопытненько?

— Че?

— Что тут любопытного, спрашиваю?

— Ты.

— В смысле?

— Не понял?

Он явно пытался сбить меня с толку.

— Почему это я любопытная?

— Ну, прямо сейчас в тебе ничего любопытного нет. Вот если мы оба разденемся...

Чарльз опять ткнул меня в затылок. Я развернулась, и он попытался попасть в глаз. Увернувшись от палки, я сердито уставилась на Дарвина:

— Еще раз, и я отберу у тебя это чертову призрачную палку, мистер. Не провоцируй.

Он ткнул меня в третий раз, и я сделала именно то, что обещала. Отобрала у него палку, сломала пополам и выбросила в окно.

Целую вечность Чарльз смотрел на меня с открытым ртом, но в конце концов пришел в себя и стал тыкать в меня пальцем. Я стиснула руль и стала молиться всем богам на свете дать мне терпения. Ангел прав. Я понятия не имею, что делать с Дарвином. Да и с котом тоже. К счастью, последний был занят тем, что пытался стащить часы с руки Чарльза.

— Не пора бы им уже появиться? — спросил Ангел.

— Пора.

Я начинала всерьез беспокоиться, а когда копы не приехали и через двадцать минут, уже капитально разнервничалась.

— Сиди тут, — велел Ангел, испарился и появился снова. — Сигнализация отключена.

— Какого черта? Разве не должны копы сначала проверить, что к чему?

— Вообще-то, сначала они звонят хозяину.

Я откинула голову на подголовник.

— Точно. Наверняка они позвонили мистеру Ви, а у него не было выбора, кроме как заверить их, что сигнализация сработала случайно. Но ведь это значит, что мистер Ви еще жив.

— Не передумала звонить в полицию?

— Передумала. Бандиты наверняка сейчас на грани. Что угодно может вывести их из себя, и они решат, что пора рубить концы, то бишь Ванденбергов, и пускаться в бег.

Чарльз наконец перестал тыкать в меня пальцем и приступил к френологическим исследованиям, изучая мою голову со всех сторон путем пальпации.

— Что будешь делать?

Я повернулась к Ангелу, радуясь тому, что могу видеть сквозь призраков, хотя для меня они вполне себе осязаемые. Чарльз всю изучал форму моих глазниц и размер ноздрей.

— Покатаемся по городу.

— Черт, да! — обрадовался Ангел. — Покрутимся тут маленько, остынем, на цыпочек поплялимся.

— Неужели парни еще называют девушек цыпочками? — спросила я, заводя двигатель.

— А что? Нет?!

— В общем, я поезжу по городу и попробую... ну... почувствовать мистера Ви. Глупо,

да?

— Есть немного, но только потому, что он женат и вряд ли сейчас в настроении с кем-то тискаться.

— Я про его эмоции. Сегодня они были такие мощные, что, может быть, мне удастся снова их уловить.

— Как думаешь, безопасно рулить, когда к твоему лицу приклеился Чарльз?

— Очень сомневаюсь.

Несколько часов мы колесили по городу, потом остановились купить кошачьего корма и воды. А когда подъехали к моему дому, кот храпел, Чарльз потерялся где-то в районе улицы Норт-Вашингтон, а Ангел рассказывал мне занимательную историю о том, как у них «чуть все не случилось» с Люсиндой Бака. История действительно оказалась захватывающей, но я ужасно устала, расстроилась и накрутила себя практически до инфаркта. Мне так и не удалось ничего почувствовать. Я объехала каждый закоулок в Сонной Лощине и соседнем Тарритауне, но все зря.

Припарковавшись на заднем дворе Мэйбл, я взяла кошку на руки и пошла к своей двери.

— Я хотел на ней жениться, — сказал Ангел, возвращая меня к своему рассказу.

И благодаря его словам я вдруг поняла, сколько он потерял.

— Мне очень жаль, Ангел. Как ты умер?

На красивом лице засияла печальная улыбка.

— Долго рассказывать. Может, отложим до завтра?

— Как скажешь.

Он шагнул назад — явно собирался исчезнуть, но я остановила его, положив руку ему на плечо.

— Спасибо. За то, что сегодня помог. Не знаю, что бы я без тебя делала.

— С тобой все было бы путем. Как всегда.

— Плохо ты меня знаешь, — тихо рассмеялась я и опустила руку.

Но, прежде чем уйти, Ангел наклонился и поцеловал меня в щеку. А потом снова отошел и за секунду до того, как исчезнуть, проговорил:

— Я знаю тебя лучше, чем кто бы то ни было.

Я ахнула, обдав легкие холодом, и потянулась схватить Ангела, но не успела. Эти слова прозвучали так уверенно! Неужели он меня знает? Знает, кто я такая? Вот бы как-то изловчиться и призвать его одной только силой мысли! Одному богу известно, когда мы снова увидимся. Ангел внезапный, как псориаз.

Я повернулась к двери, чтобы отпереть замок, но вдруг насторожилась. Заглянув внутрь, я увидела, что в спальне горит свет. А ведь когда я уходила, света там точно не было. Потому что пару дней назад та самая лампочка перегорела.

*Признаки того, что вы пьете слишком много кофе:
вы не потеете;
у вас внутри булькает.*

Мем

Целую ночь в машине Мэйбл я ужасно тосковала по Дензелу, а на работу явилась, похожая на нечто, что мог притащить в дом кот — наполовину съеденное, но каким-то чудом еще живое. К сожалению, на внешний вид мне было наплевать. В то утро я все-таки набралась храбрости вернуться домой, вооруженная Сатаной (кошкой Вандебергов, которая все-таки оказалась не котом, а кошкой, и которую я назвала с учетом ее выдающихся личных качеств) и монтировкой по имени Лерой.

Кто бы ко мне ни вломился, давно ушел. Но, когда я все-таки собралась с духом зайти в квартиру, было уже поздно залезать в душ. Поспать в машине так и не удалось. Меня трясло от холода и переживаний, а в голове постоянно крутились мысли. Если я не найду мистера Ванденберга и его родных, придется идти в полицию. У копов, правда, такие протоколы, что вся семья, без сомнений, окажется в опасности, но тут уж ничего не поделаешь. Поэтому сейчас все надежды я возлагала на Боберта.

Я подошла к Куки, кутаясь в куртку Рейеса. Именно благодаря куртке ночью я не замерзла до смерти. Да и от Сатаны, как оказалось, была польза — тепло она выдавала на всю катушку.

— Боберт что-нибудь выяснил? — спросила я у подруги.

Та смерила меня недовольным взглядом и направилась к кофеварке. Мне не хватило духу сказать, что я уже по макушку заправилась темным эликсиром. Так и не заснув, я смоталась в ближайший круглосуточный магазин и купила себе кофе, чтобы согреться. Двенадцать раз. Так что бодрости мне точно на день хватит. Не считая того, что левый глаз дергался и я периодически шепелявила на звуке «с», все было путем. Я бурлила решимостью во что бы то ни стало отыскать Ванденбергов, а уже потом двинуть в полицию.

Однако аромат свежесваренного кофе подействовал, как огромный магнит, которым на свалке поднимают старые машины: прилип к лицу и потянул к себе. Не в силах сопротивляться, я поплелась за Куки и на ходу стала снимать куртку, которая пахла, как Рейес, ощущалась, как Рейес, и обнимала меня так, как Рейес обнять не мог. Вдохнув его запах полной грудью, я повесила куртку на руку и взяла чашку, которую протянула мне Куки.

Заметив коричневые пятна на блузке подруги, я поинтересовалась:

— Опять пыталась подружиться с кофеваркой для эспresso?

— Ага. Она меня ненавидит.

— Говорила же, эта штука как «Узи». Выдает короткие, хорошо выверенные очереди. По-другому с ней никак.

— Да я в курсе! Ты хоть немного за ночь поспала? — спросила Кук.

— А почему ты спрашиваешь? — Она лишь подняла симпатичную бровь, и я поникла. — Нет. Зато было время хорошенько подумать. А еще я сожгла уйму калорий.

Не зря же всю ночь тряслась.

— Это, конечно, плюс. Ну и до чего додумалась?

Куки взяла собственную чашку как раз в тот момент, когда в зале появилась Дикси, смерила меня подозрительным взглядом и пошла открывать двери в кафе. Видимо, выглядела я хуже, чем думала. Я попыталась пригладить волосы, а потом решила воззвать к живущей внутри меня рок-звезде.

— Я поняла, как справиться с массовым голодом в мире и как путешествовать во времени.

— Это хорошо.

— Осталось только найти космический грузовой корабль, капельку плутония и червоточину.

— Для путешествий во времени?

— Нет! Чтобы помочь голодающим. С путешествиями во времени попроще. Всего-то и нужно — найти инвестора-миллиардера, не обремененного моральными принципами.

— Всем бы такого, ага.

— Помнишь, я тебе рассказывала об одной семье?

— Которую держат в заложниках?

— Да. Так вот, дома их нет. Теперь даже и не знаю, где их искать.

Куки уставилась на меня с открытым ртом.

— Ты ездила к ним домой?

— Ну да.

— Одна?!

— Само собой. — Я глотнула кофе. — Так что там у Боберта?

— Пока ничего. Парня, с которым он должен был вчера встретиться, вызвали на другое дело.

Проклятье. Может быть, стоит самой анонимно звякнуть в ФБР. Придется, конечно, объяснять, откуда у меня информация. Впрочем, можно спросить совета у Куки. Если кто и знает, через что мне предстоит пройти, то точно она.

Я подалась ближе и еле слышно спросила:

— Что ты делаешь, когда копы... как бы это сказать... не принимают тебя всерьез?

Подруга недоуменно заморгала.

— Ну, я о том, когда ты что-то «видишь», а потом рассказываешь об этом полиции. — Для проформы я показала в воздухе кавычки, правда, только одной рукой. В другой была чашка и все такое, но, думаю, Куки меня поняла.

Привлекая наше внимание, Дикси хлопнула в ладоши. Резкий звук полоснул по нервным окончаниям, которые я всю ночь мариновала в кофеине, поэтому пришлось закрыть глаза.

— Бодрее, барышни. Нас ждет чудесный день.

— Она улыбается? — прошептала Куки.

Я глянула ей за спину.

— Кажется, да.

— В такую рань она никогда не улыбается.

— В такую рань никто не улыбается. Это незаконно в семнадцати штатах.

Дикси пританцевала к нам с такой широкой и яркой улыбкой, что я засомневалась в ее стопроцентной человечности. Блин, да она же пришелец! Это единственное правдоподобное объяснение.

— У меня хорошие новости. — Она моргнула, ожидая, что мы попадемся на крючок, но вместо этого мы с Куки одновременно глотнули кофе. Махнув руками, Дикси, видимо, решила не обращать внимания на нашу наглость. — У нас новый повар. И сегодня утром он начнет работать с Суми.

— Кажется, вчера ты нам об этом уже говорила, а Суми новость, мягко говоря, не обрадовала, — сказала я, но ответить Дикси не успела.

В зал вошел человек, которого с утра я ожидала увидеть меньше всего на свете. И походка у него была такая же хищная, как и всегда.

У меня отвисла челюсть. Пока я ошеломленно смотрела на него, время замедлилось, будто его окунули в сироп. Я покрепче прижала к себе куртку. Наверняка он пришел ее забрать. Интересно, покажется ли кому-нибудь странным, если я начну за куртку драться? С меня станется и в волосы вцепиться, если что.

— Рейес, — начала Дикси, сильно переборщив с энтузиазмом, — я уже рассказала обо всем девочкам, и они просто в восторге!

— Минуточку, — пробормотала я, с трудом шевеля отвисшей челюстью, — так он и есть новый повар?

Дикси кивнула, а Рейес подошел еще ближе. Причем все это время смотрел на меня в упор, словно не замечал никого другого.

Краем глаза я увидела Куки, однако поразило меня не то, как она себя вела, а полнейшее отсутствие удивления с ее стороны. Она все знала!

Резко захотелось уставиться и на нее, но я решила, что не время отводить взгляд от сверхъестественного существа, которое сейчас стояло чересчур близко, напрочь запутывая мысли.

— Не знаю, со всеми ли ты знаком, — продолжала Дикси, — это Куки и Джейни. В кухне уже ждут Суми и Кевин, помощник официантов на первой смене. — Она ткнула меня локтем в бок. — Рейес замечательный повар. Уверена, он сумеет вас впечатлить.

Когда нависла стремная, как прически в восьмидесятых, тишина, я поняла, что Дикси ждет ответа, и, запнувшись, пробормотала:

— Н-не сомневаюсь.

— Классная куртка, — сказал Рейес и ушел в кухню.

— Представляешь? — выдохнула Дикси.

— Нет, — отозвалась я.

— Полгорода от него без ума! Для бизнеса лучше не придумаешь.

Я глянула на раздаточное окошко. Наша крутая до мозга костей Суми, которая может убить меня зубочисткой, была сражена Рейесом наповал не меньше, чем все мы. Какого черта?

Я покосилась на Дикси:

— Ты уверена, что это хорошая идея?

Ее улыбка размерами могла посоперничать с Большим каньоном.

— На все сто. — Дикси подмигнула и подалась ближе. — Этот парень умеет готовить.

— Как-то это неправильно, — сказала я Куки, когда Дикси ушла. — Во всех смыслах. Ну серьезно, что мы о нем знаем? А вдруг он серийный убийца, торговец наркотиками или...

— Супермодель?

Ну ладно, она права.

— Кстати, — нахмурилась я, — ничего не хочешь мне рассказать?

Глаза Куки распахнулись, а взгляд съехал куда-то влево, словно она пыталась что-то сочинить.

— Да вроде бы нет.

— Ты все знала! — обвиняющим тоном прошипела я.

У подруги тоже отвисла челюсть.

— Чего?

Я демонстративно, как благодетельная католичка, поджала губы, и Куки сдалась. Что тут скажешь? Прием «благодетельная католичка» крайне эффективен.

— Ну ладно. Я все знала.

Под моим пристальным взглядом она ссутулилась, разыгрывая раскаяние, но я не купилась. Потому что была ошарашена до глубины души.

— Откуда? Когда?.. Откуда?!

— Дикси вчера сказала, когда ты была в отключке на складе.

Куки соврала. По крайней мере отчасти. Вот только я понять не могла, где именно была ложь.

— Ясненько.

Впрочем, все это стало не важно, потому что мы обе принялись смотреть через окошко на представление. Надев через голову передник, Рейес обернул вокруг талии завязки и сотворил из них аккуратный узел. Мышцы на предплечьях двигались. От малейшего движения под кожей перекачивались бицепсы. Как может мужчина так соблазнительно одеваться? Представить боюсь, как он раздевается.

Наслаждаясь видом, мы с Куки прижались друг к другу головами, как вдруг Рейес повернулся к нам. Мы тут же подскочили и второпях занялись работой. А работа заключалась в том, что Куки резко принялась натирать полотенцем крышку солонки, а я стала выравнивать салфетки. Господи, в импровизации мы обе полный ноль! Внезапно меня перестало интересовать, откуда Куки все знала. Мысли обратились к тому, как все обернулось. Рейес? Здесь? В кафе? Целое утро? И так каждое утро?

Либо воплощаются мои самые смелые фантазии, либо наяву происходит самый худший кошмар.

Начало смены мы пережили, как всегда. Даже немножко поработали. Приходил мистер Пи в компании со стриптизершей и с демоном в груди. Как правило, на эту тварь я внимания стараюсь не обращать, но на этот раз она сдвинулась. Совсем чуть-чуть перевернулась, как жуткий, злобный эмбрион. Я забеспокоилась, что будет, когда закончится «период созревания» демона. Причинит ли он вред мистеру Пи? Могу ли я хоть чем-нибудь помочь бывшему детективу?

За прошлую ночь, дрожа на пятой чашке кофе, я все-таки кое-что сделала. Придумала план насчет Эрин. Я единственная, кто на фото ее дочери видел Страшную Разлагающуюся Женщину. Может быть, мне удастся выяснить, представляет ли она угрозу, или просто любит пофоткаться. Впрочем, все это может оказаться простым совпадением. Вот только тот факт, что два предыдущих ребенка Эрин умерли, посеял в моих мыслях зерно сомнения. Хотя какое там зерно! Зернище!

Во-первых, надо умыкнуть телефон Эрин и просмотреть все фотографии. Это я внесла в список дел на сегодня. Но Эрин не придет аж до одиннадцати, поэтому я вспомнила о втором пункте в списке. Если мистер Ви появится в магазине, нужно как-то передать ему записку.

Каждое утро в одно и то же время в секторе Куки появлялся один и тот же призрак. Так случилось и сегодня. Занял он, как всегда, свой любимый столик. С каждым днем мне становилось все любопытнее, кто же он такой. У призрака были седеющие светлые волосы и доброе лицо, но он никогда со мной не разговаривал и даже не смотрел в мою сторону. Видимо, что-то серьезно обдумывал. Это я могу понять.

— Куки, у нас заказ на завтрак для мистера Ванденберга из соседнего магазина, — сказала Дикси. — Возьмешь?

Уже? Так рано мистер Ви никогда ничего не заказывал. Да и магазин открывается только в десять.

Я подалась вперед и подняла руку:

— Я возьму!

Из-за паники я проорала эти слова громче, чем собиралась.

Рейес застыл, перестав переворачивать на сковороде самый сексапильный омлет, который мне доводилось видеть, и с любопытством покосился на меня.

Я откашлялась.

— Пардон. Я возьму заказ. Мне нужно спросить у мистера Ви насчет... насчет лампы.

Дикси стала оглядывать зал, подсчитывая моих клиентов.

— Я послежу за твоим сектором, — вставила Куки. — Знаю, как нравится тебе эта лампа.

В этот самый момент я испытала к ней такой прилив любви, что запросто могла бы поцеловать ее прямо в губы. Да что там! Сейчас я запросто ударила бы с ней в лесбийскую страсть. Однако пришлось держать порывы в узде.

— Спасибо, Кук. Я мигом.

Нырнув в куртку Рейеса, я взяла пакет с заказом и пошла к выходу, поклявшись себе, что оглянусь всего лишь один раз. Клятву я сдержала. Оглянулась через плечо. Рейес все еще смотрел на меня из-под опущенных ресниц и казался просто воплощением таинственности. По спине промчалась рябь волнения.

Не пройдя и полпути до антикварного магазина, я ощутила смесь эмоций. Стресс. Беспокойство. Неподдельный страх. Просто жуть. А я все еще не знала, что мне делать.

Остановившись у двери в магазин, я собралась с духом воплотить свой план. А секунду спустя изобразила широченную улыбку и ворвалась внутрь, как к себе домой.

Мужик, который вчера следил за мистером Ви, видимо, снова напросился на первую смену. Он смерил меня взглядом, в котором так и сквозило презрение. Или у меня прическа совсем ни в какие ворота, или мужик записал меня в ряды неверных. А может, по чуть-чуть и того, и другого.

— Здрасьте, мистер Ви! — поздоровалась я, сияя от улыбки под названием «Я понятия не имею, что вас держат в заложниках».

Мистер Ванденберг поправил очки.

— Доброе утро, Джейни.

— Я тут ваш заказ принесла. Подпишите здесь.

С этими словами я передала ему чек.

— Подписать? — удивился мистер Ви.

Оно и понятно. Он ведь всегда платит наличкой.

Я тоже была сбита с толку, потому что услышала рычание. Откуда-то из-под стола доносились низкие хриплые звуки.

Заминка мистера Ви привлекла внимание ненавистника неверных. Зуб даю, этот мужик президент «Кружка вязания и ненавистников неверных». Он встал и подошел ближе, притворяясь, будто ему ужасно интересно, что же находится в пакете. Но на самом деле он пялился на чек. Впрочем, чек был самый обычный. Я ведь не круглая идиотка. Каждый мой шаг был четко выверен. В конце концов, на кону жизни людей.

В тот самый миг, когда мужик подошел к мистеру Ви, рычание превратилось в леденящий кровь лай, но никто из мужчин словно ничего не слышал.

— Простите, — сказала я чуть громче, чтобы меня расслышали в устрашающем лае, — то есть сегодня вы не планировали открывать счет?

Оба уставились на меня так, словно я отрастила вторую голову. Поэтому пришлось быстренько по уши влюбиться в старинную чернильницу, которая шикарно бы смотрелась над моим камином. Если бы камин у меня был.

Наверное, чтобы избежать лишнего внимания, мистер Ви решил подыграть:

— Сегодня нет.

— Понятненько. Ну, тогда двадцать четыре пятьдесят.

Как бы между прочим я покосилась на заднюю часть магазина, где, судя по всему, кто-то работал. На этот раз опять заказали четыре порции, но никто из задних помещений так и не вышел.

Собака чуть-чуть успокоилась, когда президент кружка уселся за стол с пакетом и стал копать внутри, а я решила воспользоваться шансом сделать то, ради чего, собственно, и пришла.

Левой рукой я подвинула к мистеру Ви по столу записку, в которой было написано «С вами все в порядке?», а ногтями правой выбивала нетерпеливый ритм так, чтобы это видел бандит.

Мистер Ви замер. В нем так быстро вспыхнул страх, что у меня закружилась голова. Исподтишка оглянувшись, мистер Ванденберг продолжил отсчитывать деньги. Несколько секунд спустя он умоляюще посмотрел мне в глаза и едва заметно покачал головой. Однако это не было ответом на мой вопрос. Мистер Ви умолял меня не вмешиваться.

Вот только я не могла оставить все, как есть, и очень осторожно перевернула записку. Надо отдать мистеру Ви должное: он не потерял самообладания и не привел нас обоих к смерти.

Во второй записке я спрашивала, похитили ли его семью. На миг мне показалось, что мистер Ванденберг вот-вот сломается. Внешняя оболочка его спокойствия была хрупкой, как яичная скорлупа в клетке со слоном.

— Двадцать три, двадцать четыре и пятьдесят центов, — сказал он. — Ах да! И еще четыре доллара для тебя, дорогая.

Снова взглянув на меня, он так быстро кивнул, что я едва заметила. А потом со всей грустью поняла, что понятия не имею, как дальше быть и чем помочь. Бандиты похитили родных мистера Ви. Если бы опасность грозила ему одному, наверняка он разрешил бы мне вызвать на помощь полицию. К сожалению, все было совсем не так.

Незаметно для бандита я быстро сжала руку мистера Ви, а перед тем, как отпустить, он сжал мою в ответ и опять покачал головой, умоляя ничего не предпринимать. Стиснув зубы, я так же, как и он, едва заметно кивнула, давая знать, что просьбу поняла. Из-под стола заскулила собака, а секунду спустя по моим пальцам прошелся влажный язык, но я никак не отреагировала. К тому моменту до меня уже дошло, что собака, видимо, тоже призрак, как

Артемиды.

— Хорошего дня, — сказала я напоследок и едва ли не пулей вылетела из магазина, оглянувшись лишь один раз.

Собака теперь сидела перед столом. Это была та самая немецкая овчарка, которую я видела вчера. Если у всех собак или вообще зверей есть дух, который может остаться на земле после смерти, то почему улицы не наводнены призраками животных? Каждый день мне встречается примерно по пять призраков, но, не считая Артемиды, овчарка была единственным привидением-животным, которое я видела. Может быть, все дело в том, что пес погиб, защищая своих хозяев. Может быть, он сам захотел остаться, потому что не желал бросать обязанности из-за такой мелочи, как смерть.

Но если все действительно так, попадет ли он потом в рай для животных? И как должен выглядеть рай только для собак?

Слишком много вопросов без ответов. Мозги так и пухли. Из магазина я вышла с привкусом горечи на языке, еще сильнее запутавшись в том, что делать, а чего лучше не делать. Хватит ли мне духу поговорить с чуваком из ФБР, о встрече с которым договорился Боберт? Я уже все выложила Йену. Переполошила сигнализацию в доме Ванденбергов. А вдруг я подвергла их еще большей опасности?

Короче говоря, я просто обязана найти родных мистера Ви. Более того, у меня имелся план. К сожалению, с этим придется подождать до вечера. У мистера Ви было несколько семейных фото, которые сделали в одной и той же хижине, причем дети на снимках были разного возраста. А значит, либо хижина есть у самого мистера Ванденберга, либо у кого-то из его знакомых. Может быть, бандиты как-то о ней прознали и теперь держат всю семью там. Это ведь рационально, правда? Никаких тебе соседей. Полнейшая изоляция. Естественное укрытие среди кучи деревьев и кустов. А вести наблюдение — вообще проще простого. Любого приближающегося по дороге можно заметить за несколько километров. Листья почти полностью облетели, и, хотя официально зима еще не наступила, холод стоял по-настоящему зимний.

В общем, после этого день шел почти нормально. Если, конечно, в понятие нормального вписываются толпы женщин с влюбленными глазами. Мы были забиты под завязку. С тех самых пор, как открылось кафе. Может, присутствие Рейеса для бизнеса и было удачным, но лично для меня — мягко говоря, не очень. Иными словами, одним своим видом он наступал мне на больную мозоль. Ну или наступал бы, будь у меня мозоли. Чертовски ему повезло, блин, что никаких мозолей у меня нет.

— Суми, — позвала я, пытаюсь привлечь внимание шеф-повара.

Нужно было срочно обслужить седьмой столик, за которым сидели будущие подростки, потому что мне не терпелось поскорее от них избавиться. Каждый раз глядя на местную рок-звезду, девчонки хихикали и обсуждали выражение его лица в мельчайших подробностях, от положения бровей до намека на улыбку. А что значит вот этот его взгляд? Любит ли он смотреть фильмы? Играет ли в видеоигры? Нравятся ли ему сидящие за этим конкретным столиком?

Ну, может быть, и нравились бы, будь Рейес растлителем малолетних.

Так и подмывало сказать это вслух, но не хотелось разбивать трепетные юные сердца. Тем более что сама я все утро занималась тем же. Поглядывала исподтишка. Анализировала каждое движение. Мучилась вопросом, нравлюсь ли я ему.

Надо было как можно скорее разобраться с чреватой последствиями ситуацией.

Подозреваю, меньше всего на свете Рейесу хочется стать объектом полномасштабного расследования только потому, что кто-то неверно истолковал подслушанные признания в любви десятилетней девочки. Если что и может одним махом покатиться под откос, то точно подозрения в педофилии. Такие дела ничем хорошим не заканчиваются.

Вынырнув из своей последней фантазии, Суми наконец оторвала взгляд от Рейеса, кивнула и передала мне нужные тарелки.

Я быстренько отнесла их на стол, наполнила несколько чашек и стаканов и побежала на склад за кетчупом, как вдруг столкнулась практически лицом к лицу с мертвой женщиной. Точнее с очень сердитой мертвой женщиной.

— Где тебя носило? — спросила она, подходя ближе широкими агрессивными шагами.

— Не подходи! — прошипела я и сложила указательные пальцы крестом, потому что не хотела повторения вчерашнего провального спектакля.

— Да прекрати ты! — Женщина стукнула меня по рукам, и ее длинные рыжие волосы беззвучно закачались из стороны в сторону. — Рокет ужасно из-за тебя расстроен.

Видимо, Рокет — это какой-то парень.

— Простите, кто? Минуточку! — Я бросилась вперед и схватила рыжеволосую за плечи. — Ты знаешь, кто я?

— Ясное дело, знаю! Целую вечность потратила, чтобы найти твою мерзкую задницу. И что, черт возьми, с твоим светом? Он же, блин, везде! А Рокет места себе не находит. Все талдычит и талдычит о конце света. И о том, что ангелы в бешенстве. На тебя, само собой. И еще что-то про бога. Ты обязана вернуться и успокоить его.

— Вернуться? Куда? Откуда я?

— Господи! Ну что ты заладила?

Еще доля секунды, и я бы тряхнула рыжую так, что зубы бы застучали, но вдруг у нее за спиной за клубилась непроглядная чернота. Я отшатнулась. Тьма росла прямо из-под пола, как зловещий туман. Потому что только зловещий туман может быть таким грозным.

— В чем дело? — спросила женщина и заозиралась по сторонам, удивившись не меньше меня. — Какого...

Но договорить не смогла. Тьма закрыла ей рот. Глаза рыжей округлились, и она посмотрела на меня так, словно просила помочь.

Я неуверенно шагнула вперед, но черный дым поглотил женщину раньше, чем я успела что-то сделать. И что, собственно, я собиралась сделать? Точнее что я могла сделать? Дым испарился, и женщина исчезла.

— Нет!

Я бросилась вперед и принялась повсюду ее искать. В ведре для швабры, за полками, под горчицей.

Что, черт возьми, это было? И почему у меня горит кожа, как будто ее опалило что-то ужасно могущественное и очень-очень сердитое? Что бы это ни было, оно явно хотело закрыть рот бедной женщине, которая наверняка и мухи не обидела. И все для того, чтобы она не рассказала мне, кто я и откуда.

Я присела на ящик. А вдруг меня что-то здесь держит? Вдруг я в ловушке, как какая-нибудь узница?

Когда я вернулась в зал, в моем секторе плюнуть было негде. Эрин и Фрэнси уже прибыли на подмогу. Дикси даже пораньше вызвала Шайлу. На помощь пришел и Льюис, а Тьяго, повар навторой смене, уже надевал передник.

— А как насчет нее? — спросила у меня Куки, промчавшаяся мимо размытым пятном.

Я же все еще пыталась уразуметь, откуда взялся зловещий туман, и повернулась к Рейесу. Из присутствующих он был единственным, с чьих плеч плащом струился черный дым.

Куки опять промчалась мимо:

— Я про блондинку за десятым столиком.

Забирая с раздаточного окошка очередной заказ, я глянула на десятый столик. Рейес готовил и как будто вообще понятия не имел о зловещем тумане на складе. По крайней мере именно так казалось со стороны.

— А что с ней не так? — крикнула я подруге в спину.

Когда мы с ней опять разошлись, как в море корабли, Куки задержалась ровно настолько, чтобы успеть сказать:

— Кажется, я вижу определенное сходство.

Я фыркнула, хотя звук больше смахивал на горн все того же корабля в море.

— Я тебя умоляю! Она ни капельки на меня не похожа. К тому же я редко хожу так, словно кочергу проглотила.

— Не глотала она никакую кочергу. — Куки оглянулась на блондинку и добавила: — Ну, разве что не очень длинную.

Я подошла к столику как раз в тот момент, когда блондинка положила на соседнее сиденье сумочку от «Луи Виттон». И скорее всего свою она покупала не у Скутера.

— Добро пожаловать в «У костра».

Женщина подняла голову, пристально посмотрела на меня сияющими глазами, и я отчетливо ощутила, как из нее так и льется какая-то надежда. Во мне тоже вспыхнула искорка. А вдруг Куки права?

— Привет, — начала блондинка и робко улыбнулась. — Меня зовут Джемма.

— А я Джейни.

Мы обе будто чего-то ждали, пока до меня не дошло, что не может эта женщина меня знать. Если бы знала, наверняка бы что-то сказала, правильно?

— Сегодня я буду вашей официанткой. Не хотите чего-нибудь попить?

— Я здесь в отпуске.

— Тогда добро пожаловать в Сонную Лощину.

— Я только что приехала. Пришлось подгонять расписание.

— Ясненько. — Разговор быстро катился в область странного и необъяснимого. — Вы, наверное, поклонница рассказа?

— Рассказа? — переспросила блондинка, хлопая накрашенными вокруг голубых глаз ресницами.

— «Легенда о Сонной Лощине» Вашингтона Ирвинга.

Мои глаза и с натяжкой голубыми не назовешь. Они у меня скорее золотисто-янтарные.

— А-а, вы об этом! — рассмеялась она в ладонь и откашлялась. — Ну конечно! Я большая поклонница рассказа. Очень большая. — Барышня снова подняла голову и посмотрела на меня, и на этот раз в ее взгляде, кроме надежды, было что-то еще. Что-то... теплое. — А вы?

— Обожаю эту историю. — На самом деле я понятия не имею, читала ли когда-нибудь рассказ или просто смотрела фильмы. Надо будет нагрянуть в местную библиотеку, наверное. — Мы, случайно, не встречались раньше?

— Трудно сказать. Но ваше лицо кажется знакомым.

Без всякого приглашения я уселась напротив блондинки.

— Правда? Вы меня узнаете?

Она подалась вперед, всеми порами источая надежду.

— Даже не знаю, что сказать. А вы меня узнаете?

Я сощурилась и задумалась так сильно, как только могла. Попыталась прорваться сквозь завесу, скрывшую не одно десятилетие моей жизни, но так и не смогла пробиться. После отважных, но бесполезных усилий я расстроено покачала головой

— Извините. У меня...

Я чуть не ляпнула «амнезия», но давно усвоила, что гостям о таком лучше не рассказывать. После подобных вестей они внезапно перестают верить, что я в состоянии отличить омлет от гамбургера. Я встала, потому что меня вдруг осенило, откуда блондинка может меня знать. Из новостей. Я показалась ей знакомой, потому что она видела меня в новостях, где меня снимали почти сразу после того, как я очнулась в переулке.

— Вы тоже кажетесь мне знакомой. Видимо, все дело в чертах лица. Принести вам что-нибудь попить?

Она словно немного поникла.

— Да, конечно. Чая со льдом.

— Будет сделано.

Пришлось идти к полке с напитками, где я набрала в стакан льда, как вдруг послышалось громкое «Пс-с-с!». Пс-с-с-кал мне только один человек. Я усмехнулась и посмотрела на торчавшего в раздаточном окошке Льюиса. Он оглянулся и только потом сказал:

— Мне надо с тобой поговорить насчет сегодня.

Ох ты ж святой ежик! Чуть не забыла. Сегодня же важный день! И как, блин, не вовремя... Мы все по макушку в делах, чтобы еще и разыгрывать липовое ограбление.

— Четвертому столику нужно подлить, — презрительно бросила Эрин.

Да уж, она меня терпеть не может.

— Спасибо! — отозвалась я с широкой улыбкой и игриво поправила волосы, попутно задавая вопросом, как мне раздобыть ее телефон.

Пусть я ничего не помню о своем прошлом, зато практически уверена, что воровкой-карманницей не была.

Обеденный наплыв мы с Куки пережили почти без травм. Правда, я умудрилась заработать смертельную угрозу от хихикающей десятилетки, которая заметила, что Рейес на меня смотрит, а Куки пришлось оплатить какому-то мужику заказ, когда он обвинил ее в приставаниях. Кто же знал, что простое «Не хотите ли вы взять кусочек моего сливочного пирога домой?» можно принять за двусмысленную метафору? Куки действительно испекла пирог. Со сливочным кремом. И очень им гордилась.

К без пятнадцати два я была на нуле. Точнее на нуле был уровень моей энергии. Из-за бессонной ночи пострадала не только моя самооценка по поводу внешности, но и цвет кожи. К счастью, Рейеса, похоже, мой внешний вид нисколько не коробил. По крайней мере никакого отвращения с его стороны я не ощущала.

Приходил Боберт, но я так и не успела перекинуться с ним хоть словечком. Надо будет подловить его попозже и все объяснить. Я так замоталась, что с трудом понимала, как вообще стою на ногах. Когда до конца смены оставалось пятнадцать минут, я решила

потратить это время на вторжение в частную жизнь. Одна беда: для этого нужно было вернуться на склад.

Я прошла мимо Рейеса, у которого наконец-то образовался перерыв. Кафе не опустело, но клиентов поубавилось. Я повернула дверную ручку. В качестве оправдания у меня в руках была коробка со специями, которую я забрала у курьера. Не то чтобы мне очень нужно было то самое оправдание. Если кто-нибудь узнает про телефон, я легко разыграю карту невинности. Скажу, что меня подговорила горчица. Прямо на складе. Со свечой в руке. Хоть где-то амнезия должна помочь. В общем, игра беспроегрышная, только я не могла вспомнить, чтобы когда-нибудь в нее играла.

Затаив дыхание, я открыла дверь и заглянула в помещение, выискивая клубы черного дыма. Ужасно не хотелось, чтобы меня засосало в альтернативную реальность, где пауки размером со слона. Не заметив ни струйки дыма, я зашла на склад и закрыла за собой дверь. Сумочка Эрин висела прямо на дверце ее шкафчика, который она никогда не запирала. Покопавшись в сумке, я все-таки нашла телефон.

Снаружи послышался какой-то стук. Я замерла и стала ждать. Чуть-чуть напрудила в штаны. Когда никто так и не появился, я разблокировала телефон, благодаря небеса, что Эрин не придумала пароль. Найти фотки было нетрудно — они находились под иконкой с названием «Фотографии». Я листала снимки, и каждый следующий был кошмарнее предыдущего. Мертвая женщина была на каждом и выглядела жутко, как самый страшный ужастик. Белые глаза светились, а в беззубом оскале виднелись серый язык и окровавленные десны.

Чтобы прекратить эти мучения, я нажала кнопку блокировки. Насмотрелась по самое не хочу. Но почему эта женщина преследует семью Эрин? Насколько мне известно, дети Эрин умерли в двух разных домах. Первый — в доме ее матери, а второй — в том доме, где Эрин с мужем жили до того, как купили последний, в котором живут сейчас. Место жительства они меняли каждый раз, когда убегали от смертей, которые разбивали им сердца.

Представить не могу, через что ей пришлось пройти. И как она вообще все это пережила.

От одной только мысли комната завертелась. Второй раз за последние дни в душе защемило от чувства утраты чего-то бесценного, а секунду спустя я утонула в чистой панике, которая лишила меня способности дышать и впиалась в горло острыми осколками.

Я посмотрела на свои руки, но в них ничего не было. Они были пусты. А это неправильно. Я ощущала вес этой пустоты так же четко, как булыжник в горле, который тянул меня все ниже и ниже. Который топил меня в океане беспомощности. Я задыхалась. Когда-то у меня было что-то ценное, но я забыла, где его оставила.

Забыла. Забыла. Забыла...

Мое бесценное сокровище было маленьким и хрупким, но бесконечно сильным! Помню, что клялась защищать его. Оно было как крошечный атом, который когда-нибудь расщепится и спровоцирует ядерную реакцию. Укроет огнем весь мир. Освободит душевно больных и зажжет пламя революции, которой не видело человечество. А я не помню, где его оставила. Где его потеряла.

Я царапала линолеум. Оно должно быть где-то здесь, совсем рядом...

Нет. Минуточку. Это просто сон. Наверное, мне опять что-то приснилось. Я моргнула. Попыталась сосредоточиться на окружающем мире и уцепиться за то, что происходит здесь и сейчас.

Дрожа с головы до ног, я все-таки сумела выбраться на поверхность реальности. Накатила тошнота, опалив желчью горло. Я попыталась проглотить горечь, но не получилось. Закашлявшись, я сложилась пополам.

— Джейни?

Голос Куки словно стряхнул с меня мучения.

— Вот гадство, — выдавила я.

Подруга вихрем ворвалась в комнату, присела рядом и в ужасе спросила:

— Что случилось?

— Ничего. Просто уронила бутылку горчицы.

— Ох, солнышко...

Она меня обняла, и я вспомнила, что Куки ясновидящая. Наверняка все поняла задолго до того, как я ляпнула только что выдуманное вранье. Повезло, что ей не захотелось сбежать куда подальше.

— Все в порядке, правда. Спасибо.

Когда мы вернулись в зал, Фрэнси сидела за столиком напротив Рейеса и флиртовала направо, но все ее усилия проходили даром. Рейес как будто всерьез о чем-то задумался. Голова была опущена, губы сложились в жесткую линию. Пока я не прошла мимо.

— В чем дело? — резким голосом спросил он.

Вопрос меня удивил, но тон капитально озадачил.

— Ни в чем. А что?

Фрэнси переводила взгляд с Рейеса на меня и обратно, пытаясь собрать как можно больше информации и оценить, представляю ли я угрозу.

— В общем, — сказала она, явно придя к какому-то выводу, — он называет меня Рыжей. Представляешь? Как будто имеет на это право. Между прочим, это мой натуральный цвет.

Рейес продолжал смотреть на меня, и мне дико захотелось растаять в его объятиях.

— А ты что думаешь? — спросила Фрэнси, но я понятия не имела, в какую степь занесло ее сказку о Фрэнси в Стране чудес.

Потом до меня дошло, что вопрос предназначался вовсе не мне. К сожалению, тот, с кем она говорила, не обращал на нее ни малейшего внимания.

В конце концов Фрэнси прикусила губу и встала из-за стола.

— Вернусь, наверное, к работе.

Мне стало ее жаль. Точнее мне было ее жаль, пока она не попыталась одним только взглядом превратить меня в соляной столб. Проклятье и дерьмо на палочке! Теперь они оба меня ненавидят.

Ну хоть Куки я все еще нравлюсь.

— Чтоб ты знала, — сказала Кук, проверяя сотовый, — я тебя ненавижу.

Твою дивизию!

— За что?

С трудом отведя взгляд от Рейеса, я пошла за подругой к кассовому аппарату.

— За это. — Она помахала у меня под носом сотней. — Кто-то оставил на твоём столике сто баксов на чай.

— Не может быть! — просияла я, забрала деньги и просмотрела купюру на свет, чтобы понять, настоящая она или фальшивая. — Я богата! Теперь можно купить телефон.

— И сводить меня в кино.

— Договорились.

— Или взять меня на экскурсию в тот дом, на который ты хотела посмотреть.

— Точно, — улыбнулась я от уха до уха. — Дом Рокфеллера. Жуть как хочу его увидеть!

— Можно сегодня и поехать. Сразу после педикюра.

— У нас сегодня педикюр?

— Ага. Прямо сейчас.

Мы рассмеялись и стали обменивать металлические чаевые на, так сказать, настоящие бумажные. Куки закончила раньше, чем я. В основном потому, что мои непослушные глаза каждые несколько секунд возвращались к Рейесу.

— Может, пригласишь его? — предложила Куки.

— Куда? На педикюр?

— Мужики тоже это дело любят, — рассмеялась она.

— Тогда почему ты не позвала с нами Боберта?

— Дельное замечание. Схожу за курткой.

Мне тоже нужно было забрать куртку Рейеса, но сначала предстояло пересчитать чаевые. С математикой у меня, как выяснилось, беда.

Я стояла и пыталась вспомнить, сколько посчитала четвертаков — десять или девять, как вдруг в кафе зашел какой-то тип, двинул прямиком ко мне и ткнул меня в бок пистолетом.

Святые крабовые пирожки! Я опять забыла про «План»!

— Открывай. Живее.

Он опять ткнул меня в ребра пушкой, и на этот раз чуть-чуть агрессивнее.

Я сердито покосилась на парня. Мы договаривались, что все будет выглядеть по-настоящему, а не ощущаться по-настоящему. Наклонившись к нему, я прошептала:

— Остынь. Надо Льюиса дожидаться.

А потом посмотрела через море столов туда, где стоял Льюис, который как раз протирал освободившийся столик. Я поискала глазами Фрэнси. Та как раз вышла из склада и направлялась в нашу сторону. Исподтишка я показала Льюису большие пальцы, не забыв многозначительно выгнуть бровь.

Что ж, наступил важный для Льюиса день. Считай, его звездный час. Вот только сам он почему-то покачал головой. Неужели решил отступить? Не поздновато ли?

— Повторять не буду, сучка. Открывай, на хрен, кассу.

Льюис словно был ошарашен, озадачен и одновременно взволнован. Вот блин! Хорошо играет!

Все это время он пытался что-то сказать мне одними губами:

— Это не он... Я не знаю...

Понятия не имею, что он там говорил, но одно знала точно: ему надо забыть мечту стать рок-звездой и податься в актеры. Потому что играл он убедительно.

Может быть, даже чуточку чересчур.

Льюис словно прирос к месту, а его кузен слишком уж активно подталкивал меня к кассовому. Внезапно я поняла, что план катится в тартарары. Или чувак, который тыкал мне в спину пушкой, Льюису вовсе не кузен, или кузен, но полный придурок, который решил с пользой провести время. Я почему-то склонялась к первому варианту и всерьез задумалась, как дала себя на такое уговорить. Не могу вспомнить, когда уже оказывалась в подобной смехотворной ситуации, но сам сценарий казался до боли знакомым, как старый свитер или любимые трусы.

Накатила паника. Нервную систему перегрузило адреналином, и в этот самый момент на лице Льюиса отразились спокойствие и решимость. Он решил рискнуть жизнью. И своей, и моей.

Расправив плечи, Льюис стиснул зубы и пошел к нам решительными, уверенными шагами. Все ясно. Здравый смысл вместе с мозгами он хорошенько поджарил и съел, запив это дело внушительной порцией кьянти.

— Стоять! — крикнул чувак, заметив Льюиса, и навел на него пистолет.

Осознав, что происходит, Фрэнси завизжала. Шайла в ужасе прикрыла ладонью рот. А Льюис продолжал идти, словно и не видел, что ему целятся прямо в сердце. Что ж, поступок смелый. И самоубийственный.

— Шевелись! — рявкнул на меня грабитель, продолжая целиться в идущее к нему крупное, похожее на медведя существо.

Я должна была что-то сделать, пока Льюиса не убили. Но что? Ах да! Отдать парню деньги, и он уйдет. Ладно, это я могу.

Я взяла ключ и открыла кассовый аппарат. Дикси уже не раз грабили, поэтому она стала пользоваться кассовыми, которые открывались ключом.

Чувак схватил меня за волосы и едва не ткнул носом в денежный ящик.

— Складывай наличку в пакет.

Переигрывает, гад.

Пакетов на стойке не было, поэтому я решила взять коробку для заказов на вынос. Грабитель, похоже, не возражал. Я начала складывать наличные в коробку целыми стопками. Из-за адреналина стало жарко. Над верхней губой и под глазами выступил пот. И стало еще жарче, когда я услышала вдалеке сирены.

Кто-то вызвал полицию, и первой моей реакцией было опасение за мистера Ви и его семью. Вдруг бандиты решат, что копы едут за ними? Что они будут делать?

Наличных осталось примерно половина. Крупные купюры лежали на самом дне ящика. А Льюис с каждой секундой приближался.

— Давай-давай, подходи, сука, — насмешливо сказал ему вор.

На лице Льюиса отражалась такая решительность, что я простонала вслух и стала активнее вытаскивать из кассового деньги, чтобы поскорее избавиться от грабителя.

Как только я закончила и закрыла коробку, прогремел оглушительный выстрел, и у меня перед глазами пронеслась вся жизнь.

*Еще младенцем меня бросили...
в бассейн крутизны и офигительности.*

Надпись на футболке

Если точнее, то у меня перед глазами пронесся весь последний месяц. И он был полон сожалений о плохих решениях. Например, надо было все равно съесть мятное печенье, которое упало дома со стола. Правило о том, что быстро поднятое не считается упавшим, действует только тогда, когда вокруг есть другие люди. Никто бы не узнал, что печенье провалялось на полу не положенные три секунды, а больше минуты.

Впрочем, нет. Я бы знала. Пришлось бы потом с этим как-то жить, и вообще...

Я моргнула. Сощурилась. Опять моргнула. Никто не двигался. Никто не кричал и не пытался увернуться от пули. Честно говоря, никто вообще ничего не делал. Я осмотрелась в океане застывших лиц. Люди смахивали на строй манекенов на выставке изобразительных искусств. В ушах звенело. Видимо, от выстрела. Но звук был такой, словно я нахожусь под водой.

И тут наступил момент предельной ясности. Челюсть оказалась где-то на уровне колен. Я остановила время!

Бли-и-ин! Да я же путешественница во времени!

От осознания всей крутости этого факта глаза закрылись, а когда снова открылись, в мыслях толпами шагали все прелести чудесного дара. Интересно, сама-то я из какого времени? Вряд ли из дремучей древности, потому что не употребляю слов вроде «сей» и «ибо», а кофеваркой мастерски пользуюсь со Дня Номер Один, словно эти навыки прописаны в моей ДНК.

Но я точно путешественница во времени! Даже термины знаю. Квантовая механика. Гиперпространство. Поточный накопитель.

Обалдеть!

Теперь ясно, почему меня никто не знает. Скорее всего я еще не родилась!

Кое-как я выбралась из пальцев грабителя и хорошенько присмотрелась, чтобы запомнить черты лица на случай, если придется описывать этого гада для фоторобота.

Вокруг дула пистолета сияла огненная вспышка, а в нескольких сантиметрах прямо в воздухе висела пуля. Происходящее казалось нереальным. Загадочным и непостижимым.

Я прошла вперед, чтобы изучить траекторию полета. Пуля должна была попасть прямо в сердце Льюису. Сомневаюсь, что настоящий кузен стал бы стрелять в собственного двоюродного брата, но каковы были шансы, что нас действительно придут грабить в тот самый день, когда мы запланировали липовое ограбление? Вот именно. Шансы астрономически невозможные. Загадочные и непостижимые. Судьба явно решила над нами подшутить.

К сожалению, я плохо себе представляла, что теперь делать. Вряд ли мне удастся остановить пулю. Впрочем, может быть, и не придется. Я посмотрела Льюису за спину. Если пуля продолжит свой путь, никто не пострадает. Разве что витрина разобьется, и пуля

остановится где-то в переулке. Но лучше так, чем если она достигнет первоначальной цели.

Ладненько. Должно получиться. Оставалось только как-то сдвинуть Льюиса в сторону. Я встала сбоку от него, взялась обеими руками за мясистое плечо и надавила. Льюис ни на миллиметр не сдвинулся. Видимо, все застывает, когда я останавливаю время, подчиняя его собственной воле.

Упершись каблуками ботинок в пол, я попробовала еще раз, и Льюис поддался. Совсем чуть-чуть, на несчастный сантиметр, зато теперь я знала, что сдвинуть его все-таки можно.

Я продолжала толкать его всем весом, пока наконец не сдвинула с линии огня. Сейчас Льюис находился в сорока пяти градусах к полу, так что, когда я перезапущу время, парню придется несладко. Скорее всего он грохнется, но это я переживу.

Минуточку! Меня снова осенило, и я застыла. Как перезапустить время? А если не получится? Вдруг я тут застряла? Навсегда? Вдруг в этой бесконечной временной петле мне предстоит постареть и умереть? Надо бы пересмотреть «Назад в будущее», чтобы отыскать какие-нибудь подсказки, но даже этого я теперь сделать не могла. Поднялась паника. Пришлось глубоко дышать, чтобы успокоиться.

Если уж я остановила время, то наверняка смогу его перезапустить. Вряд ли это так уж сложно. Но сначала, пока есть шанс, надо что-то сделать с грабителем. Я сняла с себя передник. Ткань стала жесткой, как кусок пластмассы, но все еще гнулась, словно бросала вызов закону гравитации и вообще всем законам, которые пришли на ум.

Подойдя к вору, я обернула передником его голову и завязала узлом на затылке. Когда время вернется, этого хватит, чтобы хоть на какое-то время выбить чувака из игры. Вытащив из его руки пистолет, я бросила пушку на пол поближе к Льюису. А потом отошла на пару шагов, чтобы оценить результаты своих усилий, довольно потерла руки и осмотрелась, чтобы узнать, как дела у тех, кто находился поблизости.

Оставшиеся посетители казались до смерти перепуганными. Остановка во времени поймала их с открытыми от криков ртами. Некоторые застыли, не успев до конца пригнуться. Куки выглядела скорее озадаченной, чем испуганной. Когда начался весь этот кавардак, она как раз вбивала последний заказ на своей страничке.

К моему удивлению, Эрин стояла неподалеку, как принцесса-воин. Челюсти были крепко стиснуты. Ноги — слегка расставлены. Руки сжались в кулаки. Складывалось впечатление, будто она лично собиралась надрать грабителю зад. Во мне вспыхнуло что-то похожее на восхищение. Какой-то дух товарищества, что ли. И вдруг резко захотелось с ней подружиться. Не в том смысле, чтобы заплетать друг другу косички, а хотя бы сделать шаг вперед от лютых врагов. Каждый, кто вот так решительно стоит перед лицом опасности, заслуживает того, чтобы к нему хорошенько присмотрелись.

Крошечная лесная нимфа Шайла с маской шока на лице стояла за стойкой и прижимала ко рту руку. Она кричала. Еще бы! Любви всей ее жизни угрожала нешуточная опасность. Я бы тоже кричала. Во всю глотку.

Кстати о любви...

Я подошла к Рейесу, который застыл за столиком, сурово сдвинув брови. В прекрасных карих глазах сияла ярость.

Что ж, это мой шанс. Я присела рядом на краешек диванчика. Заправила за ухо Рейесу непослушный темный локон. Провела суставами пальцев по потемневшей от щетины щеке. Потом наклонилась и запечатлела легкий поцелуй на чувственных губах.

— Я люблю тебя уже тысячу лет, — прошептала я, потому что это казалось правдой.

В которую я верила всей душой. Меня так к нему тянуло, что было больно. Оставалось лишь молиться, чтобы когда-нибудь он забыл свою бывшую.

Нет. Так нельзя. Если о чем-то и молиться, то о том, чтобы он был счастлив. И не важно, с кем он в конце концов останется. Если Рейес любит ее, если так предан своей бывшей, тогда он заслуживает быть с ней. При условии, конечно, что она тоже его любит.

Вдалеке послышался грохот, и я повернулась на звук. Под ногами задрожала земля, словно к нам на полном ходу приближался поезд. И не просто приближался, а набирал скорость, явно собираясь врезаться в кафе. Быстренько осмотревшись, я убедилась, что никакого поезда нет, вот только грохот становился все громче и громче. Я повернулась к Рейесу... но он исчез.

Обалдев, я приземлилась задницей на диванчик. Никто даже не шелохнулся, а Рейес взял и испарился.

Грохот все усиливался и уже отдавался эхом в груди. За считанные мгновения до того, как в меня вписался поезд, то есть как время (да-да, это гремело время!) вернулось на положенное место, я снова увидела крылатое существо. В великолепии белых и черных по нижнему краю перьев появился мужчина. Потрясающий мужчина с темными волосами, очень сердитым лицом и мечом в руке.

Я попятилась, когда он двинулся ко мне так же решительно, как шел на грабителя Льюис. Подойдя ближе, он поднял меч, и из моего горла вырвался крик.

Чтобы отвести удар, я подняла руку, хотя была уверена: все кончится тем, что мне отрубят кисть. Но это был чистый рефлекс. Автоматическая реакция на то, что кто-то хочет меня переполовинить.

За долю секунды до того, как меч двинулся вниз, появился черный дым — тот самый, который я видела на складе, — и закружился вокруг крылатого существа. Вокруг ангела. Наверняка это был ангел.

Ангел опустил меч, а потом и голову, не спуская с дыма глаз. Крепче сжал рукоять меча и вдруг, напрочь меня ошарашив, заговорил.

В странном языке звучали богатые гласные и мягкие согласные, а сам язык был древним, благозвучным и чистым.

— Яви себя, — велел ангел, и почему-то тот факт, что я понимаю неземной язык, затерялся посреди царящей вокруг белиберды.

И не думая подчиняться приказу, черный туман продолжал расти, пока полностью не скрыл от меня ангела. Но даже в оглушительном реве я слышала звон мечей. Не успев понять, что происходит, я почувствовала, как в меня врезался поезд. То есть время. И припечатало оно меня с такой силой, словно я сорвалась с утеса и плюхнулась лицом в ледяную воду. Дыхание перехватило, однако в последний момент я все-таки вспомнила, что должна стоять возле грабителя, и бросилась сквозь пробуждающееся время. Первые движения были медленными, но быстро ускорялись. И в ту секунду, когда я встала на свое место, время полностью вернулось.

Пуля пробила стекло, но витрина не разбилась, хотя образовалась серьезная дырка, которую теперь надо будет как-то прикрыть.

Не удержав равновесия, Льюис грохнулся спиной на пол. Впрочем, все это время его взгляд был прикован к пистолету, который волшебным образом оказался рядом. Дернувшись в сторону, Льюис крепко схватился за пушку.

Отчаянно пытаясь избавиться от пелены на лице, грабитель почти комическим жестом

сорвал с себя передник и заозирался по сторонам в поисках пистолета, который уже был нацелен прямо на него.

— Ложись! — крикнул Льюис, и все в кафе попадали.

Все, кроме вора, который стоял в полнейшем шоке и явно не понимал, что вообще происходит.

Я шагнула назад, а Льюис, наоборот, вперед.

— На колени, твою мать, — скомандовал он непривычным угрожающим тоном.

Шайла рванулась к нам, но вовремя остановилась, чтобы не мешать Льюису. Понимая, что выбора нет, грабитель недоуменно поднял руки и медленно опустился на колени.

Впрочем, я была не права. Кое-кто еще не искал укрытия на полу. Эрин, Шайла и Рейес. Рейес!

Он был там же, где я видела его в последний раз. Сидел в такой же позе. С таким же суровым выражением лица. Пока я присматривалась, его мышцы напряглись. Рейес стиснул зубы и сжал кулаки. А потом опустил руку и прижал к боку. И тут до меня дошло. Он ранен! На рубашке в районе ребер расплывалось кровавое пятно.

Ахнув, я уже было бросилась к нему, но выражение его лица стало еще суровее. Рейес встал из-за стола и вышел через заднюю дверь. Ужасно хотелось побежать за ним, узнать, как он и что вообще произошло, но я не могла взять и бросить Льюиса в одиночку справляться с грабителем.

Сирены завывали ближе, и я стала готовиться к тому, что сейчас начнется. Копы. Съёмочные группы из местных новостей. Разномастные зеваки. Не люблю я быть в центре внимания, поэтому медленно опустилась на стул и отчаянно пожалела, что не могу стать невидимой. Хорошо бы вся слава досталась Льюису, а меня оставили в покое.

Два часа спустя копы взяли у всех показания, арестовали бандита и поздравили и поругали Льюиса за храбрость и упрямство. Не останови я время, он мог умереть.

Но действительно ли я остановила время?

Может быть, я вообще ничем не посодействовала тому, как все разрешилось. А Рейес, видимо, не так прост, как кажется на первый взгляд. Даже на мой слегка сверхъестественный взгляд.

Рейесу удалось избежать разговора с копами. Кроме меня и Фрэнси, никто не мог сказать наверняка, был он в зале в тот момент или нет. А Фрэнси, слава богу, молчала. Надо дать ей за это поощрительные очки. Правда, не очень много. Может быть, трех будет достаточно.

Пока нас всех опрашивали, мы с Куки сидели под боком у Боберта, который прилетел сразу после того, как все случилось. Без сомнений, Кук была крайне взволнована, но держалась лучше, чем можно было ожидать. Казалось, она больше волнуется обо мне, чем о себе. Впрочем, если подумать, как только Боберт убедился, что с женой все путем, он тоже стал беспокоиться обо мне.

Так и подмывало расспросить о парне из ФБР, но я не рискнула поднимать эту тему, когда в помещении полно копов, среди которых был и Йен. Мне он, правда, ни слова не сказал, так что кое-что приятное в царящем кошмаре все-таки нашлось. Кто бы мог подумать!

Последовавший за инцидентом хаос вполне мог посоперничать с внезапным визитом президента. Улицы перекрыли. Машины обыскали. Правда, понятия не имею зачем. По периметру рассредоточились съёмочные группы. Каждого в радиусе восьми километров с

пристрастием допросили.

— Надо все-таки съездить в тот дом.

Я глянула на Куки:

— В какой дом?

— Который ты хотела увидеть. Но только если желание не испарилось.

Она пыталась меня отвлечь, чтобы я не впала в очередную депрессию и не занялась опять самолечением путем членовредительства.

— Ну, тогда идем отсюда. Между прочим, у нас сегодня педикюр, — зазывным тоном добавила я, лукаво косясь на Боберта. — Зуб даю, ты хочешь пойти с нами.

— Зуб даю, ни капельки не хочу, — отозвался тот, копируя мой голос, а потом подался ближе и взял меня за руку. — Джейни, если тебе что-нибудь нужно... — Не договорив, он сунул мне в ладонь какую-то бумажку, быстренько сжал мою руку, встал и потянулся. — Повеселитесь, девочки.

Мы посмотрели, как он уходит, а потом я положила голову на плечо Куки.

— Нравится он мне.

— Мне тоже, — поддакнула подруга.

Внезапно в мысли ворвался голос Фрэнси:

— Рейес! Ты... Все в порядке?

Рейес прошел мимо нее, не обратил ни малейшего внимания на мрачного Йена и направился напрямик ко мне. Хорошо хоть вид у него на этот раз не был сердитым.

— Ты как?

— Сейчас вернусь, — сказала я Куки и, схватив Рейеса за край футболки, потащила подальше от убийственных взглядов Йена Джеффриса.

Оказавшись в относительно свободной от копов зоне, я потянулась рукой к боку Рейеса, где ткань уже исчезнувшей рубашки вся пропиталась кровью.

Он не возражал, когда я осторожно прикоснулась к нему. А я и не собиралась нагнеть. Только хотела, чтобы он знал, о чем я буду спрашивать. Рейес не шелохнулся, но смотрел на меня так пристально, как смотрит кобра на свою жертву.

— Это я должна задавать такие вопросы. С тобой все в порядке? И что, черт возьми, вообще тут произошло?

— Вы с другом предотвратили ограбление.

— И все?

— Больше я ничего не видел.

Одно его присутствие как будто подавляло. Рейес успел принять душ, переодеться и, судя по ощущениям, перебинтовать рану.

Я вспомнила о том, что сказала ему, когда время остановилось, смущенно опустила голову и поковыряла носком ботинка уголок отошедшего от стены плинтуса.

— Вообще ничего? Может быть, ты что-то слышал?

— Например?

Моя рука все еще лежала у него на боку, хотя я изо всех сил старалась не сделать ему больно. Вдруг Рейес протянул руку и поддел пальцем петельку для ремня на моих джинсах. Жест показался естественным и привычным. А стоять рядом с ним было так приятно, словно от одной его близости разбитые кусочки меня собирались заново в одно целое. Казалось, мы вот так разговаривали каждый день. Много-много лет. И даже жгучая ярость Йена не проникала сквозь тепло, которое дарил мне Рейес.

Он чуть-чуть наклонился ко мне, и я автоматически подалась еще ближе.

— Что я должен был услышать? — напомнил он.

— Да так... Ничего. Глупости все это. — Я смотрела на него снизу вверх, словно о чем-то умоляла. — Но я видела кровь. — Очень осторожно я провела пальцем по краю бинта прямо через футболку. — Что случилось?

Мог ли он сражаться с тем ангелом? И как вообще уложить такое в голове? В самом деле, не разгуливает же Рейес по городу с мечом на поясе. Но отрицать тот факт, что вокруг мистера Фэрроу царит непроглядная тьма, становилось все сложнее и сложнее. Тьма струилась с его плеч, собиралась в клубы под ногами и была точь-в-точь как тот черный дым, в котором исчезла женщина на складе, и который не дал ангелу порубить меня в винегрет.

Вопросов было хоть отбавляй. Но, наверное, самый важный — это почему ангел, небесное создание, пытался меня убить? Это же по всем статьям неправильно!

— Пожалуйста, расскажи мне, что произошло.

Уголок красивого рта слегка приподнялся.

— Ты первая.

Я опустила руку и шагнула назад. Разве могла я хоть что-то сказать? До сих пор имелся шанс, что у меня съехала крыша. И не было ни малейшего желания провести остаток жизни в психушке, каждый день попивая коктейли из психотропных препаратов.

Рейес отпустил петельку и поднял мое лицо за подбородок, но ничего не сказал. Просто смотрел, как будто изучал меня вдоль и поперек. Потом легонько провел пальцем по моим губам, вызвав внутри миллиарды голодных землетрясений.

— Рейес...

— Это место преступления, — процедил непонятно откуда взявшийся Йен, чья рука почему-то лежала на пристегнутом к ремню пистолете.

Я тут же протрезвела. Рейес опустил руку, но даже не взглянул на Йена, словно знал, что это его еще больше разозлит. Рейес мог вступить в перепалку, обложить его ругательствами, даже напасть на него. Однако ничто так сильно не злит людей вроде Йена, как полнейший игнор.

И это сработало! В Йене молниеносно вспыхнула ослепляющая ярость. Но Рейес либс этого не знал, либо ему было наплевать.

— Если вы не участвуете в расследовании, то должны уйти.

Наблюдала за нами и Фрэнси. Хотя сейчас на нас смотрели все, в том числе и Дикси. Во время ограбления она была в банке, а вернулась не в кафе, а в океан мигалок, вспышек и полицейских. Вряд ли ее это сильно порадовало.

— Офицер, он здесь работает, — вмешалась начальница. — Я попросила его помочь мне с ящиками на складе.

Йен шагнул ближе к Рейесу.

— Ну так помогайте.

— Спасибо, — пробормотала Дикси и потянула Рейеса за футболку.

Он подмигнул мне и двинулся за взволнованной женщиной. Дикси искренне за него переживала, хотя сам он и близко не беспокоился.

Пока я переваривала подмигивание, подошел Йен и уставился на меня щенячьим взглядом, полным надежд. Наверное, он рассчитывал, что, когда хаос рассосется, я с облегчением упаду в его объятия, буду благодарна за то, что он в свой выходной пришел

узнать, как у меня дела, и перестану отрицать, что обязана ему жизнью, хоть он и полный псих.

— Прощу прощения, — буркнула я и пошла прочь от Йена.

Хотелось узнать, подействовало ли хоть как-то случившееся на Фрэнси. Если ей и после этого наплевать на Льюиса, одного из храбрейших мужчин, которого я знала (точнее я вообще знала его одного), то никакой симпатией там и не пахнет. Нельзя заставить кого-то тебя полюбить. Йен — живое тому доказательство. Но если Фрэнси не видит дальше своего носа, то в любом случае не заслуживает Льюиса.

— Как тебе сегодня Льюис? — спросила я у Фрэнси, которая стояла у полки с напитками и что-то печатала в телефоне. — Храбро повел себя, правда?

— Я тебя умоляю! — отозвалась та. — Я в курсе, что у тебя на уме. Ничего не изменилось. — Фрэнси выдала широкую улыбку. Честное слово, улыбка что надо. А перед тем, как уйти, прошептала: — Игра продолжается, тварь.

Ничего себе! Похоже, мы стали врагами. Что ж, каждой девушке в жизни нужен гармоничный баланс добра и зла. Иначе мы перестанем ценить разные мелочи. А если Фрэнси думает, что сумеет вырвать Рейеса из моих загребущих ручонок, то игра действительно продолжается. Пусть мне не по плечу бороться с призраком потерянной любви, который преследует Рейеса денно и нощно, но уж с рыжей барышней, которую состояние волос интересует больше, чем окружающая среда, побороться я могу, и плевать, что она выше на десяток сантиметров.

Кстати о храбрости. Я решила испытать судьбу с Эрин. После погрома мы еще не разговаривали, но я до сих пор восхищалась тем, как она вела себя перед чуваком с пушкой. Отношения у нас не складываются, но ничто не объединяет людей так, как общая трагедия.

Робко улыбаясь, я пошла к Эрин.

— Даже не думай, — процедила та раньше, чем я успела хоть слово сказать, и ушла, демонстративно закатив глаза.

Я тихо вздохнула. Может быть, трагедий понадобится две.

Теперь захотелось узнать, как дела у Льюиса. Его я нашла сидящим на раскладушке на складе. Сердитая донельзя крошечная Шайла обрабатывала ему распухший локоть, которым Льюис ударился, падая на пол.

— Надеюсь, рука у тебя отвалится, — заявила Шайла, сильную сторону которой я видела впервые.

Льюис так на нее глянул, что я поверила: нет ничего невозможного. Оказалось, он поражен до глубины души. Я ошарашенно застыла. Неужели нужно было пережить такой кошмар, чтобы он наконец прозрел? Кто бы мог подумать, да?

Оставалось лишь надеяться, что Льюис не опоздал. Потому что с виду Шайла была просто в бешенстве.

В ясных голубых, почти прозрачных глазах заблестели слезы. Добавьте к этому крошечный носик с веснушками и губки бантиком, и получите идеальное воплощение сказочной феи. Шайла где-то на полметра ниже Льюиса, но это только придаст их паре прелести. Я так и видела, какое чудесное их ждет будущее.

— Ты хочешь, чтобы у меня отвалилась рука? — спросил Льюис, дернувшись, когда Шайла шлепнула ему на локоть пакет со льдом.

Ну или я поторопилась с выводами.

— Почему? Я же тогда не смогу играть. А «Чумовой отрыв» без меня никуда.

Шайла отвернулась и отошла. От ее гнева в комнате стало светлее. По крайней мере для меня. Вернувшись к Льюису, она стукнула его в плечо кукольным кулачком.

— Ай! — Он потерял место удара, хотя вряд ли ему было больно.

Совершенно сбитый с толку, Льюис, тем не менее, был безнадежно заинтригован.

Шайла опять его ударила. А потом еще и еще. Но все это было как будто не по-настоящему. Словно ей нужно было выместить на ком-то свой гнев и чувство полнейшей беспомощности.

Льюис поднял руку, чтобы остановить Шайлу, и решил найти себе оправдание:

— Я ведь мог сегодня умереть.

Зря он это сказал. По щекам Шайлы потекли слезы. Оттолкнув руку, она снова его стукнула. И была она так расстроена, что я почти на ощупь ощущала ее эмоции.

И вдруг, удивив даже самого себя, Льюис вскочил на ноги и грубо сгреб ее в объятия. Поначалу Шайла пыталась вырваться, но потом уткнулась носом ему в грудь и крепко обняла обеими руками. Худенькие плечи затряслись, а Льюис принялся осыпать поцелуями ее макушку.

Чтобы не испортить чудесный момент ритуальным танцем с размахиванием руками и улюлюканиями, я попятилась, хотя победу хотелось отпраздновать ужасно. Что ж, придется смириться. Победа есть победа, пусть даже самая маленькая.

Дикси, противная потаскушка, действительно нагрозила Рейеса работой. Прямо сейчас он наводил порядок в ее кабинете, и я забеспокоилась о его ране. О его тьме. О поцелуе, на который решилась, когда остановилось время. Замер ли он тогда вместе со всеми? Или все это было сплошной игрой? Я же умру, если так, ей-богу. Залезу под стол и там зачахну. Я призналась ему в любви. Сказала, что люблю его уже тысячу лет. Позорнее не придумаешь.

Ну все. Мне позарез нужно что-то вроде девичника. Куки поймет. Она же, в конце концов, ясновидящая. Наверняка я могу рассказать ей о своих... «талантах». А она сможет посоветовать, что делать. С мистером Ви. С его родными. С Рейесом.

То есть я, конечно, в курсе, что хочу сделать с Рейесом, но Куки может знать, кто он такой на самом деле.

Только бы он не оказался воплощением зла! Пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста!..

Слава богу, копы не забрали мои чаевые в качестве улики. Я собрала дневной заработок, чтобы понять, сколько можно потратить, а сколько надо сэкономить (телефон сам себя не купит), и среди мелких купюр нашла ту самую сотню. Выудив ее, я уже хотела разменять, но вдруг заметила, что на обратной стороне что-то написано. Кто-то что-то написал на моей сотне карандашом — так легко, что я едва разглядела. Пришлось даже поднести денежку к окну, в которое опять проливался солнечный свет.

На сотне оказалась фраза на французском языке: «Je t'ai aimée pendant mille et un. R.».

Я застыла. Снова и снова перечитала написанное. «Je t'ai aimée pendant mille et un. R.».

«Я люблю тебя больше тысячи лет. R.».

Развернувшись, я бросилась в кабинет Дикси, но там никого уже не было.

*Признаки того, что вы пьете слишком много кофе:
при чихании у вас не закрываются глаза.*

Мем

Короче говоря, мы с Куки все-таки смотались на педикюр, а еще выпили по самой большой порции мокко латте. За ее счет. Сама настояла. Понятия не имею, делали мне когда-нибудь педикюр или нет, но знаю наверняка, что теперь это станет моей еженедельной радостью. Скорее всего телефону придется подождать. Меня явно создавали, чтобы холить и лелеять.

Когда на ногтях появился симпатичный оттенок мокко, до странности смахивающий на цвет глаз Рейеса, мы поехали в дом Рокфеллера. Об этой экскурсии мы с Куки разговаривали уже недели две, но особняк был открыт только в определенные периоды в течение года. К счастью, Куки внесла нас в список, и, когда зрители решили организовать специальный тур для группы третьеклассников, нам позвонили и пригласили приехать.

Куки немножко переживала по поводу детей, но это ведь всего лишь третьеклассники! Я заверила подругу, что, в случае чего, с мелочью справлюсь. В этом я была уверена. Если не навалятся толпой, все будет путем.

Сам особняк — национальная историческая достопримечательность и просто потрясающее зрелище. Строительство Кайкута (так называется дом, что по-голландски означает «дозор») Рокфеллеры закончили в тысяча девятьсот тринадцатом году. Расположен он чуть севернее Сонной Лощины и представляет собой огромное сорокакомнатное поместье с великолепной архитектурой и невероятными садами. Куда бы мы ни заходили, из моего горла то и дело вырывались восхищенные стоны.

Слава богу, дети оказались очень даже ничего. Не считая парочки косых взглядов и мальчика, который уверял меня, что знает, как удовлетворить женщину (неужели это дерьмо у них начинается еще в третьем классе?), мы прекрасно провели время, изучая внутреннее убранство и произведения искусства.

— Пора начинать экономить чаевые, — вдохновенно заявила я и развела руки в стороны, показывая на то, что нас окружает. — Ужасно хочу вот это.

— В смысле такую же ванную? — уточнила Куки, потому что именно в ванной мы сейчас и находились. — Я знаю неплохого декоратора. Он из твоей ванной такую же конфетку сделает.

— Да нет! Я все хочу, весь дом. Может быть, когда-нибудь...

— Ну да, ну да. Дом, конечно, супер, но мне кажется, не совсем в твоём духе.

— Это еще почему? По-твоему, во мне недостаточно голубых кровей?

Подруга задумчиво сморщила нос.

— По-моему, в тебе недостаточно тщеславия. И высокомерия. Я слышала, что Джон Д. Рокфеллер-младший построил этот особняк только потому, что его брат неподалеку отгрохал поместье на двести сорок комнат.

— Ясненько. Правда, я бы с тобой согласилась, если бы не педикюр.

— А причем тут педикюр? — усмехнулась Куки, припудривая нос.

— Ты меня испортила. Познакомила со всякими прекрасностями в жизни. Теперь я хочу, чтобы меня баловали, чтобы кто-то другой красил мне ногти и массировал пятки.

— Кажется, я знаю кое-кого, кто помассировал бы тебе пятки абсолютно бесплатно.

По спине тут же пробежала рябь волнения.

— Ну, не знаю, Кук. Похоже, он страшно помешан на своей бывшей.

— Понимаю, но ведь и ты для него далеко не пустое место. Наверняка сама все видишь.

— Вижу, конечно, но это нисколько не умаляет его помешательства на бывшей. — Я наклонилась ближе к зеркалу, размышляя, откуда под глазами взялись темные круги. Видимо, это результат ночных бдений в машине с кошкой. И с курткой Рейеса. Так что, в принципе, все не так плохо. — Очень надеюсь, что она была законченной стервой. Тогда бы он быстрее ее забыл.

Покачав головой, Куки закрыла пудру.

— Ладно, красивее сегодня я уже не стану.

— Да ты красотка хоть куда!

— Ой, какая ты у меня душка!

Мы дали друг другу пять, не обращая внимания на девочку, которая мыла рядом руки и была накрашена так ярко, что вполне могла завалиться с нами в какой-нибудь клуб.

— Ты уверена, что эти дети учатся в третьем классе? — спросила я у подруги.

— Так мне сказали.

— Понятно. Спросила на всякий случай.

— Итак, что дальше? Я бы сейчас слона съела.

Экскурсия закончилась, и мы уже собирались уезжать.

— Еда — хорошо-о-о, — протянула я, прикидываясь неандертальцем, — но сначала мне надо сходить по маленькому.

— Поняла. Я хочу сфоткать стол, который мы видели в большой комнате. Подождать тебя на улице?

— Давай. Я мигом.

Куки ушла, а я зашла в одну из двух кабинок, которые сделали специально для туристов. Вряд ли Рокфеллерам нужны были кабинки.

Когда я уже встала, чтобы натянуть штаны, меня что-то толкнуло. Пискнув, я грохнулась обратно на унитаз и уставилась прямо в рот коню. Челюсть у меня отвисла, а огромная лошадиная голова просунулась дальше в кабинку и ткнулась мне в шею. Конь был гнедой и потрясающе красивый, с огромными карими глазами и ресницами длиной с мои мизинцы.

— Боже мой! — выдохнула я, поглаживая лошадиный нос и обнимая великолепное животное за шею. — Ну разве ты не... — я заглянула в щель сбоку от двери, — ... красавица? Красавица, конечно!

Лошадь тихонько заржала и кивнула.

— Удивительная красавица! Сначала я тебя заласкаю, потрюсь об тебя носом, а потом заберу домой. У меня там комок шерсти, который так и лучится энергией и с радостью с тобой познакомится.

Тут до меня дошло, что в соседней кабинке кто-то есть.

— Мисти, — проговорила девочка, как раз когда я чмокнула лошадку в нос, — по моему, леди из соседней кабинки разговаривает со своей вагиной.

Я чуть не задохнулась от ужаса.

— Ты слышала, красавица? Она назвала тебя вагиной. А так нельзя. Точно нельзя!

Лошадь опять кивнула и, словно от отвращения, фыркнула. Господи, ну какая же она прелесть! И это была моя первая мертвая лошадь.

— Ну, ладненько. Теперь мне надо натянуть штаны.

А это было проще сказать, чем сделать, стоя в маленькой кабинке, большую часть которой занимала лошадиная голова. В конце концов мне удалось застегнуть джинсы, я открыла дверь и столкнулась лицом к лицу... угадайте с кем. Вот именно! С всадником без головы.

Взгляд прошел по черным сапогам для верховой езды, черным штанам и черному развевающемуся плащу, пока не остановился на лице. Точнее там, где должно было быть лицо. Над воротником, где обычно ожидаешь увидеть голову, не было ровным счетом ничего.

Я закричала и упала на задницу. Лошадь сердито фыркнула и отошла на несколько драгоценных шагов. Этого хватило, чтобы я проползла мимо и бросилась наутек.

Промчавшись мимо сувенирной лавки, я выскочила на улицу, снова и снова повторяя вопрос, но ни к кому конкретно не обращаясь:

— Издеваетесь, что ли, елки-палки?!

Слава богу, всадник без головы решил меня не преследовать. Оказавшись на лестнице снаружи, я притормозила, велела себе успокоиться и, постоянно оглядываясь, пошла к машине, кроссоверу медного цвета, дожидаться Куки.

— Вот ты где! — воскликнула подруга, словно искала меня долго и нудно. — Серьезно, тебе нужно купить телефон. Я думала, ты еще в доме.

— Не-а.

Пока Куки не открыла двери, я нервно переминалась с ноги на ногу, а потом буквально нырнула в машину.

— Что-то случилось, солнце? — спросила подруга, когда залезла за руль.

— Нет, все путем. — Ну почему она еще не завела двигатель?

— Ты крик слышала?

— Нет. Разве кто-то кричал? Странно.

— Очень странно, — подозрительно сощурилась Кук.

— Предлагаю поесть где-нибудь подальше отсюда. На Манхэттене, например.

Рассмеявшись, она наконец завелась и стала сдавать задом.

— Не ближний свет. Может, махнем в Тарритаун?

— Согласна.

Всю дорогу до ресторана мы проболтали. Ресторан на самом деле был всего лишь крошечной забегаловкой с умопомрачительной едой. Мы нашли его совершенно случайно, когда ездили покупать босоножки. По снегу.

Внезапно Куки посерьезнела:

— Ты расскажешь мне, что там произошло, или как?

Ужасно хотелось провести с ней весь вечер и выложить как на духу все свои грязные секреты, но разве могла я так поступить с Куки? Как можно познакомить кого-то с миром, который вижу только я, и ждать, что человек не изменится? Что это никак на нем не отразится? Не говоря уже о том, что Куки вряд ли мне поверит.

К тому же у меня имелись кое-какие подозрения. Пусть я купилась на историю о подруге Чарли, которая внезапно исчезла, но все равно оставалось ощущение, что Куки чего-

то не договаривает. Что знает больше, чем делает вид. Если мои подозрения не беспочвенны, то я, ей-богу, получу все ответы.

Существует один верный способ вытащить из кого-то нужную информацию. Угроза физической расправы.

Однако я решила начать с переговоров. Если не сработает, тогда уже и расправой не побрезгую.

— В общем, я тебе все расскажу, если ты отплатишь мне тем же.

Куки сразу занервничала, а потом изобразила фальшивую широченную улыбку:

— В смысле?

Я подалась ближе:

— Ты что-то знаешь. Обо мне. Даже не отпирайся.

— Чего? — Она расправила на столе салфетку. — Понятия не имею, о чем ты.

— А я думаю, очень даже имеешь. — Я подняла нож и угрожающе процедила сквозь зубы: — Не играй со мной, зараза, иначе порежу на мелкие кусочки.

Куки ахнула, прижала к груди руку и глубоко задышала.

— Нет, пожалуйста! Клянусь, я ничего не знаю!

Вот гадство. Я разочарованно вздохнула:

— Ты даже не испугалась.

— Еще как испугалась, — кивнув, заверила меня Куки.

— Господи, да не ври ты! — Я бросила нож на стол. — И близко не испугалась.

Подруга помолчала, пожевала губу.

— Испугалась, правда.

— Ты самая худшая на свете актриса.

Она стыдливо опустила голову.

— Это точно. Всегда играла ужасно. А однажды меня даже прогнали со сцены.

— На Бродвее?

— В детском саду.

— Блин, это... жестоко.

— Да нет. Все не так плохо. Мой агент разрешил мне уйти из шоу-бизнеса.

— У тебя был агент? В детском саду?!

— Ну, сама она в садик не ходила. Это была моя мама. Много лет она работала агентом по поиску талантов в Голливуде.

— Твоя мама работала с актерами?!

— Ага.

— И позволила тебе уйти?

— Из профессии, а не из дома.

— Кук, мне очень жаль.

— Не стоит. — Она погладила меня по руке, чтобы успокоить. — Поверь мне, это к лучшему.

— И все-таки, почему ты не испугалась? Я же вполне могу оказаться серийным убийцей.

— Уверяю тебя, никакой ты не серийный убийца.

— Тебе-то откуда знать? Даже я, черт возьми, этого не знаю.

— А я знаю.

Эти слова вернули меня к тому, с чего я начала. Я опять наклонилась вперед, несколько

секунд помолчала, чтобы сгустилось напряжение вокруг нас, а потом спросила:

— Ты знаешь, кто я?

Губы Куки рефлекторно сложились в тонкую линию, а потом как будто расслабились.

— Да, — сказала она, словно смирившись, и по моей спине пронесся ток. — Ты моя лучшая подруга.

Она не соврала, но я не об этом спрашивала.

— Как меня зовут?

— Сегодня тебя зовут Джейни Доэрт. Но я не знаю, кем ты будешь завтра или на следующей неделе. Одно могу сказать точно: кем бы ты ни была и кем бы ни оказалась, я всегда буду тебя любить.

И снова она сказала правду. Я поникла под весом рухнувшей надежды.

— Солнце, ты думаешь, я знаю, кто ты такая на самом деле?

Я пожала одним плечом, потому что пожать двумя не было сил.

— Знаешь?

— Я знаю, что ты очень добрая. Знаю, что ты хороший человек. Не важно, кем ты была в прошлом или кем станешь в будущем, ты невероятная. Ты особенная, Джейни. Бог не создает таких, как ты, просто так. Ты здесь по определенной причине, ради какой-то удивительной, прекрасной цели. И однажды ты обязательно все вспомнишь.

От стыда загорелись щеки, и я опустила глаза. Я сомневалась в замечательнейшем человеке! В единственном человеке, которому доверяла. Еще и обвинила ее во лжи. Она так легко дарит себя людям, а я позорно прячусь, сбегая и втягивая голову в плечи, когда прохожу мимо того, кто нуждается в помощи. Господи, да я просто отстой, а не человек!

Тяжело сглотнув, я опять посмотрела на подругу:

— Прости меня, Кук.

Она сжала мою ладонь.

— За что?

— За то, что устроила тебе допрос. Я думала...

— О чем, солнце?

— Да так, ерунда.

— Джейни, что бы ты мне ни сказала, вряд ли я удивлюсь.

— Ну ладно, — шепотом проговорила я, — скажу как есть. Ты ясновидящая?

Шок на красивом лице ясно дал понять, что такого Куки точно не ожидала. Но почему, если она и правда ясновидящая? Разве не должна она знать все на свете? Хотя, может быть, ее дар работает как-то иначе.

Глотнув мускатного вина, Куки немножко поперхнулась, а потом спросила:

— Солнышко, с чего ты взяла, что я ясновидящая?

— С того, что ты работаешь с полицией, но у тебя нет заметных навыков, которые для этого нужны.

Куки честно старалась не улыбнуться, но битву с улыбкой проиграла.

— Ну, спасибо.

— Я не в плохом смысле. Я к тому, что тебя ничего не удивляет. Как будто ты знаешь больше, чем все остальные. И наперед видишь, что должно произойти.

— Или меня просто не так уж легко удивить.

— Но ведь это неправда! Я постоянно замечаю, как ты удивляешься.

— Когда, например?

— Ну, однажды мужик предложил тебе полтора доллара за свидание. Ты сильно удивилась.

— Я не удивилась, а оскорбилась. Полтора бакса? Seriously?

— Ладно, ты права. Но ты удивляешься каждый раз, когда проливаешь кому-то на колени воду.

— Есть такое дело.

— А когда какой-то парень пытается ограбить кафе и палит из пушки, ты спокойна, как напичканный анестезией пациент.

— А-а, ты об этом... Ну... — Тут ей пришлось подумать. — У меня всего-навсего высокий... порог опасности.

Это точно.

— Так значит, ты все-таки не экстрасенс?

Куки накрыла своими ладонями мои.

— Нет. Я помогаю полиции, хотя скорее Боберту, собирать информацию.

— А-а. — Пришла моя очередь удивляться. — То есть ты консультант по сбору данных?

— Ага. Хотя все же жаль, что я не экстрасенс.

Все эмоции подруги окрасились грустью.

— Почему?

— Потому что тогда я бы могла помочь своей потерянной подружке. К тому же, — Куки строго уставилась на меня, — я бы больше знала о тебе. Ты ничего мне не рассказываешь! Даже когда страдаешь. Такое чувство, будто ты мне не доверяешь.

Эти слова меня ужалили.

— Извини. Просто у меня вся жизнь кувырком.

— Вот оно что! То есть все дело в тебе, а не во мне, да? Ты к этому ведешь? Ясное дело, у тебя вся жизнь кувырком. Ты же очнулась в переулке с ретроградной амнезией! Но, если ты кому-то откроешься, если расскажешь, через что тебе приходится проходить, это обязательно пойдет на пользу.

Мне очень хотелось все ей рассказать. Хотелось кому-нибудь довериться. Но вдруг я ее потеряю? Вдруг она решит, что я спятила, и бросит меня, как хренового ухажера?

— Кук, — неуверенно начала я, ерзая на месте, — я... не такая, как все.

— В каком смысле?

— Не знаю. Понимаешь, в мире есть такие вещи, о которых лучше никому не знать.

— А я хочу знать.

— Это вряд ли.

Куки наклонилась ко мне, и на красивом лице расцвела улыбка.

— А ты испытай меня. — Я все еще молчала, поэтому она добавила: — Чарли, ты можешь сказать мне что угодно. Пускай мы дружим всего месяц, но такой замечательной подруги, как ты, у меня никогда не было.

Хватит ли мне смелости? Может быть, если начать издалека...

— Ну ладно. В общем, ты же в курсе, что некоторые могут слышать то, чего не слышат другие? Как будто у них обалденный слух?

Куки кивнула.

— А некоторые, например, могу видеть то, чего не видят другие. Как будто у одних стопроцентное зрение, а у других — сто пятьдесят процентов из двухсот.

— Ага, — протянула Кук, словно пыталась понять, к чему я веду.

— Так вот. Я вижу и слышу то, чего не видят и не слышат другие.

— Ясненько. Значит, ты классно видишь в темноте?

— Вроде того. Не совсем. — Я выпрямилась, когда нам принесли еду, откусила кусочек и, закатив от восторга глаза, продолжила: — Я вижу кое-что другое.

— Минуточку! — Куки запила водой вставший поперек горла кусок. — То есть ты хочешь сказать, что ты сама ясновидящая?

Я задумчиво расправила плечи.

— Может быть, в каком-то смысле.

— Обалдеть! И что конкретно ты видишь?

Вот и приехали.

— Ну, например, мертвых людей.

Подруга зачарованно кивнула, но ни капельки не удивилась. Или не поверила мне, или у нее более широкие взгляды, чем можно было ожидать.

Я укоризненно поджала губы.

— Ты ни капельки не удивилась. Или ты мне не веришь, или у тебя более широкие взгляды, чем можно было ожидать.

— У меня широкие взгляды, — подтвердила она. — Может, я и не экстрасенс, но вообще забавно, что ты так подумала. Есть у меня одна кузина, которая... Ну, в общем, она, конечно, тот еще фрукт, но кое-что тоже видит. И это не шуточки. — Куки опустила голову и вдруг залилась краской, словно ей было стыдно. — Никто ей не верил. Никто не встал на ее сторону. Даже когда она предупредила нас о надвигающейся беде и предсказания сбылись, родители сдали ее в психушку. А теперь... Теперь она совершенно не умеет общаться с людьми. Ей даже поговорить не с кем. Это ужасно.

— Я и понятия имела... Мне очень жаль, Кук.

— Нет-нет, все в порядке. Спасибо, но я это все к тому, что больше никогда в жизни не стану сомневаться в истинном даре. Если ты говоришь, что видишь призраков, значит, ты видишь призраков.

— Ты и правда мне веришь?

— Всеми фибрами души.

Тяжесть, которую я до сих пор носила на плечах, мигом испарилась. Куки мне поверила, и я это чувствовала на все сто. Странно, но глаза запекло от слез. До сегодняшнего дня я и не представляла, как сильно мне хотелось с кем-нибудь об этом поговорить.

— Ох, солнышко... — Глаза Куки тоже наполнились слезами, и она крепко меня обняла. Вышло неловко, потому что через стол. — Теперь, когда этой стены больше нет, расскажи мне все-все-все!

Я моргнула:

— Все-все-все?

— Все-все-все.

Ну, я и рассказала. О том, что чувствую эмоции людей. Что вижу суровый и изменчивый потусторонний мир, где на самом деле обитают сверхъестественные существа. Однако я ничего не сказала ни о Рейесе, ни об Оше. Почему-то казалось, что свою историю они должны поведать сами. Если захотят. Зато я рассказала Куки о демоне внутри мистера Пи, об ангеле, который пытался меня убить, о клубящемся черном дыме...

Однако внимание Куки, похоже, привлек один конкретный аспект моего рассказа.

— Потусторонний мир? Ты видишь его прямо внутри нашего?

— Ага.

— То есть он вокруг нас?

Я кивнула.

— Ничего себе! — Куки откинулась на спинку стула и задумчиво свела брови. — Это что-то новенькое.

— В смысле?

— Ну, знаешь, я в целом. Не каждый день такое услышишь. — Поразмыслив еще несколько секунд, она поинтересовалась: — Еще что-нибудь интересное есть?

— Ага. Похоже, я знаю восемь языков.

— Не может быть!

— А еще, — продолжала я, — я умею останавливать время. — Наверное, я уже перегнула палку с исповедями, но Куки держалась молодцом, поэтому я добавила: — И сквозь меня, судя по всему, могут проходить призраки.

— Ну да, они же призраки.

— Нет. Совсем-совсем, прямо через меня. Как в старой шутке, помнишь? Зачем цыпленок перешел дорогу?

— Чтобы попасть на другую сторону, — тут же подхватила Куки. — Джейни, ты понимаешь, что это значит?

Я фыркнула:

— Естественно, понимаю! Надо держаться от призраков как можно дальше.

— Не это я собиралась сказать.

— Это потому, что через твои мозги никогда не проплывал мертвый человек.

— Согласна. Впрочем, мне-то почему знать?

— Понимаешь, это нечто такое, что мне никогда-никогда-никогда в жизни больше не захочется переживать.

— Понимаю, конечно.

— Почему ты так спокойно все воспринимаешь?

— Потому что в твоих устах это звучит по-настоящему захватывающе.

— Даже про всадника без головы?

Выражение лица Куки стало еще теплее.

— Даже про всадника без головы. Хотя очень сомневаюсь, что смогу сегодня уснуть.

— Извини.

— Да ничего страшного. Я ведь большая девочка. У меня есть штанишки большой девочки. Напялю их, и все будет в порядке.

— Не поняла. А-а! Ты в образном смысле! — дошло наконец до меня.

Куки изобразила нечитабельное выражение лица, и я хихикнула. Один разочек.

— Ты осознаешь, что нам теперь предстоит? — со всей серьезностью спросила она.

— Накидаться яблочным мартини?

— Лучше слопать целиком яблочный пирог.

Я рассмеялась:

— Согласна.

Заходит как-то дислексик в бра...

Надпись на футболке

Куки подбросила меня до дома — надо было покормить комок шерсти, перед тем как возвращаться в кафе, где я планировала на время завладеть компьютером Дикси. Из техники у меня только древний телевизор, который весит с меня саму, и DVD-плеер, который за сорок пять минут так нагревается, что приходится ставить фильм на паузу и ждать, когда этот монстр остынет. К сожалению, ни первый, ни второй похвастать наличием интернета не может.

Едва я зашла в квартиру, на меня тут же налетели пушистая серая кошка и потрясающая, хоть и мертвая, ротвейлерша. Что ж, поладили они явно сразу. Кто же знал, что кошки видят призраков?

Повесив куртку Рейеса на вешалку, я предложила Ирме дать пять (правда, без толку), пошла в кухню и налила в блюдце козьего молока для кошачьего отпрыска самого Сатаны. Непонятно откуда, я знаю, что давать кошке обычное молоко из магазина нельзя. Знаю, как работает DVD, как включать сушилку для белья и готовить макароны с сыром. Обыденные мелочи входят в привычку и становятся второй натурой. Жаль, что с целой моей жизнью все не так. А это само по себе кажется настоящим бредом.

Буквы заканчивались, поэтому, пока Сатана ела, я решила вернуться к «Т».

Тамара? Нет.

Таша? Нет.

Тереза? Тоже нет.

Ломая голову над именами на букву «Т», я прибиралась в кухне, периодически поглядывая на Артемиду, которая пыталась за платье вытащить Ирму из угла. Кухню было бы неплохо хорошенько оттереть. Да и меня тоже. Однако на пороге ванной я застыла как вкопанная.

Что-то тревожило. Тут явно кто-то был!

Прошлой ночью, замерзая на заднем сиденье «фиесты» Мэйбл, я додумалась, что лампочку мог заменить хозяин квартиры. Поэтому объяснить предыдущий феномен было не так уж сложно. Но на этот раз вещи лежали не на своем месте, словно их трогали. Зубную пасту я храню в ящике справа, а сейчас она лежала на полке. Свои единственные духи я держу в правом углу, а теперь они будто прошагали до самой раковины.

Как правило, подобные мелочи действуют мне на нервы. Глубоко вздохнув, я попыталась придумать вменяемое объяснение. Не мог это быть Йен. Я же забрала у него ключ. Хотя как знать, сколько вообще он мог сделать экземпляров? А может, у него и вовсе есть инструмент, которым вскрывают замки. У некоторых копов точно есть такие штуки. Опять же, это могло быть делом рук домовладельца. Может, он чинил раковину, в которой на днях слегка засорился слив. Но если так, зачем ему брать мои пожитки?

И все-таки я старалась держать себя в руках. Тому, что вещи лежат не на своих местах, могло быть сколько угодно объяснений. Да даже, блин, Сатана могла запрыгнуть на полку у

раковины и... что? Побрызгать себя духами? Почистить зубы? Ага, как же! А дальше ей понадобится моя зубная нить. Ладно, стоит признать, что кошка скорее всего ни при чем.

Как бы то ни было, хватит с меня переживаний. Надоело прикидываться испуганной жертвой потенциального преследователя. Надо быть умной. Внимательно смотреть по сторонам. Держаться хорошо освещенных мест. Ну и нанять круглосуточного телохранителя. Что ж, полистаю на досуге какой-нибудь справочник. Вдруг какая-то фирма предоставляет на услуги охраны скидку.

Душ я принимала с закрытой дверью, под ручку которой подсунула стул. Это было великолепно! Я не про стул, конечно, а про душ. Артемида охотилась на струйки воды. Сатана мяукала, протестуя против того, что ее заперли внутри, хотя изначально сама хотела присоединиться к нашей компании. Не меньше двух минут она обнюхивала каждый предмет и только потом переходила к следующему.

Я раздумывала о том, чтобы позвонить по номеру, который в записке сунул мне в руку Боберт. Звонить придется из кафе, но ведь я все равно собираюсь туда вернуться. И все же хватит ли мне смелости так рискнуть? И имею ли я на это право? Мистер Ви явно не хотел, чтобы я вмешивалась, однако ему грозила серьезнейшая опасность.

Я так долго думала, что умудрилась вконец расстроиться.

Надев чистую одежду, я проверила окна, чтобы убедиться, что все они заперты, взяла куртку Рейеса и пошла к двери.

— Скоро буду, — сказала я Артемиде и Сатане. — Не доставайте Ирму. Я серьезно! Ведите себя хорошо.

Сначала я отнесла пакет из ресторана Джеймсу, а потом пошла к Мэйбл. Одалживать машину снова я не собиралась, но было так холодно, и я так устала после бессонной ночи, что пришлось передумать. К сожалению, Мэйбл уже спала. Ключи у меня остались, но я бы ни за что без ее разрешения не взяла машину.

— Видимо, придется идти пешком, — сказала я маленькой девочке, которая таскалась за мной с тех самых пор, как мы с Куки вышли из дома Рокфеллера.

Длинные светлые волосы девочки спутанными прядями лежали на спине. Сама она была одета в пижаму с сахарными сливами.

В ответ девочка прижала к груди лысую куклу и, поглаживая ее по голове, смотрела на меня огромными глазами. Что ж, заговорит, когда будет готова. Жаль только, что долго ждать не пришлось.

— Джессика сказала, у тебя крыша съехала.

Ближе, чем на полтора метра, она не подходила, словно не хотела вторгаться в мое личное пространство.

Я оглянулась:

— Прямо так и сказала?

— Ага. Только я везде искала, а найти твою крышу так и не смогла.

— Вот гадство, — тайком усмехнулась я. — Ну, спасибо, что пыталась помочь.

В морозном воздухе дыхание превращалось в белесый туман. Я намеренно шла по той стороне улицы, где горели фонари, и внимательно следила за машинами. Шикарная черная тачка, которая вроде как преследовала меня вчера, стояла впереди у обочины. Как и девочка в пижаме, я не стала проходить мимо нее вплотную, а обошла за пару метров. Зато поняла, что это «роллс-ройс». Что понадобилось обалденному «роллс-ройсу» в этом райончике?

— Не за что, — отозвалась девочка. — Джессика говорит, я должна думать и о других.

Вот я и думаю. Например, о том, что они глупые, что обувь у них дурацкая, и что им надо чаще чистить зубы. Можно тебя расчесать?

— Как-нибудь в другой раз, идет? — Не хватило мне духу сказать ей, что вряд ли она сможет взять в руки расческу, потому что умерла и все такое. — А где Джессика сейчас?

— У Рокета.

У Рокета? Я резко остановилась и развернулась, чувствуя, как в груди растет надежда.

— Джессика — это невысокая женщина с рыжими волосами?

— Угу.

Ну точно, барышня со склада. Та самая, которую проглотил черный дым, который, в свою очередь, вполне может оказаться Рейесом Фэрроу. Похоже, из всех моих знакомых она одна знала, кто я такая. Если именно Рейес заставил ее замолчать, то ему придется многое мне объяснить.

— С ней все в порядке?

— Наверное. Куда ты идешь?

— Обратно на работу. Можешь привести сюда Джессику?

— Нет. Она больше не придет.

Я шагнула ближе.

— Почему?

Девочка сделала шаг назад.

— Потому что он ей запретил.

— Кто запретил? Рейес?

Маленький носик сморщился.

— Фу-у! Нет. Я думаю, тебе не стоит носить еду тому человеку. Он живет в коробке, и от него ужасно воняет.

— Во-первых, не очень-то вежливо так говорить о людях.

— Не очень-то вежливо так вонять.

— А во-вторых, кто запретил ей сюда приходить?

Девочка молча моргала, словно не понимала, о чем я спрашиваю, поэтому я попробовала еще раз:

— Ты помнишь, кто Джессике такое сказал? Она тебе говорила, кто это был?

Внезапно взгляд девочки стал рассеянным, а выражение лица — абсолютно пустым.

— У тебя припадок, что ли? — спросила я, так и не придумав причины поприличнее.

Однако детские глаза с каждой секундой становились все больше и больше.

По коже пополз тяжелый страх.

— У меня за спиной кто-то есть?

Девочка кивнула и опять шагнула назад.

— У него есть крылья и меч?

Она покачала головой.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Ну, тогда все не так страшно.

Я повернулась, споткнулась о собственные ноги и грохнулась на задницу рядом с девочкой. Сверху на меня пялился безголовый всадник. Точнее пялился бы, будь у него голова.

Лошадь сердито заржала и встала на дыбы. Между домами пронеслось эхо. Пускай это ни капельки не красиво, но я все-таки неуклюже поднялась на ноги и бросилась наутек.

Мелькнула мысль добежать до мотеля и вломиться к Рейесу, но в окнах было темно. Пришлось мчаться до кафе под жуткий топот копыт за спиной.

В кафе я ворвалась, тяжело дыша и не чувствуя под собой ног. Рейес был в кухне. Кафе должно было вот-вот закрыться. Если я прихожу до закрытия, Дикси разрешает мне оставаться столько, сколько понадобится, потому что заднюю дверь не нужно запирать ключом. Но ведь Рейес работал с самого утра. Почему он до сих пор здесь?

— Привет, — сказала я, прислонившись к косяку. В основном, конечно, чтобы не упасть.

— И тебе привет, — отозвался Рейес, бросив на меня короткий, но пристальный взгляд. Оказывается, он ремонтировал сломавшуюся холодильную камеру. По всем доступным поверхностям были разложены инструменты. — Что-то случилось?

Мое лицо стопроцентно блестело от пота. Лучше не придумашь. Когда-нибудь я все-таки предстану перед Рейесом Фэрроу в нормальном виде и не буду ни уставшей после бессонной ночи, ни потной, ни в шаге от обморока. К сожалению, этот чудесный момент по-прежнему откладывался на неопределенный срок.

— Нет, ничего. Пришла немножко посидеть за компьютером Дикси. А у тебя что стряслось?

Рейес приподнял одно плечо.

— Мне часто становится скучно. Предложил кое-что починить.

— Забавно. А я часто отвлекаюсь на всякую ерунду.

И как, простите, мне заниматься делом, когда рядом ошивается мужчина, который вполне победил бы в конкурсе на звание того, кто одним своим видом провоцирует непроизвольные оргазмы?

От приятной и согревающей, как выдержанное виски, улыбки смягчились суровые черты. Так и подмывало спросить: «Ты дал мне ту сотню баксов? А если так, то, значит, ты слышал, как я сегодня сказала, что люблю тебя? А если слышал, то как успел написать ответ на купюрке, которую я получила до того, как вывалила перед тобой все свое нутро?». Но с языка сорвалось только:

— Кофе хочешь?

В приглушенном свете сияли поразительные глаза, пока Рейес не торопясь осматривал меня с ног до головы, а особенно тщательно — мою грудь.

— Давай.

— Пойду, заварю свежего.

Бренда, единственная оставшаяся допоздна официантка, добавляла последние штрихи к уже царящим в кафе чистоте и порядку. Я не очень близко с ней знакома, но она всегда была ко мне добра.

— Привет, Бренда, — поздоровалась я, наливая в кофеварку воду.

— Привет, Джейни. Классная футболка.

Какая еще футболка? Я глянула вниз и чуть не застонала вслух. Уже и забыла, что напялила футболку с надписью «Спаси девственницу! Возьми меня!». Не удивительно, что Рейес так смотрел на мою грудь. Футболка, кстати, тоже досталась мне от Скутера. Да уж, в тот день чувак нагрелся на мне капитально.

С горящим от стыда лицом я пошла в кабинет Дикси и закрыла за собой дверь. Решение по поводу мистера Ви успело созреть. Стоит хотя бы попытаться. Выведать, что за фрукт этот знакомый Боберта, и узнать, какие он может предложить гарантии.

Я набрала номер и стала ждать.

Ответил женский голос:

— Агент Карсон.

Услышать женщину я никак не ожидала. Честно говоря, я вообще не ожидала, что мне ответят. Думала, нарвусь на голосовую почту. В конце концов, рабочий день давно закончился.

Запаниковав, я бросила трубку. Любое мое слово может усугубить положение мистера Ванденберга. Однако секунд через тридцать телефон зазвонил. Неужели звонит та самая женщина-агент? Это вообще законно? Блин, блин, блин!

Откашлявшись, я ответила на звонок:

— Гриль-бар «У костра».

— Это спецагент Карсон из ФБР. Мне только что звонили с этого номера.

— Ах да! Заходила какая-то девушка, воспользовалась телефоном, а потом убежала через заднюю дверь. Стремная барышня, ага. Но спасибо, что перезвонили.

— А вы, случайно, не Джейни?

Зараза.

— Нет.

— Странно, потому что по голосу — вылитая Джейни.

— Правда?

Каковы шансы, что меня действительно зовут Джейни? Ладно, ситуация явно становилась любопытной.

— Как на духу, — усмехнулась агент. — Я ждала вашего звонка.

Я тяжело вздохнула:

— Послушайте, я очень сомневаюсь, что это изначально хорошая идея. Не хочу, чтобы кто-нибудь пострадал.

— По закону, вы обязаны известить власти обо всем, что вам известно. Тем более, если чьей-то жизни угрожает опасность. Могу организовать вам арест. Посмотрим, как вам это понравится.

Я уставилась на нее с отвисшей челюстью. Точнее на статуэтку «битлов» с качающимися головами, которая стояла на столе у Дикси.

— Вы мне угрожаете?

— Я никогда не угрожаю, Джейни. Я предупреждаю.

Кошмар какой-то!

— Вы действительно можете меня арестовать?

— Если все, что рассказал мне детектив Дэвидсон, правда, то очень даже могу.

— Да что такого он вам, черт возьми, рассказал? Я сама ему толком ничего не говорила.

— Он... восполнил пробелы в общей картине.

— Класс. — Ну все, теперь точно буду звать его Чарли Бобом. — Прежде всего, я хочу, чтобы вы знали: мистер Ви практически умолял меня даже не пытаться помочь. Его родные в серьезной опасности. Похитители убили их собаку, а значит, явно настроены крайне серьезно.

— Мистер Ви? Фамилия полная, или это сокращенный вариант?

Я смиренно поникла.

— Сокращенный вариант.

— И почему вы считаете, что ему и его семье угрожает опасность?

Начинается...

— Поначалу это была всего лишь догадка. Какие-то люди копали туннель из магазина мистера Ви.

— Туннель куда?

— В химчистку. Послушайте, дело не в этом, а в том, что они следят за каждым его движением. К тому же семью не видели уже несколько дней. И у тех людей есть плазморез.

— Откуда вам известно, что семью не видели несколько дней?

С этого все и завертелось. Я пыталась объясниться и не выглядет при этом окончательно свихнувшейся, а агент Карсон старалась выудить как можно больше информации.

— Так уж вышло, что мы с главой вашего местного отделения ФБР хорошие друзья, — подытожила она. — Вылетаю сегодня же. Пока есть возможность, буду стараться не впутывать вас в это дело. С вами можно как-то связаться?

— Только если у вас есть консервная банка с очень-очень длинной веревочкой.

— По этому номеру вас можно найти?

— Без проблем. Я работаю с утра, но если меня не будет, можно оставить сообщение.

— Договорились.

— Только, пожалуйста, не забывайте, что осторожность здесь очень важна, — добавила я умоляющим тоном. — Если похитители хоть что-нибудь заподозрят...

— Поняла.

Когда мы обе повесили трубки, свалился еще один камень с плеч. Похоже, агент Карсон действительно понимала все нюансы ситуации. Да и сообразительности ей не занимать. Это было ясно по вопросам, которые она мне задавала, и по хитрым капканам, которые в разговоре расставляла то тут, то там. Не знаю, откуда она, но тот факт, что она летит сюда на самолете, говорит о многом.

Однако все это не означало, что я обязана бросить самостоятельные попытки выяснить, где держат семью мистера Вандендберга. Поэтому, включив компьютер Дикси, я принялась за поиски. Несколько статей были посвящены мистеру Ви и его магазину. Я даже нашла фотку с вечеринки в честь дня рождения их сына. Ни на одном из снимков не было ни намека на хижину, зато нашлось фото, где вся семья рыбачила на фоне какой-то местности, в которой вполне мог бы находиться загородный домик.

Я продолжала искать и в надежде найти хоть какую-нибудь подсказку вбивала в поисковую строку всевозможные комбинации слов, которые только приходили на ум. В конце концов на экране появился отчет окружного налогового инспектора о недвижимости, которой владел мистер Ви, но речь шла о доме, где я уже побывала. И никаких упоминаний о хижине.

И все же кое-что мне удалось выяснить. Имена друзей семьи Ванденбергов. Если совсем припечет (а такое возможно), с меня станется податься к этим самым друзьям. Найду кого-нибудь, с кем можно пофлиртовать, и выясню все, что ему известно о загородной недвижимости мистера Ви. Я не из тех, кто ради дела побрезгует флиртом.

Кстати о флирте...

Я решила поискать кое-что еще. Было уже почти одиннадцать, а из кухни все еще доносились звуки ремонта. Рейес до сих пор не ушел. С тех самых пор, как я его увидела, мое сердце неслоь вскачь, и от знания, что мы в кафе одни, с каждой секундой пульс только учащался.

Напечатав в поисковой строке «Рейес Фэрроу», весь следующий час я просидела перед экраном, читая статью за статьей и получая один эмоциональный удар за другим.

Десять лет он просидел в тюрьме за преступление, которого не совершал. Во время бунта помог надзирателям, спас кому-то жизнь. Будучи заключенным, получил несколько высших образований, в том числе степень магистра в программировании. А потом купил в Альбукерке, штат Нью-Мексико, бар, когда его выпустили на свободу, потому что человека, которого он якобы убил, нашли живым и здоровым.

Попадались в сети и фотографии. Некоторые относились к тому времени, когда Рейес было моложе. Одна была сделана сразу после того, как его признали виновным в убийстве первой степени. На ней — застывшее лицо без намека на удивление или сожаления. Будто Рейес заранее знал, что его признают виновным, что о таком, как он, подумают самое худшее, хотя ничего плохого он не сделал.

Меня придавило такой тяжелой печалью, что хотелось зареветь. Пришлось прикрыть рукой рот. Чем больше я читала, тем больше становился комок в горле. Довольно быстро стало ясно, что и в тюрьме, и на воле Рейес был своего рода знаменитостью. Пока он мотал срок, мужчины и женщины по всей стране и даже по всему миру создавали посвященные ему фан-сайты, один из которых казался более популярным, чем все остальные. Его создательница, Элейн Оук, прямым текстом заявляла, что лично брала у Рейеса интервью. Судя по ее блогу, их отношения постепенно развивались, а потом, примерно за год до его освобождения, они поженились.

Я закрыла глаза. Эта женщина открыто для всего мира выражала свою любовь, причем вплоть до поклонения, и вдруг, когда Рейеса выпустили из тюрьмы, взяла и бросила его? Так запросто разбила ему сердце? Может быть, она не была готова к настоящим отношениям. Пока он был за решеткой, все казалось захватывающим и ярким, а иметь мужа двадцать четыре часа в сутки она вроде как не рассчитывала. Вот и сбежала. Подставила его, как и вся судебная система страны.

Больше года эта Элейн ничего не публиковала ни в своем блоге, ни на сайте. В одном из последних постов была копия свидетельства о браке. И даже спустя столько времени Рейес все еще не может ее забыть.

Сердце болело за него, но я боролась с этой болью. Боролась с сочувствием, угрожающим затмить все мои опасения, отказываться от которых я не собиралась. Слишком много у меня вопросов. Слишком много поводов для переживаний.

Ничего из того, что удалось найти в сети, не объясняло, почему Рейес не дал рыжей женщине на складе сказать мне, кто я такая. А ведь она точно меня знала и могла рассказать, кто я и откуда. Почему он ее остановил? Какая ему от этого польза? И почему он назвал меня Датч, когда я вчера потеряла сознание? Может ли это быть моим настоящим именем? Может ли он меня знать?

Почистив историю, я выключила комп. Если Дикси хочет узнать побольше о Рейесе, пусть сама попотеет. Итак, он здесь, на земле, как любой другой человек. Вот только человеком его можно назвать лишь отчасти. Самое время узнать почему. Нужны только капелька хлороформа и парочка метров кабеля.

Поскольку я понятия не имела, где так поздно можно раздобыть хлороформ и кабель, я решила действовать по-другому. Несмотря на помешательство на бывшей, Рейес, похоже, ничего не имел против отношений исключительно в физическом смысле. Всего-то и надо — взять и соблазнить его. Ну, или прикинуться, будто я его соблазняю. Наверняка получится отвлечь его, пока я не придумаю, как вывести его из строя.

Решительно войдя в кухню, я застыла. Рейес лежал на полу под раковиной. Узкие бедра так и манили. Ноги были согнуты в коленях и слегка раздвинуты.

Боже милосердный! Чего только Ты ни творишь, имея в руках немножко плоти и чуточку свободного времени! Если говорить об этом конкретном экземпляре, то Он постарался на славу. Было трудно даже просто смотреть на Рейеса и не обращать внимания на то, как тянется к нему мое сердце.

Прямо под раковиной он слегка приподнялся и застыл, изучая меня взглядом. Из него так и сочилось любопытство. Все тот же пристальный взгляд остановился на моей груди, но лишь на секунду.

— Ты все еще здесь, — ляпнула я, внезапно опять вспомнив, какая на мне футболка. Ну не было у меня больше ничего чистого.

Без малейших усилий Рейес поднялся на ноги, и невероятно красивое лицо озарилось чарующей улыбкой.

— Как и ты.

Пришлось подвинуться, когда он потянулся за инструментом у меня за спиной. Меня тут же окутало жаром. Стиснув зубы, я попыталась взять в руки свой собственный жар, который самым незаконным образом накапливался там, где не имел права накапливаться.

Чтобы хоть чем-нибудь занять руки, я решила слить две уже неполные бутылки кетчупа в одну. Так сказать, поженить их. Смешно же, правда?

— Почему ты до сих пор не ушел? — спросила я, когда Рейес наконец-то отвернулся и стал изучать результаты своих трудов.

На нем были черная футболка, туго обтягивающая широкие плечи, и достаточно узкие джинсы, чтобы можно было попускать слюни, любуясь стройными ногами и сексапильной задницей. Над талией под футболкой едва виднелся край бинта, и я в сотый раз задумалась, насколько серьезно был ранен Рейес. И вообще как именно он получил эту рану.

— Потому что ты тоже еще здесь, — как ни в чем не бывало ответил он.

Класс. Теперь буду чувствовать себя виноватой.

— Мне не нужна нянька.

— Вот и хорошо, потому что ни у одной няньки на свете не должно быть таких мыслей, которые бродят у меня в голове по поводу тебя.

От этого признания что-то внутри зашевелилось. Наверное, это была та самая мало изученная область, которая находится рядом с тоскливым унынием и называется «бешеная похоть».

— Ты был женат, — выпалила я, чувствуя, как во мне борются сочувствие и ревность.

Рейес удивленно оглянулся:

— Да, был.

Стоять рядом с ним было все равно, что стоять рядом с ягуаром. Правда, с ягуаром из чистого огня. Каждое движение Рейеса казалось подавляюще могущественным, экзотическим, гипнотизирующим... Или так, или у меня овуляция. Наверняка сказать сложно.

— Мне очень жаль, что у вас ничего не вышло. Похоже, она относилась к тебе с большой преданностью, практически поклонялась тебе. А потом что? Взяла и все перечеркнула? Нелепица какая-то...

Мерцающие глаза сузились, словно Рейес не понимал, о ком я говорю.

— О ком ты говоришь?

В яблочко!

— О твоей бывшей жене — Элейн Оук. — Он не ответил, и я добавила: — И мне очень-очень жаль... по поводу всего остального.

Он шагнул ближе.

— Всего остального?

— Ну-у, да... По поводу тюрьмы и все такое...

Меня обдало волной палящего жара, и Рейес подошел почти вплотную.

— Откуда ты берешь эти сведения?

— Я знаю, что такое «Гугл», — огрызнулась я, — и умею пользоваться компьютером.

Рейес опустил голову. На челюстях заиграли желваки.

Я хотела все объяснить, потому что понимала, в чем дело. Ей-богу, понимала.

— В статьях говорилось, что ты сидел в тюрьме за преступление, которого не совершал. Что с тебя сняли обвинения. В сети все выглядит не так уж плохо, честное слово.

Следующим, что отразилось на лице Рейеса, было разочарование. Но я ощутила кое-что еще. Боль. Неужели я его обидела? Очень сомневаюсь, что такого, как Рейес, легко обидеть.

— Тогда во что бы то ни стало, — начал он опасно тихим голосом, — узнай обо мне все, что сумеешь найти в интернете. Ведь все, что там пишут, — чистая правда. Кроме похищений инопланетянами. Это полная чушь.

Отвернувшись, Рейес лег на пол и продолжил заниматься тем, что делают мужчины под раковинами.

Его присутствие отдавалось во мне гудящим эхом, и это эхо пульсировало, как нечто живое, источая смесь страха и желания. Рейес казался таким отчужденным, что по какой-то причине это даже не укладывалось в голове. Но мне нужно было с ним поговорить, а не пытаться его умаслить. Однако хотелось, наоборот, испытать границы дозволенного. Надавить на них. Надавить... на него.

Мне хотелось играть, исследовать, но это означало, что Рейес должен хотеть того же. И все-таки я почему-то опасалась давать ему в руки вожжи, тем самым вручая над самой собой полный контроль. Сейчас не время. Да и не моя это роль. По крайней мере пока. Существует ли способ держать Рейеса на расстоянии, пока я, за неимением более подходящих слов, буду пользоваться ситуацией? Позволит ли он мне так поступить? Захочет ли этого? Или мои поползновения его оскорбят? Если учесть горячий интерес к моей персоне, то, наверное, нет, но точно знать невозможно. Мужчины вообще народ странный. Особенно те, что созданы из закаленной стали, огня и беспросветной тьмы. Ну или те, у которых есть член. Один черт.

Оставив кетчупы заниматься куннилингом без присмотра, я лихорадочно придумывала план. Рейес слишком большой, слишком могучий. Мне его ни за какие коврижки не одолеть и уж тем более не связать. Сомневаюсь, что даже секс в состоянии полностью его отвлечь. Нет. Без веревок точно не обойтись. Мужики же любят такое дерьмо. А еще мне просто-напросто хотелось увидеть Рейеса связанным.

Я присела рядом и стала смотреть, как он работает. Рейес напрягся и перестал

закручивать круглую шуковину вокруг другой круглой шуковины.

— Можно кое о чем тебя спросить?

Не торопясь он вернулся к тому, что делал.

— Я бы предпочел, чтобы ты именно меня и спрашивала, а не лезла в «Гугл».

— Я тебя умоляю! — фыркнула я. — Ты бы не рассказал мне и половины того, что я нашла в сети. И ты сам прекрасно это знаешь.

Спорить он не стал.

— И о чем ты хотела спросить?

— Я бы даже сказала не спросить, а попросить. Но сначала ты должен пообещать, что выполнишь просьбу.

Пригнувшись под шкафчиком с раковиной, Рейес сел и положил руку на согнутое колено. Между нами были считанные сантиметры.

— Я тебе не доверяю.

Эти слова меня удивили. Я недоуменно заморгала. Попыталась понять, с какой стати ему мне не доверять. Это же он напичкан силой по самую макушку, а не я.

— Без обид, но что такого, бога ради, я могу попросить, что для тебя было бы очень трудно исполнить?

На несколько секунд пристальный взгляд остановился на моих губах, а потом вернулся к моим же глазам.

— Ты можешь попросить в подарок мир. И что будет с человечеством, когда я завоюю этот мир и брошу его к твоим ногам?

Я застыла. Рейес говорил абсолютно серьезно, и до меня дошло, что я очень существенно недооценивала его силы. Без сомнений, он не человек, а некое сверхъестественное создание. Но это еще не все. В нем кроется намного, намного больше. Вдохнув его эмоции, я поняла: он не шутит. Он уже завоевывал мир. А может, и не один. В уверенности Рейеса не было ни тщеславия, ни высокомерия. Ни капельки. Подобная уверенность могла исходить только из... личного опыта.

От нового знания меня внутренне затрясло, но не от ужаса с отвращением, как это было бы с любым нормальным человеком, а от упоительного восхищения, которое пронеслось молнией по венам, и план, над которым все это время пухли мои мозги, сформировался сам по себе.

С новообретенной решимостью я посмотрела на Рейеса, но мне все равно нужны были гарантии.

— Если я пообещаю не просить в подарок мир, ты сделаешь так, как я попрошу?

Не сразу, но он все-таки согласился, молча кивнув в ответ. Судя по всему, к своим обещаниям он относится серьезно. И мне это нравится.

Однако, когда дошло до дела, нервы наострились, и я чуть не струсилa в последний момент. Вперед меня толкали только две причины. Во-первых, я отчаянно жаждала ответов. А во-вторых, мне и правда хотелось увидеть Рейеса связанным.

Я жевала губу. Он молча смотрел на меня.

В конце концов, глубоко вздохнув для храбрости, я сказала:

— В общем, я тут подумала... если ты не очень занят прямо сейчас, и если я тебе нравлюсь... в смысле по-настоящему нравлюсь... Короче говоря, может быть, ты хотя подумаешь о том, чтобы разрешить мне тебя связать, ну и... воспользоваться ситуацией по своему усмотрению. Всего на пятнадцать минут.

Бли-и-ин! Да я просто супер в такой фигуре! Надо было в адвокаты податься, ей-богу. Рейес продолжал молчать, поэтому я отвернулась и изо всех сил постаралась не залиться краской по самую макушку. Стыд мне не к лицу.

— Но я пойму, если ты откажешься. Все-таки не каждый день тебя о таком просят...

Поднявшись на ноги, я пошла к выходу из кухни и уже была в шаге от вертящейся двери, как вдруг сильная рука заблокировала мне путь. А я даже не слышала, как Рейес подошел.

Он стоял у меня за спиной, и от его дыхания шевелились волосинки в локоне, который я заправила за ухо, и который наверняка был таким же красным, как и вся я.

— Что будет, когда пятнадцать минут пройдут?

От адреналина по спине побежали мурашки. С Рейеса на меня перетекло мягкое теплое пламя, и несколько секунд я зачарованно смотрела, как оно ласково стелется по моей коже, лишь слегка наказывая за что-то, чего я не могла понять. Сполохи растягивались, словно хотели охватить больше, забраться глубже...

Рейес по-прежнему ждал ответа. Как всегда, я улавливала тысячи оттенков его эмоций, но сейчас все затмевало желание, которое искрящейся яркой вспышкой венчало слепящий свет в совершенно черном океане тьмы. Но сам Рейес даже не шелохнулся и не попытался ко мне прикоснуться.

Может быть, не хотел меня спугнуть. В любом случае, я была этому рада. Если бы он действовал настойчиво, я бы его отвергла. Не потому, что не хотела его внимания. Я хотела Рейеса так же отчаянно, как он хотел меня. Но я ему не доверяла. Точно так же, как он не доверял мне. Не могла я броситься в этот омут с головой. Не могла отдать себя ему целиком и полностью. И уж точно не могла доверить ему свое сердце.

А вот если мы просто поиграем... Никому же вреда от игр не будет, правда?

Я повернулась к Рейесу, не поднимая головы, потому что боялась, что, стоит заглянуть в его удивительные мерцающие глаза, мне крышка.

Одна его рука все еще упиралась в косяк двери, вторую он положил на столешницу, заключив меня в ловушку.

— Что будет, когда пятнадцать минут пройдут? — повторил он бархатным голосом, в котором так и сквозил вызов.

И этот голос затронул во мне что-то глубокое и первобытное. Внутри разразилась борьба. Я была обязана подавить свою реакцию на этого мужчину. Взять себя в руки. Приказать костям не превращаться в желе.

Чтобы взглянуть на Рейеса, пришлось задрать голову, а он и не думал отступать, чтобы мне было удобнее. Что ж, раз он не сдается, я тем более не сдамся.

— Ничего, — ответила я, слегка опьянев от предвкушения, но все же ни капельки не сомневаясь в своем решении. — К тому моменту ты полностью выдохнешься.

От насмешливой ухмылки приподнялся уголок красивых губ, и все нервы в моем теле разом ожили. Рейес только что бросил мне вызов, от которого я не смела отказаться.

— Я не мальчик в пубертате, дорогая. Уверен, что сумею продержаться дольше пятнадцати минут.

— А я не хихикающая школьница. Уверена, ничего у тебя не получится.

Что ж, я бросила ему ответный вызов. Черты лица Рейеса потемнели, и в воздухе заискрило от нетерпения.

Кивнув на стул в углу рядом с разделочным столом, я сказала:

— То, что нужно. Но у меня еще одно условие.

Рейес оглянулся посмотреть на стул, а потом снова повернулся ко мне и вопросительно изогнул бровь.

— Тебе запрещается ко мне прикасаться.

— На пятнадцать минут?

— Ага, на пятнадцать минут.

Мысленно я молилась о том, чтобы мой допрос длился не дольше пяти. А потом можно будет дать деру. Само собой, после поцелуя. Давно пора подкинуть дровишек в мои фантазии. Скорее всего Рейес сумеет освободиться за несчастных пару минут, но я к тому времени буду уже далеко. А с его гневом разберусь завтра. Пусть кому-то мой план покажется стремным и даже жестоким, но Рейес первый начал. Нечего было скрывать от меня, кто я такая. Значит, я имею полное право получить эту информацию любым способом.

Я выволокла стул на середину кухни. Если внезапно нагрянет Дикси, ситуация станет, мягко говоря, крайне неловкой.

— В общем, садись.

Не сразу, но Рейес все-таки сел на стул, хотя по напряженным движениям было ясно, с какой неохотой он все это делает.

— Время пошло?

— Пока нет. Я... — Осмотревшись по сторонам, я заметила кухонный таймер на полке рядом с грилем. — Я заведу таймер.

Сбегав в кабинет Дикси, я взяла пояс с ее плаща, который она хранит здесь на всякий случай, и пулей вернулась в кухню, боясь, что Рейес может передумать. Однако он по-прежнему спокойно сидел на стуле, взявшись за спинку руками.

Осторожно приблизившись, я свела мощные запястья у него за спиной и связала поясом так туго, как только осмелилась. Не хотелось перекрывать ему доступ крови к пальцам, но в приоритете на сегодня было выжить любой ценой. Я продолжала затягивать узлы, пожирая Рейеса взглядом. Мышцы на руках напряглись, превратившись в полотно игры света и тени. От спокойного размеренного дыхания едва заметно приподнимались широкие плечи.

Когда мне показалось, что руки Рейеса связаны достаточно туго, я взяла с полки таймер, завела на пятнадцать минут и шагнула вперед. Рейес смерил меня полным любопытства взглядом.

Несколько секунд спустя я уже сидела на нем, запустив пальцы в густые волосы. Они оказались мягче, чем можно было ожидать. Будто из чистого шелка. Сжав кулаки, я заставила Рейеса поднять голову. Его дыхание участилось, а по венам, разогретая предвкушением, помчалась кровь.

Вжавшись в него всем телом, я поерзала, прямо сквозь джинсы ощущая доказательство того, что Рейес меня хочет. Эта твердость под тканью стала настоящим упоением, словно я умирала от голода, но даже не понимала этого.

От желания внутри меня всколыхнулась энергия. Как огонь, который разрастался вокруг Рейеса, моя энергия требовала выхода. Чтобы ласкать, гладить, воспламенять...

Когда я снова заговорила, голос оказался хриплым и звучал как-то отчужденно, словно издалека. Я уже была там, где так долго хотела оказаться. На вершине мира вместе с Рейесом Фэрроу, который исполнял все мои желания. Однако задумала я нечто непростительное и очень сомневалась, что темное создание, сидевшее сейчас подо мной, готово прощать направо и налево.

— Придется сделать это сейчас. Когда я закончу, ты больше никогда со мной не

заговоришь.

— И почему же?

— Потому что ты очень-очень разозлишься.

— У меня в планах куча всего, но злиться я точно не собираюсь.

Он не угрожал. Это было обещанием. Но я-то знала правду, и правда заключалась в том, что Рейес ошибается.

Наклонив голову, я на несколько секунд остановилась, когда между нашими ртами осталось не больше сантиметра, а потом поцеловала его. Губы Рейеса оказались такими же, как и все его тело. Обжигающе горячими. Он сразу же ответил на поцелуй, и мой язык двинулся исследовать желанные глубины. Пальцы запутались в густых волосах, кулаки сжались еще крепче, словно я боялась потерять связь с реальностью, пока язык Рейеса скользил по моим зубам.

Внутри нарастало тепло, проливаясь прямо в живот, и от этого тепла натягивалась кожа. Казалось, мне в ней слишком тесно...

Может быть, это был мой единственный интим за кучу лет, но я все-таки собрала волю в кулак и оторвалась от Рейеса, чтобы оценить его эмоциональное состояние. Он был таким красивым, что я потеряла несколько драгоценных секунд, потому что не могла отвести от него глаз.

Будто слегка опьянев, Рейес смотрел на меня пристально, как ягуар, готовый броситься в атаку. Что ж, очень скоро ему в сто раз сильнее захочется на меня наброситься, но совсем по другой причине.

Запрокинув голову, я вдохнула прохладного воздуха и спросила:

— Кто ты?

— Я буду тем, кем ты захочешь, — не медля ни секунды, ответил Рейес.

Ну, никто не говорил, что будет легко.

— Нет, — сказала я, потихоньку отодвигаясь. — Что ты за существо? Ты ведь, черт возьми, стопроцентно не человек.

Он застыл, явно поняв, что я задумала, и танцующий на его коже огонь стал еще ярче и горячее. Рейес опустил голову и тяжело смотрел на меня из-под темных ресниц, а в это время живущий внутри него хищник выходил на первый план. Оставалось только молиться, что мои узлы выдержат.

Рейес ни слова не сказал, поэтому я перешла ко второму этапу. Нашла самый большой нож, рискнула подойти так близко, что мне точно несдобровать, если Рейесу удастся освободиться, и приставила лезвие к его шее. Естественно, он понятия не имел, что я бы ни за что на свете не причинила ему боли, но мне нужно было убедить его, что я с радостью это сделаю.

Сдвинув лезвие под подбородок, я подняла голову Рейеса.

— Кто ты?

В мерцающих глазах ярко сиял гнев.

— Фиг с тобой, — процедила я. — Кто я?

— Ты тратишь драгоценное время, Датч. — Он взглянул на таймер. — Через двенадцать минут этой твоей ленточке конец.

— Ты не дал той женщине сказать мне, кто я такая. Не знаю, как и почему, но ты и есть черный дым. Он струится с твоих плеч. Ты — воплощение тьмы и пламени.

— Одиннадцать.

— Сегодня ты меня слышал. Когда время замерло, ты все равно меня слышал. И ты не позволил ангелу меня убить. Зачем ангелу, небесному созданию, желать моей смерти?

— Десять.

— Я вижу то, чего не видят другие. Знаю дюжину языков. И разговариваю с призраками.

— Датч...

— Почему ты постоянно так меня называешь? Меня зовут Датч?

— Девять.

Ничего не получалось. Рейес не верил в мою угрозу. Ни капельки. Или так, или ему вообще плевать на собственную жизнь. Что ж, может быть, ему не будет плевать на мою.

Все сильнее отчаиваясь с каждой секундой, я отошла назад и приставила нож к своему горлу.

Рейес дернул руками, но я постаралась на славу. Так запросто ему не встать.

И внезапно мне стало все равно. Я почти радовалась возникшему оправданию присоединиться к миру призраков. Там не так уж плохо. Если я не была каким-нибудь особенно жутким человеком, то либо окажусь наверху, либо останусь здесь. Меня устраивают оба варианта. Сегодня я получу ответы, даже если придется умереть.

— У тебя будет две минуты, чтобы освободиться и отвезти меня в больницу. Последний шанс. — Я вдавила острие в горло и вздрогнула, когда нож проткнул кожу. Да уж, фигово будет, как ни посмотри. — Кто я?

— Восемь.

Закрыв глаза, я глубоко вздохнула, покрепче взялась за нож и воткнула его себе в горло.

*Отрицание, гнев, торг, депрессия, принятие...
Пять стадий пробуждения.*

Наклейка на бампер

Не вошел нож и на полсантиметра, как меня впечатало в холодильную установку, и что-то крепко сжало горло, перекрыв доступ кислорода. Однако это сделал не человек. Вокруг меня клубился дым. Пусть я ничего не видела, зато отчетливо ощущала на шее руку и прижатое ко мне сильное тело.

Дым растворился, и на его месте материализовался Рейес Фэрроу. Одной рукой он прижимал мою руку с ножом к стене, а другой делал все, чтобы я больше никогда не задыхалась снова.

Наши лица разделяли считанные сантиметры, и в какой-то момент мне удалось заглянуть в невероятные глаза. В глубоких карих омуты сияли золотые и зеленые искорки. На ум пришла пословица «Не все то золото, что блестит». Блестящее не значит хорошее. И Рейес был живым тому доказательством.

Он стиснул зубы. На челюстях заиграли желваки. Но мои мысли до сих пор пытались осознать фишку с дымом.

Кто на такое способен? Кто в этом или потустороннем измерении способен в мгновение ока переходить из одного агрегатного состояния в другое?

Пережив очередную вспышку ярости, Рейес меня отпустил. Я упала на колени и так сильно закашлялась, что меня чуть не вырвало. Нож все еще был в руке, и я инстинктивно покрепче его сжала, хотя уже поняла, что пользы от него никакой.

Рейес отвернулся, и я воспользовалась шансом кое-как подняться на ноги и дать деру. Не оглядываясь, я врзалась в вертящуюся дверь и выскочила в коридор. Без малейших усилий Рейес мог меня поймать, но почему-то даже не двинулся следом. Или ему было наплевать и на мой поступок, и на то, что я могу о нем кому-нибудь рассказать, или он боялся по-настоящему причинить мне вред. Лично я склонялась к последнему варианту.

На следующее утро я проснулась полностью вымотанная. Все тело болело. Как мне вообще удалось уснуть после того, что я видела? Это же нечто невозможное... Немыслимое! Уверена, физика далеко не мой конек, но одно я знала наверняка: то, что сделал Рейес, попирало законы... всего. Природы, науки, человечества. Значит ли это, что все известное нам о нашем мире — ложь?

Мозг пытался осознать случившееся и сделать хоть какие-нибудь выводы. Уже под душем я попыталась ни о чем не думать, но не вышло.

Поскольку домой я убежала без куртки Рейеса, на работу идти было не в чем. Что ж, как

и со многим другим, на помощь должна прийти многослойность. Напялив футболку, я надела поверх нее рубашку на пуговицах и тонкий свитер. А чтобы уж совсем смахивать на капусту, откопала в полупустом шкафу самый огромный свитер и еле-еле в него влезла.

Если уж это не поможет, то других вариантов просто нет.

Взяв сумку, я попрощалась со всеми своими соседями и вышла в мир блестящего льда. Прямо на моем пороге, на крючке, где когда-то звенели китайские колокольчики, висела куртка Рейеса. Видимо, он сам ее принес. А значит, вряд ли так уж сильно зол, раз побеспокоился.

Видя в воздухе собственное дыхание, я спустилась по ступенькам, чуть не оставив зубы торчать в самой последней, и похрустела по корке льда в сторону кафе. Как вдруг через сетчатую дверь разглядела Мэйбл, которая мне помахала.

— Привет, Мэйбл! — крикнула я и внезапно заметила, что моя соседка как-то изменилась.

Может быть, ее что-то расстроило. Даже помахала она мне скорее не в качестве приветствия, а чтобы привлечь внимание. Я осмотрелась по сторонам, подошла к ступенькам Мэйбл и спросила:

— Все в порядке?

Мэйбл кивнула и жестом позвала меня войти.

Сразу скажу, что соседка у меня пребывает на тонкой границе между не самой примерной хозяйкой и настоящей барахольщицей. Повсюду валялись стопки писем и журналов. На полках стояли пластмассовые коробки со всяким «добром», которое Мэйбл хранила то для внуков, то для племянников. В стеклянной витринке, с которой не стряхивали пыль лет, эдак, двенадцать, едва виднелась коллекция старых кукол. На самом деле Мэйбл вовсе не неряха, просто не любит выбрасывать вещи. И не фанатеет от протирания пыли.

Я дождалась, пока она не вставит зубы, а потом вопросительно изогнула бровь.

— Ларингит, — слегка охрипшим голосом ответила Мэйбл на мой молчаливый вопрос.

— Сочувствую.

— Не болит ни капельки, — отмахнулась соседка. — Я должна тебе кое-что рассказать. Ты знакома с Иеремией Кубриком? Это бывший свекор Дикси. Живет чуть дальше по улице возле дома Дентона.

— Не-а, извини, — пожала плечами я. Понятия не имею, что такое дом Дентона.

— В общем, мы с ним сегодня утром эсэмэсились, — тут мне пришлось проглотить удивление, что Мэйбл и какой-то пожилой мужчина «эсэмэсились», — а он у нас, понимаешь, любит приглядывать за окрестностями. У него даже телескоп есть. Короче говоря, он сказал, что вчера вечером видел кого-то у тебя дома.

На этот раз я не стала скрывать удивления.

— И позавчера тоже, — продолжала Мэйбл. — Тебя дома не было, и Иеремия решил, что ты должна об этом знать.

— А он, случайно, не рассмотрел, кто это было? — еле-еле выдавила я сквозь стиснутые зубы.

— Рассмотрел, само собой. Мальчишка Джеффрис, который копом стал.

Так и знала! Наверняка он сделал не один экземпляр ключа.

— Господи, какая же я дура!..

— И вовсе ты не дура. — В качестве наказания Мэйбл стукнула меня по плечу. — Этот

мальчишка слегка с приветом с того самого дня, как появился на свет. В полиции, видать, трудные времена, раз они берут на работу таких, как он.

— Большое спасибо, что предупредила. — Я уже собралась уходить, и тут меня осенило. — Значит, Иеремия следил за моим домом через телескоп?

— Нет, — усмехнулась Мэйбл. — Он хотел узнать, дома ты или нет. Чтобы подловить, как ты по комнатам в одних трусах вышиваешь.

От ужаса из меня против воли вырвался визг:

— Он вуайерист, что ли?!

— Нет, конечно! Эти бродят тайком вокруг домов и заглядывают в окна. А Иеремия заглядывает в окна с расстояния.

Я не знала, что мне делать. Смеяться или бежать в полицию подавать заявление. Впрочем, до заявления бы вряд ли дошло. В конце концов, теперь я знала, кто вламывается ко мне в дом, и даже обзавелась свидетелем. Иеремия Кубрик только что вручил мне необходимые доказательства, чтобы можно было смело пожаловаться на Йена его же начальству.

Впрочем, придется быть начеку. Йен явно не в себе. Максимум, на что можно рассчитывать, — это официальное обвинение в проникновении со взломом. Однако есть шанс, что Йен всего-навсего лишится работы. Тогда придется иметь дело со злющим психопатом, который считает, что у него имеются все права на мою многострадальную задницу.

— Спасибо, Мэйбл. Я знала, что кто-то ко мне вламывался, только не знала, кто именно.

— Ну, теперь знаешь. А еще у Иеремии фотографии есть.

— Серьезно? — Я чуть не сплясала победный танец. — Это мне точно пригодится. Можно как-нибудь раздобыть копии?

— Ясное дело.

— Еще раз спасибо, Мэйбл. Мне пора на работу, но...

Я не договорила, и Мэйбл спросила:

— Что-то не так?

— Говоришь, у него есть фотографии?

— Ага.

— А у него... у него есть мои фотки?

Соседка расхохоталась:

— А откуда, по-твоему, у него новые обои? Кстати, шикарно выглядишь в тех трусах с лифчиком, которые бронзового цвета. Это его любимая фотография.

Елки-палки! Это по всем статьям неправильно! Пора, наверное, вложиться в жалюзи. Но сначала разберусь с Йеном.

Кипя от злости, я ушла и даже не спросила, не нужно ли Мэйбл чего-нибудь принести после работы.

Да как этот Йен только посмел?.. Наглый гад! Казалось, меня изнасиловали, а ведь он ко мне даже не прикасался. То есть прикасался, конечно, но не в этом смысле.

Боберт был детективом. Наверняка сумеет подсказать, как быть и что делать. Наваять заявление — это одно. А наваять заявление на психопата, который еще и коп, — совсем другая история.

До кафе я дошла, не чувствуя от злости холода. Ну и одежек на мне было столько, что не

сосчитать. А сосчитать пришлось, когда я раздевалась на складе.

Едва я вошла через черный ход, меня тут же встретил райский аромат. Причем райский в буквальном смысле. На ум пришло одно слово. И очень может быть, этому слову я по-настоящему поклонялась в прошлой жизни. В этом слове заключалась вся разница между жизнью, наполненной радостью и счастьем, и жизнью по макушку в унынии и мыслях о самоубийстве.

Чили...

Избавившись от большей части верхней одежды, я пошла за стойку включить кофеварку. Куки еще не пришла, иначе кофе уже был бы готов.

Пока я шла к своей цели, из кухни вышел Рейес и прислонился плечом к косяку, тем самым не давая вращаться двери. Я напряглась и глянула на него, но только потому, что совсем не смотреть в его сторону было бы еще страннее.

Вытирая руки полотенцем и глядя на меня горящими от гнева глазами, Рейес поинтересовался:

— Сегодня податься в суицидники не желаешь?

— Может быть. — Ей-богу, у моих действий просто шикарные последствия.

— Ну, я-то хоть имя свое помню.

Я оскорбленно ахнула. Неужели он опустился до того, чтобы ударить по больному месту?

Я шагнула ближе:

— Да неужели? Зато я-то хоть человек!

Наверное, перед тем как такое говорить, надо было осмотреться по сторонам, но Рейес, похоже, не имел ничего против.

Несколько долгих секунд мы играли в гляделки, а потом он потянулся за чем-то в кухню и вручил мне тарелку:

— Веселого Рождества.

Он приготовил омлет и энчиладу с красным и зеленым чили. В рождественском стиле. Рот тут же наполнился слюной. Еще чуть-чуть, и из уголка губ бы потекло.

— Спасибо, — внезапно оробела я.

— Это тоже тебе. — Снова протянув руку за дверь, Рейес сунул мне под нос нож для стейка.

Я нахмурилась. Для энчилады нож мне не понадобится.

— На случай, если захочешь закончить то, что начала вчера.

— То, что нужно, — процедила я и выхватила нож. Еще одно противное последствие в дневник наблюдений.

Честно говоря, мне даже очень хотелось закончить начатое. Просто ужасно хотелось.

Я влюбилась. Хотя еще тридцать секунд назад не понимала, как сильно. А поняла в тот самый момент, когда мои глаза увидели Рейеса. Каким бы сердитым, уязвимым или непостижимым он ни был, от одного его присутствия разжигались кости, а сердце наполнялось теплом и чувством защищенности. Для меня он был как святилище. Как приют во время дикого шторма. За гранью известного и неизвестного, за пределами прошлого и будущего, я знала, что могу на него положиться. Что этот мужчина в нужный момент всегда окажется рядом.

Все это жило где-то в глубине потерянной памяти. Очнувшись в переулке, я знала, как говорить, ходить, искать что-то в интернете. И я очнулась влюбленная, словно эта любовь

была вплетена в мою ДНК. Уже тогда я любила Рейеса Фэрроу. Вот почему меня так к нему тянуло. И ничего поделать с этим нельзя.

Не говоря уже о том, что он спас мне жизнь. А ведь он спас! Не может он быть злым. Тот крылатый ангел совершенно точно хотел меня уничтожить, а Рейес (пусть я и не помню всех подробностей) меня защитил. Не знаю как, но он боролся с небесным созданием. Ради меня. И его даже ранили!

Вот только ангелы тоже не злые. Может быть, все не так просто. Может быть, нельзя все и всех поделить на добро и зло. Может быть, в промежутке существует бесконечное количество серых оттенков.

Но все это не важно. Не важно, кто Рейес такой, откуда пришел и как, черт возьми, превращается в дым. Потому что вместе с огнем, дымом и всем остальным он мой, и точка. Прямо здесь и сейчас, пусть даже молча, я заявляю на него свои права.

— Простите, я опозда...

В кафе замороженным торнадо ворвалась Куки, но, увидев нас с Рейесом, тут же остановилась, деликатно откашлялась и убежала на склад снимать верхнюю одежду. Забрав свои подарки, я продолжила прерванный путь к кофеварке, но не удержалась и попробовала кусочек. Когда Куки появилась снова, я мычала от удовольствия, пережевывая второй кусок.

— Это то, что я думаю?

— Если у тебя на уме обалденная аутентичная энчилада, то да.

— То-то мне показалось, что я запах учуяла. Правда, подумала, что просто размечталась.

— Держи. — Рейес передал Куки еще одну тарелку через раздаточное окошко.

Ошеломленно вздохнув, Куки взяла тарелку с таким видом, словно ей вручили бесценное сокровище.

Так у нас и прошло все утро. Мы обе тайком пробовали кулинарные шедевры Рейеса (само собой, когда он не видел) и обслуживали столики (правда, только потому, что иначе нас бы уволили).

Приходил мистер Пи с мертвой стриптизершей. Заказал, как обычно. Гаррет тоже заскакивал, тоже заказал, как всегда. Почтил кафе своим визитом и Ош. Заказал, правда, то, чего не было в меню, но тут тоже ничего странного. Все остальные места были заняты женщинами. Слова «утренний наплыв» приобрели совершенно новое значение. Видимо, нанять Рейеса и правда было хорошей идеей для бизнеса. Вот только у меня остались ссадины от вчерашней попытки сбежать от безголового всадника и от побега галопом домой сразу после инцидента с Рейесом. Теперь эти ссадины пульсировали и нечеловечески пекли. Однако Дикси была права: парень умеет готовить. Так что парочку ушибов я как-нибудь перетерплю, если взамен буду получать безлимитное количество чили и всего, что к нему причитается.

Когда пришел Боберт, я попросила его разузнать побольше о мистере Йене Джеффрисе. Наверняка я не первый объект его одержимости. Если он и раньше преследовал женщин, должны были остаться какие-нибудь записи, даже если официально не выдвигали никаких обвинений.

А еще я рассказала Боберту о том, как мне перезвонила женщина-агент из ФБР.

— Она настоящий профессионал, — сказал он. — Обещала перезвонить мне, если что-нибудь прояснится.

— А вдруг я все испортила, Боберт?

— Джейни, — он накрыл мою ладонь своей, — ты все сделала правильно. Может быть, тот факт, что ты заметила нечто подозрительное, поможет спасти жизнь целой семье.

В ответ я неуверенно кивнула.

К одиннадцати пришли Фрэнси и Эрин, которым тоже на обед перепало по порции уже знаменитой энчилады. Фрэнси покраснела с ног до головы. Потом еще полчаса у нее из носа текло, но она упрямо держала марку. Чтобы впечатлить Рейеса, само собой.

И все-таки было уже одиннадцать. Мистер Ви должен был позвонить давным-давно. Я все ждала от него заказа, но так и не дождалась.

— Мне нужно передохнуть, — сказала я Куки, которая тоже устроила себе перерывчик и сидела за столиком рядом с Бобертом.

Оба выглядели так, словно только что занимались сексом, но всему виной была энчилада.

Закутавшись в куртку Рейеса, я вышла на улицу и направилась напрямик к магазину мистера Ви, но не прошла и полпути, как заметила на двери табличку. Нет-нет-нет... Это точно не к добру! Практически пробежав оставшуюся половину пути, я прочла надпись: «ЗАКРЫТО. ВЛАДЕЛЕЦ НА БОЛЬНИЧНОМ».

Приклеившись к витрине, я прикрыла ладонями глаза от света. Внутри было темно и пусто. Я отошла на пару шагов и покосилась на химчистку. Если бы бандиты прокопали туннель и что-то украли, разве не торчали бы тут уже патрульные с детективами? Табличка «ОТКРЫТО» сияла, как гирлянда. Из двери на улицу вышла женщина, держа за руку маленького мальчика. В другой руке у нее было платье в чехле. Значит, работала химчистка в обычном режиме.

В мыслях возник план. Я вышла на проезжую часть и стала рассматривать здания. Если я права, то, похоже, все-таки был один вариант пробраться в магазин мистера Ви, не взламывая замки (вряд ли я хороша в этом деле) и не выбивая окна. В последнем я тоже вряд ли профи. В смысле окно-то разбить я сумею, а остаться при этом незамеченной — очень сомневаюсь.

Я бросилась обратно в кафе. Приближался обеденный час пик, так что времени оставалось совсем чуть-чуть. И мне была нужна помощь.

Ужасно не хотелось отрывать Куки от благоверного, но на кону стояли жизни людей. Я практически незаметно кивнула в сторону склада, намекая подруге, где буду ее ждать. Куки сощурилась. Я кивнула еще раз, теперь уже заметнее. Она покачала головой и пожала плечами.

— Милая, — пришел на подмогу Боберт, едва сдерживая смех, — если ты сейчас же не пойдешь за ней на склад, она тебя точно стукнет.

Наверное, не надо было гримасничать прямо возле их столика.

Подарив Боберту на прощание затяжной поцелуй (не многовато ли нежностей на публике?), Куки пошла за мной в мой первый дом вдали от настоящего дома.

— Что такого секретного ты не можешь сказать мне в присутствии Боберта?

— Мне нужна твоя помощь, чтобы кое-куда проникнуть, ну или вломиться.

— Я, конечно, не против, но вряд ли смогу помочь. Ломать — это я легко, а проникать — совсем не моя история. Особенно если речь о крышах и веревках. Пардон, но тут я пас.

— Да тебе придется всего-то постоять на стреме.

— А! Это я могу, да.

Мы зашли на склад и закрыли за собой дверь.

— Стресс мне гарантирован? — уточнила подруга.

— Может быть. И мне скорее всего понадобится твой телефон.

— Сомневаюсь, что переживу еще один стресс на данном этапе жизни.

Я как раз занималась тем, что изо всех сил задвигала здоровенную полку в угол, примыкающий к магазину мистера Ви. Наверху была панель доступа к системе отопления и кондиционирования. Если я права, то эта система была общей и для кафе, и для антикварного.

— Ерунда. Ты как чай. Чем горячей вода, тем тебе привычнее. Или что-то не так?

— Даже не знаю. Просто как-то все сразу навалилось. Новый город, новый дом...

— Новая подруга, которая видит призраков.

Пока Куки придерживала полку, чтобы не шаталась, я забралась наверх и сняла панель доступа.

— А вот и нет. Ты — самое лучшее во всей это кутерьме.

— Спасибоочки. На телефон-то поглазеть можно?

Куки протянула мне свой сотовый.

— В том-то и беда, понимаешь? Все вроде бы замечательно. У меня классный муж, классный дом. Мне нравится это место. В смысле город ведь и правда очень красивый.

— Согласна. — Я включила фонарик в телефоне. За панелью открывался доступ к проводам и противопожарной системе. Подвесной потолок был сделан из деревянных досок и гипсокартона. Оставалось придумать, как подняться выше. Я начала складывать сверху на полке ящики в виде лестницы. — Но любые перемены, даже если они к лучшему, отражаются на наших телах и умах.

— Есть такое дело. Минуточку! Забыла спросить. Зачем ты все это затеяла?

— Мистер Ви ушел на больничный.

С помощью фонарика я осмотрела открывшееся пространство и нашла что-то вроде зазора между кирпичами метрах в пяти от меня.

— Не думаю, что мы должны пользоваться его болезнью, чтобы вломиться к нему в магазин.

— Он тот самый человек.

— В каком смысле?

— Именно о нем я рассказывала Боберту. Его держат в заложниках.

— Джейни, ты серьезно? — тут же всполошилась Куки. — И зачем тебе залезать к нему в магазин?

— Мне нужно собственными глазами увидеть, чем конкретно занимались бандиты. — В высоту лаз был не больше полуметра. Не так уж просто двигаться в пространстве, которое само по себе вызывает клаустрофобию. — А еще надо выяснить, где находится хижина мистера Ви. Ты, случайно, не в курсе?

— Понятия не имею, что там делали бандиты, но за мистера Ванденберга переживаю ужасно.

Я поставила колено на одну доску, руку — на другую и стала пробираться вперед со скоростью улитки. Да уж, так я и полпути не проползу, а перерывчик уже закончится.

— Я не об этом. Ты, случайно, не знаешь, где находится хижина?

— Нет, но Боберт может поискать по своим каналам.

И то правда. Об этом я не подумала. Зато доползла до зазора, который, к сожалению, в ширину оказался размером с кредитную карту. Смахнув с лица паутину, я, тем не менее,

стала протискиваться дальше. С задницей пришлось туго. Чтобы протолкнуть ее, понадобилась уйма времени. И столько же извиваний. Потолок мистера Ви был точно таким же, как в кафе, но панель доступа, слава богу, оказалась ближе к зазору.

До меня доносился приглушенный голос Куки, но я не отвечала. Во-первых, я едва понимала, что она говорит, а во-вторых, не хотелось кричать, чтобы меня ненароком кто-нибудь не услышал. Судя по всему, зазор находился где-то над кабинетом Дикси. Вряд ли ей понравится, что я ползаю у нее над головой.

По-пластунски я добралась до панели мистера Ви, стараясь не обращать внимания на боль в коленях и ребрах. Кто же знал, что края деревянных досок могут быть такими острыми? Сдвинуть панель оказалось не так просто, как я планировала, но в конце концов мне удалось подсунуть под край ногти, и я осторожно приподняла уголок.

В магазине по-прежнему было темно, поэтому я тихонько сняла панель и отодвинула в сторону. А потом, с ловкостью пьяного ниндзя, просунулась вниз сквозь открытое отверстие. К сожалению, никаких полок под панель мистер Ви заранее не поставил, поэтому спокойненько спуститься было невозможно. Пришлось прыгать и лететь несколько метров. Как только мои ноги приземлились на пол, я глянула вверх и задумалась, каким макаром мне теперь возвращаться назад.

Что ж, волноваться об этом буду, когда выясню, что задумали бандиты. Освещая себе путь фонариком в телефоне Куки, я стала пробираться между антиквариатами всех форм и размеров. Слишком много здесь было хрупких вещей, и мне в такой обстановке было очень и очень не по себе.

На столе мистера Ви стоял подсоединенный к удлинителю плазморез. Или им уже пользовались, или планировали использовать в ближайшее время.

Наконец я нашла дверь в задние помещения и открыла ее, затаив дыхание. Если бандиты оставили здесь кого-нибудь в качестве охраны, мне крышка. Что ж, с этим жить можно. К счастью, в комнате оказались только я и огромная дыра.

Весь пол был раскурочен. Вот прямо весь. Комнатка была маленькая, размером с чулан. Видимо, бандитов чуточку занесло. Однако беспокоил меня не пол, а черная дыра прямо посередине. Еще один мизерный лаз. Лучше не придумаешь.

Встав на четвереньки, я посветила в дыру фонариком, как вдруг раздалось низкое рычание. Кто-то рычал прямо мне в левое ухо.

Я медленно повернулась и уставилась в оскаленную пасть. Это была немецкая овчарка Ванденбергов. Еще раз зарычав, пес клацнул зубами. Ну разве он не прелесть?

— Привет, красавец, — сказала я ему. Он и правда был великолепен. — Ты самый-самый неотразимый на свете!

Пес продолжал рычать, но я все равно погладила его по голове. Рычание превратилось в скулеж, и вместо того, чтобы обглодать мне лицо, пес лизнул меня в щеку. Мы немножко покатались по развороченному полу, а потом я спросила:

— Ты знаешь, чем тут занимались плохие дяди?

Он гавкнул и заскулил, словно извинялся.

— Ничего, милый. Ты не виноват. Мы с тобой вместе все выясним, договорились?

Пес снова гавкнул, а я взяла телефон Куки и полезла в кроличью нору.

*Не понимаю, в чем именно у тебя сдвиг по фазе,
но твоя преданность сумасшествию восхищает.*

Надпись на футболке

Туннель, ширины которого едва бы хватило для одного относительно рослого мужчины, тянулся всего метра на три в длину и заканчивался под еще одной кроличьей норой. Как я и предполагала, подкоп делали именно в химчистку.

Потянувшись вверх, я нащупала гладкую поверхность прохладного металла. Так вот зачем нужен плазморез! Только так бандиты могли проникнуть внутрь. На ум тут же пришли два вопроса. Зачем в химчистке устанавливать металлический пол? И что могло храниться в таком помещении?

А вдруг это какое-то хранилище? Если так, то оно огромное, как в банках. А может, это и не хранилище вовсе, а безопасная комната. Или старое бомбоубежище. Впрочем, металл блестел серебром, значит, вряд ли был слишком старым.

Когда я стала пробираться обратно, ПВ (для краткости от «пес Ванденбергов», раз уж клички я не знала) снова заскулил, полез по грязи вперед и буквально выскочил наверх в магазин. Мне, конечно, выскочить не светило, поэтому пришлось подтягиваться с помощью всех запасов сил, которыми наградил меня Господь. Помогло и то, что я вцепилась в дверные косяки. Да уж, мои ногти никогда не станут прежними...

В надежде найти хоть какую-нибудь подсказку, где может находиться хижина мистера Ви, мы с ПВ обыскали стол, но все без толку. Тогда я стала внимательно рассматривать фотографии, вспоминая замечательных детей мистера Ванденберга и пытаюсь заметить номер дома или хотя бы название улицы. Тоже безрезультатно. К сожалению, я плохо знала окрестности, так что ничего знакомого на фотографиях не находила. С тем же успехом их могли сделать в Непале.

Признав тщетность усилий, я достала один снимок из рамки и провела пальцами по лукавым детским лицам, потом сложила фотку пополам и засунула в задний карман. Пришел черед следующего испытания — подняться к панели доступа. Решение появилось в виде огромной высокой лестницы, которая выглядела так, словно может опрокинуться в любой момент. С трудом подтащив ее под панель, я полезла наверх точно так же, как лезла бы на собственную казнь. Медленно и неохотно.

Добравшись до последней перекладины, я схватилась за край лаза и поняла, что придется подпрыгнуть. Причем со всем усердием. Лестница наверняка упадет, но выбора не было. Ни за какие коврижки мне не хватит сил подтянуться наверх с такого расстояния.

— Пока, милый, — попрощалась я с ПВ.

Он гавкнул и исчез сквозь старый сундук, стоявший у противоположной стены.

Помолившись в последний раз, я изо всех сил оттолкнулась от лестницы и самым усердным образом стала подтягиваться выше. К сожалению, моих сил тут явно будет недостаточно. Я слышала, как лестница рухнула на миллиарды хрупких вещичек. Мистер Ви меня убьет. Теперь к больничным счетам добавится длиннющий список антиквариата. Не

видать мне телефона. Еще и руки начали трястись.

Услышав лай над головой, я увидела стоявшего наверху ПВ. Он вилял хвостом, словно мы играли в какую-то игру. Вот только мои руки готовы были сдаться. И тут ПВ схватил меня зубами за футболку на плече и потянул.

Вместе у нас все получалось! Медленно-медленно, но я все-таки поднималась выше, пока не сумела сама себя втянуть в лаз. Зачем, бога ради, люди делают километровые потолки?

Обратно я ползла так быстро, как только могла, страшно боясь по пути провалиться сквозь потолок. Трясущиеся руки усложняли задачу, как и разыгравшийся ни с того, ни с сего ПВ. Короче говоря, последовавшая за этим цепь событий стала результатом сочетания нескольких ключевых факторов, одним из которых было полнейшее отсутствие физических сил. Несмотря на всю мою осторожность, я все-таки провалилась сквозь потолок. Знаю-знаю! Надо было заранее просчитать такую возможность.

А ведь еще чуть-чуть, и все бы прошло без сучка, без задоринки!

Частично я грохнулась на подставленную под панель полку, а частично (то бишь задницей) — нет. Дальше меня ждал крутейший трюк с верчением. Это я поняла потому, что потолок то появлялся в поле зрения, то исчезал. После чего я шмякнулась физиономией прямо в линолеум.

— Джейни! — взвизгнула Куки и бросилась ко мне. — Господи! Ты жива?!

— К-кажется, да.

Я поморгала и попыталась наполнить легкие воздухом, но они отказывались наполняться больше, чем на четверть. Ну, пока сойдет и так.

Куки помогла мне подняться и отряхнуться, а потом мы одновременно развернулись и утащились на дырку в потолке.

— Думаешь, Дикси заметит? — спросила я.

Не такая уж и большая была дыра. К тому же прямо рядышком с той, что закрывалась панелью. Дикси ведь может сделать таких две, правда?

— Можно как-нибудь прикрыть, — сказала Куки, поддаваясь панике.

— Шпаклевки понадобится до черта.

— Да нет, полками.

— Отличная мысль!

Мы стали двигать одну полку за другой, пока все они не оказались под дыркой.

— Ну вот, — сказала я, оценивая наши труды, — если стоять вот здесь, прямо на этом самом месте, то никто ничего и не заметит.

— Отстой, — внезапно поникла Куки.

— Не переживай, солнце. Я за все заплачу. Дикси не будет бушевать.

— Может, Роберт сумеет все починить. Можно предложить его услуги взамен на то, чтобы нас не уволили.

— Ну уж нет, Кук. Я не дам тебе взять всю вину на себя. Я заварила кашу — мне и расхлебывать.

— Дай я хотя бы попробую. Напишу ему сообщение. Если он еще здесь, то придет и посмотрит, что к чему. Где мой телефон?

Я похлопала себя по передним карманам. По пустым передним карманам. Глаза распахнулись, а в позвоночник лазером ударил страх. Неужели я оставила телефон где-то в магазине? Не помню, хоть тресни!

— Джейни, — вернула меня в реальность подруга.

Ну как так можно? Как?!

— Ох ты ж блин... Нет, Джейни, нет-нет-нет! Ты же не оставила мой телефон там, где его в любой момент могут найти террористы?!

— Кук, я никогда не говорила, что они террористы.

Я похлопала себя по задним карманам, и пальцы наткнулись на что-то квадратное. Я чуть не грохнулась на пол от облегчения, вот только падений на сегодня с меня было достаточно, поэтому я просто широко улыбнулась.

— Ну слава богу, — выдохнула Куки.

Передавая ей телефон, я сделала вид, будто не замечаю разбитого экрана.

— Ну и ну, — протянула подруга.

— Чутьочку скотча — и будет как новенький. Сама не отличишь.

Она честно пыталась не рассмеяться и в итоге смешно фыркнула.

— Прости, Кук.

— Джейни, ты всерьез думаешь, что меня волнуют такие мелочи?

— Ага.

— Ну, они меня волнуют, конечно, но только если речь не идет о твоей безопасности. Мой телефон смягчил твоё падение.

— Вообще-то, моё падение смягчило моё же лицо.

— Не зря хоть все это затевалось?

По пути к выходу со склада я успела рассказать подруге все, что сумела выяснить, открыла дверь и уставилась на море голов.

Сразу за порогом стояла Дикси. С Рейесом, Бобертом, Гарретом, Льюисом и Суми, хотя голову последней я не видела. Только макушку. Все они стояли в крошечном тесном коридоре, как сардины в банке. Ош тоже там был, только стоял чуть позади с фирменной ухмылочкой. Видимо, он самая хитросделанная сардина из присутствующих сардин.

— Неужто погромче нельзя? — съехидничала Дикси.

— Ну-у, мы могли бы постараться... — протянула я и беспокойно нахмурилась. — Во всем виновата только я. Куки тут вообще ни при чем.

Кусая губу, подруга встала у меня за спиной.

— Еще как при чем. Я все придумала.

— Ничего подобного.

— Подобного чего.

Я смирившая ее сердитым взглядом:

— Кук...

— Мать моя женщина! — ахнула Дикси, заметив потолок, и зашла на склад.

— Это я просто упала, — затараторила Куки. — Дичь, конечно, но правда.

Дикси обернулась и посмотрела на... Рейеса?! И не просто посмотрела, а как-то осуждающе и с надеждой, что ли.

Он кивнул, и начальница просияла. Прямо как ясное солнышко.

— Ну, ничего страшного, — сказала она, выпроваживая нас со склада. — Такое случается сплошь и рядом. Починим — сами глазом моргнуть не успеем. С Гербом Вассерманом никакой мастер в городе не сравнится.

Мы с Куки обменялись озадаченными взглядами.

То есть нет. Это у меня взгляд был озадаченный, а у Куки — ни капельки. Она испытала

облегчение, но точно ни на йоту не удивилась.

— Бывают в жизни странности, — сказала она Дикси.

Дикси кивнула:

— После шторма в двадцать втором пострадало множество домов. До сих пор вот последствия.

В каком? В двадцать втором?

— В смысле в восемьдесят втором? — уточнил Боберт.

— Ну да, — усмехнулась Дикси. — Вечно даты путаю. За работу, девочки. Мы по швам трещим.

С этими словами она практически вытолкала нас с Куки в зал. Все остальные либо вернулись к работе, либо спокойно уселись за свои столики. Эрин и Фрэнси испепеляли нас взглядами. С обеденной толпой им пришлось справляться без нас, и, судя по всему, радости им это не приносило никакой.

Засунув в карман прихваченные со склада ключи, я занялась делом. Дикси была права. Кафе трещало по швам.

Моей первой остановкой стал столик, за которым сидела одна белая женщина. Наверное, пришла поесть и поглазеть на шоу. Если Рейес научится стриптизу, мы все будем обеспечены до конца своих дней.

— Привет. Принести вам чего-нибудь попить?

Женщина взглянула на меня, и на какую-то долю секунды в ее взгляде отразилось узнавание. Но я уже научилась держать надежды в узде. Всем, кто видел меня по телику, я кажусь знакомой.

— Привет, — отозвалась гостья, быстренько смерив меня пристальным взглядом.

Каштановые волосы коротким каре обрамляли красивое овальное лицо, а темно-синий костюм говорил больше любых слов. Эта женщина из важных персон. Ей-богу, она могла бы зарабатывать на жизнь складыванием бумажных самолетиков, но в таком костюме она может убедить кого угодно в чем угодно.

— Классный костюмчик, — сказала я. — Ну так как насчет попить?

Гостья изобразила благодарную полуулыбку, но в эмоциональном плане я уловила от нее нечто вроде... облегчения, что ли.

— Пока только воды, если можно. И кофе.

— Вот эта девушка мне по душе!

Не успела я отойти от столика, как в кафе вошла (точнее ввалилась со спотыканиями) блондинка, с которой я познакомилась вчера, и упала за тот же столик напротив моей гостьи. Оставалось только надеяться, что они знакомы.

— И снова здравствуйте! — поздоровалась блондинка, чьи волосы слегка растрепались, а щеки ярко разругались. — Ну и погодка!

— Это точно. Как ваш отпуск?

— Знакомьтесь, это Кит, — сказала она вместо ответа.

Усмехнувшись, я потянула руку:

— Привет, Кит.

— А я Джемма.

— Я помню. — У Джеммы явно проблемы с головой. — Чего-нибудь попить?

— Ага.

Я стояла и ждала уточнения, и Джемма вдруг подскочила, словно ее удивило само мое

присутствие.

— Ах да. Ну да. — Она полистала меню. — Может быть.... — Постучала пальцами по столу. — Даже не знаю... — Прикусила губу. Решение-то важное, елки-палки! — Кофе?

— Отличный выбор, — подытожила всю эту катавасию я и умчалась, пока Джемма не передумала.

Все это время я ощущала горячий взгляд Рейеса. Что ж, лучше пусть он смотрит на меня, чем на Фрэнси. На сегодня это стало моим девизом.

На обед пришло еще больше людей, чем вчера, а ведь Рейес работает всего второй день. Я даже подумывала потребовать у Дикси нанять еще официантов, но, поскольку я проломила ей потолок, вряд ли будет разумно сейчас чего-то требовать. Придется потерпеть.

Рейес испепелял меня взглядом, но лично проследил, чтобы я поела. Фрэнси флиртовала без зазрения совести, да так, чтобы я обязательно это заметила. Эрин периодически бросала на меня гневные взгляды и... снова бросала гневные взгляды. Куки удалось «оскорбить» всего лишь одного клиента, но здесь не было никакой пикантной подоплеки, как обычно у нее бывает. А вот Льюис... Льюис был влюблен. Шайла должна была прийти только в пять, но я заметила, как он считает время поминутно. От радости за них обоих левый желудочек моего сердца готов был взорваться миллионами крошечных сердечек.

Когда до конца смены оставалось полчаса, я пошла в кухню узнать, как там Льюис. Но не успела сказать ни слова. На меня взглянул Рейес и проговорил:

— Надо же! Прошло почти семь часов, а ты все еще жива. Я впечатлен. Думал, к этому моменту ты потеряешь всякую надежду на лучшее.

Демонстративно вздохнув, я развернулась на пятках и ушла. Правда, недалеко — в кабинет Дикси. Сама она якобы двинула в банк, но я была уверена, что начальница просто-напросто весело проводит время с бойфрендом, которого держит где-то взаперти. В общем, я решила еще разок позаимствовать пояс от ее плаща.

Свернув пояс в шарик и затолкав его в джинсы сзади, я направилась на поиски жертвы и ворвалась в кухню с такой скоростью, что дверь срикошетила и чуть не расплющила мне лицо. Чудом удалось поймать ее в последний момент.

Рейес изогнул бровь. Я подошла прямо к нему и стала толкать, пока мы не оказались между разделочным столом и подсобкой. Здесь была хоть какая-то иллюзия того, что мы наедине. Я продолжала толкать Рейеса, пока он не врезался спиной в стену. В глубине темных глаз искрилось любопытство, которое разгорелось еще ярче, когда я достала пояс и начала связывать Рейесу руки практически у него под носом.

Пока он на меня смотрел, под мою одежду забрались язычки пламени. Интересно, он это нарочно? Может ли он контролировать жар, который сам же и производит, и энергию, которую излучает каждой порой?

Рейес, конечно, высокий, но не настолько, чтобы испытывать неловкость. Тем не менее, я поставила перед ним подставку, на которой обычно стоит во время работы Суми. Теперь мы были почти лицом к лицу. В поразительных глазах сияли одновременно веселье и интерес.

Обняв Рейеса за шею, я его поцеловала. Он и не думал возражать. Началось все сладко и чувственно, но очень быстро поцелуй стал таким страстным, что я не смела и мечтать. Мгновение спустя его руки освободились и обвились вокруг меня. Не знаю как, но Рейесу удалось поменять нас местами, поэтому теперь я прижималась спиной к стене, но по-

прежнему стояла на подставке.

Взяв меня за подбородок, он поднял мою голову и стал осыпать горячими поцелуями шею. Шумно выдохнув, я запрокинула голову еще дальше, чтобы ему было удобнее. Вслед за губами на коже оставалось тепло. Я сгребла густые волосы в кулаки, прижимая Рейеса ближе и молча умоляя не останавливаться.

— Извини, Датч, — сказал он и сделал прямо противоположное.

В знак протеста все тело заныло.

— За это.

Я думала, он извиняется за то, что остановился. Но на самом деле извинялся он за почти незаметные следы, которые остались у меня на шее. Наверняка их просто так было не разглядеть, но Рейес провел пальцами по тем, что явно видел. Эти простые прикосновения породили самые чувственные ощущения, которые я когда-либо испытывала. И эти ощущения стрелой промчались по спине и скопились где-то между ног.

С трудом, но мне все же удалось сосредоточиться на лице Рейеса. На красивых чувственных губах. Он стиснул зубы и почему-то стал очень серьезным.

— Я заявляю на тебя свои права. — Знаю, звучит глупо, но мне было наплевать. Коснувшись пальцами его губ, я добавила: — Теперь ты мой.

— Я всегда был твоим. Лучше расскажи, как там поживают твои суицидальные наклонности.

Еще крепче стиснув его шею, я ответила:

— Все это не имеет значения.

Одной рукой Рейес обнял меня за талию. Вторая все еще лежала на моих ребрах.

— Имеет, если ты это всерьез. А вчера ты была очень серьезна.

— Временное помешательство. Уже все прошло.

— Даешь слово?

— А если я скажу «крест на пятке, и провалиться мне на месте»?

Он прижал меня к себе.

— Только если в следующий раз ты дашь мне себя связать.

Прозвучало это гораздо заманчивее, чем я ожидала.

— Ну, тогда даю слово.

Откуда ни возьмись возникла Дикси, и я застыла, словно меня застучали на переменке в обнимку с квотербеком.

— Что я на этот раз пропустила? — спросила начальница.

— Она его связала, — трагическим тоном отозвалась Суми, в уголке губ которой поблескивала слюна.

— Джейни, может, прекратишь связывать моего повара и вернешься к работе?

Шепотом извинившись перед Рейесом, я промчалась мимо него и вылетела за дверь, по пути бормоча извинения в адрес женщины, которая выдает мне зарплату. Все пятьдесят шесть баксов за смену.

К концу смены я с ног до головы гудела от волнения. Рейес — мой. Весь, целиком и

полностью. Пришлось даже себя ущипнуть. Залезая в его куртку, я поняла, что убила бы за возможность провести с ним остаток дня, вот только было еще одно место, которое просто умоляло, чтобы в него вломились. Плюс у меня имелись ключи.

— Что готовишь? — спросила я у Рейеса перед уходом.

Официально его смена тоже закончилось, но, похоже, ему обладать как нравился сам процесс готовки, да и вообще, ему явно не по душе сидеть без дела.

— Посоле^[11], - ответил Рейес с кривоватой ухмылочкой, от которой мои коленные чашечки тут же сдвинулись.

Его руки были заняты нарезанием овощей, поэтому я поднялась на цыпочки и прошептала ему на ухо:

— Ты точно пытаешься проложить путь к моему сердцу через желудок.

— И как? Получается?

— Еще бы.

С этими словами я прильнула к его губам, а мгновение спустя подпрыгнула и развернулась, услышав звон разбившейся тарелки. С отвисшей от шока челюстью в кухне стояла Фрэнси. Смутившись, она отвернулась и выскочила за дверь.

— Вот гадство, — выдохнула я. — Пойду, поговорю с ней.

— О чем? — поинтересовался Рейес, и от того факта, что его недоумение было искренним, я упала в пропасть под названием «Схожу с ума от Рейеса» чуточку глубже.

— Ты хоть представляешь, как действуешь на людей?

Он пожал могучими плечами:

— Догадываюсь. Но что такого ты можешь ей сказать, чтобы ей полегчало?

Что ж, тут он прав.

— Понятия не имею, но надо хотя бы попробовать.

На лице Рейеса отразилось нечто вроде изумления.

— А ты все такая же...

— Какая? — не удержалась я, когда он не договорил.

— Слишком заботливая. Даже по отношению к тем, кому на тебя плевать.

— Ты явно плохо меня знаешь. Недавно я купила «ролексы» у парня по имени Скутер прямо на парковке «Уолмарта». Оказалось, часики подделка. Так вот, теперь этот Скутер мне даже не нравится. Можешь поверить на слово.

Рейес определенно старался не улыбнуться, но на правой щеке все равно появилась ямочка.

— А если бы он попал в беду и ему понадобилась бы твоя помощь?

— Ну, тогда бы я, наверное, помогла. Но только с условием, что он вернет мне деньги. Два бакса, знаешь ли, на дороге не валяются.

Рейес тихо рассмеялся, и в этом смехе я расслышала сочетание удивления и восхищения.

Что тут скажешь? Мне понравилось.

— Фрэнси, мне очень жаль, — сказала я, едва войдя на склад. — И в мыслях не было

устраивать представление у тебя на глазах. Честное слово.

— Можно подумать, мне не все равно! — фыркнула она и, закончив красить губы блеском, направилась к двери. — Я могу хоть семь раз в неделю бегать на свидания с разными парнями, если захочу.

Так и подмывало уточнить «Если захочешь податься в проститутки?», но вслух я сказала:

— Я знаю. И я правда не хотела, чтобы все так получилось.

Вот только Фрэнси уже ушла.

Когда она увидела нас с Рейесом, я ощутила, как в ней вспыхнула боль. Клянусь, мне вовсе не хотелось так с ней поступать.

Оказалось, что в паре метров от меня стоит Эрин.

— Ты прямо-таки сеешь вокруг себя добро.

— Могла бы, — огрызнулась я. — А впрочем, какого черта, Эрин? Ну отняла я у тебя несколько дополнительных смен. Что тут такого? Вряд ли ты смогла бы каждый день пахать в две смены.

— Ты думаешь, я поэтому видеть тебя не могу? — процедила она.

— Ну, как бы, да.

— Глупости тебе не занимать.

Эрин уже собиралась уйти, но я успела шагнуть вперед и спросить:

— Тогда в чем дело? Чем я тебе насолила?

Раздраженно вздохнув, она повернулась ко мне:

— Как-то в детстве я ходила на ярмарку и совершенно случайно попала на сеанс к гадалке по руке.

От упоминания этой гадалки во мне зазвенела тревога.

— Она сказала, что у меня будет трое детей, и все трое умрут, не дожив и до одного года.

Звон стал громче.

— Первый умрет, когда земля станет водой. Пять лет назад после страшного наводнения умерла Хейли. — Эрин шагнула ко мне. — Второй умрет, когда разобьется сердце моей матери. Кэрри умерла сразу после того, как у мамы был обширный инфаркт.

— Эрин, это же не значит, что...

— Третий умрет, когда появится девушка без прошлого. Без прошлого, понимаешь? Я думала, это невозможно. У всех ведь есть прошлое. Думала, наконец-то я могу стать матерью. Но нет же! Явилась все-таки женщина без, мать ее, намека на прошлое!

С этими словами Эрин развернулась и ушла. А я стояла в полнейшем шоке и не знала, куда вдруг подевался весь воздух. Хуже не придумаешь.

Я обязана выяснить, что происходит. И нужно сделать это как можно скорее. А потом выслежу ту гадину-гадалку и спрошу у нее, как ей спится по ночам после того, как она рассказывает маленьким девочкам всякие ужасы. Да кто в здравом уме такое творит?

Забрав пару сэндвичей, я второй раз за день поздоровалась с мистером Пи и

стриптизершей, которые пришли то ли на поздний обед, то ли на ранний ужин, и направилась домой. Ясное дело, за мной тут же увязались безголовый всадник и его верный конь. Пришлось делать вид, будто я не замечаю ни животного весом в полтонны, ни сидящего на нем парня без головы. Не хотелось обзаводиться новыми ссадинами.

— Я так могу до посинения, — заявил чувак на идеальном английском. — Буду таскаться за тобой повсюду и регулярно парить тебе мозги. Кстати, ты в курсе, что за тобой следит старикан с телескопом?

Как, черт возьми, он вообще разговаривает? Да и речь у него оказалась гораздо современнее, чем можно было ожидать. Если он и есть чувак из рассказа мистера Ирвинга, то к современной жизни приспособился на «отлично».

— А ведь я не шучу. Повторяю: до по-си-не-ни-я.

В конце концов я остановилась, но не повернулась. Не было ни малейшего желания смотреть на того, у кого нет головы. Даже на призрака.

— Слушай, я не сомневаюсь, что твоя история — одна сплошная трагедия, но я честно не знаю, где твоя голова.

Парень расхохотался:

— С этим у меня проблем нет. Может, все-таки повернешься?

С неохотой дегустатора, служащего у короля, которого все ненавидят, я развернулась и уставилась на черные сапоги.

— Подними голову.

Я рискнула посмотреть выше, на черные штаны.

— Еще немножко.

Собравшись с духом, я посмотрела туда, где должна быть голова. Ну или где все нормальные люди ожидают увидеть голову. И вдруг поняла, что говоривший со мной чувак был даже не в плаще, а в пальто.

— Блин, это же костюм! — дошло до меня. И почему я раньше об этом не подумала?

— Ага.

— То есть тебе не нужно, чтобы я искала твои куда-то запропастившиеся части тела?

— Ты прямо-таки сама напрашиваешься. Ты хоть раз в жизни общалась с мужчинами?

— Ладно-ладно, извини. Так почему ты за мной таскаешься?

— Во-первых, потому, что ты та, кто ты есть, а во-втор...

— Минуточку! Ты знаешь, кто я?

Парень призадумался.

— Ну, не совсем. Я знаю, что ты видишь таких, как я.

— Есть такое дело. — Я подошла ближе и обняла лошадку, а потом опять пошла в сторону сарая, где живет Джеймс. — Что там во-вторых?

— Во-вторых, мне нужно, чтобы ты оказала мне услугу.

Всю дорогу «безголовый» всадник шел за мной и рассказывал, что именно ему нужно. Поэтому уже у картонного дворца Джеймса я знала, что парня зовут Генри, и что он был актером. Пару лет назад на Хэллоуин они с друзьями воссоздавали сцену из «Легенды о Сонной Лощине». Генри с лошадкой, которую звали Сила Шторма, погибли, когда под ними рухнул мост. Они упали в ледяную воду, и Генри не смог выбраться из костюма. Сила Шторма сломала при падении шею. Генри утонул. Их смерть стала трагическим несчастным случаем. Вот и все.

— Это ужасно, — сказала я.

Странно, наверное, но Силу Шторма мне было чуточку жалче, чем парня. Поддавшись нахлынувшим чувствам, я снова ее обняла.

— В общем, можешь кое-что для меня сделать?

— Попробую.

— Костюм создал мой лучший друг, и теперь он винит себя в моей смерти.

— Да откуда же ему было знать?

— Вот именно. Я хочу, чтобы он понял, что ни в чем не виноват. И что со мной все в порядке.

Вряд ли я могу так запросто появиться перед этим парнем и сказать, что с его другом Генри все путем. Очень сомневаюсь, что мне вообще поверят.

— Может, я ему письмо напишу?

— Честное слово, мне без разницы, как ты это сделаешь. Дела у него совсем плохи. Он должен знать, что я ни в чем его не виню.

— Что-нибудь придумаю. — Сила Шторма фыркнула и ткнулась в меня носом, когда я перестала гладить ее по шее. Я рассмеялась и спросила: — Что-то еще?

— Ах да! Чуть не забыл. Прекрати встречаться с этим своим копом.

— Чего? — удивилась я. — Это еще почему?

— Он мне не нравится. И никогда не нравился.

Что ж, это я могла понять.

— Я не встречаюсь с Йеном, так что можешь не волноваться.

— Ага, — усмехнулся Генри, — то же самое говорила и предыдущая девушка.

— Какая девушка?

Сила Шторма встала на дыбы. Я ахнула и шагнула назад, в очередной раз поражаясь тому, какая она потрясающая.

— Тамала Драйер, — ответил Генри, развернув лошадку и направив ее вперед. — Найди о ней все, что сможешь!

— Да подожди ты хоть минутку! Почему ты вчера дал мне убежать? Почему ничего не сказал?

— Чувиха, я же всадник без головы. Ради такого дерьма и живу!

Видимо, Генри слишком серьезно относился к своей работе. Стоит признать, справлялся он с ней на ура. Пока «всадник без головы» мчался галопом по улице, у него за спиной развевался черный плащ. Наверное, в этот момент он выглядел таким безголовым и жутким, как никогда.

*Кофе сильно преувеличивает мои ожидания
по поводу моих же возможностей.*

Надпись на футболке

Один сэндвич я отнесла Джеймсу и немного послушала его версию песни «Не бойтесь ангела смерти»^[12], а с другим пошла к Мэйбл, которая подробно рассказала мне последние новости о своем внучатом племяннике. Внезапно я страшно обрадовалась, что не страдаю тягой к наркотикам. Бедному парню придется угрохать уйму денег, чтобы перекрыть татуировку вагины на шее, которую он сделал во время трехдневного загула. С другой стороны, сейчас он находится в реабилитационном центре и чувствует себя круглым идиотом. А это уже неплохо.

Одолжив машину, я поехала домой к Эрин. Ее муж работал примерно в то же время, что и она, поэтому, постучав на всякий случай, я достала украденные ключи и открыла дверь. Дом был маленький, зато чистый и опрятный. Начать я решила с гостиной, и, само собой, на каждой имеющейся там фотке была изображена все та же жуткая старушенция. Абсолютно белые глаза, открытый беззубый рот. Кричала она или смеялась, трудно сказать, но на вид сердилась не на шутку.

Не было страшной женщины только на фотках Эрин с мужем и другими членами семьи. На одном из старых снимков я заметила молодую девушку с начесанной челкой. Видимо, мать Эрин. За спиной у девушки сияли лазерные лучи. Восьмидесятые... Страшное было времечко. Еще одна молодая девушка с «кошачьими» очками и бешеным начесом могла бы быть бабушкой Эрин. Ну или любимой тетушкой. Но в целом, я бы сказала, Кларки жили в доме чистейшего ужаса. Каждая следующая фотография казалась жутче, чем предыдущая.

Вдруг до меня дошло, что, может быть, не на всех снимках изображена маленькая Ханна. На некоторых вполне могли быть другие дети Эрин. Неужели именно ее кто-то преследует? А вдруг призрак не просто так охотится на ее детей? Но тогда по какой причине? Какая привидению польза от убийства маленьких деток?

Жаль, что к способности видеть мертвецов не прилагается какая-нибудь инструкция. Ну или, на худой конец, схема. Хотя бы самая простенькая. Наверное, придется заглянуть в библиотеку и поискать книгу под названием «Пятьдесят причин, почему призраки убивают». Или «Как понять, есть ли у вас в доме полтергейст: Десять простых шагов».

Кстати о полтергейстах. Может, один из них во всем и виноват? И вообще, отличаются они от обычных призраков или нет? Снова и снова я ломала свои амнезийные мозги. Что мне известно о полтергейстах? Они злые. Это раз. Часто приклеиваются к месту, объекту или человеку. Это два. Живут, за неимением другого слова, ради того, чтобы пугать людей до смерти. Это три. Но под такое определение подходит и Безголовый Генри.

Хотя нет, не подходит. Генри не злой. И не пользуется своими силами со злыми намерениями. У него, конечно, своеобразное чувство юмора, но это не делает его плохим парнем. А женщина, которая преследует Эрин и ее родных, очень даже плохая.

Если быть до конца честной, то должна признать: я понятия не имею, может ли призрак

кого-нибудь убить. Как-то это неправильно. Речь все-таки о привидении. Однако другого объяснения не было. Разве что самое очевидное, на которое сразу же указал бы любой нормальный человек: дети Эрин умерли вследствие СВДС^[13]. Ясно и просто, хотя потери страшнее сложно себе представить. По-моему, любая беда, которая случается с детьми, кажется бессмысленной. Взять хотя бы детей, больных раком, или тех, кого избивают и бросают. О таком даже думать тошно. А от мысли, что Эрин может потерять еще одного ребенка, сердце кровью обливалось.

Почему? Неужели ребенок обязан платить за грехи родителей? А если и так, то какого, на хрен, черта? С какой стати моему ребенку платить за мои ошибки?

Ну уж нет. У меня никогда не будет детей. Иначе им с самого рождения несдобровать.

Откуда-то сзади послышался мужской голос, и нервную систему затопило таким количеством адреналина, что я подпрыгнула едва ли не до потолка и чуть не откусила себе язык при приземлении.

— Эй! — крикнул мужчина. — Что тебе тут надо?

Я машинально выдернула из камина кочергу и повернулась к парню, размахивая железякой, как мечом:

— Не подходи, понял?!

Одетый в одно полотенце чувак стоял на пороге кухни и держал в руке... сковородку. Серьезно? В его распоряжении целая кухня, а он хватается за сковородку? Впрочем, она могла быть чугунной, а такой убить проще простого. Хотя что-то мне подсказывало, что этот парень вовсе не убийца.

— Ты в моем доме, — сказал чувак, двумя руками держась за сковородку. То есть так же, как я держала кочергу.

Ей-богу, не знаю, кто из нас больше перепугался. Хотя чувак был прав. Я вошла в чужой дом. И дом этот, судя по всему, принадлежал ему.

— Кто ты такая? — спросил парень, сделал шаг назад и, осмотревшись по сторонам, что-то заметил.

Все мечты на свободную жизнь без решеток и дерьмовой еды рухнули в одночасье, когда я поняла, что чувак скорее всего нашел телефон.

— Подожди! — крикнула я, пока он не взял трубку. — Я думаю, у тебя в доме призрак!

Телефон чувак все-таки взял, но никуда звонить не стал. Пока. Что ж, надежда умирает последней.

Все еще держа в одной руке кочергу, вторую я подняла в знак капитуляции.

— Понимаю, как все это звучит, но мне кажется, твоему ребенку угрожает опасность.

— То же самое мне все время твердит жена. Ты с ней знакома?

— Она сказала, что первые два ваших ребенка умерли, не дожив до года.

Парень опустил сковородку.

— Так и есть, только дети были не мои. После смерти второго ребенка Эрин разошлась с бывшим.

Оно и понятно. Далеко не все пары остаются вместе после потери ребенка.

— А теперь все талдычит и талдычит про какую-то стерву с работы и про то, что Ханна обязательно умрет, как бы мы ее ни оберегали.

— Ясненько... Не люблю приносить плохие вести, но, в общем, я и есть та стерва.

Благоверный Эрин напрягся с ног до головы.

— Она тебе про гадалку рассказывала?

Он кивнул:

— Знаю, звучит дико, но, кажется, я начинаю ей верить. Или так, или я уже как те сектанты, которым промывают мозги и заставляют верить, будто однажды инопланетяне заберут их на свою планету.

— Вот-вот. Я тоже не понимаю, как им это удается.

Все это время я пыталась вспомнить, как зовут моего собеседника.

— Но все это никак не объясняет, каким ветром тебя занесло в мой дом. Разве что, как и говорила Эрин, ты пришла убить нашу дочь.

Покрепче взявшись за сковородку, чувак стал нажимать кнопки в телефоне.

— Чего?! Эрин сказала, что я попытаюсь убить вашего ребенка?

— Слов было меньше, но суть в том, что одно твое присутствие в городе не к добру.

И тут я вспомнила.

— Я пришла спасти ее, Билли. И попытаться понять, что происходит.

— Угу. — Он поднял указательный палец, чтобы я замолчала, и пролистал что-то в телефоне. У меня в голове почему-то заиграла музыка вроде той, что обычно слышишь в лифтах, пока Билли не заговорил снова: — Да, я хочу сообщить о взломе.

У меня отвисла челюсть.

— Билли! — прошипела я и бросилась к нему. Оранжевая тюремная форма мне точно не пойдет. — Дай мне один-единственный шанс! Я вижу то, чего не видят другие. На фотографиях вашей дочери я вижу какую-то женщину. Старую бабу с белыми глазами и...

— Простите, я ошибся, — сказал он в трубку. — Думал, кто-то хочет вломиться в дом напротив, но эти люди просто оставили записку. — Поведение Билли изменилось в мгновение ока. Теперь он не пялился на меня мрачным взглядом, а смотрел во все глаза. И глаза, надо признать, у него весьма симпатичные. Да что там! Этот парень вполне мог сделать успешную карьеру модели. — Да. Нет. Конечно, понимаю. Буду приглядывать. Еще раз прошу прощения.

Договорив, Билли опустил телефон.

— Ты тоже ее видел, да? — спросила я. — На фотографиях?

— Нет, в доме.

Твою дивизию! Так и знала. Эта старушенция обитает прямо здесь.

— Ладненько. А теперь расскажи мне подробно, что именно ты видел.

Билли немножко побледнел и захотел присесть. Мы вернулись в гостиную и сели на издававший виды, но страшно удобный диван. Наверное, появился он здесь прямоком с какой-нибудь распродажи. Вряд ли Кларки жили на широкую ногу. Обстановка в доме была убогонькая, зато здесь было красиво и уютно.

Чтобы получить все то, что у них сейчас было, и Эрин, и Билли усердно трудились. А я восхищалась ими обоими.

— Короче говоря, где-то неделю назад я проснулся среди ночи и пошел проверить, как там Ханна. Не знаю, как объяснить. Просто почувствовал, что надо пойти.

Может быть, у Билли тоже есть какой-то дар.

— Я практически спал на ходу, но, когда зашел к Ханне, мог поклясться, что над кроватью кто-то стоит. Какая-то старуха. Я спросил, что она делает в комнате моей дочери, а она... — Тут Билли замолчал, чтобы собраться с духом. — В общем, она на меня набросилась. Я упал, а когда осмотрелся по сторонам, никакой старухи уже не было.

— Жуть какая! — Мне хотелось поделиться, рассказать, каково это, когда за тобой

скачет всадник без головы, и когда ты видишь демона внутри посетителя кафе, но сейчас для групповой терапии время было неподходящее. — И что ты сделал?

— Подбежал к Ханне и взял ее на руки. Подумал, что... Я переживал, что старуха что-то с ней сделала. А когда проснулась Эрин, решил, что все это мне приснилось.

— Я очень рада, что с Ханной все в порядке.

— Когда ты сказала про глаза... У той женщины глаза были полностью белые. Это все, что мне удалось рассмотреть. С тех пор я толком не сплю.

Пусть я и радовалась тому, что на меня не надели наручники, но в мыслях не было ни единой хорошей идеи. А вдруг эта женщина действительно преследует Эрин? Вдруг и правда убивает детей? Что тогда? Можно ли на самом деле взять и нанять экзорциста? И если да, то как? Насколько я понимаю, католическая церковь помогать с такими делами не торопится, а опасность Ханне угрожает уже сейчас. Особенно с тех пор, как объявилась я — барышня без прошлого.

— Где сейчас ребенок? — спросила я.

— У тетки Эрин.

Я кивнула и подошла к фотографиям на каминной полке.

— Здесь везде Ханна?

Билли встал.

— Нет. На этих двух — первые дети Эрин. Хейли и Кэрри.

Однако я видела только кошмарную старуху. Как поставленный на паузу фильм ужасов.

— Что именно ты видишь? — спросил у меня Билли.

— На каждой детской фотографии я вижу старуху. Зато на остальных вижу вас с Эрин и других членов семьи.

— Уверена?

— В смысле?

— Откуда тебе точно знать? Ты же можешь видеть сквозь старуху?

— Ну да.

— Тогда покажи те фотки, где ты ее видишь.

Я указала на первую. Билли кивнул. На вторую — он снова кивнул. На третью, четвертую и дальше — все одно и то же. Эрин была так предана семье, что это само по себе очаровывало. Мы подошли к фотографиям на стене. Все они были в белых рамках и со вкусом размещены.

Дети были только на двух из них. Я показала на снимок, который был ближе ко мне.

— Тут тоже ее видишь? — нахмурился Билли. Я кивнула, а он покачал головой: — Это двоюродная бабушка Эрин — Новали. Умерла то ли в тридцатых, то ли в сороковых.

Удивившись, я показала на второе фото. Билли снова покачал головой:

— Это тоже Новали.

— А я вижу только шизанутую призрачную старушенцию. Зачем Эрин фотографии родственников, которых она никогда не видела?

— В этом вся Эрин, — ответил Билли. — Любит старые фотки, вещи и всякую фигню. К тому же история Новали — настоящая трагедия. Думаю, даже несмотря на то, что они никогда не встречались, Эрин чувствует с ней какую-то связь. Да и все старшие родственники говорят, что они похожи как две капли воды.

— Почему жизнь Новали стала трагедией?

— Насколько я знаю, она была чокнутой. В смысле по-настоящему, с диагнозом и все

дела. Поджигала все, что попадалось под руку. Рвала газеты с фотографиями без всякой причины. Почти всю жизнь провела в психушке.

К сожалению, такое поведение характерно для множества психических заболеваний и даже может возникнуть в результате детской травмы или болезни.

— А знаешь, — вдруг сказал Билли и направился в коридор, — кажется, наверху кое-что есть. — Он опустил лестницу, ведущую на чердак, и полез наверх, а потом вдруг вспомнил, что на нем только полотенце. — Пойду, наверное, штаны надену.

— Пойди, наверное, — усмехнулась я.

А жаль. В полотенце он очень даже ничего. Подарю-ка я и Рейесу полотенце. Всем ведь нужны полотенца, правда? И никаким отчаянием с моей стороны тут вовсе не пахнет.

Билли ушел одеваться, а я решила еще раз присмотреться к фотографиям на стене. Оказывается, у Эрин невероятная способность сочетать старое и новое. Некоторые вещички казались ужасно хрупкими и нежными.

Оказавшись перед какой-то небольшой картиной, я остановилась. Судя по платью на женщине, рисовали ее где-то в начале двадцатого века. И да, это была она!

— Билли!

Он прибежал, на бегу надевая рубашку.

— Что-нибудь нашла?

— Это она? — спросила я. — Клянусь, это женщина могла бы быть близняшкой Эрин.

Билли прищурился:

— Кажется, да. — Сняв картину со стены, он перевернул ее обратной стороной. — Точно. Эрин все подписывает. Здесь написано «1910, Новали Смитс».

Я рассматривала картину так и эдак, но Новали рисовали совсем юной. Невозможно было понять, она та страшная старуха или нет.

— Ты ее тут видишь, да?

— Вижу. Что ты собирался показать мне на чердаке?

— Чуть не забыл! Эрин любила рисовать, когда была маленькой. По-моему, даже срисовывала старые фотографии. Может быть, есть копия еще одной фотографии Новали.

— А Эрин, случайно, не рисовала Новали, когда та была старше?

— Давай узнаем.

Я полезла по лестнице, и ситуация показалась до боли знакомой. Перед глазами заплясали картинки.

— Я недавно потолок проломила. Тут я точно не упаду?

— Точно. Чердак полностью отремонтирован.

— Ну, ладно.

Кое-что поперевдигав, Билли наконец нашел коробку со старыми рисунками Эрин. Оказывается, она потрясающая художница! Причем практиковала в свое время гиперреализм. Любой из ее рисунков дал бы фору современным фотографиям.

— Эрин все еще рисует?

— К сожалению, нет. Я к тому, что... да ты сама все видишь. Мы могли бы разбогатеть, — пошутил Билли. — Она перестала рисовать, когда умер ее первый ребенок.

— Потрясающий талант...

Мы изучили вдоль и поперек все рисунки, проверили даты и имена, поискали фотографии, с которых срисовывала Эрин.

— Нашел одну, — сказал Билли и протянул мне рисунок. — Оригинал внизу.

Глядя на портрет, я могла понять, почему Эрин выбрала именно этот снимок. Она сосредоточилась только на лице, а остальные детали бледнели и словно сливались в дымку. Женщина на рисунке была уже в преклонном возрасте. На коже виднелась сеть тонких морщин, а с глазами что-то было не так. Они смотрели куда-то вдаль. И вдруг до меня дошло почему.

— Это траурный портрет.

— Ничего себе! Откуда ты знаешь, в каком она тут настроении?

— Да нет же! Траурный — значит, посмертный. Когда делали снимок, с которого рисовала Эрин, Новали уже была мертва.

Билли отшатнулся, словно ему было страшно опять прикасаться к рисунку. С трудом удалось подавить порыв сунуть листок ему под нос и заорать «Смерть трусливым вшам!». Да уж. Порой мои мысли меня самую поражают.

— Что ж, мы разгадали тайну.

Пару секунд Билли помолчал, а потом спросил:

— Думаешь, это она? Та женщина, которую я видел?

— Если только тут не тусуются два призрака сразу, то да, она.

— Тогда какого черта? Зачем ей убивать Ханну?

Я пожевала ноготь.

— Не знаю. Я вообще не уверена, что она хочет убить ребенка.

— И что нам теперь делать? Как ее остановить?

— Понятия не имею. — Билли уставился на меня с отвисшей челюстью, поэтому пришлось объясниться: — Я ее вижу так же ясно, как ты видишь меня, но я не знаю, что с ней делать. В общем, я ни разу не эксперт, но у меня есть связи.

— Какие такие связи? — подозрительно нахмурился Билли.

— Ну-у, эм-м... нематериальные. В общем, я поспрашиваю и постараюсь узнать все, что смогу.

Он опять помолчал, а потом взглянул на мою руку:

— Вообще-то, это тебе уже не понадобится.

Я покосилась на кочергу, которую все еще крепко сжимала, и с которой залезла на чердак.

— Точно. Извини. — Положив кочергу на пол, я неуверенно проговорила: — В общем, не пойми меня неправильно, но мы с Эрин... не очень-то ладим. Может быть, ты не будешь рассказывать ей, что я вломила к вам домой?

— Даже не переживай на ее счет. Она добрейшей души человек.

С ним — может быть. А вот меня она с радостью монтировкой порешит.

— Кстати, как ты сюда попала?

Я выудила из кармана ключи:

— Стащила из сумочки Эрин.

— Ну просто образцовый поступок!

— В общем, я покопаюсь по своим каналам и свяжусь с тобой, как только что-нибудь узнаю.

Я поехала обратно в кафе. Рейес уже ушел, но оставил посолё без охраны. Совсем спятил.

Навалив себе целую миску супа, я пошла выгонять Дикси из-за компьютера.

— Я тут играю в онлайн-покер на раздевание, — притворно рассердилась начальница.

Но я-то знала, что она врет. Поэтому стала выталкивать ее из кресла задницей.

— Черт с тобой, — проворчала Дикси. — Мне все равно домой пора.

— Ага, я в курсе.

— И каким это образом, стесняюсь спросить, ты в курсе?

— А нечего было ставить особый рингтон на эсэмэски от своего тайного любовника.

Слышала его три минуты назад.

Добрых полминуты Дикси смотрела на меня с открытым ртом, а потом бросила притворяться и дала себе вволю понаслаждаться волнением, которое я, само собой, ощутила в полной мере.

— Кстати! Твой бывший свекор фоткает меня в нижнем белье.

— Правда? Он классный фотограф. Советую сделать хоть парочку снимков в стиле ню, пока есть шанс.

— Совет принят. Повеселись там.

Помахав Дикси на прощание, я загрузила «Гугл».

Уже собираясь найти все, что только можно, о полтергейстах, я все-таки решила начать с девушки, о которой говорил мне Безголовый Генри. С Тамалы Драйер.

Поисковик выдал десятки ссылок на девушку, которая умерла при подозрительных обстоятельствах. В конце концов причиной смерти официально объявили самоубийство, но ни друзья, ни родственники Тамалы с этим не соглашались и обвиняли в ее убийстве парня, с которым она встречалась в старших классах. Все, как один, твердили, что он ее преследовал и в конце концов убил. В одной из статей была фотография горюющей семьи. И на заднем плане я разглядела Генри.

В статье говорилось, что он троюродный брат Тамалы. Что открыто возражал против официальной версии и утверждал, будто Тамалу убили. Причем убил тот, кто ее долгое время преследовал. Более того, Генри назвал имя убийцы, практически бросив ему вызов. «Мне нечего скрывать, — писали с его слов в статье. — И меня не заткнет некомпетентная полиция. — Да уж, вряд ли такие заявления могли помочь в деле. — Тамалу убил Йен Джеффрис».

Обалдеть. Да у Генри яйца из чистой стали! Интересно, как бы сложилась его жизнь, если бы он не погиб так рано?

С этого момента я стала прочесывать интернет в поисках любых упоминаний о Йене Джеффрисе. Через пару лет после смерти Тамалы еще одна женщина покончила с собой при подозрительных обстоятельствах. И Йен утверждал, что встречался с этой женщиной. Узнав о том, что в деле в качестве подозреваемого фигурировал Йен, но опять вышел сухим из воды, Генри снова выступил с протестом, и, как говорится, дерьмо попало в вентилятор.

Я продолжала читать. Лучшая подруга жертвы заявила, что женщина никогда не давала согласия на предложение офицера Джеффриса, но «он категорически не принимал отказа». Более того, Йен утверждал, что они были помолвлены, а все родственники погибшей отчаянно это отрицали.

А вот и вопрос на миллион долларов: была ли смерть Генри чистой случайностью?

Ну и вопрос на десять миллионов: планирует ли Йен для меня похожую участь?

Я стала раскладывать мысли по полочкам. Йен проходил подозреваемым в расследовании двух самоубийств, жертвами которых стали женщины. Я — женщина. У Йена есть доступ в мой дом. Он знает мое расписание и в курсе того, что у меня нет телефона. Значит, я не могу позвать на помощь. Пора, блин, менять замки и купить, в конце концов, этот дурацкий телефон. До сих пор в нем не было необходимости. Очнувшись в переулке, я никого не знала, так что и звонить было некому.

Сделав выводы, я тут же позвонила домовладельцу, рассказала ему, что ко мне кто-то вламывается, и попросила сменить замки. Он, конечно, немного поворчал, но сказал, что все сделает через пару дней. Так что, если за ближайшие два дня я не превращусь в самоубийцу, все будет путем. Завтра можно одолжить у Мэйбл машину и узнать, осилю я телефон или нет. Остается только надеяться, что чаевых хватит.

Я вспомнила про сотню баксов одной бумажкой. Ни за какие ковриги не буду ее тратить. Наверняка и без нее хватит на какой-нибудь дешевенький сотовый.

Разобравшись с этим, я открыла новую страницу поисковика и занялась полтергейстом. Правда, без толку. Точнее ответов было слишком много. Сотни тысяч ссылок! Чем больше я читала, тем больше убеждалась, что совсем спятила, а страшная старушенция — всего лишь плод моего воображения.

Хотя... минуточку! Это не могло быть правдой.

Билли ведь тоже ее видел.

Что ж, мне полегчало. В общем, если суммировать все, что удалось найти, полтергейсты вызывали физические неудобства — двигали вещи и производили громкий шум. Но я ничего не нашла об убийствах. По крайней мере ничего такого, во что можно было бы поверить. Зато выдумки со страниц сыпались тоннами, а мне нужны были настоящие ответы.

А потом я отыскала кое-что полезное. Какой-то исследователь полагал, что полтергейсты могут приклеиваться к людям с завидной одержимостью. Это я уже знала, но было приятно найти подтверждение.

Эрин ушла домой, так что ужасно не хотелось при ней звонить Билли, но я должна была ему рассказать о том, что удалось выяснить. Тем более он сам дал мне свой номер.

— Привет, это я, — сказала я в трубку шепотом. Знать бы еще, зачем мне понадобилось шептать.

— А-а, Томми! Привет, — отозвался Билли, а потом крикнул, видимо, Эрин: — Это Томми. С работы.

— Я в курсе, кто такой Томми, милый, — рассмеялась она в ответ.

На заднем фоне слышались звуки, которые мог произносить только ребенок, и меня накрыло очередным приступом.

В глазах помутнело. Подступила волной такой густой печали, что стало трудно дышать. Я села. Сделала несколько глубоких вдохов. Попыталась хоть чем-нибудь наполнить пустоту, в которой опять чуть не утонула.

— Ты там? — спросил Билли.

— Да. Да, я тут. — Я закрыла глаза и постаралась сосредоточиться.

— Эрин мне еще кое-что рассказала о своей двоюродной бабушке.

— Ты же ничего ей не говорил? — встревожилась я.

— Про нас? Нет, детка, все о'кей. — Его голос так и сочился весельем, и мне тоже вся ситуация показалась смешной. Если составить список причин, по которым парень будет тайком говорить с кем-то по телефону, то изгнание полтергейста точно не будет первым

пунктом. — Итак, что на тебе надето?

Подшучивания помогли. Скукоженные от панической атаки легкие наконец наполнились воздухом. Видимо, со временем придется научиться с этим жить.

— Что ты выяснил, Ромео?

— Готовься к конкретному удару.

Я попрыгала и размяла шею, как профессиональный боксер.

— Ну все, готова.

— Значит, эта самая двоюродная бабушка убила собственную дочь и остаток дней провела в дурдоме, где рассказывала всем и каждому, что покойный ребенок переселился в куклу. Как тебе такая жуть?

— На твердые девять целых восемь десятых. — Мысль о том, что мать может убить собственного ребенка, не уместилась в голове. То есть я, конечно, знаю, что такое случается, но предпочитаю делать вид, что это неправда. — Есть у Эрин что-нибудь из вещей Новали? Украшение, например, или одеяло?

— Кроме фоток? Точно не знаю. Погоди-ка! На чердаке хранится одна кукла. Может, та самая?

— Какая кукла?

— Жуткая до одурения. Если подумать, она смахивает на куклу с фотографии.

— Не было на фотках никакой куклы.

— На рисунке — не было. А на снимке, с которого срисовывала Эрин, кукла есть.

— И Эрин сохранила эту куклу? — взвилась я. — Какая она на вид?

— Ну-у, обычная старая кукла, из тех, что на покойников смахивают. Лицо потрескалось, глаза абсолютно белые...

— Билли, ты можешь ее достать?

— Наверное. Думаю, она до сих пор на чердаке. А что?

— Срочно вынеси ее из дома.

— И что мне с ней делать?

— Не знаю. Пока привези ее мне. Я в кафе.

— Попробую. Правда, понятия не имею, как это сделать, чтобы Эрин ни о чем не догадалась.

— Придумай что-нибудь.

— Значит, все дело в кукле? — спросил Билли, как будто для него все встало на свои места. — Джейни, эту куклу подарила Эрин во время первой беременности ее тетка Норин. Сама Норин несколько раз пыталась забеременеть, но постоянно случались выкидыши. А когда наконец ей удалось выносить ребенка, он умер во сне через две недели.

— Как и дети Эрин.

— Вот именно.

Это только убедило меня, что все так или иначе связано с куклой.

— Билли, выноси куклу из дома. Сейчас же. Жду тебя здесь.

— Приеду, как только смогу.

Повесив трубку, я опять запустила «Гугл». Слава богу, за поиски в интернете не требовали денег. На этот раз я искала информацию о том, как уничтожить одержимую вещь. Судя по всему, для этого понадобятся святая вода, сердце дракона и обрезки ногтей какого-нибудь канонизированного святого.

Наконец-то пятница!..

Второе мое любимое слово на букву «П».

Надпись на футболке

Чуть позже в дверь кабинета постучал Билли.

— Заходи! — крикнула я, будто имела на это право.

Он появился с бумажным коричневым пакетом.

— Кукла тут. Думаешь, это ее остановит?

Я взяла пакет. Открыла. Испытала неподдельный ужас.

— Надеюсь. Что сказала Эрин?

— Ничего. Я сказал ей, что у меня свидание с любовницей. Эрин велела надеть чистые трусы, потому что подрезала тормоза, и будет неудобно, если медикам из скорой придется срезать с меня грязные боксеры.

— Она у тебя все наперед планирует. Молодчина.

Билли кивнул и резко посерьезнел:

— А если ничего не выйдет?

— Будем продолжать искать варианты. Я не сдамся, Билли.

— Спасибо. Понять не могу, почему Эрин так тебя ненавидит.

— В голове не укладывается, да?

Билли ушел, а я наконец осознала, что чувствую жар, который стал ассоциироваться с Рейесом Фэрроу. Спрятав за спиной миску, в которой я стащила образец посоле для дегустации, я метнулась к раковине и сполоснула улику. А потом повернулась к Рейесу:

— Ты опять здесь.

— Ты тоже, — отозвался он и, прислонившись к разделочному столу, смерил меня пристальным взглядом.

Я же была занята, со всех сторон смакуя одну-единственную мысль: «Господи, этот мужчина просто-напросто олицетворяет эпитет “знойный”!».

— Ну и как тебе? — вдруг спросил Рейес.

Я фыркнула:

— Обалденно и шикарно. Правда. Просто взрыв мозгов. А о чем мы говорим?

На его щеках появились ямочки. Те самые, которые появлялись всякий раз, когда Рейес хотел превратить каждую женщину в радиусе двадцати метров в трепещущую лужицу. Ямочки у него слишком сексуальные, слишком притягательные. А у такого феномена не может не быть скрытых мотивов.

— О посоле, — сказал Рейес.

— Чего? Не трогала я твой посол. У меня дома своего завались. Литров пять, не меньше.

— Ясно. Значит, красное пятнышко от чили — это чистая случайность?

Я ахнула и глянула на свитер.

Рейес тихо рассмеялся:

— Попалась.

Я закрыла глаза.

— В общем, чтоб ты знал, посоле был невероятный. Тебе надо стать шеф-поваром. Или купить ресторан. Ты мигом превратишься в олигарха. И лишь отчасти потому, что толпами притягиваешь женщин в разгаре овуляции.

Веселье как ветром сдуло, и Рейес опустил голову.

— Я не нарочно.

Я-то думала, что сделала ему комплимент. Видимо, ошиблась.

— Извини, пожалуйста.

— Прекрати. Тебе не идет.

Представления не имея, что Рейес хотел этим сказать, я вернулась к недавним мыслям и стала вспоминать все слова, которыми его можно описать. Прекрасный. Притягательный. Дерзкий. Обаятельный. Чувственный. Опасный. Мрачный. И, само собой, где-то в этой цепочке всплыло слово «плохой». Имелось у меня подозрение, что Рейес Фэрроу, если, конечно, захочет, может быть очень, очень плохим.

До меня вдруг дошло, что он молчит не просто так, а дает мне время насмотреться. Опустив взгляд, я спросила:

— Не хочешь попробовать еще раз?

В воздухе тут же повисло напряжение, словно между нами натянули тетиву.

— С теми же правилами, — робко добавила я.

— И что там были за правила?

— Можно мне получить тебя... на пятнадцать минут?

Было так стыдно, что я наверняка залилась краской по самую макушку. В прошлый раз Рейес, мягко говоря, слегка разозлился. Поделом мне, если сейчас он откажет.

— Ну да, — тихо проговорил он, — вспомнил. Пятнадцать минут мне нельзя к тебе прикасаться.

— Угу.

Секунду спустя он оказался передо мной. Я чувствовала фирменный жар, но не могла заставить себя посмотреть Рейесу в глаза.

— И что потом? Когда пятнадцать минут пройдут?

В прошлый раз дерзкое высокомерие мне помогло, но теперь куда-то целиком испарилось. Никак не удавалось подыскать остроумный ответ. Да и не знала я, что буду делать с Рейесом, когда закончатся пятнадцать минут. Знала только, что до боли его хочу. Ясно и просто.

— Через пятнадцать минут отменяются все условия.

— И мне можно будет к тебе прикасаться?

Во мне разлилось тепло. От одной только мысли, что Рейес будет меня как-то трогать, вспыхнуло волнительное предвкушение. Я почувствовала себя уязвимой, выставленной напоказ. Словно моя дальнейшая судьба зависит только от него. Но уговор есть уговор.

— Да.

— И ты не будешь пытаться перерезать себе горло, пока я буду связан?

В конце концов я подняла голову и посмотрела на Рейеса:

— Можно подумать, у меня хоть что-то получится.

— Вот именно.

Сняв передник, Рейес оторвал от него завязку.

— Если я соглашусь, ты доведешь дело до конца?

Он протянул мне завязку, давая разрешение снова его связать. Не знаю почему, но тот факт, что он будет связан, вселял капельку уверенности, хотя я прекрасно знала: если Рейес захочет освободиться, ничто его не остановит.

— А вдруг не доведу? — спросила я.

И в мыслях не было его дразнить. Я не сомневалась, что на этот раз все будет так, как должно быть, и все-таки, если что-нибудь случится... Хотелось каких-то гарантий, что Рейес не превратится в плохого мальчика, каким он вполне может быть, если припечет.

— Повторяю, Датч, я не мальчик в пубертате. Если ты остановишься, я переживу. Правда, с трудом. Очень может быть, мне понадобится искусственное дыхание.

Я тихонько усмехнулась.

Снова появились ямочки. Выдернув из-под стола стул, Рейес поставил его в центре кухни, сел и свел за спиной руки. В темных глазах сиял вызов. В такой позе его плечи казались невероятно широкими. На несколько секунд я застыла, чтобы полюбоваться, и только потом обошла стул.

Присев, я обернула завязку вокруг запястий Рейеса и стала сооружать узел. Все это время длинные пальцы поглаживали мои руки. Прикосновения были легкими и как будто ничего не значили, но по рукам разлился трепет. Закончив, я наклонилась и поцеловала Рейеса в обе ладони. Его пальцы оставили теплые дорожки на моих щеках и шее.

Я встала, подошла к таймеру, завела его и опять повернулась к Рейесу.

— У меня всего пятнадцать минут, — объяснила я, стягивая ботинки, джинсы и трусы. На счету была каждая секунда.

Свитер, который я надела, прикрывал меня до самых бедер, так что ничего такого Рейес не видел, но из его груди вырвалось низкое рычание, а сам он запрокинул голову, словно теперь жалел, что привязан к стулу.

Как и в прошлый раз, я села на Рейеса и запустила пальцы в темные волосы. Он смотрел мне прямо в глаза мерцающим пристальным взглядом. Гладкие мышцы напряглись. Я поцеловала его, и поцелуй получился неторопливым и пьянящим. Рейес сразу же ответил. На вкус он был как грозовые облака с дождем. Я поерзала, и он резко вдохнул, обдав наши рты прохладным воздухом. Твердость под штанами манила невероятно, и я вжалась в Рейеса еще сильнее. С его губ сорвался еле слышный стон, и он чуть-чуть приподнялся мне навстречу. Возникло трение, и заискрился ток. Я вцепилась в широкие плечи. Рейес снова потерял об меня, задевая джинсами клитор и разжигая внутри нешуточный огонь.

Не в силах сдерживать разгулявшееся желание, я задрала футболку Рейеса и уставилась на рельефный живот. А потом снова посмотрела ему в глаза. Огонь разгорелся ярче, но я сосредоточилась. Заглянула сквозь пламя. Вгляделась в мужчину за пылающим inferно.

Отодвинувшись, я поцеловала гладкую кожу на груди Рейеса. Прикусила сосок, лизнула и втянула в себя.

Завязка передника скрипнула от натяжения, но Рейес выполнил обещание и не сдвинулся с места. И все же я чувствовала, какая внутри него бушует борьба, как он становится все горячее, и как все сильнее напрягаются крепкие мышцы.

Оставив футболку в покое, я занялась джинсами. Каждое мое движение вызывало в Рейесе вспышки адреналина, которые эхом отдавались во мне. От каждого прикосновения, от каждого нюанса горящего в нем желания внутри меня все выше и выше поднимался волнительный экстаз.

Расстегнув джинсы, я стала их стягивать. Рейес приподнялся, чтобы мне было удобнее, и я не торопясь стащила штаны по его бедрам. Сказать, что увиденное меня впечатлило, было бы капитальным преуменьшением. Стянув джинсы ниже колен, я втиснулась между ногами Рейеса. Ужасно хотелось попробовать его на вкус. Провести зубами по всей длине. Напиться его возбуждением так, чтобы у него не осталось выбора. Чтобы он кончил мне в рот.

Лишь чудом мне удалось сдержаться, но только потому, что почувствовать Рейеса внутри хотелось еще сильнее, а время заканчивалось.

Я наклонилась и провела языком от основания члена до самого кончика. Рейес застыл. Все его мышцы превратились в мрамор. Я залезла к нему на колени, взяла член в руку и одним гладким движением села, полностью погрузив его в себя. Тихий стон лаской прошелся по всем моим чувствам и ощущениям, и волна наслаждения стократ выросла.

Обняв Рейеса за шею, я вцепилась ему в волосы и начала двигаться. Поначалу медленно, лишь слегка приподнимаясь и опускаясь. Постепенно во мне накапливались тлеющие угольки и разгорались в бушующее пламя. Я задвигалась быстрее. С каждым движением, с каждым ударом росло напряжение внизу живота.

А потом я почувствовала приближение оргазма. Едва различимую рябь в океане желания. Крошечную искру на пике раскаленной добела энергии.

Я знала, что Рейес тоже это почувствовал. Он замер, закрыл глаза и крепко стиснул зубы.

Наслаждение выросло молниеносно. Разлилось во все клеточки. Как жидкая лава, затопило живот. И вдруг напряжение взорвалось ослепительно вспышкой, укрыв меня волной самых сладких, самых неопишуемых ощущений, известных человечеству.

Завязка разорвалась, но Рейес, по-прежнему держа слово, вцепился в спинку стула так сильно, что побелели суставы. Его тоже настиг оргазм. Из груди вырвался чувственный стон, и с последним ударом по всему его телу разлились пульсирующие вспышки.

Я так сильно прижимала его к себе, что он наверняка мог задохнуться, но, похоже, не имел ничего против. Потом я вспомнила, что в какой-то момент слышала не то треск, не то лязг, и чуть-чуть отклонилась, чтобы узнать, в чем дело. Рейес сломал стул. Металлический. Такое непросто будет объяснить.

Звякнул таймер. Рейес тут же отпустил спинку стула и обнял меня обеими руками. Сначала я удивилась. Он сжимал меня сильно, но в то же время нежно и пытался отдышаться. Я прижала его голову к своей груди и не хотела отпускать. Будь моя воля, я бы никогда его не отпустила.

Пока мы сидели в обнимку на сломанном стуле, в кухне внезапно на цыпочках появилась Суми, выключила медленноварку и так же на цыпочках ушла, притворившись, будто нас вовсе и не видела. Если бы не она, я бы так и не отпустила Рейеса. Как только Суми ушла, мы оба рассмеялись, и я наконец поняла, что надо вернуть ему способность дышать. Еще чуть-чуть поерзав напоследок, я слезла с него, собрала свои вещи и пошла в уборную смывать следы страсти, а Рейес тем временем разбирался со своими джинсами.

Забрав его куртку, я подождала, пока он выключит в кухне свет, и мы вместе вышли на улицу через заднюю дверь.

— В общем, завтра увидимся? — спросила я, пока Рейес провожал меня до машины Мэйбл.

Он переплел наши пальцы, и мы шли за ручку, как влюбленные школьники.

На другой стороне улицы был припаркован черный грузовик. Я подумала, что это и есть машина Рейеса, иначе предложила бы подвезти.

— Почему ты не хотела, чтобы я к тебе прикасался? — спросил он с искренним недоумением.

Я смутилась, но все же сказала правду:

— Отчасти потому, что это дало бы тебе надо мной слишком много власти.

Ни капельки не обидевшись, он кивнул.

— А еще?

— Потому что я не заслужила твоей ласки.

— В каком смысле?

Я рассмеялась:

— Да не бери в голову. Не знаю.

— Скажи мне. Пожалуйста.

Упав в омут смущения еще глубже, я поковыряла ботинком тротуар.

— Мне кажется, я... плохой человек. — Рейес уже собрался возразить, но я успела добавить: — Знаю, звучит дико, но я с первого взгляда понимаю, какой передо мной человек. Я не знаю почему, не понимаю как и не жду, что ты мневеришь, но я точно могу определить, плохой человек или нет. Так что можешь мне поверить. Если я говорю, что я плохая, то так оно и есть.

— Ты ошибаешься.

— Ты сам знаешь, что нет. У тебя инстинкты не хуже моих. Почему я здесь оказалась? Почему ничего не помню? Всему этому есть только одна причина. Наверняка я сделала что-то ужасное.

Когда мы дошли до машины Мэйбл, Рейес повернулся ко мне:

— Ты не права.

Я опять собиралась поспорить, но он наклонился и поцеловал меня. Поцелуй был нежным и ничего не требовал взамен. И по шкале влюбленности я влюбилась еще на одну отметку сильнее.

Откуда-то издалека послышался крик. Визгливый и очень сердитый. Звук нарастал, пока не начало казаться, будто орут прямо мне в лицо. Я была дома. Едва переступив порог, я просто-напросто рухнула на Дензела. Может быть, этот крик мне снится? Вдруг у меня очередной кошмар? С большим трудом я разлепила веки и прямо перед носом увидела женщину. Старую разлагающуюся женщину с белыми глазами и открытым ртом, которая кричала не на кого-нибудь, а именно на меня.

— Где мой ребенок? Где мой ребенок?! — снова и снова вопила она.

Подскочив, я стала отползать от старухи и грохнулась на пол. Служивший мне тумбочкой деревянный ящик больно врезался в плечо. Не успела я встать, как мимо головы пролетела кофейная чашка и разбилась о стенку справа.

Встав на четвереньки, я пригнулась, чтобы не превратиться в мишень для летающих вещей и обломков. Оказывается, в моей квартирке произошел взрыв, а его эпицентром была

очень злая и очень могущественная престарелая женщина.

В какой-то момент показалось, что в ванной будет безопаснее. Я поползла туда и попыталась ногой закрыть за собой дверь, но вместо этого порезала ступню об осколок битого стекла. Глянув вверх, я увидела, что в воздухе висят еще сотни таких же.

Женщина разбила зеркало, и в парящих кусочках отражался лунный свет. В тот самый миг, когда старуха обрушила осколки, они дождем посыпались на пол под мелодичный перезвон, а я пулей выскочила из ванной.

Дензела злюка решила использовать в качестве тарана, а целью выбрала мою голову. Я бросилась в гостиную. Мое единственное спальное место врезалось в стену, и весь дом задрожал.

Так быстро, как только могла, я стала пробираться к двери, молясь по пути, чтобы мистер Кубрик прямо сейчас не решил меня пофотографировать, как вдруг мимо уха пролетел стакан и разбился о стену, беспрепятственно проскочив сквозь голову Ирмы. На Сатану, которая пряталась у нее под ногами, посыпались осколки. Кошка зашипела и куда-то сбежала.

Во мне вспыхнул гнев. Стиснув зубы, я уставилась на женщину, которая уничтожала мои скудные пожитки, среди которых, между прочим, были и по-настоящему ценные вещи. Как, например, стакан. Он у меня вообще один. Был.

Я покосилась на Ирму:

— Виси на месте. Я разберусь.

А секунду спустя уже стояла перед старухой, передавив ей горло. Все равно я ни слова не понимала из того, что она кричит. Было ясно лишь одно: она хочет найти своего ребенка.

— Во-первых, — начала я, кивнув туда, куда убежала Сатана, — это моя кошка. — Женщина попыталась выцарапать мне глаза, поэтому я схватила ее за пальцы свободной рукой и подтянула ближе. — А во-вторых, меня не так просто убить, как младенца. Но ты попробуй. Посмотрим, сколько еще ты убьешь детей после того, что я с тобой сделаю.

Старуха тут же утомилась и поморгала.

— Ч-что?

Я тоже поморгала.

— Зачем мне тебя убивать? — спросила она неожиданно приятным голосом. Судя по всему, задачу я ей задала нешуточную. — И зачем мне убивать ребенка?

Я опять моргнула.

— А разве ты не этим занимаешься?

— Я бы никогда так не поступила! — ошеломленно воскликнула женщина и шлепнула меня по руке.

Я опустила руки и отошла на шаг назад.

— Я бы никогда ничего подобного не сделала. Все это время я пыталась его остановить! На меня навалился ужас размером с планету.

— Кого, Новали? Кого ты пыталась оставить?

Она поджала губы.

— Того, кто убил мою дочь. Того, кто запер меня в дурдоме на всю жизнь за то, что я пыталась рассказать людям, что он натворил. Моего мужа. Делберта Смитса.

В квартире повисла жуткая тишина. Пустые глаза Новали наполнились слезами.

— Он убил мою драгоценную Роуз, а всем сказал, что это сделала я.

— И все ему поверили?

— Он был мэром, — сухо ответила Новали. — Никто не сомневался в том, что говорит мэр. Полгорода сидело у него в кармане.

Я пошла по обломкам к дряхлому стулу и выругалась, когда наступила на кусочек из конструктора. Понятия не имею, откуда он взялся.

— Даже не знаю, что сказать, Новали. Мы думали, это все ты.

— Нет.

Она пошла за мной в столовую и села на второй стул. Правда, столовой у меня нет, обеденного стола тоже, но это не важно. В общем, мы сидели на стульях лицом друг к другу.

— Я бы никогда не причинила вреда ребенку.

— А взрослой женщине? — поинтересовалась я, кивком показывая на разгромленную квартиру. Что мне теперь говорить домовладельцу?!

— Нет. Никогда. Я хотела тебя только напугать.

— Что ж, у тебя получилось. Как там было? Ржавчина на металле, Бэтмен.

Улыбка, которая появилась на губах Новали, была очень... разумной. Не будь у нее абсолютно белых глаз и следов разложения...

— Ты все еще хочешь обратно свою куклу?

Она опустила голову и сцепила на коленях руки.

— Это ведь не мой ребенок, правда?

Я покачала головой.

— Мне годами твердили, что моя девочка в кукле. В конце концов я сама в это поверила.

— Мне очень жаль, Новали, но я должна кое-что знать. Первых двух детей Эрин убил твой муж?

Ее голова опустилась еще ниже.

— Да. Я пыталась его остановить.

— Но почему? — печально спросила я и ощутила подступающую тошноту.

— Из-за моей сестры. Она одна поддержала меня после случившегося. Пыталась вытащить меня из лечебницы. Снова и снова говорила властям, что нашего ребенка убил Делберт. Призывала людей выступить с протестом и всем рассказать, сколько зла он натворил. Из-за того, что она бросила ему вызов и вообще осмелилась ему противостоять, Делберт поклялся убить и ее дочерей. И всех дочерей ее сыновей. Во всех поколениях. Этим он с тех пор и занимается. Убивает только девочек и только до того, как им исполнится один год. Если они каким-то чудом выживают, он оставляет их в покое.

— Вот ведь гад! Это же надо так ненавидеть девочек!

— Он был злым человеком.

— Даже не сомневаюсь. Значит, все это время ты пыталась его остановить?

— Да. — Новали поникла, словно на нее навалилась страшная усталость. — Не получилось всего три раза. Мне удалось спасти мать Эрин, ее сестру-близняшку, а потом и саму Эрин.

— Но ведь у тети Эрин был ребенок, который...

— Да, это тоже дело рук Делберта. Я больше не могла его сдерживать. Он становится сильнее. — Новали с надеждой посмотрела на меня. — Ты должна его остановить. Раз и навсегда.

Это далеко за пределами того, на что я лично подписалась.

— Я не знаю как, Новали, — покачала я головой. — Даже представить не могу.

— Но ты обязана! — запаниковала женщина.

И была права. Я обязана хотя бы попытаться. Чего стоит моя жизнь, если я даже не попробую спасти маленького ребенка?

— Ладно, я попробую. И как мне его остановить?

— Разве ты не знаешь?

— Понятия не имею.

Новали тепло улыбнулась:

— Тебе нужно всего лишь его увидеть, — и положила холодные и мягкие от старости ладони мне на щеки. — Все остальное сделает твой свет.

— Мой свет? В смысле фонарик? Тогда мне нужны новые батарейки.

Потрепав меня по щеке, Новали встала, словно собиралась уйти. Я тоже поднялась на ноги, кивнула на куклу, которая валялась на полу под Ирмой, и пообещала:

— Я верну ее Эрин.

— Спасибо.

Несколько секунд Новали смотрела на куклу, и на миг показалось, что она вот-вот заплачет. Может быть, не стоило говорить ей, что это не ее дочь? Порой неведение — высшее благо.

Шмыгнув носом, Новали повернулась ко мне:

— Ты должна поторопиться. Долго мне его не удержать, а он уже почти на месте.

Меня затопило тревогой. Не задавая лишних вопросов, я схватила куклу, ключи от машины Мэйбл и рванула на улицу.

У дома Билли и Эрин меня уже неудержимо трясло. Скорее всего оттого, что на мне была майка с надписью «Я почти уверена, что мой ангел-хранитель балуется крэком» и пара форменных медицинских штанов, которые я взяла домой из больницы, а температура на улице стояла где-то между «вот гадство!» и «охренеть как холодно!». С заднего двора Мэйбл я уехала, подняв столб пыли. Конечно, есть риск, что она заявит об угоне, но времени на объяснения не было. Как, видимо, и на то, чтобы захватить куртку. До сих пор я понятия не имела, как сильно поранила ногу, но ступня то и дело соскальзывала с педали газа. Так что к моим очень даже заметным конвульсивным дерганиям была наверняка причастна и потеря крови.

Остановившись прямо перед домом, в который явно вкладывали душу, я выскочила на улицу и заколотила в дверь с криком:

— Билли! Эрин! Открывайте скорее!

Минуты две я бесила весь район самым хулиганским образом. На каждом крыльце по соседству включился свет, а крыльцо Эрин и Билли по-прежнему оставалось темным.

— Билли!!! — опять завопила я, всем весом навалившись на дверь.

Если хозяева не идут ко мне, то, может быть, я смогу прийти к ним. Вот только дверь, судя по всему, была сделана из какого-то супердерева. Чем сильнее я толкала, тем прочнее она застревала. Ну или мне так казалось. Внезапно, словно с небес вдруг пролился свет, на крыльце загорелся фонарь.

Дверь открылась ровно настолько, насколько позволяла цепочка. В щелочке показалась Эрин с сонно и сердито сдвинутыми бровями.

— Джейни? Какого черта? — спросила она хриплым голосом.

— Открой дверь, — велела я.

— Пошла ты!

И снова не было времени объяснять.

— Заранее прошу прощения.

Глубоко вздохнув, я бросилась на дверь с разбега в пару шагов. Цепь разорвалась, и Эрин с криком отшатнулась.

— Эрин! — завопил бегущий на помощь жене Билли.

Я сунула ему под нос куклу:

— Дело не в кукле. Я ошиблась, — и побежала мимо него наверх по лестнице.

— Джейни! — крикнула Эрин и рванула за мной, но я почти сразу же перестала ее замечать.

А добравшись до комнаты Ханны, застыла на пороге.

Делберт времени даром не терял. Он стоял посреди детской и мясистыми лапами душил Новали, которая медленно оседала на пол. Может ли он ей по-настоящему причинить какой-то вред? Все-таки она уже умерла.

Новали взглянула на меня. Наверное. По глазам без зрачков трудно понять, куда эти глаза смотрят.

И все же да, она точно смотрела на меня. И почему-то ни капельки мое присутствие ее не радовало. Не сразу, но я поняла, в чем дело. Новали отвлекала Делберта, а я тут стою, видите ли, и непонятно зачем тяну резину.

— Билли, быстро выноси дочь из дома, — скомандовала я.

— Какого черта ты тут забыла? — рявкнула Эрин, требуя объяснений.

К сожалению, Делберту стало неинтересно душить жену, и он повернулся ко мне. Билли, дай ему бог здоровья, долго не думал. Подбежал к дочери и поднял ее на руки.

— Куда мне ее отвезти?

На лице Эрин только слепой не увидел бы ясно написанного замешательства.

— Да что тут происходит? — спросила она у мужа визгливым от волнения голосом и побежала к Билли, когда тот уже нацепил на руку сумку для подгузников.

Честное слово, я понятия не имела, куда можно отвезти Ханну, но вдруг вспомнила, что на святую землю злу точно так запросто не пробраться.

— В церковь, — сказала я. — Или на кладбище. Куда угодно, где есть освященная земля.

Билли молча кивнул и взял Ханну поудобнее. В этот самый момент девочка расплакалась.

Детский плач мигом привлек внимание мэра, и в его глазах запылал неутоленный голод.

— Очнулся, гад? — гаркнула я ему, а потом крикнула Билли: — Уводи их отсюда! Быстрее!

И Билли опять не подвел. Схватил Эрин за руку и вместе с ней и дочерью помчался вниз по лестнице.

Как только они ушли, вокруг Делберта током заискрила ярость. И я ее приняла. Впитала прямо через него. Высосала, как через соломинку, и подчинила своей воле. Но Делберт оказался силен, а я забыла взять с собой фонарик. Впрочем, может быть, сработает другой свет.

И поискала выключатель и увидела Эрин, которая почему-то вернулась.

— Эрин, какого черта? Уходи отсюда!

Она покачала головой:

— И не подумаю. Билли уже увез Ханну. Я должна увидеть, чем все закончится.

Блин, она знала! Знала, что в ее жизнь вмешивается что-то сверхъестественное.

Не знаю, много ли она могла увидеть, но землетрясение, от которого дрожал весь дом, явно должно было произвести впечатление.

Новали наконец пришла в себя и отошла в сторонку, с довольным видом сложив на груди руки. Захотелось сказать ей про фонарик, но Делберт с каждой секундой становился все злее и все слабее.

Пускай его энергия была злой, плохой и какой угодно, но чувствовала я себя великолепно. Даже удивленно моргнула. Он был как наркотик. Как героин, экстази или кофе в три часа ночи. Словно умирая от жажды, я никак не могла насытиться и шагнула ближе. Я пила его, упивалась кайфом, который получала, и дышала энергией, пока в Делберте не осталось ни капли.

Переполненная надеждами, Новали прижала руки к груди. Делберт тяжело застонал, и дом тряхнуло до самого фундамента.

Несколько секунд спустя мэр сощурился и прикрыл руками глаза, словно прятался от света.

— Я и твою дочь убью! — заорал он, отчаянно пытаясь остановить то, что с ним творилось.

Я схватила его за лацкан пыльного пиджака и подтянула к себе:

— У меня нет дочери.

— Так я ей и скажу, когда выпью из ее легких последний вздох!

Я знала, что это всего лишь пустые угрозы, но стены почему-то затряслись еще сильнее. Фотографии в рамках попадали на пол и разбились. Эрин вскрикнула, но ни на миллиметр не сдвинулась. Очень сомневаюсь, что вела бы себя так же на ее месте.

Делберта затрясло. Призрачная кожа потрескалась, и вместо крови из нее засочилась тьма. Голова откинулась, а спина выгнулась дугой.

— Тебе вниз, дружок, — проговорила я, отдавая приказ, которого не понимала.

Под бестелесной душой мэра появились тени, которые стали разрастаться во все стороны, пока Делберт с огромными от страха глазами не растворился в этих тенях. Тьма забрала его с собой. Что ж, он хотел быть злым, а внизу таким самое место.

В тот момент, когда клубящийся тенями портал закрылся, все прекратилось, и вокруг нас воцарилась тишина. Новали упала на колени и разрыдалась. Рядом со мной по-прежнему стояла Эрин, лицо которой превратилось в маску шока.

Она нашла телефон и позвонила Билли. Вдалеке послышались сирены. Эрин ничего не рассказала мужу о том, что здесь произошло. Сказала только, что Ханне можно вернуться домой, потому что теперь ей здесь ничего не угрожает.

Я глянула на Эрин, когда та положила трубку:

— Странно, скажи? У нас землетрясения одно за другим.

Хотя я была уверена, что в последнем виноват Делберт.

— У тебя кровь идет, — сказала Эрин.

— Вот блин! — На ковре из-за меня осталось заметное пятно крови. — Извини, пожалуйста.

На одной ноге я попрыгала к двери.

— Куда поскакала? Нам сюда.

С этими словами Эрин повела меня в ванную чуть дальше по коридору.

Пока она встречала мужа с дочерью, я засунула ногу под воду в раковину. Приехали

патрульные. С ними разбирался Билли, а я молча молилась, чтобы Мэйбл не успела заявить об угоне. Эрин разглядывала здоровенную дыру у меня в ступне. Я сидела на шкафчике и во все глаза смотрела на Ханну, которая спала в люльке возле меня.

— Она просто прелесть.

Эрин кивнула и еще раз облила мне ногу перекисью. Имелось у меня подозрение, что ей сам процесс приносит удовольствие.

— Все в порядке?

Она опять кивнула, и ее губы превратились в тонкую линию, словно Эрин изо всех сил старалась сохранять спокойствие. Вот только трясло ее сильнее, чем меня. Да уж, воспоминаний ей на всю жизнь хватит. Хорошо, что она Делберта не видела. Иначе бы годами потом у мозгоправа сидела.

— Эрин, — проговорила я и опустила голову, чтобы посмотреть ей в глаза. Эрин была на грани того, чтобы разреваться. — Она тебя спасла. Твоя двоюродная бабушка, Новали. Она спасла тебя, твою маму и тетю.

Во взгляде Эрин плескалась смесь понимания и удивления.

— Я всегда чувствовала, что между нами есть связь, — наконец сказала она, вновь обретя дар речи. — Как будто знала с самого рождения, что она за мной приглядывает.

— И теперь ты знаешь это наверняка. Что-то мне подсказывает, что она еще долго будет рядом.

— Надеюсь.

Эрин заозиралась, будто искала Новали. И Новали ее слышала, потому что стояла рядом со мной и восхищенно смотрела на Ханну.

— Извини, что лишила тебя дополнительных смен, — сказала я Эрин.

Та покачала головой и глубоко вздохнула:

— Да нет, ты была права. С маленьким ребенком я бы столько не потянула. Даже не знаю, что бы делала без Билли.

— Он у тебя что надо, — согласилась я. — А в одном полотенце вообще шикарный.

— И не говори, — усмехнулась Эрин.

— Тебе не нужны дополнительные смены, Эрин. Ты невероятно талантливый художник! Вернись в универ, доучись. Ты станешь потрясающим иллюстратором или даже дизайнером интерьеров. У тебя дом как с картинки. — Тут я осмотрелась по сторонам. — Ну, был как с картинки.

— Если бы ты сегодня не приехала...

Чувства взяли верх, и она расплакалась. Ее плечи затряслись. Я погладила ее по руке, и Эрин обняла меня, чуть не столкнув со шкафчика. С трудом сдерживаясь, я крепко обняла ее в ответ. Ее эмоции были настолько сильными, что я не могла понять, где они заканчиваются и где начинаются мои собственные.

— Я рада, что успела, — еле-еле выдавила я.

— Я тоже.

Так мы и стояли, обнявшись, несколько долгих минут, пока Эрин не взяла себя в руки. Икнув напоследок от переизбытка чувств, она вдруг спросила:

— А когда это ты видела Билли в полотенце?

*Жаль, что ни одна из живущих во мне личностей
не любит прибираться.*

Надпись на футболке

Ничто так эффективно не лишает сна, как полтергейст и погром в доме. Вместо того чтобы приклеиться к Дензелу и получить долгожданный, но недостижимый отдых, я занялась уборкой. Пришлось подметать и собирать обломки. Мебели у меня и так негусто, но теперь квартирка выглядела по-настоящему жалко. А еще надо где-то раздобыть новый стакан.

Сделав все, что могла, я приняла душ и перебинтовала ногу. Время стояло раннее настолько, что за окном все еще было темно, но я все-таки решила, что Рейесу нужен кофе, а мне нужен Рейес. Опять угнав машину Мэйбл, я заехала в ближайший круглосуточный магазин.

Там оказался Ош в своем фирменном цилиндре. Покупал презервативы увеличенного размера. Заметив меня, он заговорщицки подмигнул, а я чуть не фыркнула, хотя наверняка проблем с женщинами у него нет. Ей-богу, когда-нибудь ямочки на щеках и сияющие бронзовые глаза доведут его до беды.

Окна в номере Рейеса были темными. Припарковавшись, я подошла к двери с двумя огромными чашками чудесного кофе и тихонько постучала, чтобы не разбудить Рейеса, если он спал. Дверь открылась сразу же, и на пороге появился великолепный сонный представитель мужского пола с полуприкрытыми веками и взъерошенной копной густых волос. По нему явно плакала бритва. А еще он был по пояс голый.

— Ты спал? — робко улыбнулась я.

Рейес молча открыл дверь шире, приглашая меня войти.

— Ты всегда так выглядишь, когда просыпаешься? — спросила я и зашла в теплую комнату. — У меня по утрам такой вид, будто во сне я умерла.

Закрыв дверь, он взял у меня чашку кофе.

— Рад, что ты все-таки жива.

— Ты застелил постель?

Кровать казалась нетронутой. Дверь Рейес открыл почти мгновенно. Когда он успел застелить постель?

— Нет, спал сверху.

Когда я приходила сюда в последний раз, покрывало было скомканным, как будто кто-то на нем лежал. Постель точно никто не расстилал.

— Все в порядке? — спросил Рейес.

Я глянула на тумбочку, где лежала стопка книг.

— Само собой. А что?

Он сел за маленький стол и смерил меня взглядом. Как всегда.

— Ничего. Ты выглядишь уставшей.

Гадство. Так и знала.

— Просто не выпалась.

Рейес откинулся назад, пока стул не уперся в стену, и сложил руки за головой.

— Что-то случилось?

Я повернулась к нему и села на край кровати.

— Не-а. Ну а у тебя как дела?

Я могла поклясться, что по пути от Эрин видела его через дорогу от ее дома. А когда посмотрела во второй раз, там уже никого не было. Как всегда.

— Чудненько, — ответил он, и я чуть не рассмеялась.

Трудно представить, что, говоря о ком-то, Рейес может использовать слово «чудненько». А тем более, когда говорит о себе.

Мы разговаривали около получаса. Все был замечательно, но Рейесу надо было собираться на работу. Я глянула на часы.

— В общем, не буду тебе мешать. У меня выходной, так что...

— Ты вовсе не обязана уходить. — Он встал и направился в ванную. — Буду через минуту.

— Ну-у, ладно.

Чувственные губы сложились в лукавую ухмылку, а сам Рейес, даже не закрыв дверь, начал расстегивать джинсы. Я застыла. Взгляд тут же метнулся куда-то в район ширинки. Шумно втянув носом воздух, я резко отвернулась и услышала тихий смех. Штаны упали на пол. Потекла вода. Не удержавшись, я обернулась. Рейес задвинул занавеску в душе. Вот блин! Испытывая все надежды мира, я стала сверлить занавеску взглядом, но нет же! Вместо рентгеновского зрения меня наградили способностью путешествовать во времени!

Прикончив кофе, я пошла в крошечную кухоньку, которая, как бы странно это ни звучало, оказалась не намного меньше моей. А еще у Рейеса были стаканы. Целых четыре штуки. Я уже подумывала один стащить, но что за человек тогда из меня получится?

Через несколько минут Рейес вышел из ванной в полотенце вокруг талии. Второе лежало на его плечах. Этим вторым от стал тереть голову, поэтому меня видеть никак не мог. Я воспользовалась подвернувшейся возможностью и с отвисшей челюстью уставилась на Рейеса от имени всех женщин, у которых никогда не будет шанса увидеть это зрелище.

Опустив полотенце, Рейес тряхнул головой, и я чуть не грохнулась в обморок.

— Значит, у тебя уже есть, — промямлила я, когда Рейес на меня взглянул.

Он осмотрелся по сторонам.

— Что есть?

— Полотенце. Я хотела подарить тебе одно на Рождество.

— Что ж, — ухмыльнулся он, — эти полотенца не мои. Руководству мотеля не нравится, когда я их ворую.

— Вот и хорошо. Мне тоже не понравится, если ты начнешь воровать. А как насчет стаканов? Они тоже принадлежат мотелю? Мне говорили, штраф за кражу стаканов не такой уж и большой.

Рейес мигом посерьезнел:

— Тебе нужны стаканы?

— Не-а, у меня все на мази, детка. — Губы Рейеса сложились в тонкую линию, и я добавила: — Мой вчера разбился.

— Все разбились?

— Нет! — рассмеялась я. — У меня и был-то всего один.

— У тебя был один-единственный стакан? — уточнил Рейес и взял с полки все четыре штуки.

— Ну да. Стаканы же не растут на деревьях.

Он всюду искал, куда их положить.

— Да шучу я, шучу. Не нужны мне твои стаканы. У меня есть целых два симпатичных пластиковых стаканчика, а кофейных чашек вообще завались. Даже не знаю, как так произошло.

Рейес глянул на стаканы.

— Ладно. Эти все равно так себе. Сегодня куплю тебе новый набор.

— Не стоит, — усмехнулась я. — Возьму пару надколотых у Дикси. Честное слово, все путем.

Рейес помрачнел. Видимо, стаканы его всерьез обеспокоили.

Так и не подняв головы, он проговорил:

— Я не должен вмешиваться, — и от него волнами пошло чувство вины. Вперемешку с горечью.

— В каком смысле?

Рейес стиснул зубы.

— Ты должна понять: все внутри меня против такого расклада, но я обязан дать тебе возможность самой во всем разобраться.

К чему он ведет? Неужели он знает обо мне больше, чем делает вид? А может быть, он за мной следит, но не имеет права вмешиваться в мои дела?

— Ты был там этой ночью? — решительно спросила я. — Был у дома Эрин?

Поставив стаканы на место, он ответил, так и не обернувшись:

— Нет.

И солгал. Наверняка солгал. Я же его видела!

— Мне нужно вернуть Мэйбл машину.

— Подожди, — сказал он, но я уже была у двери.

Рейес был на той улице. А если не он, то Гаррет или Ош. Эти трое спелись и теперь следят за мной. А еще они точно знают больше, чем говорят.

Морозный воздух ударил в лицо, и я глотнула его всеми легкими. Словно оказалась посреди Северного Ледовитого океана. Влезла за руль и стала искать ключ в кармане куртки Рейеса, но вставить его в замок зажигания не успела. В окно постучали.

Снаружи стоял Рейес. В одном полотенце. С мокрыми волосами. В полной уверенности, что он еще и босиком, я выскочила на улицу и стала толкать его обратно к номеру.

— Ты что творишь?!

Но он не сдвинулся ни на миллиметр. И да, он был босиком. Естественный отбор во всей красе, елки-палки.

— Ты не та, за кого себя принимаешь, — сказал Рейес, пока я безуспешно пыталась оттащить его ближе к двери.

— Я в курсе, — выдавила я, упершись плечом ему в солнечное сплетение и толкая изо всех сил. И снова без намека на успех. — Между прочим, уже давно.

В конце концов Рейес сам шагнул назад. Ура! Процесс пошел!

— То есть ты все знаешь?

— Ага. Я знаю, кто я такая.

— Ты... серьезно?

— Еще как! Я — путешественница во времени.

Весь прогресс тут же затормозил. Тяжело дыша, я прильнула к Рейесу.

— Мне кажется, я из будущего.

— Ясно.

— Вопрос в другом: откуда ты? — Я повернулась к нему лицом и ткнула его пальцем в грудь. — И кто ты такой?

Опустив голову, Рейес несколько секунд поизучал мой палец, а потом ответил:

— Я из межпространственного межвременного разведывательного подразделения.

— Ой, я тебя умоляю! Или ты серьезно?

— Нет, — ухмыльнулся он.

Я сникла:

— Хорош меня разыгрывать, — и принялась снова толкать.

На этот раз Рейес послушался. Над горизонтом уже сияло солнце, и в его лучах искрились поразительные карие глаза.

— Иди уже в номер. У меня дел по горло, а тебе еще народ кормить.

— Ты же говорила, что вернешь машину Мэйбл.

— Ага, а потом снова попрошу мне ее одолжить.

Рейес кивнул. Похоже, ни замерзшая земля, ни ледяной воздух совершенно его не волновали.

Перед тем как сесть в машину, я попросила:

— Припрячь мне немного посоле на завтрак. Я попозже зайду.

Рейес усмехнулся:

— Может, я тебе что-нибудь приготовлю?

— Ладно, только чтобы было так же вкусно, как посоле.

— Даю слово.

По пути домой я опять заехала в магазин, купила на всякий случай дешевенький предоплаченный телефон и направилась к Мэйбл. Рассказала соседке, как угнала ее машину, отдала остатки чаевых за бензин, хотя успела заполнить бак, и вместе с ней выпила еще одну чашку кофе.

О мистере Кубрике Мэйбл ни слова не сказала. Я приняла это за знак, что вчера он меня не фотографировал. А жаль. Мог бы продать снимки какому-нибудь сайту. Разжился бы лишними деньжатами. Впрочем, мне это было только на руку. Представить не могу, как бы я объясняла такие фотки.

— Ужасно не хочется снова просить, но сегодня мне опять понадобится твоя машина. Я... кое-что расследую.

— Ух ты! Любопытненько. Я могу чем-то помочь?

Я приободрилась. А вдруг Мэйбл знает, где находится хижина мистера Ванденберга? Хотя... она может кому-нибудь что-нибудь сказать... Нет, так рисковать нельзя.

— Нет, но спасибо.

— Ну, как я и говорила, можешь брать машину в любое время. Я только позвоню в полицию и попрошу копов отозвать ориентировку на тебя.

У меня глаза на лоб полезли.

— Серьезно? Ты заявила об угоне?

— Не-а, — с довольным видом рассмеялась Мэйбл. — Подловила!

Видимо, сегодня был национальный праздник. Что-то вроде Дня облапошенных амнезичек. Я вернулась домой, чтобы зарядить телефон, потому что аккумулятор еле дышал, и решила поговорить с мистером Пи, когда пойду в кафе завтракать. Он был детективом. Не в Лощине, конечно, но здесь живет уже давно, так что наверняка знает кучу людей. Может быть, он в курсе, где находится хижина. Хотя бы приблизительно. Показывать фотку, которую я прихватила из магазина мистера Ванденберга, я точно не стану. Проще сразу признаться, что я туда вломила. «Ломать» в этом конкретном случае вообще было ключевым словом.

Впрочем, если придется во всем сознаться, так я и сделаю. От агента ФБР все еще не было никаких новостей. По телефону она казалась вполне компетентной. Но, может быть, у нее какие-то проблемы с бюрократией. А это тот еще липкий моток волокиты. Как скотч. Хотя лично у меня нет ни скотча, ни изоленты. И вообще, я веду совершенно свободный от всяких липких лент образ жизни, и такое положение вещей меня вполне устраивает. Пока не припечет что-нибудь залепить.

Я лежала на Дензеле и мечтала о том, как запускаю пальцы в густые черные волосы. Прикасаюсь к влажному белому полотенцу, обернутому вокруг крепких, сильных мышц. Осыпаю поцелуями губы, чувственнее которых нет на всем белом свете. В какой-то момент я уже обняла Рейеса ногами за талию, как в дверь кто-то постучал.

На пороге стояла моя фантазия во плоти, и меня тут же накрыло чувством вины.

— Ты мысли, что ли, читаешь? — спросила я и обалдела от собственных слов. А вдруг это правда? В конце концов, Рейес явно не от мира сего. Как знать, что вообще ему под силу?

Он продемонстрировал ослепительно белые зубы.

— Если да, то я не в курсе.

— Честно?

Прислонившись к дверному косяку, Рейес сложил на груди руки.

— Честно-пречестно.

Что ж, придется поверить на слово.

На Рейесе были свободные темные джинсы и бежевый свитер с закатанными по локти рукавами. В общем, выглядел он, как модель из рекламы дорогого одеколona.

— Я подумал, что мы могли бы позавтракать вместе.

Во мне резиновым мячиком запрыгал восторг.

— Минуточку! А ты не опоздаешь на работу?

— Сомневаюсь, что Дикси станет возражать.

— Ты вообще с ней знаком?

Она, конечно, во всех смыслах замечательная, но закрывать глаза на опоздания — явно не ее конек.

— Знаком, и очень даже неплохо. Так что можно рискнуть.

— Как скажешь, — протянула я, словно говоря «Ну, дружочек, сам себе яму роешь». — Только куртку твою возьму.

Рейес перешагнул через порог, закрыл дверь, чтобы не впускать холодный ветер, и внимательно осмотрелся. До этого момента я и не понимала, как тоскливо выглядит моя

квартирка, как сильно скрипят полы и как задувает ветер в щели плохо вставленных оконных рам. Но ведь сам-то Рейес вообще живет в мотеле. И не в каком-нибудь хорошем, а в самой настоящей дыре. Вряд ли он раньше жил в шикарных домах. От этих мыслей мне стало чуточку легче.

— Где ты собирался позавтракать? — поинтересовалась я, выйдя из спальни в его куртке.

Рейес в это время всю изучал мою кухню. Все пять кофейных чашек и два пластиковых стаканчика, сохнувших на кухонном полотенце. Вместо отбитого кусочка столешницы пришлось положить картонку. Об этом нюансе тоже надо будет как-то сообщить домовладельцу. Кофеварка у меня из тех, что встречаются в отелях. Маленькая, на одну порцию, но мне все равно. Она у меня есть, а остальное — мелочи. Шкаф без дверцы демонстрировал весь мой продовольственный запас, состоявший из соленых крекеров, арахисового масла, полупустой коробки хлопьев и подводки для глаз, которую я искала по всему дому.

Поведение Рейеса разительно изменилось. Казалось, он расстроился. Или даже рассердился.

Я посмотрела туда, куда смотрел и он.

— Рейес, в чем дело?

Вместо ответа он расправил рукав, чтобы закрыть «ролексы», которые, на мой весьма скромный взгляд, были самыми что ни на есть настоящими. Неужто ему меня жалко? Может, стоит ему напомнить, что сам он живет в мотеле? В страшном, дерьмовом мотеле? И что на эти его «ролексы» вполне можно купить небольшой симпатичный дом? Ну или хотя бы внести за него первый платеж?

Глубоко вздохнув, я отругала себя за то, что уже успела осудить Рейеса. Я понятия не имею, какое у него финансовое положение, достаточно ли денег у его семьи. Может, он до сих пор женат. Может, у него есть ребенок. Или даже несколько. Откуда мне знать? Может быть, эти часы на смертном одре подарил ему отец или дедушка. Кто я такая, чтобы сомневаться в нем и делать какие-то выводы?

— Ты удивительная, — проговорил Рейес.

Такого я точно не ожидала.

— Потому что влачу жалкое существование? — фыркнула я и показала туда, где на улице живет Джеймс. — У меня тут в тысячу раз лучше, чем у Джеймса. — Выбрав самый крепкий из двух стульев, я притащила его в центр комнаты и с вызовом улыбнулась: — Готов к раунду два с половиной?

Первый раз получился так себе, но полбалла за попытку заслуживал. К счастью, второй был чертовски великолепным.

Судя по голодному выражению лица, Рейес был очень даже готов. Смерив меня взглядом с ног до головы, он сел на стул.

Я полезла к нему в карман и сказала:

— У меня нет таймера.

Потом достала его сотовый и установила таймер на пятнадцать минут.

— Дождаться не могу, когда мои руки доберутся до твоей задницы, — сказал Рейес.

Я села сверху и обняла его за шею:

— Не успеешь.

Уголок чувственного рта приподнялся от ухмылки.

— Не в этот раз, дорогая.

Что ж, поживем — увидим.

*Не люблю планировать заранее.
Вдруг дойдет до суда,
тогда от «предумышленного» не отвертеться.*

Мем

После самого умопомрачительного завтрака, который был у меня за всю, наверное, жизнь, я наконец выпуталась из нашего с Рейесом клубка, сползла с кровати и пошла искать его сотовый. Телефон все еще был в кухне, а таймер до сих пор отсчитывал время. Я нажала кнопку «СТОП», и в этот же момент звякнула эсэмэска. Текст сразу всплыл на экране, так что я вовсе не подсматривала специально. Сообщение пришло от Гаррета Своупса. Неужели от того самого, который ходит в кафе?

В эсэмэске говорилось: «Срочно проверь этого парня. Только о нем здесь ничего неизвестно». Тут меня обуяло любопытство, и я очень даже специально нажала на сообщение. На экране всплыла фотография полуразвалившегося сарая с коробками внутри. Именно в этом сарае живет Джеймс, прямо через дорогу от меня.

Я покосилась в сторону спальни. Точнее — в сторону Рейеса. Зачем им проверять бездомного парня?

Через час, после пикника из крекеров с арахисовым маслом на вершине Дензела (то бишь после второго по счету самого умопомрачительного завтрака в моей жизни), мы отправились в кафе.

— Эрин сегодня работает? — спросил Рейес.

— Не знаю, — отозвалась я, гадая, зачем ему это знать.

Мы вошли в кафешку, и сразу стало ясно: Рейес был прав. Дикси совершенно не беспокоило, что он опоздал.

Я прикинулась сердитой:

— Ты нашей начальнице оказываешь сексуальные услуги, что ли? В смысле ради особого отношения и поблажек, которые идут вразрез с твоей квалификацией?

На красивых губах заиграла кривоватая ухмылка.

— Нет.

— А-а... Ну, я хотела сказать, что если это обязательное условие, то я готова с ней переспать столько раз, сколько нужно.

— А что насчет Куки?

— С ней я тоже готова переспать, но вряд ли это мне как-то поможет с Дикси. Если только Дикси... ну... не любительница таких забав.

Рейес тихо рассмеялся:

— Я имел в виду, работает ли сегодня Куки.

— Вот оно что! Ну, похоже, работает.

Куки как раз вышла из уборной. На лице застыл стыд, а на блузке виднелись темные пятна от эспрессо.

— Говорила же, короткие, хорошо выверенные очереди, — напомнила я подруге.

Она смерила меня убийственным взглядом, который сделал бы честь даже Лиззи Борден.

— Но сочетание цветов тебе идет, честно, — попыталась я смягчить углы.

На этот раз Куки показала мне средний палец, и я решила больше не нарываться.

Рейес обнял меня и притянул к себе:

— Если получится, приходи на обед.

Заинтриговал капитально.

— Зуб даю, еще как получится.

— Уверен, тебе понравится то, что я приготовлю.

— Все равно посоле ничто не переплюнет.

— А вдруг ты все-таки удивишься?

— Жду не дождусь. Кстати, она пришла.

Рейес повернулся и увидел только что вошедшую в кафе Эрин. Вид у нее был измученный и в то же время... радостный. Рейес поцеловал меня в губы, отчего все мои соки активизировались, и ушел в кухню начинать рабочий день. Эрин направилась прямо ко мне. Фрэнси была уже здесь и наблюдала за нами с жадой крови в глазах.

Ни слова не говоря, Эрин крепко меня обняла. Клянусь, я думала, что челюсть Фрэнси буквально стукнется о пол.

Отодвинувшись, но все еще держа меня за плечи, Эрин опять ничего не сказала. И я поняла, что она просто-напросто не в состоянии говорить, потому что до сих пор в шоке. Да еще и переполнена благодарностью.

— Не за что, — сказала я и сжала ее ладони. — Я очень за тебя рада, Эрин.

— Я тоже рада, — отозвалась она и икнула от переизбытка эмоций. — Мне тебя никогда не отблагодарить.

— Чего? Нет, Эрин. Прошу тебя, очень-очень прошу, даже не думай, что ты мне чем-то обязана.

— Как скажешь, — усмехнулась Эрин. — Я, конечно, попробую, но имей в виду: Билли поклялся собрать тебе шикарный байк, когда подкопит денег.

Я громко рассмеялась, а Эрин добавила:

— Он обожает мотоциклы.

— Что ж, передай ему спасибо, но лучше пусть копит деньги на колледж для Ханны. Чует мое сердце, она вырастет очень творческой девочкой.

Я уже думала, что мистера Пи сегодня не увижу, но в этот момент он вместе со стриптизершей вошел в кафе. Точнее вместе с Хелен. За последние дни мы познакомились поближе. Оказалось, у нее потрясающее чувство юмора. А еще она поделилась со мной парочкой трюков со времен своей, так сказать, проститутской молодости. Один я испробовала на Рейесе, и он чуть с ума не сошел. Так что я ей должна по гроб жизни.

— Привет, мистер Пи, — поздоровалась я, когда бывший детектив сел за столик. — Можно задать вам парочку вопросов?

— Тебе тоже привет. И, конечно, можно. Похоже, дело серьезное.

Его заказ приняла Фрэнси, а я села напротив.

— Вы знакомы с Ванденбергами?

Он кивнул:

— Не очень близко, но Уильяма знаю по клубу.

— Вы состоите в загородном клубе?

— Нет, — ухмыльнулся мистер Пи. — Ходим в один стриптиз-клуб. В Тарритауне.

Теперь понятно, откуда взялась Хелен.

— Мистер Ви ходит по стриптиз-клубам? — переспросила я, стараясь скрыть удивление.

— Исключительно вместе с женой. По-моему, это вообще ее идея.

Наверное, по мне было видно, что эта информация плохо укладывается в голове, потому что мистер Петтигрю добавил:

— Ничего такого не думай. Они вовсе не свингеры. Просто временами наслаждаются тем, что послал на землю бог. И можешь мне поверить, эта женщина Уильяма не бросала.

Наконец-то нашелся хоть кто-то с иммунитетом на сплетни.

— Я тоже не думаю, что она от него ушла. А вы, случайно, не в курсе, есть ли у них где-нибудь хижина?

— Прости, милая, но понятия не имею.

Все мои надежды тут же испарились, как условно-досрочно освобожденный зек — из нарколаборатории. Я достала фото, которое взяла из магазина мистера Ви.

— Не узнаете местность?

— Смахивает на места у озера Блю Маунтин, но точно сказать трудно.

— Скорее у озера Оскоана, — вставила Хелен, тоже посмотрев на снимок. — Это дом дока Эммета. Я там сто раз бывала. Места хоть отбавляй.

— Жаль, что мало чем могу помочь, — проговорил мистер Пи, и у меня возникло странное ощущение, что ни капельки ему не жаль. — А почему ты спрашиваешь?

Несмотря ни на что, во мне росло волнение. Хелен знала все, что нужно.

— Пейзаж понравился, — соврала я сквозь зубы. — Подумала, если дом принадлежит мистеру Ви, то можно было бы попросить сдать мне его на выходные.

— Хорошая мысль, Джейни. Давно пора выбраться из города и подышать свежим воздухом.

— Полностью согласна. В общем, большое вам спасибо.

Встав из-за стола, я жестом позвала Хелен в комнату для девочек. Она пошла за мной, и через пять минут, благодаря ее подсказкам, у меня уже была приблизительная карта местности. Еще я узнала, что сценическим псевдонимом Хелен было Хелен Страсть, что доктор Эммет был другом мистера Ви и, по совместительству, большим любителем виски, частных танцев и охоты. Более того, на прошлой неделе он уехал поохотиться, и с тех пор его никто не видел.

Пользуясь картой Хелен, я сорок пять минут ехала по шоссе Таконик-стейт до озера Оскоана, где у самой воды примостилась хижина дока Эммета. Чтобы попасть на северную

сторону, пришлось объехать все озеро и сто раз повернуть, пока наконец я не нашла узенький путь под названием Чиппева-роуд. Где-то на этой дороге и находился нужный дом, вот только было слишком светло, хотя день стоял очень даже пасмурный, и дождь мог пойти в любую минуту. Нельзя было просто заявиться на порог и спросить, не заскакивали ли туда Ванденберги. Я очень надеялась, что по пути на меня каким-нибудь волшебным образом снизойдет замечательная идея, однако ничего на меня не снизошло. Ни волшебное, ни какое-то другое. Придется произвести разведку без вменяемого плана. Оставалось лишь надеяться, что в процессе никто не погибнет.

Припарковав «фиесту», дальше я пошла пешком. По дороге то и дело попадались разные домики, но хижина, которую я искала, все не появлялась. Я уже начинала переживать, что Хелен что-то перепутала, как вдруг увидела каноэ, которое когда-то заметила на одной из фотографий мистера Ванденберга. Хижина выглядела совсем иначе. Может быть, из-за того, что лес сейчас казался холодным и застывшим, по сравнению с пышной летней зеленью на снимке.

Как бы то ни было, наверняка я пришла по адресу. Правда, к этому моменту оказалась уже слишком близко к дому. Если меня до сих пор не заметили из окна, то могут заметить в любую секунду. Никаких машин я не увидела, но их могли припарковать за хижинкой. Отойдя подальше, пока дом не скрылся из виду, я пошла по тропинке, ведущей вглубь побережья. Если удастся обойти хижину по кругу, то, может быть, я замечу машины или какие-нибудь другие постройки, где их могли оставить.

Судя по тому, что с каждой минутой меня трясло все сильнее, холод стоял нешуточный. Чем ближе я подходила, тем громче казался треск от веточек, на которые я наступала, и которые ломались, пока я пробиралась сквозь густые кусты. Казалось, звуки отдаются эхом, сообщая любому желающему о том, что по лесу идет незваный гость. А еще я к чертовой бабушке исцарапала куртку Рейеса. Может быть, ему она так даже больше понравится. Царапины придавали куртке крутой «поношенный» вид. Люди за такое платят бешеные деньги.

За хижинкой оказался небольшой холм, у подножия которого были спрятаны две машины. Грузовичок, на котором к магазину привозили всякое оборудование, и «ПТ-круизер» старой модели. Наверное, «крайслер» принадлежал мистеру Ви. По крайней мере, это очень в его духе.

Прихватить с собой бинокль я, конечно, не додумалась, поэтому присмотреться поближе никак не могла. Пришлось изо всех сил щуриться, но никакого движения я не заметила. Наличие машин вовсе не доказывало, что Ванденберги находятся в хижине. А для агента Карсон мне нужно было что-нибудь железобетонное. Сделав пару фоток на телефон, я использовала приближение в камере, но изображение было настолько нечетким, что рассмотреть так ничего и не удалось.

Впрочем, я заметила в кустах какого-то мужчину, который смахивал на охотника. Класс. Теперь надо волноваться еще и том, чтобы меня ненароком не приняли за оленя. Эх, вот бы Ангел был сейчас здесь!..

— И на что мы смотрим?

Я пискнула и подпрыгнула метров на десять. Рядом нарисовался Ангел, который сейчас хохотал над моей реакцией. Прижав одну руку к груди, другой я прикрыла рот, чтобы не запищать снова.

— Ну ты и дерганая, chica^[14]! Такие люди, как ты, скрашивают жизнь.

— И это мне говорит мертвый пацан, — громко прошептала я.

— Тоже верно. Так что мы делаем? Опять жмуриков ищем?

— Я надеюсь, что Ванденберги очень даже живы, если они вообще там. Можешь проверить?

— А что мне с этого будет?

— Останешься при своем нормальном голосе.

— В смысле?

Я схватила его за руку и изо всех сил впиалась ногтями в призрачную кожу.

— Да понял я, понял! — взвизгнул Ангел, упав на колени.

Я его отпустила. Он прижал к себе руку и стал дуть на оставленные мной следы.

Я смерила его строгим взглядом:

— На кону жизни людей, Ангел, а тебя волнует только твоя доля.

— Так мне ж всего тринадцать.

Что ж, тут он прав.

— Ладно, извини. Просто походи и посмотри, там Ванденберги или нет. — Он злобно уставился на меня, и я добавила: — Пожалуйста.

Ангел исчез. Я попыталась успокоиться, но для этого слишком замерзла, устала и проголодалась. А еще очень сильно переживала за мистера Ви, Натали, Джозефа и Джасмин.

Внезапно раздался громкий звук. Казалось бы, ничего особенного, но в меня ударила такая мощная волна энергии, что я чуть не упала. Это была стена из чистого страха. Еще до возвращения Ангела я поняла, что Ванденберги здесь. Неужели это был выстрел?

Я выпрямилась и пошла к дому, а уже через несколько секунд бежала что есть мочи. Наверное, я бы добежала до самой двери и снесла ее с петель, если бы меня не сбил с ног Ангел.

Мы покатались в кусты. Я боролась изо всех сил, потому что должна была прийти на помощь этой семье. Должна была помочь детям.

— Прекращай, черт тебя дери! — процедил Ангел, прижимая меня к земле, но я продолжала пинаться и царапаться. — Все в порядке, Джейни, они живы.

— Что это был за звук? — утопая в панике, спросила я.

— Миссис Ви уронила сковородку. Плохие парни психанули. Но там все в порядке, честно.

Я прекратила дергаться и застыла, пытаюсь успокоиться и перевести дух. И тут до меня дошло, какую глупость я только что совершила. Из-за меня их всех могли убить! В глазах запекло, и я закрыла их ладонью.

Ангел сжал меня еще крепче. Я не сопротивлялась.

Прямо сейчас появилась очередная большая и жирная проблема. Я подошла слишком близко к дому. Если до сих пор меня никто не видел, то точно увидят, как только я встану на ноги. Пока что меня скрывала высокая растительность, но валяться тут до ночи никак нельзя. Нужно привести кого-нибудь на помощь.

— С ними там точно все путем? — спросила я у Ангела. — Даже с детьми?

— Все живы.

— Если бы только можно было как-то...

Мои глаза распахнулись. У меня же есть сотовый! Можно ведь позвонить. Но кому? Я не знаю ни единого номера, и, насколько мне известно, справочника сотовых номеров не существует.

Мы находились так близко к дому, что легко расслышали крик. Я вся съежилась, услышав мужской голос, который говорил на фарси.

— Я не знаю, что делать, Ангел.

— Я тоже.

Как только голоса в доме стихли, зазвонил мой сотовый. Я даже не сразу узнала звук, только поняла, что звенит карман. Надеюсь, что бандиты ничего не слышат, я потянулась за телефоном. Кто может мне звонить? Номера ведь ни у кого нет.

— Алло.

В трубке раздался спокойный женский голос:

— Джейни? Чем занимаетесь?

Я задумчиво моргнула.

— Эм-м, ничем.

— То есть вы не валяетесь у хижины, где вполне могут держать в заложниках Ванденбергов?

Я тут же выпрямилась, но Ангел опять прижал меня к земле. И правильно. Хреновый шаг. Черт бы побрал рефлексy.

— Агент Карсон?

— Единственная и неповторимая. И где, позвольте спросить, вы должны находиться?

Ответила я далеко не сразу:

— Где угодно, только не здесь?

— Браво. Вы переходите в бонусный тур.

— Минуточку, а вы где?

— В хорошо продуманной и не менее хорошо скрытой засаде. В отличие от вас. У меня было два отряда наготове, пока не нарисовались вы. Теперь гарантирую: как только доберусь до вас, вам тоже светит арест.

Надо же, какая вспыльчивая!

— А что значит «наготове»?

— А то, что они готовы вести скрытое наблюдение, чтобы понять, что происходит в доме.

— Это в пасмурный-то день? Когда дождь может пойти в любую минуту?

— Эти ребята асы. И в своем деле невероятно хороши.

— Погодите минутку. Ангел, где держат Ванденбергов?

— В угловой спальне. Там все, кроме миссис Ванденберг. Она сейчас готовит.

— За остальными кто-нибудь следит?

— Нет. Всего в доме трое мужиков. Двое в гостиной, один в кухне. В спальне всех связали, так что никуда они не денутся.

Я кивнула и заговорила в трубку:

— У меня есть важная информация. — Потом передала агенту Карсон все, что сказал Ангел. — Если нам удастся как-то отвлечь бандитов, когда миссис Ванденберг закончит готовить, то мы сумеем освободить народ из спальни. За ними никто не следит.

— Вам-то откуда знать?

— Я все видела собственными глазами. Через бинокль.

— Через какой бинокль?

— Который я где-то выронила. Теперь его у меня нет.

— Что ж, спасибо. Однако первым делом мы попробуем вытащить вас, чтобы по вашей

вине никто не умер.

Стыд сжирал меня живьем.

— Я все понимаю. И мне очень жаль.

— Вы можете сейчас что-нибудь увидеть внутри?

Я уже собиралась ответить «нет», как вдруг Ангел кивнул. Ну конечно! Он же может быть моими глазами!

— Да-да, могу.

— Как думаете, сумеете оттуда выбраться, если мы организуем отвлекающий маневр?

— Нет!!! — шепотом заорала я. — Два отвлекающих маневра за день? Они уже начеку. Бога ради, это же плохие парни! Они родились ради того, чтобы быть начеку. К тому же я могу за ними последить. — Показав мне большие пальцы, Ангел исчез, и я добавила: — Я пойму, когда надо делать ноги.

— Джейни, если вы ошибетесь и вас заметят....

— Спокойно, у меня все на мази. А вы приготовьтесь выдвигаться.

— В смысле? Куда выдвигаться?

— Вы же сказали, что ваши ребята наготове. Так готовы они или нет?

— Готовы. Но все это не игра, Джейни.

— Говорю же, у меня все на мази. Как только Ванденберги соберутся в одной комнате, я устрою какой-нибудь переполох, а вы с вашими ребятами освободите все семейство.

— Джейни, я категорически запрещаю вам предпринимать какие бы то ни было шаги.

— А я и не прошу разрешения. Когда придет время выступать, я подам вам знак. Ну или схлопочу пулю в голову. Увидите то или другое — двигайтесь.

— Джейни, я приказываю...

Я повесила трубку, пока Карсон не уговорила меня не делать глупостей. Правда в том, что у меня имелось преимущество даже перед хорошо натасканными бойцами со всевозможной амуницией, оружием и остальными причиндалами. У меня в арсенале был мертвый тринадцатилетний гангстер. Гонора у него хоть отбавляй, зато терять ему практически нечего.

Ангел снова появился рядом и лег в кустах, опустив голову, словно его могли увидеть.

— У окна постоянно дежурит охранник. Я что-нибудь придумаю, чтобы его отвлечь.

— Не надо. У меня другая идея. Причем очень даже неплохая. Нужно только найти острую палку и кучу крови.

Я так нервничала, что аж тошнило. В животе все бунтовало, пока я лежала на земле и ждала новостей от Ангела. В третий раз перезвонила агент Карсон. Я сказала, что миссис Ванденберг наконец-то отпустили к семье, так что скоро придется действовать, и попросила Карсон предупредить своих ребят.

Очень неохотно, но она все-таки разрешила мне отвлечь бандитов, чтобы ее люди смогли освободить заложников. Выбора я ей, конечно, не оставила, но ни один агент на свете не позволит какой-то незнакомке вмешаться под видом «отвлекающего манера» в детально спланированную операцию. Ни за какие коврижки. Так что наверняка в нашей с

ней истории есть что-то такое, чего я не знаю.

— Джейни, — мрачно проговорила в трубку агент Карсон, — эти люди очень, очень плохие.

— Знаю. Они держат в заложниках целую семью.

— У Ванденбергов не было шансов на выживание. Люди, с которыми мы имеем дело, из тех, что просто так заложников не отпускают.

Пульс зачастил.

— Поняла. Они суперкозлы.

— Вы уверены в своем решении?

— На все сто.

— Что конкретно вы собираетесь предпринять?

— Буду импровизировать. — Повесив трубку, я взглянула на Ангела. — Ну, была не была.

Он нашел мне кое-что получше острой палки. Если меня не прибьют в перестрелке, которая наверняка начнется, то очень вероятно, что я умру от столбняка или какого-нибудь плотоядного вируса. О стерильности тут речи не идет.

Покрепче взявшись за кусок ржавого металла, который Ангел нашел в паре метров от наших кустов, я начала резать лоб по линии роста волос. С первой попытки получилось не очень глубоко. Мне нужно было больше крови, чтобы все выглядело убедительно.

— Может, ты меня это штукой проткнешь? — спросила я у Ангела.

— Иди ты к черту. Я не буду тебя ни протыкать, ни резать. И вообще, это твоя идея.

Я закрыла глаза и стала резать снова. На этот раз я думала о Джозефе и Джасмин, о том, как они сейчас напуганы. В конце концов металл рассек несколько слоев, и по лицу потекла кровь. Я втерла ее в волосы и тряхнула головой, чтобы грива растрепалась. Потом провела железякой по щеке, шее и груди, надеясь, что оставляю глубокие и убедительные порезы.

Опять затрезвонил сотовый. Видимо, агенту Карсон мой план не понравился. К сожалению, в этот план входило и то, что телефон надо разбить. Я принялась тыкать в сотовый куском металла. Снова и снова.

— Ну и злющая ты барышня, — заметил Ангел.

Я коснулась его руки там, где оставила царапины.

— Извини меня. Я не хотела сделать тебе больно.

Пару секунд он молчал, а потом со смехом отмахнулся:

— Я тебя умоляю! Я ж засранец. И прекрасно это знаю.

— И вовсе ты не засранец. Просто повел себя, как и положено тринадцатилетнему мальчику. — Я наклонилась и поцеловала его в щеку, и он смущенно опустил голову. — Ну ладненько. Дай знать, когда охранник не будет пялиться в окно.

Ангел кивнул и исчез, а через пятнадцать секунд я услышала одно-единственное слово:

— Вперед.

Со всех ног я бросилась в деревья, растущие вокруг хижины, упала под первый попавшийся куст и стала ждать. А спустя еще несколько секунд опять услышала «Вперед!».

На этот раз я побежала туда, откуда прибежала, но сильно хромала, много спотыкалась, падала и ползла. Зная, что сейчас наверняка все три гада наблюдают за моим представлением, я добралась до задней двери, стукнула по ней ладонями и сиплым голосом завопила:

— Есть кто дома?!

На самом деле я не ждала, что мне откроют. Все, что мне было нужно, — это чтобы бандиты подумали, что я вне себя от ужаса, и что мне нужна помощь. Я шла вокруг дома и громко умоляла хоть кого-нибудь помочь моему мужу, а добравшись до главного входа, со всей дури заколотила в дверь.

— Они на всякий случай проверили спальню, — сказал Ангел, который шел за мной и то появлялся, то исчезал, не успевала я и глазом моргнуть. — Сейчас все трое за дверью. Наблюдают за тобой. Пушки повытаскивали.

Я навалилась на дверь и опять постучала, оставляя кровавые отпечатки ладоней.

— Пожалуйста... прошу вас, мне нужно позвонить! Умоляю, откройте...

— Пора выступать воякам, — сказал Ангел.

Я опустила руку и сложила пальцы в знак «о'кей», мысленно молясь, что агент Карсон это увидит. А все потому, что дверь открылась.

На пороге стоял мужчина. Он опустил пистолет и во все глаза пялился на меня.

Это был тот же мужик, который два дня назад сидел за столом мистера Ви. Правда, я растрепала волосы и перемазала кровью все лицо, так что вряд ли он меня узнает.

— Прошу вас, — пробормотала я, покачиваясь, будто вот-вот грохнусь в обморок, — помогите моему мужу. Он в машине. — Я показала в сторону озера и протянула мужику разбитый сотовый. — У вас есть телефон? Умоляю вас... Он не может выбраться...

Никто из троих ничего не сделал и не сказал. Я согнулась пополам, и меня вырвало прямо на пол. Причем по-настоящему. Такое черта с два сымитируешь. Тот факт, что через щель между дверью и косяком я увидела нацеленный на меня АК-47, стал прекрасным поводом извергнуть перед зрителями содержимое желудка. А потом случилось нечто драматическое, чего я сама не ожидала. Я упала на колени в лужу собственной рвоты и потеряла сознание. Ну или притворилась, будто потеряла сознание.

Лежала я так неподвижно, как только может лежать живой человек. А секунду спустя один из мужиков поднял пушку и прицелился мне в голову.

*Жизнь, дружочек мой, — это тебе
не одни сплошные буррито и стриптизерши.*

Факт

Вообще, доверять людям — далеко не моя фишка, но сегодня я доверила свою жизнь агентессе ФБР, которую никогда не видела, и ее команде. Надеюсь, они оправдают свою репутацию обалденно метких стрелков.

Бандиты запаниковали и затараторили на фарси, пытаясь решить, что со мной делать. Обсуждение вылилось в капитальный спор, что само по себе выигрывало для людей Карсон драгоценные минуты, чтобы спасти Ванденбергов.

Мужики начали толкаться. Одному хотелось запереть меня в сарае позади хижины. Там мне точно долго не протянуть, потому что холод на улице стоял нечеловеческий. Второй хотел затащить меня в дом, чтобы там за мной приглядывать. Третий предлагал по-простому пустить мне пулю в голову. Они ведь уже почти достигли цели. Этим же вечером они вернутся в магазин мистера Ви и заберут свою «посылку». Глупо рисковать и оставлять меня в живых, если все равно, так или иначе, меня «придется убрать».

Открыть глаза я так и не осмелилась, но Ангел озвучивал мне каждое движение этих гадов:

— Они пелятся в окна, чтобы понять, не видел ли кто, как ты сюда приперлась. Пока никому и в голову не пришло проверить, как там Ванденберги.

Нам-то и нужно было всего несколько минут. Ровно столько, чтобы Ванденбергов успели развязать и вытащить через окно.

— Сейчас вернусь, — сказал Ангел, а секунду спустя добавил: — Порядок. Всех развязали, и сейчас вояки детей вытаскивают.

Бороться с радостью от таких новостей не пришлось — меня пнули в живот. Один из бандитов пытался устроить мне полет с крыльца. В конце концов меня решили связать и бросить в сарай помирать, но никто не хотел меня туда тащить. Видимо, все благодаря тому, что недавно я по наитию рухнула в лужу собственной рвоты. Кстати, замечательное решение, чтобы не оказаться жертвой изнасилования.

Волосы сваялись в жуткие комки, чему немало поспособствовала и выше упомянутая рвота. Комки эти прилипли к крови на лице, так что, даже если бы я захотела что-нибудь увидеть, то не смогла бы. Меня опять пнули, и я прокатилась еще на метр вперед. От боли сквозь ресницы проступили слезы. Наконец мужик перестал меня пинать, схватил за ботинок и потащил вниз с деревянного крыльца.

— Эта сволочь тебя с края крыльца стащит, — сказал Ангел, начиная паниковать. — А там полтора метра до земли. Точно шею свернешь. погоди. — Наверное, он опять исчез и вернулся, потому что практически через секунду я услышала: — Они идут сюда. — И в этот раз голос Ангела звучал скорее взволнованно, чем испуганно. — Готовься бежать.

Одна беда: я понятия не имела, успели ли люди агента Карсон вытащить всех Ванденбергов.

— Здоровяк оглянулся, — сказал Ангел, и в его голосе я опять расслышала нотки страха. — Наверное, что-то услышал.

Я застонала, притворяясь, будто на секунду пришла в себя, и пнула мужика, который чуть не вывихнул мне ногу. Только благодаря этому я не обзавелась черепно-мозговой травмой, когда меня стащили с крыльца на землю. От удара вышибло дух, но я успела пригнуть голову и не сломать шею о край бревна, приземлившись на плечо.

— Молодец! — ликовал Ангел. — Ты их отвлекла!

А мгновение спустя случилось то, чего даже мое очень живое воображение не предвидело. Из винтовок с глушителями прозвучали три быстрых и решающих выстрела. Я открыла глаза, соскребла с лица заскорузлые волосы и увидела, как мужик, который меня тащил, рухнул на землю бесформенной кучей. Краем глаза, сквозь доски крыльца, я заметила, как упали оставшиеся двое, словно все это синхронное действие кто-то тщательно срежиссировал.

Команда Карсон всех порешила. Снайпер в деревьях через дорогу убил того, который меня тащил, а остальные, войдя через дом, убили двух оставшихся. Три выстрела, и все три в голову. Идеальная меткость.

Я отползла от чувака, который был ближе ко мне, и да, меня опять вывернуло наизнанку.

Пока Ангел играл с псом Ванденбергов, а медик из скорой осматривал раны, которые я сама себе нанесла, ко мне подошла женщина с бутылкой воды.

— Агент Карсон? — спросила я.

Она кивнула и села рядом со мной в задней части скорой с открытыми дверьми.

— А мы ведь уже виделись, — тихо рассмеялась я.

— Есть такое дело.

— Вы вчера приходили в кафе. Почему тогда не представились?

Она пожала плечами:

— Все равно я ничего не могла вам рассказать. Да и вы ничего нового мне бы не сообщили, так что...

— Понятно. Не хочешь мучить человека — не парь ему мозги.

— Такое у меня жизненное кредо.

Говорить с ней было приятно, как надеть старые джинсы...

— Но мне все равно придется вас арестовать.

...Которые сильно извалялись в кактусовых зарослях.

— Шутите?

— Даже не собиралась. Вы влезли в текущее расследование...

— Которое не началось бы, если бы я вам ничего не рассказала.

— Согласна, и именно поэтому я поговорю с начальством и постараюсь сделать так, чтобы обвинения против вас были минимальными.

А я-то надеялась, что обо мне вообще никто и нигде не упомянет.

— Неслабо ты себя порезала, — услышала я где-то сбоку мужской голос и увидела

Боберта.

Он вручил мне чашку кофе, и мне резко захотелось его облобызать.

Я глотнула живительного эликсира и поинтересовалась:

— А ты что здесь забыл?

— Помогаю агенту Карсон.

— Можешь уговорить ее не выдвигать против меня обвинения?

— Уговорить? — офонарел Боберт. — Я очень надеялся, что она пришлет тебе целый список. Например, препятствие правосудию.

— Это она упоминала.

— А как насчет того, что ты подвергла опасности жизнь федерального агента?

— Я ж не специально...

— А еще незаконное применение... острых, режущих ржавых предметов?

— Ладно-ладно! — перебила я. — Пусть выдвигает свои обвинения. Я согласна.

— Подожди, — ухмыльнулся Боберт, — ты еще Куки не видела. Она тебя точно по головке не погладит.

Тут пришла моя очередь офонареть.

— Неужели ты ей все рассказал?!

— Выбора не было, если я и дальше хочу быть женатым человеком.

— Ну и фиг с тобой, — пробормотала я себе под нос. — Барышня с именем вроде Куки никак не может меня напугать. И вообще...

Как только я это сказала, где-то слева раздался дикий вопль, от которого дети по всей округе съежились, а собаки заскулили.

— Джейни Доэпп!!!

Блин, этот вопль знал, как меня зовут!

К нам, поднимая пыль, бежала Куки, и впервые я ее испугалась за все то время, что себя помню.

— Какого черта?! — рывкнула она, и я заметила, что в ее глазах блестят слезы. — Как?.. Что за?.. Какого?... Даже представить не могу, как... — Секунду спустя она сгребла меня в объятия, явно не понимая, как мне больно.

Я покосилась на Боберта:

— Что, блин, ты ей сказал?

— Правду, — ответил предатель.

— Джейни... — выдохнула Куки, держа меня за плечи, а потом опять обняла. Причем со всей дури.

Ребра скрипнули. В буквальном смысле. Куки ломала мне кости, и я была уверена, что не случайно, а очень даже специально.

— Поблагодарите от меня мистера Петтигрю, детектив, — сказала агент Карсон.

— Будет сделано, — отозвался Боберт. — Он старался, как мог.

Расправив плечи, я попыталась заговорить. Получилось не сразу, потому что в легких не было ни капли воздуха.

— А причем тут мистер Пи?

Боберт усмехнулся:

— Он пытался запутать тебя, чтобы ты сюда не совалась.

Я ахнула и черт знает сколько просидела с открытым ртом.

— Он был с вами заодно?

Куки меня отпустила и с любопытством уставилась на мужа, который спокойненько ответил:

— Ага.

Я почувствовала себя использованной, словно меня предали все, кому не лень, и исключили из круга доверия.

— Должна признать, — опять заговорила агент Карсон, — мы не подозревали о существовании хижины, пока вы не попросили детектива Дэвидсона поискать ее местоположение. В итоге вы привели нас прямиком к преступникам.

— То есть вы все-таки не будете выдвигать против меня обвинения?

— И не мечтайте.

Потом мы молча сидели, пока бригада скорой перевязывала мои раны. Кто-то сделал мне укол от столбняка. Порез на ноге уже заживал, и я очень надеялась, что с новыми ранами будет так же. Наверное, в прошлой жизни я была помещена на витаминах и ела тоннами всякую зелень, которая начинается на «са» и заканчивается на «лат».

— Смотри-ка, — сказала я и ткнула Куки локтем в бок.

Пришла ее очередь дышать кислородом в маске, которую мы нашли в машине скорой. Куки сняла с лица маску с причмокивающим звуком и вопросительно выгнула бровь.

— Это тот самый парень, — добавила я, встала и медленно, обалдев с ног до головы, двинулась вперед.

— Ты так говоришь только потому, что пришла моя очередь на маску.

— Да нет же! Говорю тебе, это он.

Я ткнула пальцем куда-то вперед. Среди кучи офицеров и агентов, которые сновали туда-сюда по обе стороны желтой ленты, стоял лысый шкаф, работавший в химчистке.

— А ну-ка стоять, мистер!

Он повернулся ко мне и выдал ослепительную улыбку. Поначалу я хотела повалить его на землю, но вряд ли бы что-то из этого вышло. Поэтому я просто ураганом помчалась к нему и уже на бегу заметила, что он в бронежилете. Разве плохие парни носят бронежилеты?

Не успела я и слова вставить, как шкаф спросил:

— Чего пр-р-ришла?

А потом запрокинул назад здоровенную голову и громогласно расхохотался.

Я все еще пыталась уложить в голове тот факт, что он вообще здесь, когда к нам подошла агент Карсон. И не одна, а с женщиной, которая тоже работала в химчистке. И на ней тоже был жилет.

Она покосилась на своего приятеля:

— Чего она пр-р-ришла?

А секунду спустя они хохотали уже вдвоем. Это было так странно, что напомнило мне закадровый смех в каком-нибудь ситкоме.

Ну да, я точно попала в «Сумеречную зону». И веселящий газ, которым угощают своих пациентов стоматологи, тут ни при чем.

Наконец женщина перестала смеяться, шагнула ко мне и показала пальцем на мой лоб:

— А у вас стальные яйца. Меня зовут Клава Паяри, а этой мой напарник Илья Зольнерович. Мы агенты ФСБ в отставке. Сейчас беремся за разные... — Она помолчала подбирая слова. — За разную подработку.

— Вот оно что! Так это просто подработка?

Илья кивнул:

— Благодаря вам мы мочь вместе спать. Мозгами.

— Вы психологические любовники?!

Нервно усмехнувшись, Клава сердито покосилась на Илью:

— Английский ему еще учить и учить. Он имеет в виду, что теперь нам не нужно волноваться. Вы нам очень помогли. Как вы смотрите на то, чтобы мы постирали вашу куртку бесплатно?

И они снова рассмеялись. Смех еще долго отдавался эхом в покосившемся цирке, который раньше был моим мозгом.

Перестав наконец надо мной подшучивать (а это заняло уйму времени), бывшие агенты ФСБ рассказали, как годами пытались изловить русского торговца оружием. Отследили его аж до Штатов, но здесь он постоянно переезжал с места на место, и найти его никак не удавалось. Однако, где бы он ни находился, кое-что он делал с религиозным фанатизмом. Ставил на бои без правил. Вырос он где-то на улицах России и с тех пор капитально увлекся этой забавой.

Когда в США проигнорировали запрос России на выдачу преступника, пришлось разрабатывать целую операцию с агентами под прикрытием и нелегальной организацией, которая устраивала бои без правил несколько месяцев подряд. Металлическая стена, которую похитители Ванденбергов собирались разрезать плазморезом, вела в безопасную комнату, заранее оборудованную для того, чтобы держать кого-то взаперти на случай, если торговца оружием все-таки поймают. Вокруг него постоянно толпились телохранители, а значит, его нужно было хорошенько спрятать там, где до него никто не доберется.

— Это называется экстрадиция, — продолжала Клава. — Преступника надо поймать и насильно вывезти в другую страну, где его ждет судебное разбирательство.

— Мы как Пес, — добавил Илья.

До меня не дошло:

— В смысле, как ищейки?

— Нет. Как Пес, который охотник за головами. Только моя прическа есть лучше, да? — Он погладил себя по лысине и опять расхохотался.

Мне уже начинало это надоедать.

— Разве Псом кто-то еще восхищается?

Илья ударил себя кулачищем в грудь:

— Внутри меня есть большое восхищение.

Боже мой! Я могла бы придумать на такое заявление тысячи пошленьких ответов!

— Илья хороший боец, — объяснила Клава. — Выигрывает кучу денег.

Вот уж не сомневаюсь.

— Так вы охотились на этого типа два года? А сейчас он где?

— Тут. Поймали его на прошлой неделе. Пришлось посадить в клетку, пока идет бумажная волокита.

Учитывая незаконные увлечения преступника, мне должно было быть наплевать на его судьбу. Но почему-то я все равно немножко встревожилась:

— Вы держали его неделю в металлической коробке? Он же там насмерть замерзнет.

— Мы русские. Ваши зимы для нас как развлечение. К тому же комната отапливается и проветривается. А еще там есть туалет.

Не история, а просто дикость какая-то. Мне не захотелось бы себе такое представлять, даже если надо было бы просто добавить красок в черно-белую раскраску.

— Ну а эти-то парни как сюда вписываются? — спросила я и показала на хижину. Точнее на мешки с трупами на земле возле дома.

Меня даже передернуло.

— А это его самые крупные клиенты. «Аль-Каида». Они очень хотят его вернуть. Хотя скорее хотят добраться до его денег и складов.

— Не хотела бы я быть на его месте.

— Точняк! — поддакнул Илья и хлопнул меня по спине.

Не знаю почему, но так и подмывало окрестить его Пупсиком. И все-таки я сдержалась. В основном потому, что частенько так называю саму себя, в мыслях. И еще потому, что, честно говоря, было страшновато лицезреть последствия.

— Джейни!

Я повернулась, увидела мистера Ви и расправила плечи.

— Мистер Ванденберг! Я думала, вы с семьей.

Их сразу же отвезли в больницу. Мне ужасно хотелось увидеть детей, но они страдали от обезвоживания. Мало того, им точно до конца жизни понадобится помощь хорошего психотерапевта.

— Как раз собираюсь к ним, — сказал мистер Ви, и его голос дрогнул. — Я... — Он замолчал и опустил голову. — Мне все рассказали. Даже не знаю, как тебя отблагодарить.

Я подошла к нему и коснулась его руки:

— Можете отблагодарить меня тем, что не станете подавать на меня в суд.

Мне еще возмещать ущерб за кучу испорченного антиквариата, так что без обвинений в проникновении со взломом я бы точно обошлась.

Мистер Ви недоуменно нахмурился:

— Я и не собираю...

— Сейчас это совершенно не важно. Я очень рада, что с вашими родными все в порядке.

Он обнял меня тощими руками. Я кивком позвала Ангела, потому что хотела, чтобы он тоже все это видел. Без него у меня ничего бы не получилось. Взяв его за руку, я поцеловала его в ладонь. Ангел смущенно опустил голову.

— Моя дочь была права. Ты ангел, — шепнул мистер Ви мне на ухо и отстранился, все еще держа меня за плечи. — Она видела тебя из окна. Сказала, что ты ангел, который пришел нас спасти. Она была права...

Я покачала головой:

— Наверняка она меня с кем-то перепутала.

Мистер Ви тоже покачал головой:

— А если серьезно, где ты прячешь крылья?

До самой Сонной Лощины Боберт с Куки ехали за мной. Впритык. Как будто ждали, что я выкину что-то из ряда вон. Как будто перестали мне доверять. Со стороны это выглядело странно. Я сразу поехала в кафе. Они — тоже. Да уж, чую, у нас намечается проблемка.

Они рассказали мне, что, когда Боберт позвонил Куки, она выскочила из кафе, визжа, как самая натуральная банши. Никому ничего не объяснила, не сказала, куда ее понесло.

Теперь ей нужно было рассказать обо всем Дикси. Мне же нужно было объяснить Рейесу, почему я не пришла на обед, и узнать, не хочет ли он заняться со мной сексом чуть-чуть попозже. Для этого я всегда найду окошко в своем расписании.

Мы ворвались в кафе так, словно имели на это право. Смена Куки давно закончилась, но Дикси все равно нашла ей работу. Видимо, рук не хватало.

Рейес как-то странно на меня поглядывал. Неужели знал про Ванденбергов? Или просто расстроился, что я с ним не пообедала? Честное слово, я бы позвонила, если бы не разбила телефон.

Глубоко вздохнув, я уже собиралась пойти и поговорить с Рейесом, но не успела сделать и двух шагов, как передо мной появилась Шайла.

— Привет, солнышко, — сказала я и только потом хорошенько ее рассмотрела.

Пришлось изобразить улыбку, потому что я понятия не имела, что еще можно сделать.

Шайла смотрела на меня огромными глазами. Благодаря почти бесцветным радужкам и маленькому носику с россыпью веснушек она очень сильно смахивала на фею. Только теперь в Шайле угадывалось какое-то изящество, которого не было раньше. Мягкость, которая восхитила меня до глубины души.

И все-таки я бы предпочла видеть ее такой, как прежде. Ласковой, заботливой и полной жизни.

Осознав наконец правду, я отшатнулась.

Шайла протянула ко мне руку:

— Все в порядке, честное слово.

Из-за слез она начала передо мной расплываться. Этого не может быть! Я же видела ее только вчера! И она просто лучилась здоровьем. Была яркой и счастливой. Словно светилась изнутри, как самая настоящая фея. Как могло все так быстро измениться? Когда она успела окраситься в призрачные серые полупрозрачные оттенки?

Я отвернулась от нее и привалилась к стойке с кассовым аппаратом. Дышать было сложно. Хотелось исчерпывающих объяснений. После дочки Эрин, после детей мистера Ванденберга... Как такое могло произойти? И почему именно сейчас? Неужели жизнь действительно так бессмысленна? Неужели настолько хрупка, что ее так легко потерять?

Шайла коснулась моего плеча:

— Джейни, я осталась только ради него. Ради Льюиса. Можешь кое-что ему передать?

Когда я снова посмотрела на нее, по лицу всюду текли слезы. Почему смерть выбирает невинных людей? Почему целится в самые чистые, самые светлые души?

— Можешь передать ему, что эти два дня были самыми счастливыми в моей жизни?

— Ничего не понимаю, — выдавила наконец я.

Несколько посетителей уставились на меня. С застывшим на лице любопытством Дикси вышла из-за стойки и стала вытирать руки полотенцем. Куки перестала заниматься тем, что делала, и застыла.

— У меня была астма и серьезнейшая аллергия. Никто не виноват. Я съела корн-дог из супермаркета. Раньше ела их много раз, но теперь они, наверное, стали готовить на арахисовом масле.

Из моего горла вырвался еле слышный плач, и я упала на локти. Если бы не стойка, я бы рухнула, как трое бандитов, которых сегодня убили. В голове не укладывалось, как такое могло случиться...

— Я всего лишь хочу, чтобы Льюис понял, какой он замечательный человек. Он ведь

даже не представляет, насколько он хороший! Он должен знать, Джейни. И он должен знать, как сильно я его любила.

Шайла подошла ближе, а я не могла на нее посмотреть. Несмотря на всю сегодняшнюю браваду, я все-таки законченная трусиха.

— Пообещай, что все ему передашь, — более решительным голосом проговорила Шайла. Видимо, чтобы привлечь мое внимание.

Одно дело — видеть мертвых незнакомцев. В каком-то смысле все это даже не кажется настоящим. И совсем другое дело — видеть умерших знакомых людей, зная, что еще недавно они были живы и здоровы, что именно они заслуживали всего того прекрасного, что может предложить жизнь.

В конце концов я кивнула, и Шайла улыбнулась:

— Спасибо.

Ни слова больше не сказав, она перешла на другую сторону.

Я вцепилась ногтями в стойку, а перед моими глазами калейдоскопом пролетала вся жизнь Шайлы. Я увидела, как Льюис впервые ее заметил. Ну, почти заметил. В старших классах она уронила на пол учебники. Вокруг все смеялись, и только Льюис подбежал к Шайле и помог собрать книги, а потом быстро ушел, как ни в чем не бывало, чтобы догнать друзей. Шайлу покорило именно то, как непринужденно он ей помог. Не ради благодарностей или чего-то еще. Просто помог, потому что такова была его природа. До того дня Шайла была невидимкой. А в тот день, в ту самую секунду решила, что обязательно выйдет из тени.

Я увидела, как в средних классах она наблюдала за Льюисом на школьном конкурсе талантов, где его группа играла песню «Fall Out Boy». Льюис играл на соло-гитаре и, в итоге, выиграл главный приз и завоевал кучу женских сердец. Но Шайла и не думала ревновать, потому уже тогда всей душой его любила. Она была за него счастлива. Ей хотелось, чтобы он тоже был счастлив.

Я увидела, как в пятый день рождения у нее начался приступ астмы. Пришлось срочно везти ее в больницу. Шайла несколько не расстроилась, что пропустила собственный праздник, так и не попробовала торт и не провела время со своими друзьями. Она сердилась на себя. За то, что пролила красный растворимый напиток на платье, которое мама шила ей всю ночь. Ужасно расстроившись, Шайла проплакала несколько часов, а мама опять всю ночь не спала, чтобы из остатков платья сшить костюмчик с шортами.

Я увидела день, когда Шайлу удочерили. Еще младенцем она побывала в нескольких приемных семьях, и только в три года ее родители наконец ее нашли. Она была худенькой болезненной девочкой с кислородной трубкой в носу, но они все равно ее узнали. Сказали, что искали ее повсюду. У нее были голубые глаза и веснушки, а родители оказались высокими, смуглыми и экзотически красивыми людьми. Но она тоже их узнала.

Я увидела Шайлу в реанимации для новорожденных. Она была такой слабенькой, что вся дрожала от лекарств и не могла сама дышать. Ее сердце отказывалось работать. Поэтому ее на десять дней подключили к всевозможной аппаратуре, и Шайла наконец уснула под пиканье мониторов. Медсестры просили ее бороться изо всех сил, и она боролась.

Я увидела, как она появилась на свет на грязном полу какого-то притона. Ее мать уже умерла от передозировки наркотиками. Поначалу Шайлу даже не заметили. Никто не вызвал ни скорую, ни полицию. Но никто не виноват. Она родилась невидимкой. И все-таки каким-то чудом ее увидел один из дилеров. Не желая связываться с копами, он завернул малышку в

жесткую рубашку с засохшей кровью и оставил у дверей круглосуточного ликероводочного магазина.

Напоследок Шайла оглянулась и подарила мне загадочную улыбку. И только сейчас я заметила татуировку на худеньком запястье. Там было всего несколько слов: «Невидимая девочка вышла на свет».

Я вернулась в настоящее и поняла, что все еще цепляюсь за стойку. Меня трясло от гнева, ярости, негодования — от всего сразу. И трясло так сильно, что дрожала и стойка. Пластик под моим лицом был мокрый. С подбородка капали слезы. А ярость внутри меня словно зажила собственной жизнью.

— Чарли... — тихо сказала Куки, медленно подходя ко мне с поднятыми руками.

Через открытую дверь в кухню за мной наблюдал Рейес. Он опустил голову, и во взгляде отчетливо читалось предупреждение.

Но было уже поздно.

Я выпустила на свободу разъяренного зверя.

*Я вижу мертвых людей.
Нет, не так. Беру свои слова назад.
Я вижу людей, которых хочу увидеть мертвыми.*

Открытка

Случившееся напоминало фильмы, где над главной героиней жестоко издеваются сверстники. Внезапно обнаружив в себе суперсилы, она нечаянно разбивает окна в школе и осыпает обидчиков осколками.

Вот только у меня все получилось не нечаянно. Я этого хотела.

Мир взорвался. Все, от витринных окон до кофейных чашек на столах, разлетелось на миллионы острых, смертельно опасных торпед. Люди попадали с застывшими на лицах разными стадиями шока и ужаса. Время остановилось. Рядом стояла Куки, протягивая ко мне руку. Выражение лица у нее было печальным, словно она все знала и понимала.

А потом я увидела Рейеса. За абсолютным, на первый взгляд, спокойствием, кипел такой гнев, что я даже опешила. Рейес стоял совершенно неподвижно, но вокруг него пылало пламя до самого потолка, где оно разливалось во все стороны.

Мы оба одновременно повернулись ко входу в кафе. Сжав кулаки, я смотрела, как ко мне идет то самое крылатое существо, которое я видела раньше. Перед ним расступались застывшие в воздухе осколки и звенели, сталкиваясь друг с другом. Звук был похож на треск льда в морозный день.

Огромные крылья заняли все пространство зала от стены до стены, пока ангел, или кто он там, не сложил их за спиной.

Рейес находился в дальней части зала, но ангел обратился именно к нему:

— Рейазиэль.

— Михаил.

Ангел повернулся ко мне. Каждое его движение было напряженным, даже каким-то официальным.

— Эль-Рин-Алитхиа...

Я нахмурилась и шагнула назад.

— Это мое имя?

— ... Отец Иегова, единственный истинный Бог в этом мире, прислал меня положить конец твоей смертной жизни, чтобы ты могла вознестись в данное тебе по праву всезнание и всемогущество и занять положенное место для выполнения своего долга.

От ярости не осталось ни следа. На ее место пришел шок.

— Ничего не понимаю.

— Ты — вэл-итх. В своем нынешнем воплощении ты слишком могущественна для этого мира.

Я покосилась на Рейеса. Пламя его слегка поутихло, и теперь он смотрел на Михаила с каким-то странным интересом.

— Теперь я вообще ничего не понимаю.

Михаил смерил меня одним быстрым взглядом с ног до головы.

— Можешь представить себе, что произойдет, если в руках несведущего ребенка окажется детонатор от ядерной бомбы?

— Ну, наверное, что-то очень нехорошее.

— А теперь представь, что этот ребенок держит в руках детонатор от ста триллионов таких бомб.

— Я так понимаю, что в этом сценарии ребенок — я, и у меня имеется какой-то там детонатор, правильно?

— Ты и есть детонатор, Эль-Рин, а все сто триллионов бомб находятся внутри тебя.

Я глянула вниз и проямлила, пытаюсь осознать услышанное:

— Внутри меня бомба, значит...

— Твоя неспособность осознать сложившуюся ситуацию лишь усугубляет проблему.

— Да как такое вообще возможно?

— И это снова доказывает мою правоту.

— Хорош умничать, — процедила я и шагнула ближе к ангелу. Осколки зазвенели и стали собираться вокруг него. — Я все поняла. Я идиотка. А теперь ответь на мой вопрос. Как такое вообще возможно?

— Всего этого не должно было произойти, — уступил Михаил. — Ты не должна была войти в полную силу, пока не истечет срок твоего материального воплощения. Слишком рано ты узнала свое истинное имя и слишком рано обрела силы. Как ты наверняка сама видишь, тебе не удалось с этим справиться. Ты не помнишь собственного имени. Не помнишь ни одного из своих имен. И ты не в состоянии контролировать свою ярость. Только что ты одной лишь силой мысли пыталась убить всех, кто здесь находится.

— Нет. — Я шагнула назад и врезалась спиной в стойку. — Ничего такого я не планировала. — Я осмотрелась по сторонам. Увидела Дикси, мистера Пи и Куки. — Я бы никогда не причинила им вреда.

— Тогда к чему все это? — спросил Михаил, кивнув на сияющие, как кристаллы, осколки стекла. — А ведь это результат крошечного намека на осознанную мысль. Бесконечного малого намека, несравнимого даже с песчинкой в вашей Сахаре. Только представь, что бы ты могла натворить, если бы подумала тщательнее.

В этот момент Рейес уже стоял в паре шагов от меня. Я даже не заметила, что все это время он потихоньку приближался.

— Значит, ты пришел ее убить? — спросил он у Михаила.

Из моих легких, как удара, вышибло весь воздух.

— Тут уже ничего не изменить.

— Я хочу заключить с тобой сделку, — сказал Рейес. — Вали к чертям из этой богадельни, и я оставлю тебя в живых.

Вот только мы точно не были ни в какой богадельне. Я еще раз осмотрелась по сторонам. Нет. Мы определенно в кафе, а не где-то еще.

— Меня прислали с миссией, Рейазиэль.

— Тогда тебя прислали встретить смерть.

— Я-то думал, что в нашу последнюю встречу ясно дал тебе понять...

— Смешной ты тип. Тогда на мне осталось больше твоей крови, чем моей.

Михаил демонстративно закатил глаза. Неужели так даже ангелы делают?

— Мы могли сражаться хоть весь день.

— Чего конкретно Ему надо?

— Чтобы вэл-итх занималась своей работой. Именно поэтому Он позволил ей сойти с этого мира. Чтобы остановить падшего.

Рейес склонил набок голову.

— А я-то думал, что он позволил ей появиться здесь, чтобы она стала порталом. Его порталом.

— Это тоже было одной из причин, — слегка пожал плечами Михаил. — Но основной являлось то, что в изначальном договоре с твоим отцом нашлась лазейка.

— Понятно. Одним выстрелом — двух зайцев.

Ангел возражать не стал:

— Увы, два бога в одном мире — это перебор, — и наградил Рейеса сердитым взглядом. — А пять — это уже вторжение.

Рейес шагнул еще ближе ко мне.

— Мы знаем о трех богах Узана. Ты силен, Михаил, но не настолько. Я видел их в бою. И поверь мне, далеко не зря их называют богами. Тебе понадобится наша помощь. Мы можем всех трех навсегда вышвырнуть из этого мира.

Ангел замер и сощурился:

— Вам по силам справиться с богами Узана? Со всеми тремя?

— Да.

Михаил что-то молча обдумывал, пристально глядя на Рейеса, а потом спросил, словно до сих пор сомневался в услышанном:

— То есть ты планируешь сам их отсюда прогнать?

— Среди кучки ангельских кретинов тебе лучше всех известно, на что я способен.

Медленно, без намека на угрозу ангел поднял меч, приставил к моему подбородку и приподнял холодным острием мою голову. Несколько секунд он меня изучал, словно оценивал мои возможности.

— Это случится до или после того, как она ненароком разрушит вселенную?

По плечам Рейеса заструился черный дым, собрался лужей у ног и превратился в черный плащ. Вытащив из клубящихся слоев огромный меч, Рейес сделал то же самое — медленно поднял оружие и коснулся острием горла ангела.

— Это случится до того, как она ненароком разрушит вселенную, и после того, как я разрублю твои легкие.

Ни капельки не впечатленный, Михаил покосился на Рейеса:

— Если ты потерпишь неудачу, Он лично за тобой придет.

— Сомневаюсь.

Ангел опустил меч, но Рейес и не думал опускать свой. Да уж, у него явно проблемы с доверием.

— Даешь слово, — спросил Михаил, — что прогонишь из этого мира всех трех богов?

— Даю слово.

— Любой ценой?

— Любой ценой.

Внезапно у меня возникло ощущение, что Рейеса только что обвели вокруг пальца. Уголок рта Михаила едва заметно приподнялся от намека на ухмылку. Сделка, которую он только что заключил, его явно обрадовала. Даже чересчур. Во что же втянул себя Рейес?

Секунду спустя, пока Рейес не успел ничего сказать, Михаил поднял сжатую в кулак

правую руку и порезал запястье об острое лезвие меча Рейеса. Последний сделал то же самое, словно членовредительство — это какая-то забава, блин. Переложил рукоять меча в левую ладонь и разрезал о лезвие правое запястье.

Я даже не поняла, когда успела прикрыть рукой рот. Из глубокого пореза по предплечью Рейеса потоками текла кровь. Они с Михаилом шагнули навстречу друг другу и уже как будто собирались пожать руки, как вдруг ангел в последний момент остановился:

— Ты дал мне слово. Все трое богов Узана исчезнут из этого мира и больше никогда не вернутся.

Оказывается, Рейес понимал, что что-то не так. С самого начала. Я чувствовала, какая внутри него идет борьба. Он опустил голову и посмотрел на Михаила из-под темных ресниц. Карие глаза опасно мерцали. Брови задумчиво сдвинулись. Но уже через секунду Рейес коротко кивнул.

Пока он не передумал, Михаил сжал его руку ближе к локтю. Рейес сделал то же самое, и разрезанные запястья соприкоснулись, чтобы скрепить клятву кровью.

Сделка была заключена. Причем не с кем-то там, а с архангелом. Кто бы мог подумать?..

Меня так и подмывало задать один уже наболевший вопрос.

— Получается, что богов много?

Никто мне не ответил. Как только дело было сделано, Михаил как-то чересчур самодовольно осмотрел свою рану.

— Сделка заключена, Рейазиэль. Обмен кровью состоялся. У тебя нет права отступить.

Рейес подошел ко мне.

— Это в мои планы не входит.

— Мне известно, каких... почестей ты удостоился на Его территории. — Михаил вложил меч в ножны. — Не забывай, откуда ты родом.

Рейес на провокацию не купился. Просто стоял и молча ждал, когда уйдет «ангельский кретин».

Михаил уже отвернулся, но все же задержался и сказал:

— Хочу, чтобы ты знал. Я никак не мог ее убить.

Я почувствовала, как все в Рейесе замерло.

— Она дематериализовалась в человеческом воплощении и спланила его заново с помощью небесных сил. Теперь и ее физическое тело бессмертно. Лишь другой бог способен положить конец ее жизни. Отец собирался сделать это сам и уже шел за ней, но теперь, когда мы пришли к соглашению...

Странно, наверное, но Рейес казался скорее сбитым с толку, чем расстроенным.

— Ты намеренно так поступил. Зачем? Мы бы согласились, потому что сами заинтересованы в том, чтобы убрать богов из этого мира. Ни к чему было ей угрожать. — Он дерзко шагнул к ангелу. — Так зачем же?

— Некоторые сделки слишком хороши, чтобы от них отказываться.

Из груди Рейеса вырвалось раздраженное рычание. В конце концов он, видимо, решил на время отступить.

— Приберись тут.

Михаил восхищенно огляделся по сторонам:

— Сам убирай свой бардак.

— Ну и иди ты к черту, — проворчал Рейес.

В мгновение ока вернулся привычный мир. Окна были целыми и невредимыми. На столах, как и раньше, стояли кофейные чашки. Люди разговаривали и смеялись, словно повар, который готовил им еду, не заключал никакой сделки с архангелом и не обещал вышвырнуть с земли к чертовой матери каких-то там богов.

Я оглянулась, но Рейеса рядом не было. Зато через раздаточное окошко я увидела, что он стоит у гриля и готовит как ни в чем не бывало. Мои губы сложились в круглую «О». Неужели мне все это привиделось?

Взглянув на меня из-под густых ресниц, Рейес потянулся к полке со специями, и в этот самый момент я поняла, что все было по-настоящему. У него на руке виднелся здоровенный порез. Не было у меня никаких галлюцинаций.

Я попятилась к выходу, потому что начала осознавать, что натворила.

Неужели я так разозлилась, что подвергла опасности жизнь лучших друзей? Неужели я действительно нечто вроде бомбы, которая рано или поздно разрушит вселенную? А Бог — настоящий Бог! — хочет, чтобы я умерла? Что же я за чудовище такое?

Рейес замер и уставился на меня. Заметил страх в моих глазах. Как только он направился ко мне, я выскочила за дверь и помчалась что есть мочи.

В голове билась одна-единственная мысль: бежать, бежать, бежать. Убратся подальше от людей, пока по моей вине никто не пострадал. Я бежала, а вокруг меня бушевал потусторонний мир. Ветра обжигали кожу, иссушали легкие. Из всех сил я старалась оставаться в материальном мире, где только что пошел снег.

Ноги мчали меня вперед, словно не знали усталости. Когда я пыталась бегать в последний раз, меня едва хватило на полквартиры, а в итоге я чуть не приземлилась на задницу.

А теперь бежала словно не я. Бежало то существо, которое хотел убить Михаил. Которого Бог не желал видеть на своей планете.

Остановившись и тяжело дыша, я упала на колени. Дыхание из груди вырывалось белыми клубами густого тумана. Джинсы намокли от снега.

Опять налетел обжигающий ветер. Я посмотрела на руки. На коже появились пузыри от ожогов, а сама кожа начала облезать с мышц. Вскрикнув, я поползла назад. Попыталась вырваться из потустороннего мира, снова найти снег и морозный ветер, на которые столько жаловалась. По мне что-то било, но я не могла понять, из какого оно мира. Удары продолжались, и я свернулась в комок на земле. Что это такое? Птица? Или нечто потустороннее?

Сощурившись, я рассмотрела воробья, который пытался защитить свое гнездо. Казалось, я зависла между двумя мирами и ни в одном из них не могла найти опоры.

К плечу прикоснулась чья-то рука, и я вздрогнула.

— Джейни, — раздался мужской голос, — что происходит? Ты что-то приняла?

Йен. Это был Йен.

— Мне надо домой, — выдавила я на грани паники.

Он встал и смотрелся по сторонам.

— Как ты сюда забралась?

— Куда? — Я тоже осмотрелась и поняла, что мы на вершине горы, у подножия которой лежит наш городок. — Мне нужно обратно в город. Домой. — Йен ничего не сказал, и я спросила: — Можешь меня отвезти?

Он помог мне дойти до патрульной машины, и только сейчас я заметила, что он в форме.

— Ты работаешь?

— Только что сдал смену. Подожди.

Покопавшись в багажнике, Йен вернулся с бутылкой воды.

— Тебе нужно попить.

Мы поехали в Сонную Лошину по извилистым дорогам вдоль Гудзона.

— Что ты делала наверху горы? — спросил Йен в десятый раз.

С каждой секундой мне все лучше удавалось разделять миры и не путать один с другим. Наверное, нужно хорошенько выспаться. В глазах начинало мутнеть, и, когда мы выехали на шоссе, я отключилась.

Очнулась я под стук шкафчиков в кухне и под звон разбитой чашки, вот только лежала я в пустой ванне. Вся одежда была на мне, зато в мыслях не было ни единой догадки, как я здесь оказалась.

— У тебя в доме нет ни капли спиртного. — В крошечную ванную ворвался Йен. — Какого черта?

— Что тебе тут надо, Йен?

Я хотела взяться за голову, чтобы круговерть перед глазами остановилась, но ничего не вышло. Руки отказывались подчиняться и безвольно упали. Похоже, я потеряла контроль над собственным телом. Потом я попробовала посмотреть на Йена, но не смогла повернуться.

— Как ты оказалась на горе?

— Вышла на пробежку и добежала до вершины. А что? Вся гора принадлежит тебе?

Говорила я невнятно, но, судя по всему, Йен меня прекрасно понимал.

— У меня... у меня там друзья.

— Нет у тебя никаких друзей, — захихикала я, чего он явно не оценил по достоинству.

— Ты такая же конченная сука, как и все остальные.

Пусть я мало что помню о прошлой жизни, зато точно уверена, что мне не нравилось и не нравится, когда меня называют сукой.

— Все вы дразните и раздвигаете ноги, пока не получите то, чего хотите. А потом находите очередного неудачника, с которым будете, как шлюхи, трахаться снова и снова, пока опять не получите желаемое.

— Мы с тобой никогда не занимались сексом, — напонила я.

Этого Йен тоже не оценил и присел рядом с ванной.

— Если бы я мог выбить из тебя все дерьмо, я бы это сделал. И поверь мне на слово, я бы наслаждался каждой секундой.

— Видишь ли, в последнее время у меня серьезные проблемы с доверием.

— Вот где я прокололся с Тамалой. Никто с первого раза не понимает. Сначала сомневаются... — Йен оставлял на моей коже царапины. Некоторые — едва заметные. Другие — намного глубже. — Пугаются. А потом...

Он резанул мне ножом запястье. Острая боль отдалась во всем теле. По стенке ванны стала стекать кровь, капая мне на штаны. Голова запрокинулась, и я ударилась затылком о кран.

Йен схватил меня за волосы и прошипел:

— Осторожнее! Любые другие следы могут бросить тень на самоубийство.

— Ну, извини, — сказала я.

Чем бы он меня ни накачал, от этого вся ситуация казалась слегка забавной. В третий раз за день кто-то или что-то пытается меня убить.

Я фыркнула, когда Йен занялся моим вторым запястьем. Тут он оставил несколько следов. По его словам, когда кто-то пытается перерезать себе вены, после первого пореза возникает скачок адреналина, поэтому самоубийцы, чтобы уж наверняка, делают не один, а как минимум два пореза. Что ж, эта информация лишней не будет.

— А знаешь, — поделился Йен, — моя первая как раз там, на вершине горы. Иногда я прихожу с ней поговорить.

— Как это мило.

Закончив с моими руками, он уселся на пол.

— Ее звали Джанет. С ней я не пытался симитировать самоубийство, поэтому пришлось ее похоронить. Знала бы ты, какой это груз на плечах — постоянно переживать, что тело найдут. Опасаться, что крошечная оплошность, которую я совершил во время расследования, может привести копов прямо ко мне. Я каждый день живу в стрессе...

Моя голова опять запрокинулась, и Йен дернул меня вперед за волосы.

— Осторожнее, черт возьми! Говорил же, любые следы могут вызвать подозрения.

— Любые, значит?

— Любые.

— А как насчет таких?

Я показала ему, что успела нацарапать у себя на коже. На лице Йена отразился такой шок, что я громко рассмеялась. Он прочел надпись, где было написано «Здесь был Йен», и стал открывать и закрывать рот, как аквариумная рыбка. Я не выдержала и от смеха сложилась пополам.

Ну правда, день становится все лучше и лучше.

Опять схватив меня за волосы, Йен хорошенько накрутил их на пальцы и треснул меня лицом о бортик ванны. По-моему, тут он слегка перегнул. Голова отскочила, и меня пронзило ослепительной болью. Йен решил, что одного раза мало, и еще несколько раз приложил меня лицом о бортик. С каждым ударом боль утихала и в конце концов прошла совсем, так что я даже не вырывалась.

— Что, сука? Теперь тебе не до смеха? — процедил Йен и так задрал мне голову, что шея извернулась самым нездоровым образом.

То, что я увидела, показалось мне ужасно смешным. За спиной у моего потенциального убийцы стоял мужчина без души в плаще и фетровой шляпе.

Мои плечи затряслись, и Йен чуть не слетел с катушек.

Подтянув меня ближе, пока его нос чуть не коснулся моего окровавленного носа, он прошипел:

— В чем дело?

Я посмотрела мимо него и попыталась показать пальцем на очередного незваного гостя, однако Йен даже оглянуться не успел. Мужчина в шляпе схватил его за голову обеими руками и резко дернул в сторону. Шея Йена громко хрустнула. Он тут же обмяк и завалился набок.

Мужчина взял полотенце, порвал на полоски и стал перевязывать мои сочащиеся кровью запястья.

— Не можем же мы взять и все потерять. Нам понадобится хотя бы пара капель. — игриво подмигнул он мне и хмуро покосился на Йена. — Должен признать, из всех людей, что мне встречались, этим манипулировать было легче всего.

— Потому что он был придурком, — сказала я, стараясь не рассмеяться снова.

— Согласен.

Он вытащил меня из ванны и на руках понес туда, где собирался меня убить.

И на этот раз никаких шуток.

*Каждой девушке хочется, чтобы ее носили на руках.
Паниковать она начинает, когда ее засовывают в багажник.*

Мем

— К счастью, теперь тебя не так просто убить, — сказал мужик в шляпе, пока его водитель вел черный «роллс-ройс» по улицам Сонной Лощины. — Этот Джеффрис мог тебя целыми днями избивать, да все без толку.

Я переживала, что заляпаю ему все сиденье кровью, хлещущей из носа и из раны над левым глазом, но хозяину тачки, похоже, было наплевать.

— Ты самый классный из всех, кто сегодня пытался меня убить, — сказала я, и он повернулся ко мне.

— Спасибо. Приятно слышать. Многие, а особенно люди, даже представить себе не могут, чего стоит подготовить, скажем, политическое убийство, массовый суицид или ритуальное жертвоприношение. Требуется масса сил и терпения!

— Ага, слыхала.

— А если взять, например, кого-то вроде тебя? — Он беспечно махнул рукой. — Ни много, ни мало — настоящего бога! Представляешь, сколько времени занимает подготовительная работа? Одним словом, годы. Вот и все, что я скажу.

Я ошалело уставилась на мужика. Вот это преданность своему делу!

— Я уже молчу о том, сколько трудностей в пятнадцатом веке вызывало простое ведение учетных записей.

— Чувак, так ведь компьютеров ни у кого не было! — закатила я глаза. — Понятия не имею, как люди вообще тогда что-то делали.

— Аминь.

Я попыталась выплюнуть изо рта волосы, а мужик вдруг начал напевать себе под нос песню «Не бойтесь ангела смерти» группы «Blue Öyster Cult». Пораженная до глубины души я шлепнула его по руке.

— Боже мой, ты же Джеймс!

Он коснулся невидимой шляпы, потому что фетровую в машине снял:

— Технически говоря, этого человека при жизни звали Эрл Джеймс Уокер. Для твоего мужа он был... даже не знаю кем. В общем, он его вырастил, если, конечно, это слово применимо к тому, что именно он делал. Иными словами, неотесанным этот Эрл был поленом. Вот я и подумал, что такой поворот событий оказался бы весьма кстати.

— Я замужем?

— Ох, милочка... Так ты действительно ничегошеньки не помнишь?

Я покачала головой, отчего по глазу опять заструилась кровь.

— Ну что ж, больше тебе не придется ни о чем беспокоиться.

От этих слов мне стало чуточку лучше. Я закрыла глаза и провалилась в сон. Правда, поспать удалось каких-то несколько секунд, как вдруг мои глаза снова открылись. Меня привязали к очень даже удобному стулу посреди огромного склада. В печи за моей спиной

горел огонь. По лицу больше не текла кровь, а оставшиеся на щеках следы Джеймс вытирал теплым влажным полотенцем.

— Хочу, чтобы ты знала: тут нет ничего личного.

— Спасибо, Джеймс.

В помещении находилось еще несколько человек, одетых в обычные легкие куртки и джинсы. Каждый из них занимался своим делом. А еще по складу рассредоточилась горстка призраков. Видимо, их задачей было стоять на страже.

Одного из них я узнала. Это был тот самый мужчина, который частенько заходил в кафе, никогда ни с кем не разговаривал и никогда не садился в моем секторе. Мне казалось, он просто не любитель болтать впустую. Этот долговязый мужчина возвышался над большинством остальных и выглядел так, словно при жизни серьезно недоедал.

Когда Джеймс со мной закончил, белое полотенце окрасилось в темно-красный цвет, а сам Джеймс ушел наблюдать за тем, как разгружают какую-то здоровенную коробку.

Призрак из кафе исчез со своего места, появился рядом со мной и спрятался от Джеймса у меня за спиной.

— Чарли, — тихо прошептал призрак, — ты должна прийти в себя. Здесь все очень серьезно, милая.

Я была занята тем, что пыталась не уснуть и не клевать носом.

— Меня зовут Чарли? — спросила я, но призрак уже исчез.

Джеймс оглянулся, и я стала вести себя самым естественным образом. Запрокинула голову и стала изучать потолок. Потом посмотрела вниз и принялась разглядывать измазанные кровью ногти.

Как только Джеймс отвернулся обратно к коробке, призрак появился снова. Я попыталась хорошенько его рассмотреть. Неужели у меня и правда есть союзник?

— А ты... ты можешь привести Рейеса? — спросила я. — У Рейеса есть крутой меч.

— Нет, — печально прошептал призрак.

— Чего? Почему? Ты худший союзник на всем белом свете.

— Ему нельзя этого видеть. Никому нельзя. Пока ты не будешь готова.

— Да готова я, честно. Родилась уже готовой.

Я начинала паниковать, поэтому говорила громче, чем было нужно. И привлекла внимание Джеймса. Призрак исчез и появился там, где ему, видимо, велели стоять — у большущей гаражной двери.

Подошел Джеймс и развернул меня вместе со стулом.

— Посмотри-ка на это сама. Помнишь тонкий намек на пятнадцатый век? Я не просто так об этом упомянул.

Я посмотрела на коробку, которую затащили на склад. Это был деревянный ящик с кучей винтиков и шестеренок.

— Классная древесина.

— Этот ящик спрятали в тысяча четырехсотых годах. Найти его было очень непросто. Но отыскать ключ к нему — та еще задачка.

Ладно, заинтриговал.

Один из подчиненных Джеймса вставил куда-то огромный ключ, который выглядел так, словно столетия провалялся на дне океана. Как только чувак провернул ключ в замке, винтики и шестеренки завертелись.

— Если все получится, а я надеюсь, что так оно и будет, то ящик откроется, и внутри

окажется некий предмет, которому, в прямом смысле слова, нет равных. Он единственный в своем роде. Подобных ему нет ни в одном мире, ни в одной галактике. И этот предмет поражает воображение! Именно он способен запереть тебя в измерении ада на веки вечные. И все же...

Сейчас я могла рассмеяться в лицо самой смерти, но почему-то мысль о том, чтобы оказаться запертой на целую вечность в аду, как-то совсем чуть-чуть, но все-таки тревожила. А может, начинали выветриваться наркотики, которыми меня накачали, и все происходящее потихоньку воспринималось по-настоящему.

Я оглянулась на своего союзника, но он меня напрочь игнорировал. В отличие от Куки, этот чувак актер что надо.

Ящик ревел и шевелился. Панели смещались одна над другой и вдруг исчезали. Шестеренки и винтики продолжали вертеться, а потом словно тонули в центре. От каждого движения открывались все новые и новые слои сложного механизма, за каждым из которых скрывался новый слой шестеренок, искусно врезанных в дерево. Мне это напомнило русскую матрешку, только вместо куколок — бесчисленное количество ящиков.

Джеймс с упоением смотрел на весь процесс и улыбался.

— По вселенной ходят слухи, что Люцифер украл портал у того, кто этот портал создал, и использовал его в своих низменных целях. А все потому, что это все-таки Люцифер. Когда же он покончил со своими делами, то отдал портал священнику, который возомнил себя судьей и палачом. Поначалу жертвами были прихожане, но потом — вся округа целиком. Если кто-то не подчинялся желаниям священника или делал нечто, по его мнению, плохое, он пользовался этим предметом, чтобы навсегда сослать душу в ад.

Ящик продолжал открывать все новые и новые грани, за которыми скрывались ящики поменьше. В конце концов осталась крошечная шкатулочка. Мне туда ни за какие коврижки не поместиться.

— Однако в аду оказывались лишь души. А их хозяева превращались в растения, поскольку человек не может жить без души. — Джеймс подошел к открывшемуся ящику и взял в руки шкатулку. — Священник занимался этим почти два десятилетия, пока несколько храбрых монахов не выяснили, что происходит. Тогда они устроили ему ловушку.

Очень бережно Джеймс положил шкатулочку на раскрытую ладонь и принес мне, чтобы я могла хорошенько ее рассмотреть. Украшенная резьбой и железными замками, шкатулка выглядела хрупкой и одновременно крепкой.

— Прекрасно зная, что с ним произойдет, один человек добровольно вызвался вышвырнуть священника через этот же портал. — Засунув шкатулку в карман плаща, Джеймс взял огромный ключ и бросил его в разведенный в печи огонь. — Легенда гласит, что души или создания, прошедшие сквозь портал, могут вернуться обратно только в том случае, если тот, кто отправил их в ад, лично откроет портал и произнесет их имя.

Взяв кочергу, он стал переворачивать в огне постепенно краснеющий ключ, словно хотел хорошенько прожарить его со всех сторон, а потом подать на ужин. Пока Джеймс и его приспешники замороженно смотрели на желто-оранжевое сияние, я решила, что самое время перекинуться словечком со своим союзником, и кивком позвала его, практически вынуждая себя выдать.

Появившись рядом со мной, призрак притворился, будто хочет поближе посмотреть на огонь, и прошептал:

— Я не могу привести Рейазиэля. Ему нельзя это видеть, пока ты не захочешь, чтобы он

узнал правду, Чарли. Ты и сама многого не знаешь.

В том-то и беда, что я вообще ничего не знала.

— В общем, — продолжал Джеймс, поджаривая ключ на костре, как в каком-нибудь лагере, где народ обычно делится страшными историями, — тот человек отправил священника через портал в ад. Между прочим, не в тот ад, где правит Люцифер. Монахи, никогда не слывшие ни хладнокровными, ни жестокими, обезглавили храброго человека, чтобы он никогда больше не смог снова открыть портал и произнести имя священника.

— Да приди же ты в себя! — прошипел призрак.

— Не могу, — мрачно процедила я сквозь стиснутые зубы.

— Еще как можешь. Прекрати думать и просто вспомни. Чтобы справиться с Кууром, тебе понадобится весь твой арсенал.

— С каким еще Кууром?

Призрак кивнул на Джеймса:

— Он эмиссар из армии Люцифера. Опытный убийца. Нет такого существа в любом из миров, которое не стало бы его жертвой.

— Что ж, имечко у него очень мужественное.

Призрак стиснул зубы. Ну, не каждому дано понять мое чувство юмора.

— Срочно приходи в себя, пока не поздно!

— И что потом? Вряд ли я смогу сражаться со всеми сразу.

Призрак шагнул еще ближе, взял меня за подбородок и приподнял мое лицо.

— Как только ты вспомнишь, кто ты, тебе не придется ни с кем сражаться.

— Получилось! — воскликнул Джеймс, вытащил из огня маленький кусочек металла и повернулся ко мне.

Призрак тут же испарился и появился там, где ему велено было стоять — на другом конце склада. Если Джеймс и заметил его рядом со мной, то его это явно совершенно не беспокоило.

— В бесконечной своей мудрости, — продолжил Джеймс, потому что все происходящее, видимо, было его личным шоу, — монахи создали этот ящик, чтобы скрыть портал и не дать ему попасть в чужие руки. Ящик они похоронили под тысячами слоев грязи и земли и никому никогда не говорили, где именно он находится. Ублюдки.

Я недоверчиво сдвинула брови.

— То есть в этой малюсенькой шкатулочке находится портал в ад?

— Именно так.

— А этот ад, случайно, не для малюсеньких людей? Говорю тебе, я туда точно не помещусь.

— Не переживай, — отозвался Джеймс, понимая мои сомнения. — Человеческий разум ограничивает твои умственные возможности. Зачастую все совсем не так, как кажется смертным. Существуют измерения, где живут создания, которые летают от звезды к звезде и питаются звездной энергией. Есть миры, где камешек размером с твой ноготь может обеспечить всю планету энергией на целую вечность. Есть галактика, где в одном из миров живут древнейшие создания, которые медленно тают и затапливают почву вместе с миллионами живых существ. Ты еще столько не видела! — Джеймс поднял серебряный ключик, который прятался внутри большого железного. — Но в адских измерениях может быть даже весело.

— Сам-то их видел? — спросила я, все сильнее нервничая с каждым ударом сердца. К

сожалению, сердце мое билось слишком часто.

— Это, — Джеймс указал на шкатулку, — не видел. Есть лишь один способ оказаться в мире, куда ты отправишься. И лишь один способ вырваться оттуда.

Он вставил ключик в замок и повернул. С едва слышным вздохом крышка открылась, и над шкатулкой разлилось сияние. Джеймс осторожно достал изнутри красивый круглый кулон. На самом деле это был какой-то медальон, только поверхность его была из чистейшего прозрачного стекла. Внутрь вставили гладкий драгоценный камень, каких я отродясь не видела. Взгляд тут же приклеился к кулону, словно после долго странствия я наконец увидела маяк, который приведет меня домой. Я зачарованно притихла. Куда бы не сместился медальон, мои глаза следовали за ним.

Заметив мою реакцию, Джеймс восторженно рассмеялся:

— Это называется «божественное стекло». Если ты действительно бог, которым являешься, то увидишь несказанные сокровища мира, куда можно попасть только благодаря этому стеклу.

Казалось, он завидует тому, что я вижу. А видела я танцующий свет и искристую воду.

— Так красиво... — пролепетала я. — Как такой мир может быть адом?

— Дорогая моя, есть множество видов ада.

От кулона исходило разноцветное свечение.

— Но зачем меня туда отсылать? Почему бы просто не убить?

— Кто-то невнимательно читал начальное пособие по устройству божественных созданий. Ты — бог, а бога может убить только бог. Но любого из них, — Джеймс поднял указательный палец, — можно поймать в ловушку. А особенно того, кто страдает амнезией и не помнит, что он бог. Однако существуют правила. Некий набор условий, которые нужно соблюсти, чтобы переход состоялся.

— И что это за условия? — спросила я, чтобы заговорить ему зубы.

Все это время я шурилась и кряхтела, пытаюсь остановить время. В конце концов пришлось сдаться. Видимо, мой внутренний регулятор времени приказал долго жить.

— Для начала бог должен принять физическую форму. Какую угодно. Хоть фикус, хоть кенгуру. Затем нужна капля жизненной силы. В твоём случае это кровь. Остается только произнести имя бога — и бог в ловушке навсегда. Пока, разумеется, тот, кто его заточил, не захочет его освободить. Иного выхода оттуда нет.

— А что будет, если ты меня туда засунешь и умрешь?

— Не видать тебе больше мокро латте.

— Тогда там действительно ад. Или даже хуже.

В ответ Джеймс тихо рассмеялся, потом достал носовой платок и принялся полировать стекло.

Я покосила на Джеймса, стараясь не смотреть на кулон.

— Тебе-то, наверное, волноваться не о чем, раз души у тебя нет.

— Неправда. — Он намочил уголок платка слюной с языка и продолжил тереть. — Я разумное существо. У меня есть сущность, нечто вроде ауры, как и у тебя.

— Но ведь человеческой души у тебя нет.

— У тебя тоже, — сказал он, словно огрызнулся. — И слава богу. Человеческие души плохо приспособляются. Их не создавали для того, чтобы выживать в психологических трудностях, которых полно в адских измерениях. Однажды священник вернул душу обратно. Это была юная девушка из французской деревушки неподалеку от того места, где он жил.

Священник влюбился в нее, но отец девушки не дал согласия на брак, объясняя свое решение разницей в возрасте. Священнику было за сорок, а девушке всего двенадцать.

— Фу...

— И тогда священник отправил ее душу в ад.

— Чтобы наказать и ее, и ее отца, — сказала я, догадываясь, как думают такие гады.

— Очень может быть. Однако одержимость хитра и изворотлива. Родственники, конечно же, усердно заботились о ее теле, однако она уже не была той яркой, живой девушкой, в которую когда-то влюбился священник. Не была той, кого он помнил. И впервые в жизни он заново открыл портал и произнес ее имя.

Сгорая от любопытства, я приподнялась на стуле.

— И что произошло?

— Она очнулась дома в собственном теле, но, согласно записям священника, уже не была прежней. Он называл ее берсерком. Скорее всего она знала, что он с ней сделал, и дико визжала всякий раз, когда он оказывался поблизости. — Джеймс наклонился ко мне, и в его голосе зазвучали нотки интриги. — Но благодаря дару, который она обрела в аду, девушка стала очень известной. И дар этот заключался в ясновидении.

— Она стала экстрасенсом?

— И еще каким! Знали ее под множеством имен, но ты наверняка слышала о ней как о Жанне д'Арк.

Я так поразились, что по коже побежали электрические искры.

— Почитай книги по истории. Была причина, почему она отказывалась называть кому бы то ни было свое настоящее имя. — Расправив плечи, Джеймс вдруг добавил: — Ну вот и все. Продолжим?

Он отвернулся отдать шкатулку кому-то из подчиненных, и в тот же момент рядом со мной появился призрак и прошептал мне на ухо:

— Мне очень жаль, милая, но выбора нет. Я должен тебя оставить.

Сердце сжалось от тревоги.

— То есть как это — оставить?

— Приготовься.

И призрак исчез.

Джеймс снова повернулся ко мне, взял кулон обеими руками и щелкнул застежкой. Кулон открылся на его ладонях. И в этот самый момент я потеряла контроль над всеми функциями собственного организма.

— Приготовься, — одними губами повторил призрак с другой стороны склада.

Я его едва видела. Из кулона били ослепительные молнии. Они освещали весь склад и ползли по потолку, оставляя за собой искры и черные следы, как от огня. Я вздрогнула. Налетел обжигающий ветер. Кожа запузырилась от ожогов и покраснела. Пузыри лопались почти мгновенно, и по ним кислотой рассыпался ядовитый песок.

И все же ни молнии, ни горячий ветер, ни кислотный песок, обдиравший мою кожу, меня не волновали. С этим я могла справиться. Тревожило меня кое-что другое.

Приспешники Джеймса одновременно отошли на безопасное расстояние. Все, кроме одного. И у этого одного, ясное дело, в руках оказался нож.

Шум стоял такой, что Джеймсу, который был явно восхищен происходящим, пришлось кричать:

— Ни один человек без дара ясновидения не способен узреть всю эту красоту! Священник никогда не осознавал истинной силы, попавшей ему в руки. — Посмотрев на клубящиеся под потолком тучи, на ослепительные молнии, он рассмеялся. — Даже не представлял, что все будет именно так.

Судя по всему, он не обращал внимания на крики людей из того измерения. А для меня это стало пыткой. Я не просто слышала эти вопли, я их чувствовала. Чувствовала, как рвется плоть и ломаются кости. В воздухе пахло сожженными волосами и гниющими ранами. Во рту стоял привкус крови и свежей желчи. Это место не создавали для человеческих душ. И этих людей не отправляли туда за поступки, которые они совершали при жизни. Все они оказались там потому, что так решил один законченный кретин.

Изо всех сил я вцепилась в стул, и ногти начали обламываться. В меня волнами врезались страдания запертых в аду душ, пока я не начала чувствовать себя комком сплошных оголенных нервов. Я должна, просто обязана освободить всех этих людей!

Я поискала все того же призрака, но в глазах плыло, а мир по краям стал темнеть. Призрак повернулся ко мне, присел, словно собирался выиграть какой забег, и неслышно проговорил:

— Сейчас.

А потом он побежал. Прямо ко мне. И я внезапно поняла, что он задумал. Он хотел перейти. По-моему, сейчас было не самое подходящее время, но призрак продолжал бежать теперь зигзагами, уклоняясь от тех, кто пытался его остановить. Где-то он уворачивался от рук, где-то перепрыгивал через вытянутые ноги, а потом, заглянув мне напоследок в глаза, нырнул прям внутрь меня.

Джеймс уставился на нас, но, судя по всему, был скорее сбит с толку, чем взволнован. А потом воцарилась тишина.

Поначалу я услышала только непрерывный громкий писк и сразу поняла, что ничего хорошего он не предвещает. Я посмотрела на человека в больничной форме, который, сгорбившись, сидел на табуретке. Его плечи тряслись от горя.

Секунду спустя я оказалась у него на руках, и он мне улыбнулся. Несмотря на боль, которую я ощущала с головы до ног, несмотря на чувство страшной утраты, этот мужчина сумел мне улыбнуться.

— Похоже, нас теперь осталось трое, — проговорил он, и на него накатила очередная волна боли, эхом отразившейся во мне.

Этим мужчиной был тот самый призрак. Мой отец. Он пожертвовал нашим будущим общением, только чтобы я смогла, черт возьми, все вспомнить. Чтобы я наконец пришла в себя, чтобы вспомнила, кто я такая. Перед глазами мелькала вся моя жизнь, словно кто-то поставил фильм на быструю перемотку вперед. В одну роковую ночь мой отец потерял жену и обрел дочь. В его воспоминаниях я видела себя его же глазами. Видела, как я росла, какими обладала способностями, сколько сделала добра, помогая ему раскрывать преступления, когда он служил детективом, и садить за решетку всяких козлов. Я видела каждую его ошибку и все то, что он сделал очень, очень правильно.

Он показал мне, как учил меня кататься на велосипеде, притворяясь, будто я еду сама, а

на самом деле он придерживал велосипед за сиденье и бежал рядом, подбадривая меня из всех сил.

Показал, как обнимал меня в тот день, когда я проплакала несколько часов. Мальчик, с которым я дружила, перешел через меня, и я увидела, как его убил отчим. Не просто увидела, но и почувствовала. Еще несколько недель я ощущала боль от кулаков того ужасного человека. От ударов ногами. Вместе с папой мы посадили его за решетку, но тот случай стал важным уроком для моего отца. Он понял, через что мне приходится проходить, когда я помогаю ему с делами. Увидел, что со мной могут сделать чужие воспоминания.

Он показал мне, как часто жалел о том, что женился на женщине, которая, как ни старалась, не смогла меня полюбить. Несмотря ни на что я росла нормальным ребенком. Не идеальным, конечно, но папа бесконечно меня любил.

А потом, в один страшный день, он умер. Его убили. И тогда он впервые увидел ту часть меня, что не имеет с человеком ничего общего. Мой свет его заморозил. Я сияла, будто меня сделали из кристально чистого стекла, чтобы однажды я стала ослепительным маяком надежды.

Ни о чем таком папа даже не подозревал. Знал, конечно, что у меня есть какие-то таланты, но теперь все стало по-другому. Весь мир навсегда для него изменился.

Еще папа впервые по-настоящему тогда разглядел Рейеса. Заметил бесконечную тьму. Страшную угрозу. Но к тому времени уже достаточно знал обо мне и моем мире, чтобы увидеть в Рейесе защитника. Воина, который ради меня готов пожертвовать собственной жизнью. И наконец моего мужа.

А еще, с расстояния в световые годы, папа видел, как родилась Пип.

Пип...

Я замерла и мысленно поставила калейдоскоп воспоминаний на паузу.

Пип. У меня есть ребенок! У нас с Рейесом есть дочь, созданная из звездной пыли, света и тепла. Из-за меня и моего света, из-за того, кто я такая и из чего меня сделали, нам пришлось расстаться с дочерью и отправить ее к хорошим людям. Потому что на нее открыли охоту, и мой свет может привести охотников прямо к ней.

Папа показал мне, как я сломалась, когда увозили Пип. Он был рядом, когда мои силы скопились в один ядерный сгусток, и я, взорвавшись, исчезла, чтобы потом очнуться в Сонной Лощине. Теперь я знала почему.

Эрл Джеймс Уокер, или Куур, отыскал божественное стекло и знал, как им пользоваться. Монахи собирались доплыть до другой стороны мира и сбросить там ящик на дно океана, но их корабли затонули у берегов того, что позже станет огромным городом под названием Нью-Йорк. Не отчаиваясь, монахи спасли ящик и вышли на берег, где долгие часы и дни пытались забраться как можно глубже в леса, но истощение и болезни взяли верх. Целый месяц монахи копали ящику могилу в одном крошечном местечке над рекой Гудзон.

Папа поклялся сделать все, что в его силах, чтобы помочь нам уберечь Пип. До последней секунды оставаясь копом в душе, он тайно пробрался в ряды армии Сатаны и стал по крупницам собирать информацию. И сейчас передавал все, что узнал, мне калейдоскопом красок и образов.

Рейес поручил ему отслеживать эмиссаров, и папа пытался выяснить, где находятся все двенадцать. Но он пожертвовал собой, своей миссией и временем, которое мы могли бы провести вместе, чтобы я все вспомнила, спасла себя, а потом и Пип. Моей дочери суждено уничтожить самого Сатану. И ее, это крошечное создание, эмиссары Люцифера прозвали

Разрушительницей.

А я назвала ее Элвин.

Элвин Александра.

Казалось, мое сердце вот-вот лопнет от переполняющих меня эмоций. Когда Элвин увозили, я не смогла этого вынести. Мы с Рейесом через столько прошли, столько препятствий преодолели, но разлука с дочерью стала последней каплей. Той самой, что привела меня в этот городок и не оставила ни единого воспоминания.

Фильм подошел к концу, а я сидела на том же стуле и постепенно осознавала реальность. Я больше никогда не увижу папу. Он столько для меня сделал, для всех нас, а теперь... его больше нет.

Джеймс недоуменно уставился на меня, не понимая, почему этот призрак ни с того, ни с сего решил перейти, а потом кивнул своим подчиненным. Нехотя они продолжили свое дело, которое заключалось в основном в том, чтобы держать меня за руку, чтобы Джеймс мог добыть мою кровь. Сделать оставалось всего ничего. Капнуть кровью на кулон, произнести имя несчастного, и душа отправится в ад на вечные муки.

Пристально посмотрев на меня, Джеймс решил, что его прихвостни держат меня достаточно крепко и опустил кулон. Один из подчиненных разрезал мне палец. Мгновение спустя я выдернула руку и треснула Джеймса по лицу, расцарапав ему щеку.

— Я сказал, держите ее! — рявкнул он, перекрикивая шум и впервые за весь вечер по-настоящему разозлившись.

Прихвостни вывернули мне руку, а Джеймс выдавил из моего пальца каплю крови на кулон. Стекло полыхнуло молнией, но я даже не шелохнулась.

На лице Джеймса тревога сменилась ликованием. Он поднял медальон к небу и произнес мое имя:

— Эль-Рин-Алитхиа.

Естественно, ему пришлось использовать мое неземное имя. И произнес он его мягко, словно с любовью. А потом стал ждать.

Однако ничего не произошло.

Взглянув на кровь на стекле, Джеймс повторил мое имя, на этот раз громче:

— Эль-Рин-Алитхиа!

И опять ничего не изменилось.

Он потряс кулон, задумчиво осмотрел своих подчиненных, а потом уставился на меня и замер. Что ж, должна признать, он умен. Понял все раньше, чем я ожидала. Джеймс сложил руки, чтобы закрыть медальон, но за долю секунды до этого я успела сказать:

— Куур.

Слава богу, имя у него недлинное. Замочек на медальоне щелкнул, закрываясь, и склад окутало тишиной. Затаив дыхание, Джеймс молча ждал, прекрасно понимая, что, ударив по щеке, я украла у него каплю крови. Именно она попала на кулон вместо моей.

Вдруг послышались глухие удары. Кто-то ломился в металлическую дверь. Потом я услышала громкий треск и краем глаза заметила, как кто-то дерется. Отвести глаза от Куура я не решалась, но даже так рассмотрела стройную, сильную и смертоносную фигуру моего мужа. Чтобы добраться до меня, он ломал шеи пачками. В еще одной короткой потасовке участвовали Ош и три прихвостня. Двоих пытавшихся сбежать прикончил Гаррет.

Зато Куур не мигая смотрел на кулон. Кажется, он уже собирался с облегчением вздохнуть, как вдруг с поверхности выскочила молния и схватила Куура. Тоненькие, как

лапки паука, сияющие усики обхватили существо внутри Джеймса и сжались, как кулак. В этот миг Куур исчез.

Несколько секунд медальон висел в воздухе, а потом упал на пол. Я подхватила его и, чтобы никто не узнал о кулоне, одной разрушительной мыслью развеяла каждого присутствовавшего здесь призрака.

Мы внушки ведьм, что сжечь вы не смогли.

Автор неизвестен

Я упаковала свои скудные пожитки, состоявшие в основном из кучки одежды, тюбика туши для ресниц, блеска для губ и резинок для волос. Особое место здесь было отведено обалденной коллекции ботинок. Даже с амнезией я от ботинок была без ума. Шкатулку я тоже упаковала, но кулон хранила в кармане. С ним мне еще нужно поработать. Я обязательно освобожу все те человеческие души, даже если это будет последнее, что я сделаю в жизни.

Сначала я думала, что тело Йена убрали прихвостни Джеймса, но Рейес, который ни на шаг от меня не отходил с тех самых пор, как вынес меня на руках со склада, сказал, что с этим разобрались он «и парни».

Когда все закончилось, на меня навалилась страшная усталость. По складу были разбросаны тела. Сломав последнюю шею, Рейес отшвырнул в сторону труп и пулей бросился ко мне. Он присел перед стулом, а я заглянула в такие знакомые, родные и до боли красивые глаза моего мужа. Моего прекрасного, удивительного мужа.

— Датч... — прошептал он, осматривая раны на моем лице.

Темные глаза сияли от радости, что я жива и, учитывая обстоятельства, сравнительно здорова. А потом он увидел мою шею, и извечное пламя, горящее вокруг него, медленно и опасно начало расти.

— Что ж, неплохо повеселились, — заметил Ош, который тоже подошел, чтобы собственными глазами увидеть, в каком я состоянии.

За ним пришел и Гаррет, на чьих губах играла озорная ухмылка.

— По-моему, пора тебе придумать новое хобби.

— И желательно такое, — кивнул Ош, — где тебя не будут пытаться убить ни люди, ни сверхъестественные твари.

Я устало рассмеялась. Сил почти не было, но на меня наконец снизошло абсолютное спокойствие. Теперь я знала, кто я такая. Знала, кто все эти люди рядом со мной. Я больше не тонула в океане неопределенности. По крайней мере в том, что касалось моей личности. Взглянув на мужа, я старалась подавить растущую тревогу. К счастью, он ничего не заметил. Взял меня на руки и оставил Оша и Гаррета разбираться с последствиями произошедшего на складе.

Ничего не сказала я и тогда, когда сидела в объятиях Рейеса на заднем сиденье джипа, арендованного Гарретом. Наверное, они придумали какой-то план, потому что оба залезли в машину, и мы поехали ко мне домой.

Рейес не сводил с меня глаз. Длинные пальцы гладили меня по лицу, оставляя за собой ласковые язычки пламени. Это было последнее, что я увидела, перед тем как провалиться в глубокий целительный сон.

Проснувшись резко, в три утра, до сих пор лежа в объятиях мужа. Мы немножко поговорили, а потом долго-долго, по-настоящему долго занимались любовью. Причем так

отчаянно, как никогда. Не знаю почему, но я так и не сказала Рейесу, что все вспомнила. Не хотелось спешить. Не хотелось разрушать момент. Внезапно возникло острое желание еще хоть пару часов побыть никому неизвестной Джейни. Смотреть на Рейеса и заново запоминать каждую черточку лица, каждый изгиб губ, каждую линию скульптурного тела.

Я была готова вернуться домой, но для начала нужно было кое-что сделать. С горем пополам мне удалось убедить Рейеса пойти на работу. Пришлось пообещать, что я скоро загляну в кафе. Спешить нам все равно было некуда. Рейес открыто приставил ко мне Оша, даже не пытаясь скрыть факт слежки, и ушел на работу с такой же охотой, с какой приговоренный поднимается на эшафот. Я с трудом прятала улыбку, а потом начала упаковывать вещи.

Закончив, я устала на свои пожитки. С Мэйбл мы уже попрощались. Соседка взяла себе Сатану и предложила продать мне «фиесту». Сама по себе идея была заманчивой, но ужасно не хотелось сидеть за рулем до самого Альбукерке в штате Нью-Мексико. Все, что у меня было в штате Нью-Йорк, я сложила в коробку, которую поставила у двери, попрощалась с Дензелом и повернулась к Ирме — женщине, все это время провисевшей у меня в углу. Чтобы рассмотреть ее лицо, я прижалась головой к стене и сложила на груди руки.

— Бабуля Лил, — начала я, стараясь не рассмеяться и не разреветься.

Теперь я знала, что она тут делала. У меня в квартире в Альбукерке много лет подряд жил маленький азиатский мужчина, который точно так же парил в углу. На самом деле он оказался чем-то вроде архангела и, когда пришло время, отправился присматривать за Пип. Видимо, бабуля Лил решила на время занять его место. Может быть, хотела, чтобы рядом со мной было что-то знакомое. А может, ее так же опечалило отсутствие Пип, как и всех нас.

Бабушка Лиллиан так и не ответила — играла роль до конца. Тихо рассмеявшись, я крепко ее обняла.

— Со мной уже все в порядке, ба. Мы с тобой можем возвращаться домой.

— Сладкая тыковка! — сказала она наконец и волшебным образом улыбнулась беззубым ртом.

— Прости, что называла тебя Ирмой.

— Еще чего! Мне понравилось. Может, вообще имя навсегда сменю.

Мы еще долго обнимались, а потом я сказала ей, что мы обязательно встретимся в Альбукерке. Бабушка Лил тут же испарилась прямо у меня на глазах, и я приготовилась к тому, чтобы отработать последнюю смену в кафе. Жаль только, что уволиться мне придется на не самой приятной ноте, потому что опаздывала я капитально. Наверняка, когда заявлюсь в кафе, все уже будут там. Клянусь, я им такую смену устрою, что им еще долго не забыть.

Хотелось кричать от счастья и смутных сожалений, но я боялась, что у Дензела останутся обо мне плохие впечатления. Мы провели с ним не одну чудесную ночь. У нашей разлуки наверняка будет горько-сладкий привкус.

За мной попятая шел Ош и насвистывал себе под нос, словно ему плевать на весь мир. По пути я заскочила к другу Безголового Генри и все ему объяснила. Чувак смотрел на меня так, будто это мне головы не хватало, но я его понимала. Пока я говорила, он внутренне успокаивался, словно наконец получил разрешение простить себя за то, чего на самом деле никогда не делал.

Ко входу в кафе прикрепили букет цветов и записку о том, что гриль-бар «У костра» закрывается на два дня по причине похорон. Смерть Шайлы здесь будут помнить еще долго. Все кафе окутала скорбь. Даже те, кто не был близко знаком с этой чудесной девушкой, ощущали горькую утрату.

Я прекрасно понимала, какой у меня вид. Исцеляюсь я быстро, особенно теперь, когда официально состою в ранге бога, но на лице до сих пор были свежие синяки, ушибы и царапины. Поэтому косые взгляды в мою сторону меня несколько не удивили. Войдя в кафе, я сразу помчалась в кухню, где сын самого зла как раз готовил хуэвос ранчерос.

Он застыл, так и не донеся до рта чашку кофе, и с любопытством уставился на меня. От него исходила какая-то гордость в мой адрес, и у меня в груди что-то сжалось.

Что ж, пора.

Взяв подставку Суми, я поставила ее перед Рейесом, поднялась, чтобы мы оказались лицом к лицу, и тихо спросила:

— Опять будешь мне врать?

— Понятия не имел, что уже успел тебе наврать.

С большим трудом мне удалось побороть печальную улыбку.

— Ты женат или нет?

Рейес поставил чашку на стол.

— Женат.

— Ну и как это называется? У вас были проблемы? Ты ее больше не любишь? Вы расстались? Какой ложью ты угостишь меня на этот раз?

— Никакой лжи не будет, — ответил Рейес и шагнул ближе.

В кухню вошла Дикси, и я тут же ощутила от нее тепло, как только она нас увидела. Она все знала. Знала, кто я такая, и наверняка не первый день была посвящена в план, составленный моими чудесными родственничками и друзьями. Должно быть, Рейес все ей рассказал.

Выражение его лица смягчилось. Темный взгляд блуждал по моему лицу с такой любовью, с таким обожанием, что у меня разболелось сердце. Однако, кроме любви, Рейес испытывал какую-то смутную тревогу, и меня осенило: он не знает, о чем я думаю, потому что больше не чувствует мои эмоции. Он не знал, что происходит на самом деле, но подозревал. А может быть, просто надеялся.

— Я любил ее много веков, — проговорил он, — и буду любить, пока не погаснут звезды.

— Ну и ладно, — сказала я и прижалась к его груди. — Ничего другого ты и не должен был говорить.

На секунду он застыл, осознав, что я на самом деле все знаю. Что память ко мне вернулась. В нем вспыхнуло такое облегчение, что я чуть не растаяла. Чувства переполняли Рейеса, но внешне он, как всегда, ничем себя не выдал.

— С возвращением, — тихо сказал он и вытер покатившуюся по моей щеке слезинку.

Я подняла руку и стерла влажную дорожку с его щеки.

А потом вспомнила разговор, который у нас состоялся пару дней назад.

— Ты серьезно думал, что узнав свое неземное имя, я уйду? Что забуду о тебе?

— Ты так и сделала. Ушла и забыла обо мне.

— Но это же совсем другое дело!

— А больно было не меньше.

С этим я поспорить не могла. Рейес обнял меня и так крепко сжал, будто от объятия зависела его жизнь.

— Ты должна рассказать мне все, что с тобой произошло, — сказал он где-то у моего уха.

— Только если мы сможем вернуться домой.

Рейес отпустил меня и улыбнулся:

— Как прикажете, мэм.

В кухне появилась Куки, и, похоже, ей одной было глубоко наплевать на то, что у нас тут с мужем особый момент.

— Где тебя носило? — с порога гаркнула она. — И почему ты выглядишь так, будто по тебе проехал чертов бульдозер?

Отлепившись наконец от Рейеса, я повернулась к подруге. Та уперла кулаки в бока и сверлила меня гневным взглядом. И взгляд был очень даже настоящий, а не какой-нибудь липовый и хиленький.

— Похоже, я познакомилась с твоей подругой Чарли.

— Ты... что? Когда?

— Когда сегодня утром смотрела в зеркало.

Сначала ее пришибло шоком. Потом на его место пришло удивление. Дальше появились сомнения. За ними — надежда. И наконец — тревога. Итого, перед нами пронеслись все пять стадий Куки.

А потом она открыла рот и тихо-тихо прошептала, словно боялась дать волю своим надеждам:

— Чарли?

Я кивнула.

Издав восторженный крик, Куки бросилась ко мне.

Вот примерно так и прошло все утро.

— А знаешь, — сказал Ош, который тоже не преминул заскочить в кафе, — ты могла бы пометить для меня хоть парочку людишек. Я тут конкретно изголодался. Помнишь того урода, который охотился на ребенка Эрин? Я бы на нем несколько месяцев протянул. Но нет же! Ты швырнула его в ад! И что с ним там сделают? Бросят гореть живьем. И никому никакой пользы. Это я просто так говорю, к твоему сведению.

В отличие от Оша, Гаррет моему возвращению радовался чуточку больше. Он стиснул меня в долгих теплых объятиях, пока Рейес не начал рычать. В том, что касалось Йена и остальных трупов, они придерживались строгого правила «молчать и ни о чем не спрашивать». Меня это целиком и полностью устраивало.

Когда пришел мистер Пи, я добавила в объятия чуточку экзорцизма. Мне так и не удалось выяснить, почему демон выбрал именно его и почему решил поспать у него в груди, но главное — я передала мистеру Пи послание от Хелен. Она просила рассказать, как она благодарна ему за сына и вообще за все, что детектив для нее сделал.

— Дело не в доброте душевной, — сказал мистер Пи. — Хелен была замечательным ребенком.

Само собой, она сидела рядом с ним и не на шутку удивилась:

— Он меня знал?

— Она была одной из дочерей моего лучшего друга. Мне никогда не нравилось, как он к ней относился. Думаю, на улице она оказалась именно из-за отца.

— Так и есть, — пролепетала Хелен и, переполненная благодарностью, прижала к груди руку.

— Я всегда думал, что она заслуживает второго шанса.

— Но сыну ее вы точно помогаете по доброте душевной.

— Может быть, отчасти. А еще из любви к ее матери. Хорошая была женщина. Жаль, что рано умерла. Побудь она с Хелен подольше...

— Вот видишь? — Хелен прижалась к мистеру Пи и положила голову ему на плечо. — Говорила же, он самый лучший на свете!

Дикси позвала на нашу смену другую команду официантов, и только сегодня я узнала, что все это время Рейес оплачивал им внеплановый отпуск.

— Он сказал мне, что рано или поздно ты все вспомнишь, а до поры, до времени тебе понадобится работа. Вот он и приплачивал им, чтобы они не лишились места, пока ты не придешь в себя.

Святой ежик! Я буду дико скучать по этой женщине!

— Не знаю, что и сказать, Дикси. Ты так много для меня сделала...

— Чушь собачья! — отмахнулась начальница и крепко меня обняла.

Мы остались в кафе, ели хуэвос ранчерос и болтали обо всем на свете. Мне очень хотелось попрощаться с Льюисом, но я сомневалась, что он придет. Впрочем, Фрэнси с Эрин справлялись и без него. Обе горевали, но Фрэнси казалась какой-то другой. То, что произошло с Шайлой, потрясло ее до глубины души.

Эрин нарисовала маленький рисунок и, отозвав меня в сторонку, подарила его мне. На рисунке был Рейес, и Эрин удалось запечатлеть его с потрясающей точностью. Объятия с ней были одними из самых долгих за весь день.

Льюис все-таки нашел в себе силы прийти. Вид у него был измученный и безутешный. Так бывает, когда глаза краснеют и опухают, а сердце разбивается. Я рассказала ему, что все вспомнила, и, несмотря на горе, он был искренне за меня рад.

— Мне нужно кое-что тебе передать, — начала я. — Шайла сказала мне, что лучшие дни в своей жизни провела с тобой. Она любила тебя всем сердцем и хотела, чтобы ты знал, какой ты замечательный человек.

Льюис опустил голову, и его плечи несколько секунд тряслись, пока он не взял себя в руки. Я обняла его, и он расплакался мне в волосы. Я и не думала возражать, потому что тоже ревела ему в шею.

Когда слез больше не осталось, Льюис резко отстранился и пошел заниматься делом. В какой-то момент его пробовала утешить Фрэнси, но он не обратил на нее ни малейшего внимания, и, по иронии судьбы, это ее буквально раздавило.

— Я никогда его толком не замечала, — сказала она мне, когда я подошла поговорить. — А когда наконец заметила, стало слишком поздно.

— Не торопи его, солнце.

Фрэнси быстренько меня обняла:

— Ты мне всегда нравилась, хотя я редко это показывала.

— Ты тоже всегда мне нравилась.

К этому моменту пришел Боберт, он же — мой родной дядя Боб, и я не смогла сдержаться. Бросилась к нему на шею и от души разревелась. Как он отпросился с работы на целый месяц — уму непостижимо, но всем, что у меня есть, я обязана ему. Именно он сделал так, чтобы я почти каждую секунду находилась под присмотром. Жаль, что в эти секунды не входило время, когда появился Йен, а за ним и Куур. Нам с Дибби предстоит долгий разговор на тему пробелов в его организационных способностях.

— Я скучала по тебе, дядя Боб, — сказала я и по заблестевшим в его глазах слезам поняла, что ему тоже меня не хватало.

Не меньше получаса я висела у него на шее, пока наконец не пришло время возвращаться домой. После очередного забега по обнимашкам и обещания от Рейеса, что мы обязательно заедем в похоронное бюро попрощаться с Шайлой, мы вышли из гриль-бара «У костра».

Забрав коробку с моими пожитками, мы упаковали несколько вещей, которые оставались у Рейеса в номере мотеля и вместе, держась за руки, сели на заднее сиденье взятого напрокат джипа. Казалось, у Рейеса гора с плеч свалилась, и вид у него был очень счастливый.

— Ты что-нибудь слышал? — спросила я, и в уточнениях не было необходимости.

Он пристально посмотрел мне в глаза.

— Только то, что она здорова и счастлива.

Я кивнула. Этого было достаточно. Должно было быть достаточно. По крайней мере сейчас.

Мы выезжали из прекрасного городка под названием Сонная Лощина. Я прижалась к мужу и задумалась, когда рассказать ему о том, что успел узнать папа. И новости эти касались непосредственно Рейеса. Когда-то Люцифер украл божественное стекло не у кого-нибудь, а у самого Иеговы, и воспользовался артефактом, чтобы заключить в ловушку одного бога точно так же, как хотел поступить со мной Джеймс. Только у Люцифера (потому что он Люцифер, разумеется) были скрытые намерения. Он сам жаждал обладать божественной силой. Поймав наконец того бога, он использовал его энергию для создания своего единственного сына, Рейазия. План заключался в том, чтобы рано или поздно завладеть телом Рейеса и с божественной силой в руках бросить вызов Иегове. Так наконец у Люцифера появится шанс завоевать рай.

Когда Михаил приходил меня убить, он заключил с Рейесом сделку на то, что мы вышвырнем с земли всех трех богов Узана, и был крайне доволен договором. А особенно нашим согласием прогнать всех троих. Беда в том, что одного из них Люцифер использовал при создании своего сына. И именно он, Рейзер, Разящий, слыл во всех мирах как самый жестокий, самый неумолимый и самый кровожадный из этой торицы. Его имя говорило больше любых слов, потому что именно этим он занимался. Разил, сокрушал, уничтожал. А я вышла за него замуж.

Я засунула руку в карман и сжала в кулаке божественное стекло. Папа был прав. Может быть, однажды эта штука мне очень пригодится.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Перевод не преследует коммерческих целей и является рекламой бумажных и электронных изданий.

Любое коммерческое использование данного перевода запрещено.

Все права на исходные материалы принадлежат соответствующим организациям и частным лицам.

Примечания

Имя, которое традиционно в США и некоторых других англоязычных странах присваивается неопознанным трупам женского пола либо лицам женского пола, которые не помнят своего имени и не могут быть идентифицированы по ряду причин. В случаях с противоположным полом бытует имя Джон Доу.

Англ. Dutch — нидерландский, голландский язык; жители Нидерландов.

(Исп.) Да боже ж ты мой!

(Исп.) Эй! Послушай!

(Исп.) Придурок, дурак; чувак.

(Исп.) Чувак; старина; неудачник; гад.

(Ит.) Поняла?

«I'll be back» («Я вернусь») — ставшая крылатой фраза Арнольда Шварценеггера из фильма «Терминатор» (1984).

Чикита — (исп. chiquita) малышка, крошка, детка.

(Исп.) Любовь моя.

Традиционный мексиканский суп.

«Don't Fear The Reaper» (в пер. «Не бойтесь ангела смерти») — песня американской рок-группы «Blue Öyster Cult».

Синдром внезапной детской смерти.

(Исп.) Девочка; девушка; барышня.